

Гай Юлий
Орловский

— п'ятає місце відповідно

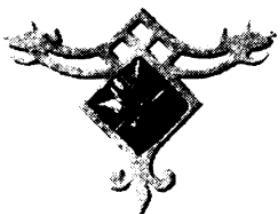
Гай Юлий Орловский

Фантастичн@ АДУ

Длинные Руки —
ирины

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — босс Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бургграф
Ригард Длинные Руки — ланцюрод
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оберлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гауграф
Ригард Длинные Руки — фрейзграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раураф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — гроссфюрст
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — гранд
Ригард Длинные Руки — князь
Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст

Ригард Длинные Руки —
приини

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Фицорд
Длинные Руки —
Ирины

ЭКСМО
Москва
2012

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

О-66 **Орловский Г. Ю.**
 Ричард Длинные Руки — принц : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2012. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-58088-0

Демон, вызванный магом в колдовской пентаграмме, к его изумлению, поклонился не ему, а мне, хотя я лишь наблюдал в сторонке. Здорово, чего скрывать, но беспокойства больше: за мной, их победоносным принцем, гремит сталью рыцарских доспехов войско крестоносцев!

И нет пощады магам, колдунаам, вампирам и прочей нечисти.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-58088-0

© Орловский Г. Ю., 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

Часть первая

Глава 1

Ярко-синее небо, просто пугающе бездонное, под ним свежая зелень холмов и долин, что издали выглядит упавшим с небес огромным куском бархата светло-изумрудного цвета, накрывшим полмира, а дальше астрономически медленно сдвигается огромная тень от крохотного облачка, открывая такой же яркий, радостный мир.

Арбогастр вынес меня на вершину зеленого холма, откуда открылся захватывающий вид на роскошную долину. Среди зелени десятки, если не сотни разноцветных шатров, похожих на дивные цветы, готовые распуститься, у всех задорно остроконечные купола, устремленные к солнцу.

А за лагерем, отделенные зеленою полосой в несколько десятков ярдов, гордо и красиво поднимаются строгие серые стены умело выстроенного города-крепости.

С вершины холма видно, что он обнесен высокой и достаточно толстой стеной со всех сторон, почти ровное кольцо, двенадцать башен, а в самом городе высится множество высоких каменных домов. Дворец герцога в центре, вокруг — площадь с роскошным садом, это как обычно в столицах герцогств и королевств...

Бобик то садился, то вставал и смотрел на меня с недоумением в больших коричневых глазах.

— Вперед, — сказал я наконец, — только не вздумай захватывать Истанвил в одиночку.

В лагере нас заметили, когда мы уже ворвались в его расположение. Знатные рыцари и простые воины одинаково вскидывали закованные в стальные рукавицы кулаки и потрясали над головами, воздух сотрясали ликующие вопли:

— Ричард!

— Ричард с нами!

— Ура Ричарду!

Я щедро улыбался и, красиво откинувшись слегка корпусом, двигал из стороны в сторону над головой ладонью с умеренно растопыренными пальцами.

По ту сторону лагеря с небольшого холма группа военачальников на конях смотрит на высокие стены спокойно и деловито, переговариваются с таким видом, словно обсуждают, что будет на обед, а что лучше оставить на ужин.

Заслышав характерный грохот копыт тяжелого арбогастра, все повернули головы. Будакер, Альбрехт, Растер, Палант, другие знакомые лица, я помахал рукой и сказал громко:

— Без церемоний, мы на войне!.. Что тут нового?

Будакер ответил, все-таки поклонившись чуть-чуть:

— Все новое, первые наши части прибыли сюда только вчера. Сегодня перекрыли все дороги.

— Что с Истанвилом?

— В полной изоляции, — доложил он скромно. — Можно приступать к осаде или штурму, это как изволите, ваше высочество.

Альбрехт коротко усмехнулся, но промолчал. Я молча рассматривал город. Истанвил, как его называют местные, столица герцогства, запер все крепостные ворота, на воротах и стенах, помимо воинов, сейчас торчат жители. Женщины из числа простолюдинок

беснуются особенно яростно, визжат и делают в сторону подступивших войск непристойные жесты, дескать, будем защищать свой город до последней капли крови.

— Где армия Меганвэйла?

— Перекрывает все подходы с северо-запада, — доложил Будакер.

— А та Победоносная, которую вел граф Альбрехт?

— Она, возглавляемая Шварцкопфом, заняла все дороги с северо-запада — муха не пролетит!.. Ну а мы перекрыли все пути со стороны юга.

Я кивнул.

— Прекрасно. И что, истанвилцы в самом деле готовы к осаде?

Он кротко усмехнулся.

— Да, ваше высочество. Стены высокие, а гонцы скачут быстрее, чем двигалась наша армия. Успели, думаю, и воинов из окрестных земель созвать, а еще запастись продовольствием.

— Им же хуже, — буркнул я. — Чем больше народа, тем скорее все пожрут. Пошлите им парламентера... нет, просто гонца с требованием немедленной сдачи на милость победителя.

Он взглянул искоса.

— Сразу вот так?

— Именно, — сказал я. — Выполняйте.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

Я повернул Бобика в сторону лагеря, не удостоив город больше взглядом, хотя, конечно, поразглядывать еще как хочется, но надо вести себя, как положено крупному полководцу, одерживающему победу за победой.

Со мной отправились Палант и Растер, еще я взглядел велел Альбрехту присоединиться к нам — нечего

помалкивать многозначительно, знаем таких помалкивателей.

Довольный, как стадо слонов, Растер ехал стремя в стремя, зычно покрикивал, чтобы дали дорогу, хотя воины узнают меня издали и провожают восторженными воплями до самого шатра на небольшом возвышении в центре лагеря.

У приоткрытого полога, чтобы проветривалось, стоят улыбающиеся Хруерт и Ульман. Этих я послал вперед, остальные подтянутся попозже, — вечная беда правителя, что передвигается намного быстрее своих телохранителей.

— Я не слишком долго? — спросил я и, не дожидаясь ответа, соскочил на землю и снял Лалаэль, вроде бы нечаянно откинув капюшон с ее головы.

Ее волосы засверкали чистейшим золотом. Даже у бедного Паланта отнялся язык, а Лалаэль, пугливо глядя под ноги, торопливо шмыгнула в шатер.

Толстый слой ковров и звериных шкур на полу, широкое ложе, явно учли эту молчаливую эльфийку за моей спиной, длинный стол и три такие же длинные лавки — ничего лишнего, разве что настоящий, хоть и грубо сколоченный трон с высокой спинкой, на самом верху грубо и неумело вырезано нечто страшное геральдическое...

Бобик побегал, все обнюхал и выскочил. Эльфийка зыркнула на нее сводящего с нее взгляда Паланта, села на краешек лавки и опустила голову, снова укрывшись капюшоном.

— Есть новости, ваше высочество, — проговорил Альбрехт очень тихо.

Я насторожился, быстро посмотрел по сторонам.

— Говорите, граф.

Он сказал почти шепотом:

— По вашему указанию всюду собирают сведения

об императоре Карле, но их на удивление мало. Известно только, что никаких особенных военных приготовлений не ведет.

Я кивнул.

— Прекрасно. Хоть и непонятно.

— Еще стало известно, что он ищет пропавшего сына. Странно, что слухи начали распространяться так поздно, а пропал он вроде бы давно, не находите?

Мне показалось, что смотрит чересчур подозрительно, буркнул:

— Продолжайте, граф.

— Сотни лучших следопытов, — сказал он, — и разного рода искателей разошлись во все стороны. Думаю, ваше высочество, там не обошлось без могущественной магии. А вы как думаете?

Я ответил сердито:

— Нет, почему ты так думаешь?

Он пояснил значительно:

— Любого похитителя проследили бы сразу. Где на коне, где на телеге, в каком трактире останавливался пообедать, а если в лесу, то вот пепел от костра, сломанные ветви. Даже дракона бы заметили и проследили!

— Гм, — сказал я, — спасибо за сведения, дорогой граф. Про сына мне неинтересно, а вот что Карл пока не собирает войско... это великое облегчение.

— Ваше высочество...

Я отмахнулся.

— Давайте, граф, без церемоний, когда никого нет.

Он взглядом указал на эльфийку. Я сделал большие глаза, мол, это же вообще женщина, что она понимает, и он, усмехнувшись, вышел.

Я торопливо насоздавал деликатесов, Лалаэль смотрит огромными глазищами (как я люблю, когда так на меня смотрят!), и хотя сейчас таращится на стол, но

это все равно на меня, такого могучего и замечательного.

— Покажи, — сказал я, — что ты не беззубая старуха!.. Нет, ты за столом покажи. А что умеешь кусаться, я уже помню.

Она огрызнулась писклявым голоском:

— Я тебя еще не кусала!

— Ага, — сказал я, — призналась, что собираешься...

Вошел Будакер, остановился у порога.

— Барон? — сказал я.

— Ваше высочество, — ответил он.

— Барон, — сказал я, — какие-то новости по Истанивилу?

— Замечено шевеление, — доложил он. — У городской ратуши собирается народ.

— Почему не у дворца герцога?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Может быть, сэр Утальд скажет?.. Позволите?

Я кивнул.

— Давайте.

Он приоткрыл полог, кивнул, и через минуту вошел ладный подтянутый сотник его армии, поклонился.

— Сэр Утальд, — сказал я.

— Ваше высочество, — произнес он почтительно.

— Сэр Утальд, — сказал я, — барон Будакер называет вас глазами и ушами его победоносного войска. Что нас ждет в этом противостоянии?

Он развел руками.

— На самом деле, ваше высочество, не было времени, чтобы узнать что-то важное. Вот только герцога Блекмора что-то не видно вовсе, а его знамя с башни дворца исчезло прямо перед прибытием наших войск.

А еще говорят, что под их городом есть другой город. И живут в нем не люди.

Я вскинул брови, ожидая разъяснений, а сэр Утальд продолжал жадным голосом:

— Говорят, там внутри все из золота! Посуда, ложки, даже столы и лавки!

Будакер буркнулся:

— До чего же все неудобное... Такую лавку и не сдвинешь.

— А это чтоб не дрались ими, — пояснил Утальд. — Там даже стулья золотые, таким не шарахнешь соседа по голове за то, что тот раньше тебя окорок ухватил. А сколько там драгоценных камней...

Будакер сказал скептически:

— А я бы их и брать не стал. С ними возиться, перепродаивать, обязательно обжулят. Выгреб бы просто все золотые монеты из шкатулок, сундуков, мешков...

Я похлопал ладонью по столу.

— Тихо-тихо! Может, там никакого города нет, а вы уже сокровища выгребаете. А если и есть, то вам те местные... которые не люди, так и дадут взять. Давайте лучше подумаем, как...

За шатром быстро простучали подошвы, в щель просунулась голова Хрурта.

— Ваше высочество, — крикнул он, — из города выходят знатные люди! Целая колонна!..

Я быстро поднялся, а Будакер крикнул сорваным голосом:

— Быстро сюда шелка, бархат... Черт, не успеваем!.. Ладно, задержите их там...

Я торопливо вышел вслед за Хруртом. Рыцари на конях и пешие воины поспешно выстраиваются в две длинные шеренги. Чем ближе к моему шатру, тем выше по титулу и знатнее по роду, а за два десятка ярдов от него только графы, бароны и виконты.

— Ладно, — сказал я недовольно, — ламбертинцы доберутся сюда еще не скоро. Давайте пока пройдемся по лагерю, сделаем вид, что понимаем что-то в этом деле.

Он усмехнулся: обсудить в самом деле есть что, тут же заговорил о выдвижении легкой кавалерии на границы герцогства, да не воспользуется никто из соседей, чтобы отхватить кусок...

Мы сделали полный круг, когда за нами прибежал гонец и сообщил, что его высочество уже ждут...

Трон за это время укрыли настеленными красными, пурпурными и багряными шелками и бархатом. Не только сиденье и на подлокотники, но укрывают даже высокую спинку, где хищно растопырил крылья неведомый зверь.

От трона теперь протянута дорожка из красного бархата на пять ярдов, придавая особую торжественность моменту.

Я опустился на трон и начал ждать. Барабанщики по сигналу пробили дробь, а затем простучали нечто парадно-возвышенное, но когда вельможи Истанвила подошли к краю дорожки, разом подняли палочки и застыли в ожидании.

Лорды столицы, как я заметил, при всей обязательной невозмутимости то и дело бросают острые взгляды по сторонам. В диковину, как понимаю, и ровный строй солдат с копьями, острия смотрят в небо, и ни одно не колыхнется, и этот странный музыкальный инструмент, в самом деле так подходящий для войны...

И еще весьма странно, рядом со мной сидит на простом стуле, но с высокой спинкой, самое удивительное существо, какое они могли только представить: с копной пышных волос из настоящего золота, что роскошно падают на плечи и спину, но не скрывают кончиков торчащих ушей, нежно-розовых, как леденцы. Никто

никогда не видел таких крупных и чуточку удлиненных к вискам глаз, наполненных чистейшей голубизной, которую наполовину скрывают длинные пушистые и загнутые ресницы.

Лалаэль сидит царственно, только я знаю, насколько жутко этой мышке в обществе множества больших и страшных людей, а я откинулся на спинку трона, руки возложил на широкие подлокотники (нужно выглядеть властным, надменным и жестоким), но Растер подал мне меч и показал взглядом, что это уместнее.

Я упер острие в покрывающий пол бархат и смотрел прямо и непреклонно. Их пятеро, во главе упитанный вельможа в камзоле из темной ткани, однако весь в золотых нитях шитья, толстая золотая цепь свисает на грудь и держит тяжелую двенадцатиконечную звезду размером с блюдце.

При всей его дородности и заметно выпирающем животе, лицо узкое и странно худое, желтое, под глазами темные мешки в три ряда.

Рядом с ним, чуть отступив на шаг, граф Дэниэл Чарльз, лорд Кандорска и Святой Пустоши, а также он еще и глава заговорщиков, обещавших отстранить герцога от власти.

Остальные, на мой взгляд, просто знатные вельможи, не чувствуя, чтобы чем-то выделялись, весомы только знатностью рода, связями и близостью ко двору.

Сэр Ульрих поглядывает на меня как-то странно, иногда бросает беглый взгляд на графа Дэниэла Чарльза, так подло предавшего своего господина...

Я кивком подозвал его и сказал вполголоса:

— Ульрих, мне было видение от Самого, я должен быть гуманистом и соблюдать базовые либеральные ценности, увы. Это значит — простить графа, который

почему-то больше радеет о стране, чем о предавшем страну человеке на троне.

— Ой, — сказал Ульрих устрашенно, — я бы, наверное, умер от одного только появления ангела!

— Я не такой уж большой грешник, — сказал я кратко и перекрестился, возведя очи горе. — К тому же ко мне ангелы и так постоянно слетаются, как гуси, со всякой ерундой... Так что примите графа, это необходимый кирпичик в стене, что укрепляет наши силы!

Он поклонился, а я перевел вопрошающий взгляд на прибывшую делегацию. Старший поклонился с достоинством и замер, глядя на меня с ожиданием.

— Лорды, — проговорил я холодно.

— Ваше высочество, — ответил узкодолый. — Я лорд Джонатан Гилфорд, Хранитель Большой Печати, это вот лорд Унгвуд Маутбеттен, он занимался канцелярией герцога Блекмора; лорд Камберлендский — старший конюший; граф Дэниэл Чарльз отвечает за военные силы, а это Лизен Баттенберг — мой помощник.

Я кивнул.

— И что привело вас к нам?

— Это наш город, — ответил лорд Гилфорд сдержанно, — и даже герцогство. Это вас что-то привело к нам.

Я задержал дыхание и напрягся, стараясь, чтобы лицо начало багроветь, а голос получился слегка хриплым, будто вот-вот задохнусь от ярости, как злой пес, что старается сорваться с цепи и перекусать всех на свете:

— Вы знаете, что меня привело!.. Ваш герцог подло и бесчестно схватил мою законную супругу и бросил ее в темницу!.. Это неслыханно, все короли, что услышали, предложили мне помочь!.. В моей армии сейчас войска и Шателлена... взгляните вон на тех лордов!

Глава 2

Барон Джижес Крейст, дядя герцога Мидля, выпрямился еще больше и злобно оскалился, граф Уильям Ланкашер тоже показал зубы в волчьей ухмылке, барон Томлинсон, властелин земель Беркли, с укором покачал головой, а виконт Кэвин Майлс вообще смотрит с недоумением: а почему бы этих пособников герцога не повесить за злодеяния их сюзерена?

Они стоят хоть и под своими родовыми знаменами, но с ними и общее знамя Шателлена, что должно было быть заметным еще со стен крепости.

Лорд Гилфорд вздрогнул и повернул голову ко мне.

— Мы не знаем мотивы поступков герцога, — произнес он осторожно, — нас больше беспокоит...

Я прервал надменно:

— Разве это не умаление моего достоинства, что на переговоры вышел лорд Гилфорд, а не герцог Блекмор?..

Лорд поклонился, я почти услышал, как хрустят позвонки его закостенелого хребта.

— Ваше высочество, — произнес он тихо, — его светлость герцог Эсмунд Блекмор срочно отбыл из города.

Я надулся, слушая удивленный, а затем и гневный ропот своих лордов, выждал и сказал громко, наливаясь державным гневом:

— Куда?.. Почему?.. Разве не долг сюзерена защищать свой столповый град?..

Он ответил так же тихо:

— Подданные не могут обсуждать действия его светлости.

— Прекрасно, — ответил я с тяжелым сарказмом. — Очень послушный народ у герцога!.. И что же, он передал вам полномочия?

Он покачал головой.

— Нет, ваше высочество. Но, как лорд-хранитель Большой Печати, я просто обязан...

Я поднялся во весь рост, раздулся, как морской еж, что пугает этим обитателей дна, когда сам перепутан до полусмерти, и сказал громко, едва-едва не срываясь в праведном гневе, все видят, на державный крик:

— Как оставшиеся на месте представители исполнительной власти, вы прикажете немедленно открыть городские ворота!

Он вздрогнул, побледнел, остальные из его делегации склонили головы и не поднимают в страхе, но лорд Гилфорд нашел в себе силы проговорить с трудом:

— У меня нет полномочий сдавать Истанвил.

Я прорычал:

— Вы собираетесь сражаться?

Он поклонился и ответил дрожащим голосом:

— Ваше высочество... это наш долг.

— Долг, — сказал я с тяжелым сарказмом. — Долг защищать город против трех армий?.. Когда нет надежды, что придет помощь?

Он взглянул мне в глаза прямо и бестрепетно:

— Да, мы погибнем, ваше высочество. Но мы исполним свой долг. И нашим детям не будет стыдно за своих родителей, защищавших родной город до последней капли крови.

Я уловил, что на посланцев начинают поглядывать с сочувствием, такие нравятся всем, мне тоже, люди чести — это люди чести.

— Хорошо сказано, — проговорил я зловеще, — но давайте и я кое-что скажу. Людьми я дорожу, как своими, так и вашими. Потому две армии сейчас блокируют все замки и крепости в герцогстве, так что никто к вам не явится на помощь, а третья — перекрыла всеходы-выходы из вашей столицы. Сегодня вы можете от-

крыть все ворота и сдать ее на мою милость, и ни один житель города не пострадает...

Он поинтересовался кротко, но с прежней твердостью, хотя я вроде бы уловил в его тихом голосе некоторую неуверенность:

— А если не сдадим?

— Завтра заплатите тысячу золотых монет, — сказал я, — это всего лишь оплата армии, что осаждает столицу. Послезавтра заплатите уже две тысячи. Это плата за ваше возможное упрямство. Если же не захотите открывать ворота и дальше... что ж, вам придется за каждый последующий день уже платить сперва по три тысячи, потом по четыре...

Он спросил почти язвительно:

— Позвольте поинтересоваться, почему такие суммы?

— Потому что я буду рассержен, — пояснил я.

— Но если наступит такой день, — спросил он, — когда сумма станет... невыплачиваемой?

Все затихли и ждали моего ответа. Я ответил спокойно и даже равнодушно:

— Я разрушу город. Не оставлю ни единого здания целым. Всех мужчин предам мечу, а женщин выгоню, пусть уходят в другие места. На месте Истанвила будет пустошь, имя его будет проклято, как и тех дураков, что допустили такое.

Он отшатнулся.

— Что? Это... это невозможно!

— Почему? — спросил я.

— Это же дикость!

— Это результативность, — сказал я холодно. — Сколько в Истанвиле жителей? Вряд ли больше десяти тысяч. Я гораздо больше людей потеряю, своих и ваших, если начну завоевывать все герцогство силой. А так, представьте себе, ужасная весть распространяет-

ся, подобно кругам после брошенного в тихий пруд камня... и что дальше?

Он, бледный как смерть, спросил дрожащим голосом:

— И... что... дальше?

— Города наперебой сдаются, — сказал я. — Распахивают ворота и стелят в воротах красные дорожки из лучшего шелка. И нет больше убитых. Нет даже раненых! Ни моих, ни ваших. Вам не кажется, что это совсем небольшая цена за один разрушенный город? Даже крохотная? Остальные получу практически даром.

Он смотрел на меня и, я видел, не знает что сказать, а я изогнул губы в зловещей улыбке победителя, которому только дай повод, чтобы убивать, истязать и разрушать.

Альбрехт кашлянул, взглянул на меня с вопросом в очень серьезных глазах.

Я буркнул:

— Говорите, граф.

Он поклонился, заговорил очень мягко, словно гладил большую толстую и разнеженную кошку:

— Может быть, нашим дорогим гостям организовать прогулку в южную часть нашего лагеря, где расположились тролли?.. Это ударная сила нашей армии. Они первыми ворвутся в пролом, а по праву войны им и отдадим город на трое суток в полную власть...

Лорд Гилфорд и все истанилцы быстро и страшно бледнели. Один из вельмож вообще пошатнулся, лицо стало зеленым. Его поддерживали со всех сторон, не давая позорно грохнуться на землю.

Лорд Гилфорд проглотил ком в горле, во взгляде впервые пропал панический ужас.

— Мне нужно переговорить со старшинами города, — проговорил он бледным голосом.

Я милостиво наклонил голову.

— Поговорите. Но запомните: не будут ваши дети и внуки говорить о вашей достойной гибели! Когда в ваши дома ворвутся мои люди, там будут уничтожены все до единого. Даже слуги, а уж ваши отпрыски — в первую очередь... Все, идите!

Они поклонились, отступили, а я замер в державной позе и смотрел поверх их голов, пока они все не скрылись из виду.

Растер довольно и хищно улыбался, как волк размером с носорога, затем бросил беглый взгляд на замершую эльфийку, пренебрежительно фыркнул и вышел.

Альбрехт подошел к пологу и опустил его, оставшись внутри, повернулся ко мне, лицо все такое же спокойно-невозмутимое, однако в глазах промелькнуло нечто, что мне совсем не понравилось.

Я кивнул эльфийке — можешь, дескать, больше не изображать, она тут же слезла и села рядом с Бобиком.

Альбрехт встретил мой прямой взгляд с той же напороженностью в глазах.

Я спросил сердито:

— Ну, что?

Он развел руками и проговорил с непривычной для него неуверенностью в лице и голосе, но, как мне показалось, нарочитой:

— А что... если бы столица не сдалась?

Я пожал плечами.

— Непонятно?

— Нет, — ответил он. Я посмотрел и ощущил, что он в самом деле не уверен, как бы я поступил. — Абсолютно.

Я поморщился.

— Граф, ну что вы, в самом деле... Конечно же, это был блеф. Но чертовски хороший, не находите?

Он кивнул.

— Даже слишком. Я поверил, и, думаю... не зря.

Я насторожился, посмотрел в его строгое и подчеркнуто бесстрастное лицо.

— Что вы хотите сказать, граф?

— Что вы в самом деле готовы такое совершить, — проговорил он медленно. Глаза его продолжали всматриваться в меня с прежней интенсивностью. — А это точно... был блеф?

Я крикнул зло:

— Точно-точно!.. Думаете, я в самом деле способен на такое? Кстати, спасибо за очень уместное упоминание о троллях.

Он медленно кивнул.

— Думаю, вы бы так и поступили?

Я едва не сплюнул.

— Граф!

— Может быть, — проговорил он задумчиво, — не сейчас... Но вы говорили очень серьезно и убедительно. Очень. Если даже я поверил...

— Всего лишь блеф, — сказал я внятно. — Все, граф, а то меня это начинает несколько... удивлять. Я имею в виду, что вы перестаете меня понимать! Это была всего лишь маска!

Он кивнул и отступил.

— Да-да, маска. Только смотрите, чтобы не приросла.

Он чуть поклонился и вышел. Полог за ним давно опустился, но я продолжал смотреть вслед злому чувствовал, как сильно и тревожно бьется сердце. Барон, тьфу, граф либо перестает меня понимать, либо продолжает понимать даже лучше, чем я себя сам. Все-таки, когда предъявлял ультиматум, я говорил совершенно искренне, хотя и врал.

А сейчас сижу один, если не считать Бобика и эльфяшку, и холодный страх начинает проникать во внутренности, где овеществляется в тяжелую льдину.

Все, что я говорил, правда. Если со звериной жестокостью уничтожить сопротивляющийся город, остальные наверняка сдадутся. И я это говорил очень убежденно.

«Переговорить со старейшинами города» — это лишь для спасения гордости и чести, это понимали и мы, и сами истанвилцы понимали, что мы понимаем. В той мере, в какой это возможно в данном случае.

Через несколько часов городские ворота распахнулись, оттуда выехала на довольно мелких конях большая группа вельмож.

Палант закричал:

— Охрана!.. Подготовиться!

— Они без оружия, — сказал я. — И, как я вижу, из прежнего состава только лорд Гилфорд и граф Чарльз. Остальные предпочли увильнуть.

— Может быть, — сказал Палант нерешительно, — помурлыжить их в ожидании? Дескать, наш лорд оты хаеет или в кости играет с эльфийкой?..

Альбрехт фыркнул:

— Тогда уж с троллями, что пришли с сэром Раствром! Это звучит страшнее. Пусть потрясутся, что вы все-таки решили разграбить город...

Я отмахнулся.

— Победители не должны быть мелочными. Я приму их прямо сейчас.

Альбрехт промолчал, а Палант крикнул весело и звонко:

— Подготовить трон!.. Выстроить солдат!.. Лорды...

Они приблизились под бодрую дробь моих барабанов, все с белыми флагами, с лордом Гилфордом все так же четверо, эти все намного ниже рангом, видно по одежде, знатные постарались не участвовать в позорной сдаче города без боя.

Лорд Гилфорд приблизился, в руке кольцо размечом с обруч десятиведерной бочки, десяток ключей каждый в десять дюймов длины, преклонил колено, поклонился и так пребывал довольно долго, словно не мог поднять голову и сказать то, что не позволяют гордость и честь рода.

Я ждал, хотя среди моих лордов пошел недовольный говор, наконец Гилфорд вскинул голову.

В лице его читались боль и страдание, а когда заговорил, мы все ощутили, как дрожит от сдерживаемых слез голос:

— Ваше высочество, вы одержали победу.

Я наклонил голову.

— Благодарю за признание.

— Я обращаюсь к вам, — сказал он вздрагивающим голосом, — как представитель Истанвила... и сообщаю, что вот ключи этого великого города, что передаю вам.

Он протянул связку, рука заметно дрожит, а лицо подергивается, лорд Гилфорд уже с трудом удерживается от рыданий.

Я не шелохнулся, но граф Альбрехт приблизился, взял ключи и сказал с холодной вежливостью:

— Лорд.

Когда он отошел и встал рядом с моим креслом, Гилфорд продолжил тем же рвущим душу голосом:

— Ваше высочество, я прошу вас быть милостивым к жителям, а также к тем, кто защищал город, и позволить им покинуть его без оружия и с тем имуществом, что унесут на себе.

— Позволяю, — ответил я как можно равнодушнее, но тут же добавил: — Хотя зачем? Мы никуда не уходим, пока не будет возвращена моя дражайшая супруга Ротильда Дрогонская, королева Мезины!.. А герцог Блекмор должен быть сперва наказан по всей строго-

сти рыцарского суда. Жителям абсолютно ничего не грозит. Грабежей не будет, это обещаю. В город вообще не будут входить войска... так, во избежание. За исключением, конечно, людей благородного сословия.

Он поклонился, на лице простило огромное облегчение.

— Благодарю, ваше высочество, от всех жителей города.

Я кивнул.

— Идите. Вы убедитесь, что с нами можно иметь дело.

Когда они ушли, Альбрехт повернулся, взглянул на меня в упор.

— Надеюсь, вам не приходит сумасбродная идея побывать в Истанвиле... а то и поселиться во дворце?

Я проговорил задумчиво:

— А почему бы и нет?

Он фыркнул.

— Дворец любого правителя напичкан ловушками, которые бездействуют в нужное время... и могут сработать в остальное. Думаю, герцог, как бы спешно ни покидал дворец, мог оставить много пакостей для захватчиков.

— И что вы предлагаете?

Он чуть откинулся, чтобы посмотреть на меня свысока, что при его росте вообще-то задача непростая.

— Разумеется, оставаться в этом шатре, что и не шатер, а дворец!.. Уже и трон тут, с ума сойти...

Я вздохнул, посмотрел на притихшую эльфийку, покачал головой.

— Власть нужно не только захватить, дорогой друг!

Важнее показать, что держу ее вот так!

Он покосился на мой сжатый кулак.

— Вижу. Не передушите всех.

— А кто будет платить налоги? — спросил я. — По-

тому всех телохранителей во дворец, а также монахов и алхимиков. Сутки на подготовку, проверку и обезвреживание, а завтра гордо воссяду там и...

— Что?

— Узнаете, — ответил я загадочно, — дорогой мой придирчивый соратник!

Как я и обещал, в город вошли только рыцари, а все три армии не просто остались за вратами, а даже расредоточились, небольшими отрядами начали распределяться по дорогам, взяли под охрану мосты и перевправы.

Все герцогство не успело и опомниться, собраться для отпора, как оказалось расчленено клиньями вторгнувшихся войск. По моему указанию любое сопротивление подавляли сразу, в зародыше, ибо лучше сразу пролить малую кровь, чем чуть позже — большую, в том числе и свою.

Дворец герцога, к счастью, хорошо укреплен сам по себе, а еще высокая ограда вокруг обширного сада, что лишь называется садом, а так там лишь клумбы с цветами и низкорослый декоративный кустарник — нечего и думать, чтобы спрятаться.

Сперва, как и водится, вошли священники, очистили молитвами и святостью, затем поработали черно книжники, вежливо называемые алхимиками, и последними пришли мои телохранители, что все перешупали, перетрогали, подвигали мебель и попрыгали на ложе, где спал герцог и где наверняка лягу я.

Герцог то ли был человеком со вкусом, то ли это сделали до него, но дворец в самом деле хороший, а апартаменты, оборудованные для него лично, поражают роскошью и хорошей отделкой, где все на месте и ничего лишнего, хотя золотых вещей, статуй и картин вообще-то в каждом из залов десятки.

Лалаэль пугливо обходила статуи громадных рыцарей, шарагалась от оскаленных морд медведей и ве-прей, что смотрят со всех стен, наконец, совсем притихшая, присела в личных покоях герцога за стол и сказала жалобно:

— Неужели вы в таком ужасе живете?

Я сказал бодро:

— И в аду, когда обживешься, так совсем ничего!.. Не трусь, тебе здесь понравится. Смотри, как тихо, мирно и безопасно. В коридоре, можешь выглянуть, самые сильные и отважные воины, что охраняют нас с тобой!

— Тут даже стены страшные, — сказала она сердито. — Они же из камня, можешь себе представить?

— Правда? — спросил я пораженно. — Ух ты, в самом деле... Надо же! Ладно, привыкнем.

Глава 3

В одном, правда, мое обещание пришлось нарушить: в помощь городской страже я велел патрулировать улицы и нашим орлам, но рыцари скорее умрут, чем будут заниматься такой работой, потому около тысячи тяжеловооруженных пехотинцев было поручено блюсти мирный сон города.

С другой стороны, никакого нарушения, я обещал, что простые воины не войдут в город, имея в виду для развлечений, драк и грабежа, а вот так — это просто единицы по поддержанию правопорядка.

В Истанвиле, как и в любом другом крупном городе, всегда существуют преступники. В такое время во-ришки и грабители ожилаются, что для меня весьма кстати.

На другой день, когда мы с Альбрехтом намечали планы насчет будущего герцогства, Раster ввалился,

тяжелый, как вставший на задние лапы носорог в доспехах, перепугав эльфийку, и с удовлетворением доложил, что наши поймали воришек даже больше, чем городская стража.

— Прекрасно, — сказал я. — Просто прекрасно! Всех повесить на городской площади. Если не поместятся на старой виселице, срочно поставить новую, покрасивше.

Альбрехт тяжело вздохнул, поморщился. Раster посмотрел на него, потом на меня исподлобья.

— Сэр Ричард?

— Мы за прогресс и культуру, — объяснил я, — так что вешать придется много. И часто.

Он хмыкнул.

— Ну, если за культуру... А что графу не так?

Альбрехт снова скривился, я сказал презрительно:

— А он этот... интеллигент...

Альбрехт буркнул:

— Стоит ли показывать нас такими жестокими?

— Нужно, — подчеркнул я. — Обязательно. Во-первых, простой народ просто обожает, когда вешают, а не сажают. Когда повесили, всем понятно — больше воровать не будет. Все четко и понятно. Народ любит четкость. Кроме того, мне нужно выглядеть не просто строгим отцом народа, но еще и хотя бы на несколько дней просто кровавым деспотом, которому словаоперек не скажи.

Раster смолчал, но Альбрехт переспросил:

— Кровавым деспотом? Зачем?

— Кровавых деспотов, — объяснил я, — народ все равно любит и уважает. Почему — не знаю. Сперва я думал, что тиран на троне обычно душит лордов, а народ злорадствует, но вспомнил, что тех, кто душил точно так же и простых... и все равно и чтут, и славят.

Раster сказал:

— Так я пойду распоряжусь. Вы правы, сэр Ричард, город надо чистить. И вообще все страны.

Альбрехт подождал, когда за ним захлопнулась дверь, спросил с подозрением:

— Так зачем?

— Кое-что подготовил, — ответил я туманно, — а пока, дорогой Альбрехт, ввиду того, что вы быстрее всех находите общий язык с туземным населением, подберите из них хотя бы с полдюжины лордов, что коронуют меня.

Он охнул, отшатнулся, но затем так широко заулыбался, что это уже и не Альбрехт, а какой-то подменыш.

— Ого, наконец-то!

— Эрцпринцем, — договорил я. — Или... принцем. Пока думаю, еще не решил. Вопрос же важный, как думаете?

Он скривился, словно вместо вина хлебнул крепкого уксуса.

— Кем-кем?

— Что-нить принцевое, — ответил я. — Думаю, это-го будет вполне весьма.

— Как скажете, ваше высочество, — ответил он с ехидной смиренностью. — Но... что-то случилось? Раньше вы не проявляли такого влюбленного пыла. А тут вдруг сами возжелали титул повыше, мантию по-горностаивее...

— Надо, — отрубил я. — Ветер времени. И зов эпохи.

— Но мы можем, — предложил он, — и сами вас это... нет-нет, что вы так глазками! Я имел в виду коронацию. Три армии!.. Не только эрцпринцем, но даже... да кем восхотите!

— Местные тоже должны участвовать, — пояснил я. — Во-первых, любой принц повыше их герцога, а

во-вторых... Кстати, а почему тут только герцоги, а никто никогда не объявлял себя королем?

— Какое-то заклятие, — ответил он равнодушно, — или проклятие, не помню. Слышал давно и краем уха. Так что во-вторых?

Я сказал мстительно:

— Узнаете после коронации.

Дворец герцога строился и совершенствовался, как заметно невооруженным глазом, на протяжении многих поколений. Так обычно и бывает, жизнь идет неторопливо, соборы вообще строятся по несколько веков. Эту неторопливую поступь я видел не только в некоторых деталях архитектуры, но больше чувствовал по уюту.

В то время как в большинстве королевских дворцов гуляют сквозняки, а зимой жизнь сосредотачивается в двух-трех комнатах, которые легче отапливать, здесь во всем громаднейшем здании с десятками залов и сотней комнат всегда тепло и сухо, а магический свет медленно загорается с наступлением сумерек и ярко горит всю ночь.

В первую же ночь я обнаружил свечи только в спальне, здесь освещать или не освещать — твое дело.

Интересно, что в верхних этажах, куда должен был подниматься прогретый воздух снизу, он такой же и по свежести и чистоте, как и на первом, что значит, многие поколения что-то да добавляли к уюту.

Эльфийка ходила за мной, как цыпленок за мамой, всему изумлялась, но сама страшилась заглянуть даже в приоткрытую дверь.

— Ты, — повторял я настойчиво, — здесь хозяйка. Не гостья, а хозяйка. Даже когда я уеду, на тебя будут смотреть и наши, и местные, как на светлого ангела, и радоваться, что у них такое дивное существо...

Она вскрикнула, не слушая:

— Ты уедешь?

— Ну а как же? — сказал я досадливо. — Мужчины всегда уезжают по делам. Потом возвращаются с монетами на плечах. Я уеду, потом вернусь, потом снова уеду... поняла?

— Не поняла, — сказала она отчаянным голосом. — Зачем тебе уезжать?

— Потому что я человек, — объяснил я. — А это такая птица без перьев и с плоскими ногами. Вы, эльфы, сидите в своих гнездах, неважно — в лесу или в прекрасных горных дворах, а мы, люди, постоянно что-то ищем на просторах и всегда забираемся все дальше и глубже... Так что принимай этот мир таким, какой есть, ты сама решилась заменить Мухтара.

— Мухтаэля!

— Ах да, Мухтаэля. Не упади, здесь ступенька...

За нами неотступно ходит охрана, прежнюю стражу дворца, как внешнюю, так и внутреннюю, Альбрехт сменил сразу же, поставив везде армландцев, эти так горды своим лордом, что их ничем не подкупить.

Пришлось заодно убрать и всех слуг, вместо них худо-бедно управлялись сами солдаты, но с другого дня набрали уже из местных, что счастливы из бедноты сразу скакнуть во дворец и будут держаться за свои хлебные места когтями и зубами.

Еще в первые же минуты пребывания во дворце, когда на входе только стражи, крепкие ребята с копьями в руках, а еще и видимый мне в тепловом спектре незримник, что просматривает всех входящих, как догадываюсь, с помощью всех амулетов, свисающих с него целыми гирляндами, я остановился и развернулся к сопровождающим меня лордам и военачальникам.

— Не будем тянуть, — сказал я громко, — собрать наших лордов и пригласить — именно пригласить! —

графа Чарльза и тех истанвилцев, кто не захочет пропустить зрелище, о котором можно будет рассказывать внукам.

— Ваше высочество?

— Коронацию, — объяснил я, — а также кое-что еще.

Альбрехт бросил на меня быстрый взгляд, но промолчал, хотя упоминание о сюрпризе не дает ему покоя. Хотя бы тем, что раньше от него тайн не было. Ну, так он считает, наивный.

Полдня я провел снова в лагере, встретился с главнокомандующими: Меганвэйлом, Шварцкопфом и Будакером, пригласил их на коронацию, войска велел теперь рассредоточить по герцогству, особенно обращая внимание на крепости и большие замки, где могут скапливаться вооруженные отряды все еще противника.

— Нас столько, — объяснил я, — что мы в состоянии перекрыть все дороги и даже тропинки. После коронации нужно побывать с недельку в полной боевой готовности, а потом можно будет и вложить мечи в ножны.

Меганвэйл, очень довольный великолепной воинской операцией, когда сражений практически нет, а захватываем богатые города и крепости бескровно, спросил беспечно:

— А что может случиться после коронации?

— Могут быть недовольные, — ответил я уклончиво.

— Вряд ли, — ответил он с той же несвойственной для него легкостью, — вы все предусматриваете!

Он и явившиеся с ним на встречу со своим лордом, которого они настойчиво выдвигали в короли Варт Генца: Арнубернуз, Фрондин, Буркгарт, Хельмут, Габрилас, Елиастер, Фитцуильям — все смотрят так, слов-

но у меня все решено на сто лет вперед и все камешки с дороги я уже убрал.

После ожесточенной войны с Турнедо, когда бои шли тяжелые, а получили в результате так мало, в то время как армландцы под моим руководством зацепали даже столицу, все теперь снова убедились, что под знаменем такого хитрого лиса можно малыми усилиями получать очень много.

Города, к которым подходили наши войска, поспешно откупались богатыми дарами и выплачивали золотом содержание оккупантов, выговаривая только одно: в города входят лишь военачальники, а простые солдаты, что могут разнести город и устроить резню, остаются в лагерях.

Дары пересыпали мне, я благодарил и щедро распределял их среди высшего состава лордов, что вызывало их непрекращающийся восторг.

Собственно, я старался, полюбовавшись золотыми кубками и всякими изделиями из серебра и золота, возвращать тем же, кто их прислал мне. Так и справедливее, и меньше будет желание что-то утаить от дежея.

Простые солдаты тоже в восторге: не война, а прогулка, а то время как жалованье получают в удвоенном размере, будто каждый день сражения.

Вернулся я поздно, а когда поднялся на этаж и прошел по узкому коридору, где так хорошо держать оборону, там уже расположились гиганты в доспехах гномьей работы: розовощекий великан Умальд, Йомильд, Динальд, Лионель, Хруерт и Ульман, а распоряжается всеми сэр Переальд, указывает, кому где стоять, распределяет очередность дежурства и отдыха.

- Ваше высочество...
- Ваше высочество...
- Ваше высочество...

Я повернулся к ним и сказал сердито:

— Для вас, морды, я сэр Ричард!.. Хруерт, Ульман, вам не стыдно? Мы же друзья еще с Амальфи, когда я был безбаннерным!

Они заулыбались виновато, а Переальд развел руками:

— Сэр Ричард, все верно, однако...

— Что?

— Не мешает, — ответил он с улыбкой, — проверять... не изменилось ли что?

— Ну-у...

— Ладно-ладно, — сказал я, — кстати, что-то сэр Растер давно не попадался на глаза. Передайте, что жду у себя. Ах да, еще и сэра Паланта!

Едва я переступил порог, из кресла подхватилась Лалаэль, я не успел хрюкнуть, как это пищащее небесно чистое существо оказалось у меня на груди в прямом смысле, то есть и задние лапки поджала, повиснув, как на дереве.

— Ты что так долго?

Я изумился:

— Долго? Так для эльфов год — час!

— Я живу среди людей, — напомнила она.

— Людей, — поправил я.

— Но ты же говоришь «людей»?

Я пояснил сердито:

— Мало ли что говорю. Это я так, выпендриваюсь. Или не выпендриваюсь... не знаю. Есть хочешь?

Она пропищала возмущенно:

— Что ты сразу есть? Я что, котенок, которого погодбран по дороге?.. Я дочь Верховной Жрицы!

— Ага, — сказал я, — значит, есть не будешь. Ну а я проголодался.

Она смотрела, как на столе появляются ломтики нежнейшего сыра, но как только я протянул к ним ру-

ку, ловко выдернула у меня прямо из-под пальцев всю стопку.

— А себе еще сделаешь, — сказала она победно.

— Неужели и среди эльфов есть ворюги? — изумился я. — Всегда казалось, что эльфы — само благородство.

— Это просто игра, — возразила она с достоинством. — Воровать мы учимся у людёв... людей, но все как-то не получается.

В коридоре раздался топот, дверь приоткрылась, заглянул вполглаза Хрурт.

— Сэр Раster прибыл, — доложил он. — Впустить или гнать в шею, если вы передумать соизволили?

— Впустить, — велел я.

Появление сэра Раsterа я услышал, когда он поднимался еще по лестнице, приближение его к дверям моих покоев было подобно малому землетрясению, донеслись протестующие голоса, звон металла, и в комнату вошла, повернувшись боком, иначе не вдвинуться, гора железа, на которой висело двое стражей.

Непомерно громадный в своих боевых доспехах, что массивнее любых турнирных, он шагнул в комнату; мне почудилось, что пол под ним потрескивает, как молодой лед..

Лалаэль ойкнула и спряталась за меня, Раster хоть и без шлема, но от этого выглядит еще свирепее: голова квадратная, цвета гранита, черты лица грубо выбулены топором и зубилом, никакой тонкой отделки, нижняя челюсть напоминает гранитную глыбу.

— Сэр Раster, — поприветствовал я его довольно.

— Сэр Ричард, — сказал он.

— Сэр Раster, — обратился я к нему строго и торжественно, — мы люди войн и боевых труб, так что я к вам без мерехлюндий и флаголетов всяких, недостойных мужчин...

Он проревел таким густым голосом, что Лалаэль крупно задрожала за моей спиной:

— Я польщен, сэр Ричард!

— Мы — победители, — продолжил я. Раster при этих словах выпрямился и еще больше выпятил широченную грудь, на которой две-три расплющенные в виде доспехов наковални. — И как победители изволим закрепить победу и показать местным, кто здесь кто!..

Он довольно крякнул.

— Надо это почаще...

В коридоре послышались торопливые шаги, затем приоткрылась дверь, Хруерт спросил:

— Сэр Палант?

— Впусти, — велел я.

Палант вошел, поклонился и застыл, но я махнул рукой на церемониал, здесь все свои, продолжил, обращаясь к Раsterу:

— Дорогой друг, на вас возлагаю ответственнейшее задание, потому жалую вас титулом обербургграфа. Это чуть ли не единственный титул, что я пропустил на своем многотрудном пути!.. Даже жаль, но, увы, жизненный путь не переделать, как бы нам ни хотелось!.. Хотя нет, есть еще титул, которого я не познал... им я жалую сэра Паланта... Поздравляю вас, сэр Палант, с титулом ландхофмейстера!

Они оба смотрят несколько ошалело, чем-то похожие, недаром Раster считает Паланта своим лучшим учеником, кроме меня, разумеется.

Палант, более быстрый, пролепетал:

— Ваше высочество?

— У вас обоих, — сказал я, — особая роль в церемонии коронации! Вы, сэр Раster, будете стоять с моим мечом, а вы, сэр Палант, с державой. Постарайтесь не ржать, мероприятие серьезное.

— Ваше высочество...

— После коронации, — продолжил я строго, — буду раздавать пряники. Так что смотрите не осрамитесь. Главное, быть серьезными!.. И бабам не подмигивать, на это будет время потом.

Палант проромотал:

— Спасибо за великую честь, но... лядей не разберут, пока мы там будем стоять?

Растер мощно рыкнул с укором:

— Палант, как не стыдно, у тебя же в лапе будет держава!.. Ну, хочешь, дам меч подержать?.. Нет, подержать не дам, но посмотреть дам!

С грохотом, словно по коридору пронесся подкованный конь, вбежал Хрурт.

— Ваше высочество! — прокричал он, отсапываясь. — Тыфу, сэр Ричард! Я подумал, вдруг вам интересно...

— Что? — спросил я, раздраженный долгими предисловиями. — Говори сразу!.

— Отец Дитрих прибыл!

Я охнул и, вытолкав свежеиспеченных обербургграфа и ландхофмейстера в коридор, — все, свободны, — оставил и эльфийку без прикрытия, выбежал наружу и промчался по всем лестницам к выходу.

Во дворе две повозки, из одной уже вышли священники и суетятся возле второй. Оттуда выбрался, кряхтя и щупая поясницу, отец Дитрих.

Его подхватили под руки, повели к дворцу, но я набежал навстречу со счастливым воплем:

— Отец Дитрих!..

Он остановился, я бережно взял его за пальцы и смиленно поцеловал.

— Сын мой, — сказал он со вздохом, — что тытворишь? Мне пришлось все оставить в спешке...

Я спросил встревоженно:

— Что-то случилось?

Он прервал:

— Ты знаешь, что случилось. Пойдем к тебе, поговорим. Думаю, ты уже прибрал к рукам и этот дворец?

Я ответил смиренно:

— Хорошо, передам под церковь.

Он вздохнул.

— Такой вертеп? Даже тебе в нем опасно для твоей неокрепшей души. Или наивно считаешь, что тебе уже все по плечу?

Мы прошли в сопровождении охраны во дворец, а оттуда прямо в покой герцога. Я заботливо придвинул кресло отцу Дитриху, ныне архиепископу Сен-Мари, но в то же время и верховному инквизитору, помог опуститься.

Он бросил быстрый и внимательный взгляд на замершую в испуге эльфийку, тень странной печали промелькнула в глазах, но ничего не сказал.

Слуги внесли еду и вино, я лично налил в золотой кубок и придвинул дорогому гостю. Отец Дитрих взял замедленным движением, в задумчивости посмотрел в чашу.

— Пожалуй, — проговорил он медленно, — я так устал, что не откажусь от кофе.

Я поперхнулся, закашлялся, переспросил:

— Кофе?.. Чашечку?

— Можно чашу, — ответил он. — Не слишком большую, а так... среднюю.

Глава 4

Я собрал хаотично разбегающиеся мысли, сосредоточился, перед священником сгустился воздух, медленно образовалась простая глиняная чаша размером с кружку. Черный кофе едва не переливается через край, терпкий аромат с размаху ударил в ноздри.

Отец Дитрих взял обеими руками, явно грея ладони, отпивал мелкими глотками и смотрел на меня поверх чаши усталыми глазами, но взгляд был тревожен и ясен.

— Отец Дитрих...

Он прервал:

— Твою хартию я читал, читал. Я все читаю, что печатается в нашей типографии, а этот манифест просто изучил. Потому и поспешил прибыть.

Я спросил встревоженно:

— Что-то не так?

Он покачал головой.

— Церковь целиком за, я уверен, подпишется под каждым словом. Я уже отоспал пару экземпляров в Ватикан. Но, сын мой, на тебя и так уже обратили внимание многие весьма влиятельные силы. А теперь тебе придется вообще... непросто.

— Какие мягкие слова подбираете, — сказал я. — Как будто до этого было просто!

— Просто, — ответил он. — Совсем просто. А вот теперь твоя жизнь превратится в ад.

Я воскликнул, шокированный:

— Отец Дитрих! Вы такие слова употребляете!

— Какие? — спросил он с интересом.

— Нецерковные!

Он сказал мирно:

— Архиепископом проще стать, чем святым. Своей хартией ты задел слишком многих... Отдачу получишь не сразу, а вот приказ устраниТЬ тебя уже отдан.

Я охнуЛ.

— УстраниТЬ? Я думал, только я такое словцо употреблял. Ах да, наша кроткая церковь не приемлет даже слово «убийство»...

Он поморщился.

— Погоди, давай о тебе. Со мной семь монахов, они

возьмут на себя защиту твоего дворца. Нет-нет, твои охранники останутся, но у монахов другое оружие. Они почувствуют любые проникновения с помощью магии и сразу же нейтрализуют.

Я спросил тревожно:

— Кто хочет моей гибели?.. Король Кейдан?.. Или король Вендовера?

Он коротко усмехнулся.

— Ты сам недооцениваешь свою мощь. Помимо десятка королей ты встревожил различные тайные культуры, что держатся старых взглядов. Ты разозлил многих магов, а после оглашения манифеста добавятся и могущественные лорды. А они, как ты уже давно понял, сильнее королей. Их сотни.

Волны холода охватывали меня с головы до ног и проникали в сердце. Я заставил себя держать голос ровным, когда проговорил через силу:

— Я не отступлю. Ибо прав зело.

Он не отрывал от меня испытующего взгляда.

— Ты прав, даже более чем прав. Словно сам Господь подсказал тебе слова этой хартии, пронизанной от начала и до конца милосердием и добротой...

Я поморщился: не люблю, когда меня называют добрым, я все еще не вышел из дурацкого возраста, когда играют за темных, а самые тупые из нас мечтают быть похожими на бандитов. А я хоть гений и красавец, но дурь из меня иногда вылезает сама по себе и каркает во все воронье горло, за что потом бывает стыдно... через несколько лет, если вспомню.

— Отец Дитрих, — пробормотал я, — вообще-то я больше забочусь об экономической составляющей. Свободные люди работают всемеро больше рабов, вчетверо больше крепостных и втрое — чем подвластные местным лордам. Свободные вообще жили рвут! Я просто стараюсь, чтобы на каждого человека в коро-

левстве приходилось больше произведенного продукта. Тогда и он будет богат, и я... получу в виде налогов больше.

Он смотрел исподлобья, лицо не изменилось, хотя внутри, полагаю, поморщился. Я должен был хотя бы из вежливости сказать о страстной жажде принести людям добро, свет и щасте.

— Хорошо, — сказал он, — монахи, с твоего позволения, сейчас осмотрят дворец и перекроют святыми молитвами все ходы-выходы, в том числе и те, о которых ты и не подозреваешь.

Я пробормотал:

— Есть слух, что некоторые злодеи могутходить вообще сквозь стены...

— Могут, — ответил он, ничуть не удивившись, — но эти люди после молебна моих людей войдут в стену и... там останутся. Очень простая молитва. Да и вообще это опасная способность для того, кто к ней прибегает. В стене долго быть нельзя, внутри стен путешествовать тоже... Нет-нет, есть куда более надежные способы проникновения в любую защищенную крепость или покой. Так что монахам не препятствуй, сын мой. Хотя, зная твой бунтарский нрав, я велел некоторым оставаться незримыми.

Я спросил настороженно:

— Даже от меня?

— У них обет молчания, — сообщил он. — Кстати, твою коронацию проведу я.

Я вскрикнул обрадованно:

— Отец Дитрих!.. Наконец-то не самозваное нечто, а действительно легитимное!

Он усмехнулся, покачал головой.

— Это всего лишь титулы. Но, ты прав, пока они властвуют над людьми, мы будем их использовать. У тебя, как я понимаю, все готово?

— Тороплюсь, — признался я. — Вернее, спешу. Так много еще надо сделать!

Он кивнул.

— Народ уже созвал?

— Велел пригласить, — сообщил я. — К обеду должны собраться.

Он прислушался к говору за окнами.

— Тогда пойдем.

В большом зале отдельной группой держатся высшие и верховные лорды: графы Альбрехт, Клемент, Меганвэйл, Арнубернуз, Фродвин и Буркгарт, бароны Будакер, Хельмут, Бредли, военачальники Габрилас, Елиастер, Фитцуильям, Бэрбоун, Харли Квинн и Джижес Крейст; отдельной группой держатся военачальники скарляндской армии: Шварцкопф, Ханкбек, а также практически все вожди племен, а вон те немногие из турнедцев, что здесь, а не с рейнграфом Чарльзом Мандершайдом и стальграфом Филиппом Мансфельдом... Они практически смешались с армландцами, помнят, что отныне их армии едины.

Дальше всех от трона оказались барон Джижес Крейст, виконт Кэвин Майлз, барон Уильям Ланкашер и остальные шателленцы, прибывшие на мой зов.

Эльфийка, едва не падая на каждом шагу в обморок от ужаса, шла со мной рядом, мелко-мелко перебирая задними лапками, в церемонном платье принцессы, золотые волосы туго заплетены в косу, получилась толще руки взрослого мужчины, вся переплетена лентами, это имитация целомудренного платка, туфельки служанки подобрали ей на самом высоком каблуке и полдня учили ходить, не падая и не хватаясь за стены.

Ноги ступают по красным коврам, проложенным длинной дорожкой под сень роскошнейшего балдахина, воздух наполнен ароматами ладана, везде блеск зо-

лота, как от украшений на стенах, так и от богатых одежд, где золотые цепи и бляхи выставлены напоказ.

Под балдахином блестят роскошью богато инкрустированные серебром и золотом два трона, которые с удовольствием присвоил бы даже император.

Вообще-то я собирался короноваться в одиночку, но когда увидел, что их два, то сразу же пришла дикая идея: а почему нет? Пока меня ангелы с рогами будут носить по свету, здесь продолжит сидеть принцесса Лалаэль. И лордам приятнее преклонять колено перед безумно красивой трепетной эльфийкой.

Когда подошли к трону, я тихо прошипел:

— Садись.

Она шепнула в ответ:

— А ты?

— Садись, — прорычал я шепотом, — а то удавлю.

Она испуганно села и выпрямила спинку, от страха не решаясь смотреть в зал, а устремила взгляд поверх голов, что вообще-то правильно, это настоящий королевский взгляд.

Я сел в свое кресло, напомнил себе, что эльфийке кто-то должен преподать правила этикета.

Справа от наших кресел встал сэр Растер, теперь обербургграф, в руках церемониальный меч, а слева — сэр Палант с державой на ладони, для этого случая возведенный в ландхофмейстеры, и, как я понимаю, эта одноразовая в моем случае должность к нему прилипнет и будет сопровождать всюду под хаханьки друзей.

В двух шагах от него выстроились особо благородные лорды, то есть командующие моих армий, а все остальные заняли зал и вдали стоят в проходе. Арнубернуз, что от щедрот души тоже помогал с церемонией, сообщил вчера насчет четырех тысяч людей благородного сословия, которые придут на коронацию.

Я указал распорядителю на группу шателленцев и велел подвести их ближе, они — добровольцы, а такие люди всегда выше получающих жалованье.

Барон Ланкашер поклонился издали, благодаря за мой великодушный жест. Остальные сняли шляпы и склонили головы, дескать, польщены высоким вниманием и такой оценкой их побуждений. Молодцы, все поняли правильно.

Еще я зорко углядел в глубине зала ламбертинцев лорда Джонатана Гилфорда, лорда Унгвуда Маутбеттена, герцога Блекмора, лорда Камберлендского и графа Чарльза, эти просто пришли посмотреть на коронацию, но я велел Хрурту со всем почтением пригласить их в передний ряд почетных гостей.

Я уселся на трон, хотя интронизацию еще не прошел, пропустим еще и обряд венчания на власть. Это в других странах, более благополучных, коронацию приурочивают к весне или к лету, а здесь нужно сразу, герцогство не может существовать без владельца законного, утвержденного церковью. Здесь некоронованный — это незаконный, безблагодатный и нелегитимный, которому подчиняться вовсе не обязательно, даже совсем наоборот...

Отец Дитрих, наскоро облачившись в празднично-парадные одежды, вышел из боковой двери, за ним потянулись прибывшие с ним священники, все молодые, «юноши бледные со взором горящим», настоящие подвижники даже по виду, как только отец Дитрих ладит с такими фанатиками при их бросающейся в глаза бескомпромиссности...

Я ждал, сидя на троне и не двигаясь. Альбрехт, ехидно улыбаясь, сообщил шепотом, двигая одной стороной рта, что меня ждет обязательная подбитая горностаем мантия из золотой парчи с вышитыми львами, жезл, бриллиантовая корона, а теперь добави-

лись еще и знамя Ламбертинии, меч Победы с уникальной рукоятью, сделанной лучшими ювелирами герцогства, в навершии огромный рубин дивной чистоты, посмотрите, ваше высочество, каким мрачным и победным огнем горит, и алмазная цепь с огромным медальоном.

— Ничего, — шепнул я, — вот возьму в руки и отыграюсь. На вас.

Серебряно протрубыли трубы, в зал вошли распорядители и знатоки церемониала.

Хор мальчиков красивыми детскими голосами, чистыми и невинными, запел что-то церковное, явно псалом, как мне сказали почтительно, сотый, вот уж не думал, что их столько и что эта тягомотина — псалом, затем отец Дитрих взял с подноса корону с бриллиантами.

Я с неприязнью смотрел на это произведение искусства, с мужской точки зрения такое же бесполезное, как накладные ногти у женщин или стрижка пуделя. Корона из твердого золота и четырехсот сорока четырех камней, как мне сообщили шепотом, весит пять фунтов, я некстати вспомнил, что из-за такой вот тяжести королева Виктория и Эдуард VII отказались от таких вот «правильных», опасаясь за свои шеи, их короновали обоих сильно облегченными, но у меня шея крепкая, да и разгуливать в таком убore не планирую...

Отец Дитрих прочел вдохновенную проповедь, после чего приблизился ко мне сбоку с короной в руках. Я смотрел прямо перед собой в зал, там около четырех тысяч человек, половина из них — ламбертинские лорды и знатные люди, к голосу отца Дитриха прислушивался слабо, все равно мне раскрывать рот пока нельзя, но когда он заканчивал речь, я поднял руки, властно взял корону из его дрогнувших от неожиданности пальцев и надел себе на голову.

В зале прокатился говор, иные из моих лордов прячут улыбки, но гордо расправляют плечи, мой жест говорит многое.

Отец Дитрих опешил лишь на мгновение, но догоvorил ритуальную фразу так же торжественно и тем же размеренным голосом, после чего перекрестился, а хор по знаку церемониймейстера дружно грянул «Алли-луйя!».

Я дождался, когда прозвучит последняя нота, красивая и торжественная, поднялся, красивым жестом откинулся горностаевый плащ за спину.

— Дорогие друзья, — сказал я громко. — Когда говорю о друзьях, я включаю в их ряды и ламбертинских лордов... как всех честных и достойных людей герцогства!.. Я приготовил для вас щедрый подарок, которому вы будете рады, не сомневаюсь... Но сперва закончим с церемонией.

Из толпы собравшихся ламбертинцев вышел лорд, преклонил колено и сказал ясным голосом:

— Я, граф Дэниэл Чарльз, лорд Кандорска и Святой Пустоши, приношу присягу верности принцу Ричарду и клянусь соблюдать его интересы, как и свои! Да покарает меня Господь, если я нарушу свое слово, да буду я окружен всеобщим презрением!

— Прекрасно сказано, граф, — обронил я милостиво, — ваши слова говорят о вас как о человеке чести и благородства. Да будут они примером для остальных жителей герцогства! Со своей стороны клянусь защищать и охранять ваши права, как свои собственные, да будет Господь тому свидетель.

Он поцеловал мне руку с перстнем и вернулся к ламбертинским лордам, а они выходили один за другим и повторяли с незначительными вариациями сказанное лордом Чарльзом.

Я наблюдал внимательно: большинство приносят

присягу искренне, все-таки герцог запяtnал себя недостойным обращением с леди Ротильдой, но это бы простили, если бы принесло успех, однако низложенная королева проявила редкое упрямство, а этот сэр Ричард, хоть и находится за двумя королевствами, внезапно ощущил себя слишком оскорблённым, чтобы стерпеть такое обращение даже с временной супругой.

Но последнее, что отвратило лордов от герцога, это его неумелые переговоры со мной, а потом постыдное бегство. Почти все сочли, что это освобождает их от клятвы верности, а раз так, то имеют полное право принести ее мне, более могущественному и удачливому, а теперь еще и получившему из рук архиепископа корону принца.

Да еще как получившему! Думаю, слух о таком жесте будет передаваться по герцогству от рыцаря к рыцарю и даже проникнет в простой народ, и каждый поймет, что с таким правителем и они будут сытыми и богатыми, а кто пойдет против — быстро лишится головы...

Отец Дитрих совершил миропомазание, мощно запахло елеем. Донеслись мощные удары в колокол, тут же по всему городу подхватили другие, помельче, а потом зазвонили и за его стенами, оповещая о великом событии: отныне герцогство повышается в ранге, а еще обещано, что станет вообще королевством.

В зале прогремели фанфары, а еще резко и торжественно с какого-то перепугу простучали военные барабаны и отгрохали свое литавры.

Сэр Ульрих наклонился к моему уху.

— Ваше высочество, — сказал он и быстро облизнулся, — сейчас на площади начинается гулянье. Народ угощают жареными быками, начиненными курами и утками!.. А сэр Альбрехт разбрасывает горстями серебряные монеты в толпу.

— Хотите сбегать? — спросил я шепотом.

— Хочу, — сообщил он. — Но не пойду. Вдруг тут дадут больше?

Я одарил его недовольным взором, поднялся. Сэр Палант подал на золотом подносе малую корону.

Уже будучи принцем, я сам совершил предусмотренный законом упрощенный до предела обряд над эльфийкой, попросту надев на нее корону поменьше и велев взглядом сидеть и не пикать.

Все ждали, глядя на меня неотрывно, а я произнес громко и властно, как диктуют принявшие на себя полномочия:

— Сэр Палант, подайте сюда мою хартию!

Он протянул мне рулон, перевязанный красной лентой и скрепленный печатями.

Я принял, не отрывая взгляда от собравшихся в зале, и, пока пальцы срывали печати, сказал с воодушевлением:

— Это Магна Чарта! Великая Хартия Вольностей!.. Отныне это будет основополагающим документом для всего, что вам взбредет в безумно мудрые головы!.. Это установления законности, правопорядка и гарантии личных прав и свобод населения. Под населением имеются в виду не только люди благородного сословия, но и все-все, исключая женщин, детей и сумасшедших.

Глава 5

У всех вытянулись лица: как-то привычно ожидается шумный и бестолковый пир, когда можно долго и бездумно пить и есть в три горла, веселиться, слушать песни и самому орать их, а тут какие-то новые законы...

— Зачем это нужно? — спросил я. — Все вы, наверное, знаете недавний случай, когда ваш ламбертинский барон Капотенд хотел занять у старейшины гильдии кожевников денег, но тот отказал, сославшись на трудные времена. Барон велел схватить кожевника и бросить в личную тюрьму, где каждый день вырывал у него по зубу, пока несчастный не согласился продать все свое имущество и отдать деньги барону...

Все молчали, только граф Дэниэл Чарльз, теперь уже мой лорд и мой подданный, ответил осторожно:

— Ваше высочество, тот случай вызвал недовольство у знати. Барону указали, что так поступать нехорошо даже с простолюдинами. Мы все, как говорит церковь, должны быть добре...

Я перебил зло:

— Добрее?.. В законности нет ни добра, ни зла — закон должен быть выше! Я, когда узнал про выходки этого барона, я велел схватить его и повесить на воротах его же замка!

Все охнули и застыли, глядя на меня выпученными глазами.

Я прорычал люто:

— Что?.. Это было месяц тому?.. И закон не имеет обратной силы? Да, все верно, не имеет. Это был единичный случай, просто для наглядного примера, а то многие как-то не понимают даже простые вещи!.. Отныне закон будет равен для всех!.. Мастеровой не смеет оскорблять ни словом, ни действием знатного лорда, но и лорд, даже самого высокого ранга, не смеет оскорблять человека даже самого низкого звания!.. По крайней мере, без веских на то оснований. Иначе тот имеет полное право обратиться в суд... Об этом отдельный разговор, я потом объясню, что такое суды присяжных. За соблюдением всех правил, и чтобы лорд не мог надавить своей властью на бедняка, проследит моя

нехилая оккупационная армия!.. Итак, лорд Палант, прочтите все пункты Великой Хартии Вольностей!.. И да возьмет дьявол душу того, кто посмеет ее нарушить!

Палант развернул рулон и начал читать громко и важно, явно гордясь честью, выпавшей на его долю:

— Я, Ричард Длинные Руки, Божьей милостью принц Ламбертиний, эрцфюрст Варт Генца, рейхсфюрст Скарляндии, маркграф архипелага Рейнольдса...

В зале слушают так, что стараются не пропустить даже шелест бумаги, когда Палант проворачивает свиток.

Титулов много, но я нарочито перечислил их все, ибо то множество, что раньше смешило — все дураки обожают постебаться, — на самом деле передают мощь и величие того, кому принадлежат, потому я перечислял добросовестно, ничего не забыл, упомянул даже свои замки в Амальфи и владение Ганслегера, лишь про маркизат Черро умолчал по понятным причинам.

В зале никто не шелохнется, а голос разносится всюду, отражается от стен и возвращается слабым эхом, создавая объемность.

Все слушают внимательно и стараются не пропустить ни слова. Никто не знает, кроме отца Дитриха и ряда монахов, что уже отпечатаны и готовы к развозу по городам эти манифести. Я старался, но не сумел уместить на одной странице, так как это не Закон, а некий акт, на основании которого и будут приниматься многочисленные законы.

Закончив с титулами, Палант долго перечислял, как принято по формуле, что адресовано это архиепископам, епископам, аббатам, графам, баронам, юстициарам, чинам лесного ведомства, шерифам, бейлифам, слугам и всем должностным лицам и верным своим,

хотя можно бы просто «народу» или «населению», но не поймут, обидятся.

— Знайте, — читал он напористо, — что мы по Божьему внушению, и для спасения души нашей в честь Бога, и для возвышения святой церкви, и для улучшения жизни по совету достопочтенных отцов наших отца Дитриха, Сен-Маринского архиепископа, примаса всей Армландии, Турнедо, Варт Генца, Скарляндии отца Тибериуса, настоятеля монастыря цистерцианцев...

Я не случайно в первую очередь перечислил духовных лиц и всячески подчеркивал, что Великая Хартия Вольностей — это воля и желание самой церкви, и кто воспротивится, тот воспротивится самой церкви, а уж потом мне, а я за церковь кого угодно порву, как Бобик тряпочку...

Затем Палант долго и усердно перечислял благороднейших лордов, в присутствии которых оглашена эта Хартия, тем самым как бы зачисля их в мои соавторы, мол, раз не спорят и не орут «Долой!», то они целиком «за».

Вообще-то они и в самом деле «за», Хартия касается только герцогства Ламбертиния, на которое я пылаю праведным гневом за вопиющее нарушение законов... Ну, хотя герцог вроде бы ничего не нарушил, кроме общего Божьего закона, а также рыцарского устава быть защитником женщин, но разве это не должно вызвать гнев всякого, кто считает себя рыцарем?

Я слушал внимательно и как бы со стороны, все-таки первый пункт Хартии я в самом деле нагло содрал из той первой, которую принял король Иоанн, названный герцогом Мальборо, лордом Уинстоном Черчиллем в своем труде «Рождение Британии» сообразительным, терпеливым и проницательным.

Там было сказано:

«Во-первых, дали мы перед Богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили на вечные времена, чтобы церковь была свободна и владела своими правами в целости и своими вольностями неприкосненными, что явствует из того, что свободу выборов, которая признается важнейшей и более всего необходимой церкви, мы по чистой и добре воле пожаловали и грамотой нашей подтвердили и получили подтверждение ея от папы Бенедикта Четвертого, которую и мы будем соблюдать, и желаем, чтобы ее добросовестно на вечные времена соблюдали».

Палант читал громко и торжественно:

— Вдова после смерти мужа своего немедленно же и без всяких затруднений пусть получает приданое и свое наследство и пусть ничего не платит за свою вдовью часть или за свое приданое, или за свое наследство, каковым наследством муж ее и сама она владели в день смерти мужа, и пусть остается в доме своего мужа в течение сорока дней после смерти его, в течение которых ей будет выделена ее вдовья часть.

Никакая вдова не должна быть принуждаема к браку, пока желает жить без мужа, так, однако, чтобы представила ручательство, что не выйдет замуж без нашего согласия, если она от нас держит, или без согласия своего сеньора, от которого она держит, если она от кого-либо другого держит...

Эльфийка едва не падала в обморок от всего пережитого, я кое-как довел ее до наших покоев, держа почти на весу, а там она рухнула в кресло и смотрела бессмысленным взором, как на меня насып обиженный Бобик, оскорбленный донельзя, что его заперли на это время, а потом ринулся на нее и, как ни пищала и ни закрывалась, ухитрился облизать ее мордочку.

— Что это было? — пискнула она, когда Бобик отстал, попрыгал вокруг нас и лег.

— Это Бобик, — пояснил я.

Она сказала обиженно:

— Ты что, считаешь меня совсем дурой?

— Считаю, — признался я. — А что, разве я могу быть плохо?

— Не знаю, — ответила она с великим достоинством, — не была ни разу. Что там происходило? Зачем эта тяжелая штука у меня на голове?

Я бережно выпутал корону из быстро распускающихся, как цветы под теплым солнышком, волос, положил на стол.

— Отныне ты, — пояснил я, — принцесса. Хотя по статусу ты и так принцесса эльфов, если сделать по-правку, у вас же Верховная Жрица правит наравне с королевой? Но королевы у вас нет, а Верховная Жрица — есть. Так что ты, как эльфийская принцесса, обрела еще и аналогичный статус у людей. Людёв, как говоришь...

— Это не я, это ты говорил!

— Ну я, — согласился я. — Должен же я, как политик, перекладывать на других?.. Просто обязан. Это профессиональное. Теперь о твоем статусе... Я до конца еще не продумал, а если честно, вообще не думал, я больше по озарению, весь из себя такой озаренный и озаряемый вспышками гениальности, которую никто не понимает, да и сам только потом на лестнице понимаю... В общем, твой новый статус в качестве принцессы Ламбертинии обещает громадные выгоды и преимущества по сравнению с... ну, с чем-то, еще не продумал, не до того. Я же говорю, у меня все на интуиции и постоянных вспышках, озарения, что раньше были всего раз в тысячу лет, а теперь уже раз в десять быстрее...

Разговаривая, я пытался сделать хотя бы чашку кофе, не получается даже с моей возросшей мощью и опытом, недостает сосредоточенности.

Эльфийка смотрела встревоженно, когда я внезапно оборвал себя на полуслове и уставился державно-тяжелым взглядом на стол, словно вижу гибель цивилизаций и уже принимаю меры.

На конец появилась большая чашка с кофе, а на той стороне стола огромная вазочка с изящными воздушными шариками сливочного мороженого, украшенно-го свежими ягодами клубники, земляники и голубики, а еще дроблеными орешками.

Она тут же вылезла из кресла и подсела к столу. Я пил большими глотками и продолжал ломать голову, прикидывая, какая реакция будет в первую очередь и где придется латать сначала, а где потом.

Вообще-то та, первая Хартия Вольностей, о которой я слышал в детстве, была направлена также и на ущемление прав короля, однако я такие абсурдные пункты включать в текст не стал.

За соблюдением правопорядка и законности кто-то да должен следить, так что я лишь расширил статьи о недопустимости ареста, о заключении в тюрьму, лишении владений, объявлении вне закона, изгнания или любого другого утеснения иначе как по приговору равных, то есть суда присяжных.

Массу отпечатанных в типографии Сен-Мари экземпляров гонцы на следующий день начали развозить во все концы герцогства, а там приколачивали на городских площадях на столбах и воротах городских управ.

Дверь распахнулась, на пороге появился сэр Перальд, взглянул сперва, как тут я, в безопасности ли, доложил мрачно:

— Сэр Бальдфаст Бредли, ваше высочество.

— Пропусти, — сказал я, — он по моему вызову.

Переальд отступил, через пару секунд порог переступил сэр Бредли. Дверь за ним захлопнулась.

Он не сказал, что стража у меня серьезная, даже не повел бровью, лишь поклонился по-военному коротко.

— Ваше высочество...

— Лорд Бредли, — сказал я нетерпеливо, — время поджимает, потому сразу к делу. Мы принесли в эти земли законность и справедливость. Но простой люд еще не готов к переменам, слишком уж внезапны, а лорды придут в ярость и попробуют оказать сопротивление...

Он смотрел исподлобья.

— Ваше высочество?

Я сказал жестко:

— Вы в Варт Генце умелыми и весьма быстрыми мерами предотвратили гражданскую войну, при которой горела бы вся страна, люди гибли бы сотнями тысяч, исчезали бы целые города...

Он не дал мне договорить, поклонился и сказал, не поднимая глаз:

— Я все понял, ваше высочество. Вы должны дать возможность простому населению осознать свои свободы и подготовиться.

— Именно, — сказал я с облегчением. — А до этого времени законность и порядок поддерживаем мы. Для нас здесь не существует неприкасаемых!..

Он снова взглянул исподлобья.

— Ваше высочество?

Я пояснил все так же властно и жестко, демонстрируя, что у меня сомнений нет, потому не должно их быть и у него:

— Графа, барона или простолюдина вздергивайте за неповиновение на одинаковой веревке и одинаково

быстро. Чтобы не успели возмутить вокруг себя народ!.. Ввиду военного времени вы будете судьей, прокурором и защитником. Это относится не только к Истанивилу, но и всему герцогству. Даю вам все необходимые полномочия. Бумаги получите у сэра Альбрехта.

Он чуть вздохнул.

— Хорошо, ваше высочество. Исполню.

— Это не навсегда, — сказал я быстро. — Может быть, совсем недолго! Но от жестокой диктатуры и по-пирания свобод лордов нужно отходить не раньше чем общество готово будет принять власть. Иначе все наши усилия будут напрасны.

Он выпрямился.

— Разрешите выполнять?

— С Богом, — сказал я. — Рассчитываю на вас, сэр Бредли. Рассчитываю.

Он поклонился быстро и коротко, тут же вышел. Слышны были в коридоре его четкие и уверенные шаги.

Я подумал, что против Великой Хартии Вольностей в принципе должны быть даже мои самые преданные сторонники из числа владетельных лордов.

До этого я рискнул только на одно-единственное нововведение, что тоже вызвало гнев и сопротивление: сбор налогов в государственную казну. И то решил-ся только в так называемых покоренных королевствах: Сен-Мари и Турнедо, а затем, виртуозно используя угрозу гражданской войны, — в Варт Генце и Скарляндах.

Но в Армландии, где я сюзерен на общих основаниях, лорды по-прежнему собирают налоги со своих земель в свой карман, мне же ни копейки. Зато, если считают нужным, они поддерживают меня своими дружинами. Но могут и в любой момент собрать свои

отряды и вернуться в Армландию, оголив важные участки фронта.

К счастью, я успел, хоть и в последний момент, с созданием королевской армии, которая подчиняется только мне. Но даже в Сен-Мари и Турнедо не могу ввести Великую Хартию Вольностей... Нет, могу, но все-таки придется преодолевать сопротивление тех лордов, что уже верно и преданно служат мне: Арчibalд Вьеннуанский, единственный сын могущественного лорда Чарльза Фуландса, сам герцог Фуланд, сэр Фридрих Рюккерт, Рудольф Герман Лотце, Людольфинг Фортескью, в Геннегау по ту сторону площади напротив королевского дворца роскошный особняк Фридриха Рюккерта, владетельного лорда, замок его в землях Альх Маков, в Геннегау собственный дом, при Кейдане был его приближенным, а сейчас верно служит мне, лорд Вильгельм Рошер, лорд Карл Людвиг Кнебель, Оскар Лаубе, лорд Бенедикт Карберидж, барон Френк Ховард, юный отпрыск знатного рода Холбергов, верховный лорд Джералд Бренан, очень богатый и могущественный землевладелец, лорд Джеймс Гарфильд, лорд Уильям Дэвенант и лорд Томас Фуллер, тоже из богатых и влиятельных родов, по своему могуществу и влиянию по-прежнему занимают высокое положение и оказывают заметное влияние на жизнь в Сен-Мари...

А как отреагирует герцог Вирланд Зальский, граф Устурийский, что владеет огромными землями на севере страны? С ним только-только начали складываться отношения, но при недовольстве мной он может уйти в свою неприступную крепость Аманье, к нему начнут стягиваться недовольные лорды со своими войсками.

Оживятся советники Кейдана — герцог Боэмунд

Фонтенийский и герцог Алан де Сен-Валери, да и сам Кейдан может воспользоваться моментом.

Уж молчу про Ундерленды, что моментально объя-
вят о независимости от Сен-Мари, а там лорды, что
были моей опорой: сэр Трандерт, сэр Витерлих, Анри
Готмар, Бовман, граф Биллун...

Нет, только здесь, в герцогстве. И все необходимые реформы проводить как можно быстрее и увереннее. Никто из местных лордов не должен и помыслить, что трушу и колеблюсь, что готов отступить, если вдруг решатся и сумеют выступить единым фронтом.

— Ты зачем такой злой?

Я вздрогнул, выныривая из воображаемых битв, вернулся в эти уютные покой сволочного герцога, — умел устраиваться, гад. Эльфийка уже дожрякала мороженое, перевела дух и тайком утащила у меня чашку с кофе.

Вообще-то я люблю смотреть, как она пьет. Смешно держит обеими лапками и осторожно отхлебывает, поглядывая на меня поверх нее настороженно, как зверек, готовый услышать «брьсь» и метнуться в норку.

Я нарочито наливал ей по самый ободок, даже с горкой, так что лишь поверхностное натяжение не позволяет перелиться через край, и она осторожно вытягивает верхнюю губу, опуская ее, как бабочка в нектар, а на меня поглядывает сердито, догадываясь, что это такое жалкое людское издевательство над благородной эльфийской расой.

— Ты останешься здесь, — объяснил я. — Дворец не уступает королевскому, и в нем должен быть хозяин. Ты и будешь им.

Она подпрыгнула, едва не расплескав кофе.

— Я? Хозяином?

Я сказал великолепно:

— Так и быть, хозяйкой.

— А ты?

— У меня браслет Гонца, — объяснил я честно. — Из любого боя смогу прыгнуть сюда к тебе. Ты останешься как символ новой жизни для ламбертинцев! Прекрасная эльфийка в роли королевы! Или герцогини, неважно. Хотя вообще-то уже принцессы. Все мечестрели сразу начнут изошряться, кто круче балладу задвинет!

Она вскрикнула в ужасе:

— Я ничего не умею... Ты шутишь?

— Ничего и не надо, — утешил я. — Хуже, если бы что-то умела. Я им такую Хартию Вольностей всобачил, что всех заставит работать впятеро больше, но по их собственной воле. Так что скоро Совет будет собран действительно из умнейших, вне зависимости от их знатности. Они и будут руководить герцогством на всех уровнях. Ты пей, не отвлекайся. А я посмотрю на этот цирк.

— Страшно, — сказала она умоляюще. — Я лучше с тобой на коне.

— Низзя, — отрезал я. — И так уже начинают хихикать, что вожу ребенка с собой.

— Я не ребенок!

— А с виду? — спросил я. — Мужчины знают, что внешность женщины обманчива, но не хотят верить. Но я буду появляться сюда часто. А ты постепенно войдешь в курс.

В двери заглянул Переальд:

— Ваше высочество, к вам отец Дитрих.

— Проси, — сказал я.

Эльфийка боязливо затихла и отодвинулась. Когда дверь отворилась и вошел отец Дитрих, я поспешил навстречу, а Лалаэль смиренно поднялась и опустила глазки, как и передние лапки.

Глава 6

Отец Дитрих коротко благословил меня, на эльфийку бросил беглый взгляд и тут же забыл о ней, как и о красивом ковре во всю стену за ее спиной.

— Сюда, — приговаривал я, — сюда, отец Дитрих... Герцог умел устраиваться, дворец у него побогаче иных королевских... Вот это кресло как будто для вас сделано...

Он сел со вздохом облегчения, я тут же сунул ему в руки листки с подчеркнутыми или даже обведенными красным абзацами Хартии Вольностей.

— Это те, на которые я намерен обратить особое внимание...

Он поднял на меня взгляд ясных глаз, лицо усталое, но все равно полное жизненной силы.

— Надо ли было выхватывать корону? — спросил он с мягким укором.

— Это случилось почти произвольно, — ответил я виновато.

Он хмыкнул.

— Думаю, не совсем уж и так.

— Отец Дитрих?

— Сын мой, — сказал он, — ты соображаешь быстро. И даже действуешь иногда раньше, чем сообразил... что сообразил. Это я к тому, что наверняка пришло в голову, как надо показать лордам, что хозяин положения везде и во всем именно их сюзерен Ричард. Даже церковь, дескать, не выше.

Он покосился на замершую эльфийку, что так и не пошевельнулась, вздохнул.

— Отец Дитрих, — запротестовал я и тоже бросил на нее взгляд. — На такое кощунство я никогда не пойду!

— Но что-то же заставило так поступить?

Я вздохнул.

— Не знаю... Не знаю, зачем мне понадобилась эта мальчишечья выходка. Наверное, воспоминание детства... Как-то читал, что когда-то один великий завоеватель древности по имени Бонапарт решил короноваться, причем — сразу императорской короной, для этого вызвал к себе папу римского. Тот начал обряд, но когда корона уже была над головой Наполеона, тот внезапно выхватил ее из рук опешившего папы и сам надел себе на голову. Тем самым подчеркнул, что ни от кого не желает получать эту милость, даже от папы. Сам завоевал много королевств и стал императором по своей воле.

Отец Дитрих слушал внимательно, кивнул, сказал без всякого раздражения:

— Ну вот, я же говорил.

— Отец Дитрих, — спросил я встревоженно, — вы сильно обиделись?

Он покачал головой.

— Не сильно, хотя это и вызвало смешки. Хотя, конечно, мне больше нравится поведение императора Карла Великого.

— В день коронации? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Карл прибыл в Рим, чтобы спасти его от захвата Византией, а когда зашел в базилику и опустился на колени перед алтарем, к нему сзади подкрался папа Лев Третий и неожиданно возложил ему на голову императорскую корону, чему Карл Великий был весьма удивлен.

Я фыркнул.

— Так я и поверю. Он ведь стал таким образом легитимным правителем всей Европы и... не ожидал?.. Ладно, корона короной, но главное — реформы.

Эльфийка наконец решилась сдвинуться, пропицала очень отважно, хоть и дрожащим голоском:

— У вас очень болят ноги... Нужно скрестить...

Отец Дитрих посмотрел на нее внимательно.

— Как почуяла?.. Хотя это неважно. Уже и скрещивал, и вытягивал... Но так еще больнее.

Я посмотрел на него, на нее.

— А если еще раз?

Отец Дитрих слабо усмехнулся, с некоторым трудом закинул вытянутую ногу на другую, сразу же поморщился.

— Ну вот, теперь вообще...

— Потерпите, — сказала эльфийка настойчиво. — Еще немного... еще... Я же чувствую...

Он кривился все сильнее, уже взялся обеими руками за ногу, намереваясь вернуть в прежнее положение, но прислушался, застыл в такой позе, затем убрал руки и медленно разогнулся.

На лице его вместе с облегчением проступило удивление.

— А в самом деле... гм...

— Нога ноге помогает? — спросил я. — Или встреченный пал, когда одна боль побеждает другую, а сама дохнет от слабости?

Он покачал головой.

— Неважно как, главное — полегчало. Это существо понимает в лечении?

Я сказал бодро:

— Может быть, в ваших жилах эльфийская кровь?

На мое удивление, он лишь отмахнулся на глупую шуточку.

— Да кто теперь разберет, чья кровь в чьих жилах. Я слышал, в твоем войске даже тролли?

— Только как фактор устрашения, — торопливо сказал я. — А вообще планирую использовать их как стройбат. Чтобы армия прошла через болото, сперва нужно проложить дорогу, а тролли тут как нигде кстати...

Он кивнул.

— Ну разве что так. Только держи их подальше от простого народа. Хотя те от троллей мало чем отличаются сами, но как раз они всегда полны ненависти ко всем, кто не такой, как они.

Эльфийка держалась тихо, как мышь в уголке, а я слушал отца Дитриха со все большим удивлением. Всегда казалось, что церковь истребляет все отклонения от человека, сам видел, как горят на площадях осужденные ведьмы, колдуны, некроманты, вампиры, волшебники, а тут такое странное благодушие.

Я снова создал кофе, на этот раз три чашки, для эльфийки крохотную, ей кофе послабее, со сливками и сахару побольше.

Отец Дитрих пил спокойно, с удовольствием, так же без всякого сопротивления брал из вазочки изящное печенье. Эльфийка держалась трусливо, но отважно, старалась меньше двигаться, а пила совершенно бесшумно, инстинктивно соблюдая хорошие манеры, хотя не имела о них никакого понятия.

Наконец он вздохнул, нехотя поднялся, я поспешил вскочить и поддержать его под локоть.

— Дорога был тяжелой, — сказал он с извиняющейся улыбкой. — Увидимся утром. И договорим, если что не успели.

— Спокойной ночи, — пожелал я. — И хороших снов, отец Дитрих.

— И вам обоим тоже...

Я проводил его до двери, и там ткнулся разогретым мыслями лбом в толстое, покрытое лаком, дерево и задумался.

Отец Дитрих почему-то совершенно не реагирует на присутствие эльфийки, а эти существа вроде бы считаются нечистыми с точки зрения церкви. Ничего осуждающего не сказал насчет сотрудничества с троллями,

так что я напрасно долго и старательно подбирал и готовил доводы, выгравировал и отшлифовывал с ювелирной тщательностью.

И вдруг, словно в неком озарении, мелкие кусочки мозаики, что порознь сбивали с толку, сложились в ясную картину. Раньше я, как и все тупые, — а кто из нас не тупой и не мыслит штампами? — уверенно полагал, что церковь — это некая темная сила, что душила науку и сжигала ученых только за то, что они ученые. А инквизиция так ваше, сплошь палачи, что обожали мучить и пытать людей. Ну что делать, ну дурак; в свое оправдание могу сказать только, что так думало и все еще думает абсолютное большинство, а большинство — это и так понятно, на каком интеллектуальном уровне.

В оправдание себе могу сказать только, что да, я все понял и наконец-то разобрался, ибо — надо. Это когда не надо вот так уж остро, то мыслишь готовыми заготовками, где-то услышанными или прочитанными, что составили, однако, не боги, а люди, нередко еще дурнее тебя самого.

Но теперь вот, видя, как неустанно церковь твердит человеку, что у него есть душа, правда-правда есть, и он должен быть лучше животных, а значит, и вести себя иначе, я не понимал, по своей горячности и непримиримости, почему не всех чернокнижников тащит на костер, почему закрывает глаза на какие-то проявления магии, почему вообще в этом мире существуют религия и магия несмотря на официальный запрет любого чародейства, в то время как вроде бы церковь всех изничтожила.

Ага, ну да, всех взяла и уничтожила. В один день. И христианская вера укрепилась раз и навсегда тоже за сутки. Язычество забыто, и уже никто не только не верит в гороскопы, но даже не знает, что это такое, нет никаких бабкованг, глоб и ведьм, дающих объявления

насчет приворотов и заговоров, нет идиотских пророчеств, что все человечество гибнется к концу года.

Только теперь начинаю понимать, что церковь, как и все, что делает, так и наступление на язычество и все животное в человеке ведет очень осторожно и неторопливо. Что и понятно: если перегнуть — можно сломать. Или, скорее, саму церковь сломают к такой матери.

Вот, помню, Пророк вел наступление на пьянство очень долго, последовательно и в несколько этапов. Сперва был аят, что в вине есть польза и вред, но вреда больше, чем пользы. После этого часть арабов отказалась от спиртного, но другие решили, что для них пользы больше.

Через несколько лет был второй аят, запрещающий произносить молитву пьяным, так как в таком состоянии не сконцентрироваться на своих мыслях и духовных силах, а третий аят вообще запретил спиртное и азартные игры отныне и навеки, так как на одном из пиров, где подавалось спиртное, почтенные и достойные гости ухитрились перепиться, затеять безобразную драку, а наутро стыдились посмотреть друг другу в глаза.

Точно так и церковь наступает на язычество, то есть остатки старых вер и религий, колдовство, волшбу, магию и все то, что тянет человека вниз, в животную сущность, очень медленно и поэтапно. Выдавливает и запрещает не сразу, человек слишком уж большая свинья, потому свинство нужно из него выжимать постепенно, иначе взбрыкнет и начнет отстаивать свое право жить гордо и свободно засранной свиньей.

Понятно же, что алхимики и всякие маги — это интеллектуалы, если их вот так взять и просто перебить — мир оскудеет. Потому церковь везде старается перевербовать, где добром и уговорами, где страшная

костром. Если такой упорствует, то не так уж и сразу тащит на костер, если упрямец, конечно, не ведет прямую и откровенную борьбу.

Такая политика мягкой силы понятна, церковники — сами интеллектуалы, а если перебить магов, то останутся наедине с тупым и невежественным быдлом, чего совсем не хочется. Особенно если учесть, что они нередко сами выходцы из той же среды, как вон создатель христианства Савл, что преследовал, убивал и сжигал христиан, а потом получше ознакомился с их учением, назвался Павлом и взялся сам проповедовать это странное, но такое многообещающее и с огромным потенциалом учение.

Потому церкви и сторонникам магии еще долго существовать, хотя, конечно, ярые фанатики будут стремиться истреблять магов всюду. К счастью, таких ярых в любом движении единицы, а в целом церковь мягко вытеснит магию на протяжении столетий, а не вот так рывком, как по детству и глупости мне казалось раньше.

Из глубины комнаты пропищало:

— Это у тебя такой ритуал?

Я обернулся. Эльфийка уже забралась под одеяло и выглядывает оттуда, как суслик из норки. Огромные глазищи в полумраке блестят и светятся мягким жемчужным светом.

— Э-э... ты о чем? Ах да...

Я тряхнул головой, в самом деле очень оригинальное место и поза для размышлений, почти баран перед новыми воротами, быстро разделся и тоже лег.

Дверь распахнулась, ворвался Бобик, сытый и облизывающийся. В проеме появился Ульман и крикнул виновато:

— Простите...

Бобик помахал нам хвостом, сделал круг по комнате и плюхнулся посередине на ковер.

Ульман закрыл дверь, эльфийка высунулась из-под одеяла, посмотрела по сторонам.

— Фух, все ушли... О чём таком говорили, ничего не поняла!

— Ты же красивая, — утешил я ласково, — даже очень красивая, этого достаточно. Спи, существо.

Она тут же послушно взобралась на меня, распластавшись, как прогретая на солнце медуза, и заснула, тихо посапывая на груди. Почему-то облюбовала это место, то ли как самое теплое и защищённое, то ли так утверждает свое превосходство эльфов над человеческой расой, то ли еще что, я не задумывался, просто рассеянно гладил по пышным волосам, что укрывают ее, как одежда, и сам обычно тут же засыпал тихо и мирно.

Глава 7

Грохот, лютые крики и звон оружия прозвучали так громко, что я вскочил, сбросил сонную эльфийку. Меч как будто сам прыгнул в руку, а может, и прыгнул, я приготовился к схватке раньше, чем сообразил, что звон и крики доносятся из коридора, а дверь содрогается от ударов и толчков с той стороны.

Эльфийка вскрикнула в ужасе:

— Нас пришли убить?

— Ну да, — огрызнулся я, — особенно тебя!

Дверь содрогаться перестала, но голоса зазвучали еще громче. Я попытался отворить, створки уперлись в нечто в коридоре, а когда нажал всем телом, нехотя отодвинулись тяжелые тела на полу, а под ноги мне широким слоем потекла кровь.

В коридоре вооруженные люди уносят постанываю-

ших воинов, я успел увидеть искаженное болью и залитое кровью лицо Переальда, под стеной еще несколько человек, их подхватывают на руки и торопливо уносят.

От стены до стены все залито кровью, в шаге от двери моих покоев распростерся на спине крупный голый мужчина, весь в ужасных рваных ранах, колотых и рубленых, живот разворочен, череп расколот до нижней челюсти, все содержимое вывалилось на пол.

Стражи у лестницы перегородили вход, там уже толпятся слуги и некоторые из гостей, ночующих во дворце.

Подошел Хруерт, в доспехах еще огромнее, шлем где-то потерял, на волосах кровь, щеку перечеркивает кровавая царапина.

— Сэр Ричард, — прорычал он, — все в порядке. Эта сволочь убита, мы на страже...

— Вижу, — ответил я нервно, — у нас еще те порядки!.. Думаю, все короли завидуют. А уж императоры так и вовсе... Это все из-за этого? Чего он голый?

Хруерт покачал головой.

— Оборотень. Троих наших убил и пятерых покалечил. Отец Дионий убит, два монаха ранены. Они закрыли дверь своими телами.

— Где они?

— Уже унесли.

Я стиснул челюсти, некоторое время сдерживал ярость и разочарование. Великие дела, грандиозные свершения, а тут эти подлые удары в спину... но в самом деле могут все сорвать, остановить, повернуть вспять.

— Пригласите отца Дитриха, — сказал я. — Сюда пока никого не впускать. Это... пусть лежит.

Он переспросил с недоверием:

— Но... зачем?

— Просто осмотрим еще раз, — ответил я резко. — Что, я должен объясняться?

Он пугливо поклонился.

— Простите, ваше высочество.

Я вернулся в кабинет; слышно было, как в коридоре Хрурт покрикивает, требуя, чтобы все убрали и вымыли до блеска. Некоторое время слышались тихие голоса, шлепанье мокрых тряпок.

Эльфийка, одетая и суровая, пытается сесть за стол, но все время соскакивает, наконец вскрикнула:

— Отец Дитрих!

— Пришел? — спросил я с недоверием.

— Поднимается по лестнице!

— Ну, — протянул я, — у тебя слух лучше? Быть такого не может...

Выждав чуть, я отворил дверь. На том конце коридора показался отец Дитрих, только что поднявшийся к нам на этаж, чуточку запыхавшийся, встревоженный и опечаленный.

— Сколько людей погибло, — сказал он вместо приветствия, — и отец Дионий, он же светило криптоистории...

— Телохранители тоже люди, — ответил я резко. — И даже монахи... Как не заметили эту тварь?

Он с печалью смотрел на распростертого на полу человека.

— Так я и знал... Что ж, теперь все понятно. Велите убрать труп, больше это... не понадобится.

Я отступил от двери и пригласил жестом в кабинет. Отец Дитрих вошел, тяжело волоча ноги, с трудом опустился в кресло.

— Отец Дитрих, — сказал я, — вина?

— Лучше вашего кофе, — ответил он слабым голосом.

сом. — Знаю-знаю, почему у тебя такое лицо. Думаешь, монахи бесполезны? Ошибаешься. Они уже ликвидировали несколько попыток нежити проникнуть во дворец, на что так надеялся герцог.

— Герцог?

Он вздохнул.

— И не только он один. Поверить трудно, сколько было попыток в первые же дни!.. Очень ты многих расчревожил, а то и разозлил. Монахи и отец Дионий, уверяю тебя, оборотня тоже увидели сразу, чего тот явно не хотел. И успели поднять тревогу!

Лицо его было серьезным и даже жестким, лицо не церковника, а... возможно, настоящего церковника, когда церковь была в начале пути, а ее люди постоянно отдавали жизни за свое дело, но и без колебаний забирали их у других.

Я распустил скованные яростью мышцы.

— Простите, святой отец. Я даже не знал, что это не первая попытка...

— Оборотень, — сказал он невесело, — вовсе не исчадие ада. Если бы нечисть или нежить, монахи одним бы словом в пепел, в дым, как делали и раньше.

— Ох, — сказал я, — простите. Бываю зело туп.

Он отмахнулся.

— Все мы в чем-то... Беда в том, что это существо из плоти и крови... Монахам удалось только снять покров незримости, чтобы увидели и стражи...

— Но трое погибли, — сказал я с горечью, — а пятеро ранены... Это что за зверь?

— Обычный оборотень, — ответил он. — Они просто намного сильнее человека.

— Почему? — спросил я. — Та же плоть, те же кости. Он пожал плечами.

— У всего есть цена. Оборотни не могут существовать как оборотни. Они слишком много тратят силы на

то, чтобы догнать, напасть, убить... да и вообще на то, чтобы быть в личине оборотня! Если оборотня оставить оборотнем, он умрет от истощения. Потому они живут в человеческом облике, сын мой. И, скажу тебе больше...

Он замялся, я ощущил необычное, отец Дитрих либо говорил мне, либо не говорил, а сейчас словно бы не знает, как сказать, чтобы не поранить мою детскую психику невинного ребенка.

— Отец Дитрих?

Он ответил с неохотой:

— Есть даже целые деревни оборотней... Маленькие, правда. Расположены в лесах, вдали от людей. Миссионеры, как ты знаешь, идут вперед любых войск и первооткрывателей, они и натыкались... Преподобный Игнатерий первым сообщил о такой деревне и сказал, что останется с ними, чтобы нести им слово Божье и защищать от зла.

Я спросил с недоверием:

— Под злом он имел в виду рыцарей Креста?

— Всех, — ответил он уклончиво, — кто может им повредить. В первую очередь крестьян других деревень, что все глубже заходят в лес и когда-то да насткнутся.

— А почему не истребить?

Он развел руками.

— Если живут там уже несколько поколений, за это время никого не убили и не изувечили...

— Ну да, — согласился я, — нам все-таки нужен повод. Хоть крохотный.

— Они этого повода не дают, — ответил он с непонятным выражением. — Думаю, вовсе не из страха перед нашими мечами.

— А почему?

— В личине оборотня они звери, — пояснил он, — а

быть зверем мало кому нравится. Хотя бы потому, что ничего не чувствует, кроме голода и злобы. Понимаешь, оборотнем можно только напасть и убить, больше ничего. А строить дом, собирать урожай, разжечь очаг, приготовить вкусный суп...

Я спросил с недоверием:

— И что, церковь их не трогает? Даже, боюсь в такое поверить, оберегает?

Он перекрестился.

— Господь указал нам лишь путь... даже не путь, а направление. А дороги, дорожки и тропки все должны выбирать сами. Оставить мирных оборотней в живых или перебить до единого — ни то ни другое не остановит и даже не замедлит нашего движения к построению Царства Небесного на земле. Не так ли?

Я перекрестился и ощутил, что сделал это привычно, как поправил бы воротник.

— Необычный взгляд, — признался я. — Это я по молодости слишком фанатичен или же церковь опасно быстро стареет?

Он покачал головой.

— Возраст дает прежде всего мудрость.

— Не всем, — возразил я. — И как тогда, если одним дал мудрость и тем самым смягчил их нравы, а другим мудрости не дал? Эти другие просто убьют первых!

Он печально улыбнулся.

— Обычно мудрость находит пути, чтобы защитить себя. Однако во многом ты прав, юный друг.

— Только во многом?

Он не принял шутки, ответив с грустью:

— Против прямой и грубой силы часто и великая мудрость оказывается бессильной.

— Потому церковь должна быть молодой, — сказал я. — Или просто чуточку злее. А то ей кажется, что мир

благодаря ее усилиям уже стал добрым... а это далеко не так.

Я проводил его до двери, демонстрируя почтение, и сам закрыл за ним, но когда обернулся, Лалаэль вскрикнула и с ногами взобралась в кресло, прижалась к спинке, как трусливый зайчик при виде внезапно появившегося волка, а я отпрянул так, что грохнулся затылком о деревянную поверхность.

— Логирд!

Призрак колышется передо мной, нагло ухмыляющийся, только в темных провалах глаз все же пугающая бездна.

— Я уже давно здесь, — сказал он бесплотным голосом, — но не стал появляться, чтобы не смущать священника.

— Он к тебе хорошо относится, — заверил я.

— Все-таки, — сообщил он, — лучше вот так, не смущая его церковную совесть. — Эльфийка? — В его голосе прозвучал интерес исследователя. — Никогда не имел с ними дела...

— Да, — сказал я, — ты же больше по демонам, нечисти, нежити и трупам... Здравствуй, Логирд. Лалаэль, это друг, не бойся.

Она пролепетала, едва не плача:

— Все равно боюсь... Это же призрак...

— Он безобидный, — заверил я. — Он же ничего не может. Тень, видение...

Она посмотрела на меня, на него.

— Правда? А что с ним не так?

— Но он же, — начал я и осекся, посмотрел с подозрением на Логирда. — Что она говорит?

Он несколько замялся, даже колыхнулся из стороны в сторону, словно простое привидение, а не весомый призрак.

— Да пустяки. У эльфов есть глупое поверье, не

имеющее под собой никакого... Но это неважно. Я примчался сразу, как услышал о случившемся. Это исходит из королевства Эбберта.

Я насторожился, а со дна души начала подниматься тяжелая ярость.

— Точно?

Он кивнул, от этого движения призрачная голова на пару долгих секунд деформировалась, словно сизый дым под легким ветерком, но затем все вернулось на место, а голос прозвучал так, словно Логирд оставался живым:

— У короля Хайндера особая разведка. Он, отважно отбросив ваши непонятные христианские ценности, пошел на сотрудничество с самыми ужасными уродами, какие только есть на свете... Дает им покровительство, а они за это выполняют для него всякую подлую работу.

Я спросил настороженно:

— Например?

— Его разведка, — пояснил он, — вся наоборотнях. Днем — как все остальные люди, однако ночью могут быстрее кошки взбежать по отвесной стене, промчаться по потолку, перепрыгивают стены в три ярда высотой, а если нужно догнать жертву, ну, сами понимаете...

Я пробормотал:

— Ничего себе... Хайндер зашел слишком далеко...

— Он старается все скрывать, — пояснил Логирд, — иначе, как понимаете, христианские короли пойдут войной и тогда уже никакие оборотни не спасут. Все-таки, пусть их у него хоть пара десятков или даже сотни, но против армий трех-четырех королевств, что вторгнутся с разных сторон, не поможет сам дьявол.

Хотя у него есть некоторые штуки и поинтереснее обворотней...

— Что?

Он покачался в воздухе из стороны в сторону.

— Не знаю пока. Я могу проникать практически везде...

— Но не везде?

Он кивнул, на мгновение скрыв призрачное лицо.

— Есть магические защиты, которые не пройти и призраку. Но я ваш вассал, сэр Ричард...

— Ты мой друг, — возразил я, — ты отдал жизнь за меня, а некромант, как я понимаю, ценит свою шкуру выше, чем рыцарь! Так что я в неоплатном долгу.

— То был мой долг вассала, — напомнил он высокопарно. — В общем, буду стараться узнать больше. Должен заметить, ваше высочество, если вы — завоеватель, то Ламбертиния как раз самое лакомое. Это, можно сказать, счастливая страна. Уже тем, что некий древний маг, наложив страшное заклятие на герцогство, одновременно взял и под защиту.

— Под защиту?

Он сказал скучно:

— Ну, не под защиту в прямом смысле, просто сказал, что пока герцогство останется герцогством, ему ничего не грозит. И пока местные династии не восхотят стать королями... А слухи ходят насчет того... Но я всегда был уверен, что слухи насчет того, якобы древний маг защитит герцогство от любого нашествия, распускают сами члены герцогской династии, оправдываясь, что им никогда не стать королями.

— И что, — спросил я с недоверием, — герцогство в самом деле такое... счастливое?

Он подвигал призрачными плечами, на миг превратив их в бесформенное облачко.

— Ваше высочество, — произнес он так, что я и в бесплотном голосе уловил едкую ironию, — не поверью, что вы не навели о нем всякие там справки! Но во всем герцогстве всего два места, которые принято обходить стороной. Темный Плес и Лысое Плато. Если взять любое другое королевство, такое же по размерам, там таких мест десятки, а то и сотни.

— Прекрасно, — пробормотал я с завистью. — Темный Плес — это что?

— Место, которое свободно посещают звери и птицы, но люди там исчезают, — ответил он, — а Лысое Плато — поле великой битвы, случившейся тысячу лет тому. Тогда воины великой расы керубей, так они себя называли, вышли на бой с бозардами, что прилетели с вершин далеких гор на крыльях страшной черной бури, блистающей молниями. От грохота содрогалась земля, реки заполнились кровью, керуби полегли почти все, но разгромили бозардов, и те отныне никогда не смели прилетать в эти края... А керуби поклялись, что снова выйдут из могил и вступят в бой, если бозарды когда-либо рискнут...

— Красивая легенда, — согласился я.

Логирд проговорил медленно:

— Да, красивая. Только это не совсем легенда... Керуби в самом деле могут подняться. Правда, не мертвые, но те, кто выжил тогда. Они не захотели оставаться без своего народа и погрузились в вечный сон, нарушить который может только появление ненавистных им бозардов.

Я зябко повел плечами.

— Не хотел бы, чтобы эти чудовища проснулись!..
Прошлое лучше не будить.

Он светски улыбнулся.

— Надеюсь, я для вас не прошлое.

Глава 8

Я вернулся и медленно опустился за стол, стараясь сосредоточиться на следующем шаге, но так, чтобы правильном, а не только эффектном.

Эльфийка подошла тихонько со спины и принялась чесать меня за ушами. Надо узнать, это у них ласка, насмешка или знак презрения, она еще и попискивает что-то птичье-эльфячье, ну да ладно, нас оскорбляют, а мы не оскорбляемся, просто получаем удовольствие вопреки любой логике...

В общем, когда-то, после Последней из Великих Войн, на разоренной и обезлюдевшей земле нежити и нечисти было гораздо больше, чем людей. Но часть их вымерла, а остальных успешно истребляли объединившиеся в группы люди.

Часть нелюдей сумела прикинуться людьми: вампиры, оборотни, демоны, и так было довольно долго, затем чистку человечества взяла на себя церковь с неведомой и недоступной пониманию нелюдей святостью.

Постепенно среди людей их не осталось, последние из нелюдей прятались в дремучих лесах, высоких горах, глубоких пещерах, куда люди не добирались, да и не собирались добираться.

С некоторыми из них, что научились жить обществами, теми же гномами, кобольдами или эльфами, постепенно установились полулегальные товарно-денежные отношения. Кобольды не выносят света и не показываются на поверхности, но чуют в породе любую руду и умеют вытаскивать ее до крупинки, а из рук гномов выходит такая сталь, которую не под силу выковать человеку.

Только вампиры упорно стремились жить среди людей, используя тех как скот, но их практически истребили всех. Оборотни избегли этой участи, живя в лесу и прячась от всех, однако со временем умные и

шепетильные люди ухитрились их использовать в своих целях...

Король Хайнцер создал, как говорит Логирд, из них целый штат разведчиков. Думаю, он не один такой сообразительный и нешепетильный. Разумеется, втайне от населения королевства. Народ не потерпит такого короля, не говоря уже о благородных лордах, но когда в руках власть и деньги, то многое можно сделать втайне.

Мне приходится труднее, я искренний сторонник церкви и стараюсь ее усилить, однако она сильна подвигниками и фанатиками вроде Ульфиллы, что сразу же, только дай ему волю и силу, уничтожит эльфов, троллей, алхимиков и все, что не укладывается в его понятие чистоты и справедливости.

Впрочем, я пока что ухитрялся лавировать, а если меня и заносило вправо или влево, то пока не чересчур так уж...

— Ладно, — сказал я наконец, — скоро день кончится, а я сижу тут, как сырьё какой...

Она отпрянула, глаза округлились.

— Ты хочешь куда-то поехать?

— По крайней мере, — пояснил я, — выйти из здания. А что?

— Но ты только что прибыл!

— Я здесь переночевал, — напомнил я. — Целую ночь, подумать только! С вечера и до самого утра. По меркам людей это безумно много.

— Ты сумасшедший?

— Еще какой, — ответил я гордо. — Ведь сумасшедший — это человек, наделенный исключительно сильной интеллектуальной независимостью! Для доступности скажу проще — гений.

Она сказала саркастически:

— Ах-ах!

— Осваиваешься, — заметил я одобрительно.

Она догнала меня у двери.

— Я пойду с тобой!

— Не сейчас, — ответил я строго. — Учись по-волжчи выть, тебе жить среди людёв.

— Людей?

— Людей, — согласился я. — Вот видишь, как эльфы действуют на людей? Во всем с вами соглашаемся. Как жить, спрашиваю?

В коридоре телохранители бдят в усиленном режиме, прямо напротив входа расположился молодой священник со строгим бледным лицом и глазами праведника. Он внимательно посмотрел на эльфийку, что не успела уйти с линии его взгляда, по лицу его промелькнула тень неудовольствия, однако тут же повернулся ко мне и учтиво поклонился.

— До нашей глупи доходят слухи, ваше высочество, — произнес он нерешительно, — что вы очень ревностны в вере и почитании основ Святого Писания...

Во мне сразу нечто ощетинилось, как же, догадываясь, что за слухи доходят, я ответил почти враждебно:

— Ну-ну, еще как верны! И что?

Он ответил мирно:

— Отрадно, что столь молодой человек так ревностен. Обычно молодость бунтует и все отвергает.

— Вы тоже не старик, — ответил я хмуро, — так что неча свысока... Вы прибыли с отцом Дитрихом? В моем войске много священников, можете пообщаться с ними, рассказать о своих нуждах. Я дал им широкие права и возможности пользоваться даже ресурсами армии для своих нужд.

— Ваше высочество, — проговорил он с недоверием, но уже с зарождающимся энтузиазмом, уже и про

эльфийку забыл, — это даже больше, чем мы рассчитывали! Вы истинный Защитник Веры!

— Стараюсь, — ответил я все еще настороженно, однако он так и не заговорил об эльфийке, молоц, главное все-таки дело, а не наше облико морале.

Эльфийку видели не только монахи-цистерцианцы, что едут вместе с армией, но и рядовые священники, однако и они смолчали, хотя кто-то и хмурился. Главное — дело, а эти пустяки со временем уладим...

— Кстати, — сказал я, — отец Дитрих, как Великий Инквизитор, защищен от любой нечисти... как и любых чар колдунов, но острый клинок может поразить его так же легко, как и любого человека.

Священник кивнул, взгляд был тверд, как скальная порода.

— В рай не входят на перинах. А с поля битвы — чаще.

— Согласен, — сказал я, — но стараться уйти в рай пораньше — это трусливое бегство от земных трудностей. Потому вы с отцом Дитрихом уж постараитесь помучиться здесь еще. Я скажу Переальду, это старший над телохранителями, чтобы выделил двух для сопровождения отца Дитриха. Вы им не мешайте и не препятствуйте.

Он ответил строго, не сводя с меня взгляда:

— Мы будем работать вместе.

Хрурт, что прислушивался к разговору, вмешался на правах давнего знакомого:

— Ваше высочество, мы все сделаем. Не отойдем от него ни на шаг!

Я покачал головой.

— Увы, отходить придется. Он не захочет, чтобы его охраняли. Потому охраняйте так, чтобы он этого не видел.

— Сэр Ричард!

— Это будет нетрудно, — успокоил я. — Он всегда окружен народом. Будьте среди них, только смотрите не на отца Дитриха, а на... просителей.

Бобик, как только услышал, что едем к Меганвэйлу, тут же исчез, во дворе я его не обнаружил, но когда мы с Зайчиком покинули город, то в раскинувшемся за его стенами лагере я усмотрел скачущего на всех четырех перед Меганвэйлом Адского Пса. В прошлый раз он так его достал просьбами бросить бревнышко, что доблестный герцог неделю жаловался на боль в вывихнутом плече и распухших мышцах.

Я тогда посоветовал не баловать собачку, на что Меганвэйл ответил с укором, а кого же тогда баловать, да и как откажешь, когда он смотрит такими детскими умоляющими глазами...

Бобик увидел нас, когда подъехали совсем близко, бросился навстречу, Меганвэйл сделал шаг и преклонил колено.

— Герцог...

— Ваше высочество...

— Герцог, — сказал я, — мне приятно видеть, что доблестные полководцы предпочли обитать в шатрах, чтобы оставаться ближе к войску, хотя в столице для них подготовили роскошные апартаменты.

Он воскликнул:

— Ваше высочество!

— Герцог, — сказал я, — ваша армия еще не разбрелась на ловлю кур и гусей, а также веселых женщин?..
Можете встать.

Он поднялся, глаза горят восторгом.

— Удивительная армия, — воскликнул он с чувством. — Никогда не видел такой дисциплины! И вообще, ваше высочество, мне даже нравится вот такое...

ну, когда без сражений или почти без оных устанавливаем контроль над городами и крепостями!..

— Растете, герцог, — сказал я и пояснил: — Умный человек растет всю жизнь, а дурак останавливается рано. Одолеть в сражении — это даже не половина дела, увы. Самое главное начинается потом, как вы сейчас испытываете на своей шкуре.

Он победно ухмыльнулся

— Ваше высочество, но мне это нравится.

— Значит, — сказал я, — нагружу вас еще. Пока не взвоете.

— Ваше высочество?

— Вам новое задание, — сказал я. — Берете с собой наиболее боеспособные части и вторгаетесь в королевство Вендовер. Я туда уже послал гонца с гневным требованием перестать скрывать... нет, это простонародное слово... лучше прекратить укрывать герцога Блекмора и выдать его вместе с плененной им Ротильдой Дрогонской, королевой Мезины...

Он не обратил внимания, что я начал называть Ротильду королевой Мезины, слушает внимательно, спросил деловито:

— Сопротивление ожидать серьезное?

— Вряд ли, — сказал я. — С герцогством у них союз, даже какие-то родственные связи плюс династический брак отца герцога.

— Его мать из Вендовера, — сказал он, явно очень довольный, что может блеснуть знанием таких связей, — поэтому нападения со стороны герцогства там никогда не ждали и оборонных сооружений нет.

— Прекрасно, — сказал я.

— Так что продвинемся далеко, — добавил он довольно.

— Нет, — ответил я. — Как только король Вендове-

ра Буркхарт Третий выдаст королеву Ротильду, вы остановите войска.

Он ответил с неохотой:

— Слушаю, ваше высочество.

— Мне вовсе не нужны войны, — объяснил я. — Даже победоносные.

Он посмотрел на меня в недоумении.

— Почему?

— Мне нужно большее, — ответил я.

Глава 9

Эльфийка сидит в кресле, забравшись туда с ногами, скукожилась в комок, хотя во дворце тепло, блымет на меня огромными глазищами, дивно раскосыми к вискам, что сейчас в полутьме кажутся темно-фиолетовыми.

Днем здесь толклись два священника, окурили ладаном, от которого эльфийка расчихалась, побрызгали святой водой, закрешили молитвами окна и двери, однако еще вчера отец Дитрих предупредил, что так перекрывают доступ нежити, нечисти и демонам, проще говоря, нечистой силе, но если кто явится во плоти, то его могут только лишить магической защиты, как было с оборотнем...

Неделю назад я купил за большие деньги волшебное стекло-амulet. Если посмотреть сквозь него, то можно увидеть то, что было сто или тысячу лет тому.

Я несколько раз заглядывал в дороге, но ничего интересного, даже деревья одни и те же, никогда на месте березняка не растут сосны или наоборот, а скалы и горы вообще не меняются миллионы лет.

Теперь же во дворце начал заглядывать чаще, кто тут правил, как правил, кто куда деньги прятал, вдруг да забыл достать, или ему помешали...

Затем ощущил, что в этом есть нечто непристойненькое, не совсем непристойное, а именно непристойненькое, что еще хуже, все-таки в великих грехах и великих преступлениях есть некое достоинство, а вот мелкое и есть мелкое...

Да еще однажды увидел Ротильду в роскошных покоях, сидящей в кресле с кубком вина в руке, и поспешно убрал волшебное стекло. Не знаю, был ли в той же комнате герцог, и знать не хочу, а то получается, что подглядываю, это нормально для простолюдина, но не для гордого рыцаря.

В дверь стукнули, это приучают к деликатности, заглянул Переальд и спросил тихонько:

— Отец Дитрих?..

— Проси, — сказал я и поднялся.

Отец Дитрих, заметно посвежевший за эти дни, зашел с деловым видом, протянул руку для поцелуя, я отвел его к лучшему креслу, придинул поближе легкий столик и сотворил для него большую чашку с горячим сладким кофе, а потом создал еще и блюдце с рассыпным печеньем.

— С утра отбуду дальше, — пояснил он. — Я же прибыл не только для того, чтобы завезти тебе отпечатанные экземпляры Хартии. Раз уж я архиепископ еще и Турнедо, то побываю и погляжу, что сделать для укрепления и величия церкви...

Я смотрел, как он взял чашку обеими руками, пальцы тонкие, худые, вдохнул одуряющий запах, даже глаза прикрыл от удовольствия.

— А еще Варт Генца и Скарляндии, — напомнил я. — Думаю, в вашу епархию нужно вписать и Ламбертинию. Что-то я не заметил здесь оживленной церковной жизни!

Он кивнул, лицо стало строгим, но сперва сделал глоток, прежде чем ответить:

— Враг пролезает в любую щель, чтобы ослабить нас. В борьбе душа мужает, а в благополучии чаще всего теряет бдительность, потому враг предпочитает про копываться изнутри. Демоны внутри нас... это самое опасное, потому что человек должен бороться сам с собой, а это ох как нелегко! И никто с собой бороться не любит.

— Демоны, — пробормотал я. — Приходилось сталкиваться, но... это не то, что внутри нас.

Он отхлебывал неспешно, наслаждаясь бодрящим напитком, но улыбка оставалась невеселая.

— Ты говоришь о других демонах, сын мой. Как известно, до грехопадения Адам был бессмертным. Как, впрочем, и Лилит. Они нарожали массу детей. Хотя Лилит не имела души, это не мешало их... союзу. Да и когда мужчине мешало отсутствие души у женщины? Но однажды Господь объявил, что отныне человек будет властелином всего сущего, хозяином вселенной и всего, что в ней есть... и часть ангелов, как ты помнишь, были весьма даже недовольна.

— Помню, — сказал я и уточнил: — По старым книгам.

— Вот-вот, — проговорил он мирно, — но только Лилит сразу резко и решительно отказалась поклониться Адаму и признать его господином. Якобы она сказала, что они оба из одной и той же глины, потому равны и подчиняться Адаму не будет, хотя ряд богословов утверждают, что она была сотворена Господом из огненной материи... но это неважно. Важнее то, что из-за ее постоянного спора с Адамом за первенство Господь создал для Адама жену плоть от плоти его, кровь от крови, тихую и послушную. Дети, рожденные Лилит от Адама, остались бессмертными, однако, не имея души, постепенно превращались в чудовищ.

Я спросил хмуро:

— И только со временем их перестали считать людьми и нарекли демонами?

Он ответил невесело:

— Их расплодилось столько, что у них теперь свой мир, скрытый от потомков Евы.

— Отец Дитрих, — спросил я, — но у Адама же была душа? Почему у них...

— У них тоже, — ответил он, — у некоторых... Но души даже у людей, бывает, гаснут, а уж у демонов неистовая звериная натура Лилит подавляет все человеческое... Первое потомство Адама и Лилит почти ничем не отличалось от людей, ты наверняка слышал о стоккимах, нефилимах, рефанах, но когда пошли плодиться в своем кругу, они все больше уходили от первых, а огненная природа Лилит все больше брала верх. Сейчас это... просто демоны.

Я зябко повел плечами, вспомнив демонов, что помогли мне одолеть могучего мага на Юге.

— Демоны бессмертны, — сказал я, — но не креативны. И с каждым тысячелетием... а теперь все быстрее, попадают в зависимость от людей, магов, что ухитряются отыскивать их слабые места. Это опасно, отец Дитрих!

— Знаю, — сказал он. — Церковь постоянно укрепляет защиту против демонов.

Я сказал с неловкостью:

— Вообще-то надо не против демонов...

Он задержал чашку у рта и посмотрел на меня поверх с вопросом в глазах.

— Сын мой?

— А против магов, — пояснил я. — У демонов свой мир, и они отделяются от нашего все больше. А маги стараются получить над ними власть и заставить действовать в нашем мире! Вопреки воле самих демонов.

Он подумал, покачал головой.

— Защиту нужно укреплять против всего, что грозит нам, сын мой. Это как на войне, сперва перемалываешь армии противника, прежде чем доберешься до тех, кто их направил... А так да, конечно, лучше всего было бы сразу убирать тех, кто командует!.. Но неужели тебе кажется, что первым додумался ты?

Я поежился, вспомнив попытки достать меня мечами, когтями, магией, женщинами...

Он допил, со вздохом сожаления опустил чашку на стол и поднялся.

— Надо успеть поспать перед дорогой.

Я подхватился, взял его под локоть и бережно проводил до двери. Он обернулся и перекрестил неподвижную эльфийку.

— Мудрый ход, сын мой... Хоть и забегаешь далеко вперед. Надеюсь, у тебя получится и это.

Он не уточнил, что такое «это», вышел, и лишь когда дверь закрылась, Лалаэль перевела дыхание.

— Уф... Как я его боюсь!

— Почему? — спросил я. — Он хороший.

— Он замечательный, — возразила она с пылом. — Но это как огромная сверкающая гора, что надвигается и надвигается... Я чувствую такую ужасающую мощь, что может сметать горы...

— Понятно, — сказал я, — ты боишься, как тушканчики страшатся приближения грозы с громом и молниями, хотя гроза приходит вовсе не из-за тушканчиков...

— Я тебе не тушканчик!

— Еще какой, — заверил я. — Прямо тушкан. Принцесса тушканчиков.

В коридоре послышались голоса, я не успел прислушаться, как сама по себе отворилась дверь, в комнату вошла цветущая и радостная Бабетта. Все так же налита солнцем, золотые волосы падают на спину в под-

черкнутом и строгом беспорядке, губы — спелые чешни, в глазах смех, на щеках сильный и здоровый румянец.

— Рич, — сказала она щебечуще, — какие у тебя красивые мужчины в охране!.. Но ты все-таки ярче. И намного интереснее!..

Я пробормотал ошалело:

— Бабетта... Ты умеешь удивить...

— Я такая, — заявила она, увидела эльфийку в кресле, моментально умилилась: — Ой, какая хорошенькая!.. Рич, у тебя прекрасный вкус!.. Я даже не предполагала и... знаешь, начинаю ревновать.

Я фыркнул, как большой боевой конь на краю поля битвы.

— Ну да, ревновать, слово-то какое!.. Ты хоть знаешь его значение? Жаль, у меня нет толкового словаря, а сам объяснить не сумею...

Она продолжала рассматривать испуганную эльфийку очень внимательно и оценивающе.

— Она не просто хорошенькая, — комментировала она так, словно рассматривает на рынке щенков в корзине, — она... она прекрасна!.. Давно не видела эльфов. Как тебе удалось? Хотя тебе все удается, вон меня как сумел, я и опомниться не успела.

Я сказал мирно:

— Садись вот сюда. Вино?.. Мясо?.. Ты еще не перешла на человечину?

Она грациозно опустилась в кресло, глаза живо блестят, захочатала весело и непрятворно:

— А что, пора?.. Знаешь, ты прав, когда все в жизни перепробовано, может быть, стоит... как думаешь?

— И что останавливает? — поинтересовался я.

Она посмотрела с хитрой усмешкой.

— А откуда идея, что я остановилась?

— Чутье..

Она пожала плечами.

— Не знаю даже. Какой-то страх... Нет, не моральные запреты, а нечто иное... Может быть, то, из чего и возникли эти дурацкие моральные запреты? В общем, пока не решаюсь...

Слуга внес на подносе вино, жареное мясо и белый рыхлый сыр, нарезанный толстыми ломтями. Я взял кувшин и собственноручно, с предельной галантностью, налил ей в кубок.

Она наблюдала, как темно-вишневая струя слегка выгибается дугой, медленно взяла, в задумчивости повертела ножку в пальцах, продолжая рассматривать слегка вспененную поверхность.

— Вообще-то, — проговорила она с хитрой усмешкой, — я знаю о твоей способности создавать вино и еду...

Я открыл и закрыл рот, потом сказал с неловкостью:

— Знаешь, не люблю признаваться, но меня это так истошает, что прибегаю к такому только в редких случаях.

Она чуть кивнула.

— Когда очень уж хочется похвастаться?

— Скорее, — уточнил я, — когда похвастаться надо.

— Да, — согласилась она, — магия требует нешуточных сил... Ладно, у герцога, оказывается, прекрасное вино. А я еще и проголодалась.

— Да, — сказал я ей в тон, — и перемещение с помощью магии требует сил. Верно?

Она красиво вскинула брови в наигранном изумлении.

— На что ты намекаешь? Я?.. С помощью магии?.. Рич, я примчалась на прекрасном быстром коне! Все видели, как я проехала через арку городских ворот!

— Это тоже объяснимо, — сказал я, — и ты это зна-

ешь... что я знаю. Вообще-то, Бабетта, когда ты попадалась мне вроде бы случайно в Сен-Мари, это еще можно было объяснить, хоть и с натяжкой. Но когда вот здесь, по эту сторону Великого Хребта, то и самый тупой поймет, что послана проследить за кем-то. Но если прибыла именно сюда...

Она бросила беглый взгляд в сторону эльфийки, ее мы в разговор не вовлекаем, это не детские игры, поморщилась.

— Какие ужасные слова употребляешь!..

— Подбери более точные, — предложил я любезно.

— Ну-у-у, — протянула она, — где твое мужское самолюбование? Почему не предположить, что я, будучи безумно влюбленной в тебя, такого замечательного, последовала за тобой, чтобы втайне вздыхать и восторгаться?.. Девочка, ты нас не слушай, в него все влюбленаются, противного такого!

— Да, — согласился я, — это здорово. И слушать приятно, ты права. Но я в самом деле все глыбже влезаю в шкуру правителя и государя.

— И что?

— На такого мелкого червячка не ловлюсь, — сообщил я.

— А на какого?

— Размером с королевство, — сообщил я. — И чтоб это королевство было размером с планету. Ты знаешь, что такое планета?

— Как-то слышала, — ответила она небрежно. — А ты?

— Тоже слышал, — сообщил я. — В детстве. Так как насчет шпионажа? В отличие от солдат шпионов и диверсантов вешают на месте! И вообще, как думаешь, почему я не удивлен, встретив тебя здесь?

Она кокетливо расхохоталась.

— Я знаю!

— Так почему?

— Ты думал обо мне, — сказала она щебечуще, — вот я и появилась!

— Прекрасное объяснение, — согласился я. — А теперь давай серьезно.

— Ой, — сказала она подчеркнуто серьезно, — давай. А с тобой можно?

— Бабетта, — ответил я мирно, — ты даже не представляешь, что со мной можно. Давай сразу уточним одну бесспорную вещь. Ты послана шпионить за мной...

Она улыбнулась.

— Милый Рич, я обожаю тебя за твоё самомнение...

— Разве не так? — спросил я.

Она покачала головой.

— Вспомни, я была в Брабанте, когда ты прибыл через Перевал, молодой такой и самоуверенный виконт, ничего еще не умеющий и особенного из себя ничего не представляющий....

Я поморщился.

— Ну, вообще-то я шороху там задал... хоть и позже. Ладно, ты присматриваешь за всем этим регионом. Резидент, так сказать, местной шпионской сети по эту сторону океана. Но теперь, когда заметную роль начал играть я, ты все больше интересуешься мною. Не так ли?

Она продолжала беспечно улыбаться, а лямка с ее плеча все сползала и сползала.

— Бабетта, — сказал я, — не отвлекайся. Можешь вообще спустить эту штуку, а то и раздеться догола. Увидишь, смогу разговаривать так же спокойно. Во всяком случае, твои несомненные прелести не сбьют, не отвлекут, не направят мысли в иное русло.

— Ты настоящий мужчина, — сказала она с одобрением, — не самец, что обычно понимают под этим

словом, а действительно... И сейчас у тебя что-то на уме вот прямо во время разговора появилось, я же вижу по твоим честным мужским глазам, как нечто крепнет и пускает корни...

— Точно, — согласился я.

— Говори, — сказала она, — я уже в кресле, из него не выпаду.

— Есть идея, — произнес я скромно. — Почему бы не перевербовать тебя, такую умную и красивую?

Глава 10

Мне показалось, что эльфийка бросила на меня лютый взгляд, но я смотрю на Бабетту, не отвлекаюсь, а она в удивлении вскинула брови и расхохоталась.

— Меня?.. Ты?

— А почему нет? — возразил я уязвленно. — Да, он император. Всей его власти не знаю. Однако там ты, полагаю, она из многих, а здесь ты могла бы стать... Однажды великий Цезарь, проезжая через нишую альпийскую деревушку, сказал придворным, что он предпочел бы здесь быть первым, чем вторым в Риме.

Она посмотрела серьезно.

— Рич... Не знаю, как мужчины, вас целиком лепили из самолюбия, а я бы подохла в такой деревушке. Мне нужен шумный придворный свет, много красивых и умных людей, музыка, веселье, интриги...

— У меня это тоже все есть, — заверил я, — а будет еще больше. Неужели тебе не хочется стоять у начала чего-то великого?

— Радость мужчин в сотворении, — произнесла она еще серьезнее, — радость женщины — в потреблении. Но еще большая радость для женщины... это — лью воду на твою мельницу — быть рядом с мужчиной, который умеет что-то создавать, решать, принимать на се-

бя ответственность... Нет-нет, не спеши гордо расправлять плечики! Ты пока еще ломаешь. А это возраст детства. Вот когда начнешь строить...

— Я уже строю, — ответил я просто.

Она улыбнулась.

— Да?

— На обломках, — пояснил я. — Конечно, сперва расчищаю площадку. Но ты видишь пока только руины того, к чему привыкла. Такое тебя... удручет, скажем мягко. Но я уже строю, хотя видишь пока только флот.

Она продолжала улыбаться.

— Еще железная дорога, — напомнила она. — Очень изящное решение! Никогда бы не додумалась...

Я отмахнулся.

— А ты в шахтах бывала? То-то. Там везде полозья, на тележках руду вывозят. Я всего лишь вывел подобное из шахт на свет божий и... укрупнил. Бабетта, я в самом деле строю новый мир! И кое-кто уже это понял.

Она спросила так же легко и даже игриво, но я уловил резкий скачок интереса:

— Кто же этот проницательный мудрец?

— А догадайся, — сказал я. — И еще... не отвергай сразу, ты же умная женщина!.. Умные женщины умеют доить сразу двух мужчин. А то и больше.

Она хихикнула.

— Мужчин? Императоры и даже короли — это не мужчины, это что-то иное. Хотя да, мужчины тоже присутствуют, но мужчины в вас в меньшинстве.

— Бабетта, — сказал я с укоризной. — Так нечестно. Ты даже не хочешь признать, что выполняешь какие-то задания, хотя это понятно, да и ты знаешь, что я это давно понял. Но даже отказываешься обсуждать какие-то варианты...

— Какие? Ты можешь ответить, зачем было захватывать герцогство?

— Сказать честно? — спросил я.

Она проговорила настороженно, даже чуть отстранилась:

— Ну... если это тебя не убьет...

— Не убьет, — успокоил я, — хотя шарахнет. В герцогство я вторгся с огромной армией, народ притих, в том числе и самые амбициозные лорды. Впервые я не прочь, что репутация у меня... ну, как бы не очень...

— Еще как не очень, — сказала она милым голоском, — несмотря на твои сладкие речи.

— Ну так вот, — продолжил я; уже сердясь на самого себя за минутную слабость, — здесь и проделаю то, что пока не решаюсь даже в Турнедо и Сен-Мари, хотя там тоже стоят мои армии.

Она проговорила с непониманием:

— Что? Что ты замыслил столь чудовищное... что даже сам не решаешься?

— А поговори с народом, — ответил я и добавил злорадно: — С любым, не только с лордами. Увидишь, я не только воевать умею.

Она помолчала, глядя на меня серьезно и задумчиво. На эльфийку больше не обращала внимания, да и та затихла, вообще старалась не шевелиться и не привлекать к себе внимания.

Я не сводил взгляда с Бабетты, она обронила наконец тихо:

— Поговорю... При дворе императора Германа, кстати, как раз сейчас идет дискуссия, как к тебе относиться.

Я сказал бодро:

— Не могут понять, расцеловать меня в правую щеку или в левую?

— Спасибо, — пропела она нежно, — что не сказал насчет жопы.

Я сказал с укором:

— А еще леди...

— Милый, — возразила она, — это выражение впервые услышала именно от тебя!

— Быть такого не может, — сказал я. — Будучи отцом народа и покровителем изящных искусств, я разве такое могу? Обычно заворачиваю круче... И что, на меня уже обратили внимание?

Она послала мне очаровательную улыбку.

— Внимание обратили давно, милый. Еще до того, как ты отыскал Тоннель и вторгся в Сен-Мари, что находилось под рукой императора.

— На словах, — напомнил я.

— Неважно, — ответила она. — По крайней мере, король Кейдан называл себя вассалом императора. Ты себя им не считаешь, и многие требуют у императора, чтобы ты был...

— Устранен?

— Наказан, — уточнила она после короткой заминки.

— Но не все?

— Не все, — согласилась она. — Большинство все же полагает, что овчинка выделки не стоит. Во-первых, Сен-Мари за океаном, все равно это лишь далекий осколок некогда великой империи, фактически уже давно потерян... Во-вторых, ты не представляешь большой угрозы, а ради той, что есть, не стоит задействовать серьезные силы...

Я насторожился, буркнул:

— А несерьезные... насколько серьезны для меня?

— Лучше с ними не сталкиваться, — пропела она чарующе. — Здесь такой моши не знают, и к ней не весьма, как ты говоришь. Однако самые прозорливые,

к их мнению император обычно прислушивается, полагают, что ты становишься опасен.

— Вот как?

— Да. И напоминают, что проще задавить волчонка, чем пытаться бороться, когда он станет матерым волком и возглавит огромную стаю.

Я спросил настороженно:

— И что император?

Она лукаво улыбнулась.

— Рич, а ты меня любишь?

— Перестань, — ответил я, — что император?

— Император, — повторила она, — император... А что император?.. Ничего. Понимаешь, чем выше поднимаешься, тем осторожнее себя ведешь. Император слова не скажет, прежде чем выслушает сорок советников.

Я покачал головой.

— И что... он их еще не выслушал?

Она пожала плечами.

— Откуда мне знать, кого и что он слушает?.. Я — свободная птица, красивая женщина, живу в свое удовольствие. Может быть, император не только выслушал, но и принял какое-то решение. Может быть, даже не начинал слушать. Однако же тебе нужно либо утихомириться и, как у вас говорят, залечь на дно, либо же ясно показать императору, что являешься его подданным.

Я сказал зло:

— Неужели император делит мир только на подданных и врагов?

Она красиво расхохоталась, чувственно открывая сочный рот с пухлыми губами, красиво и зовуще вывернутыми, откинула голову, так что я увидел ее нежное горло, а от него скользнул взглядом к нежной груди, почти выпрыгивающей из корсажа.

— Я же сказала, милый Рич, насчет волков и волчат?.. Когда он пришел к власти, в других регионах уже были равные ему по мощи волки с многочисленными волчьими стаями. Понял? А вот волчат за годы своего правления он утопил немало.

Злость и страх борются во мне так, что сердце едва не выскакивает, я заставил себя сделать глубокий вдох и сказал контролируемым голосом:

— Надеюсь, твой император точно понимает, кто волк, а кто волчонок.

Она ответила серьезно:

— Поверь, он понимает.

— Иногда волчата растут очень быстро, — добавил я.

— И это он понимает, — сказала она, — более того, ты как раз волчонок, что растет не просто быстро, а удивительно быстро.

Она сделала многозначительную паузу, я договорил за нее:

— И потому он наверняка принял какое-то решение. Даже догадываюсь, какое.

— Рич?

— Ночью был убит оборотень, — сказал я, — что пытался вломиться в мою спальню.

Она вытаращила глаза, затем звонко расхохоталась.

— Рич!.. Ну не будь таким ребенком!.. Чем император и... оборотни? Рич, не смеши. Такой примитив, можно даже сказать — деревенскость, можно увидеть только здесь, в северных землях, далеких от цивилизации. Нет-нет, я не выдам никаких тайн, если скажу, что императорская канцелярия ни при чем. Это глупые штучки местных магов-самоучек... Ладно, Рич, ты сегодня очень серьезный и, как вижу, весьма поэтичный, потому не буду навязывать тебе свое общество. Увидимся!

Она легко вспорхнула из кресла, вся, как рождественский ангел, нежная и зовущая, улыбнулась игриво и сделала шаг к двери, что снова сама распахнулась на встречу.

Уже из коридора послала мне обольстительно-сочувствующую улыбку, в которой были и сожаление, и нежность, и дружеское участие.

Дверь со стуком отрезала ее от нас, но Лалаэль не двигалась, пока в коридоре звучал перестук каблучков, а когда повернулась ко мне, ее огромные глазищи были полны недоумения.

— Не понимаю...

— Я тоже, — сказал я небрежно, — но не обращай внимания. Если бы мы делали только то, что понимаем, мы бы из пещер не вышли.

Она покачала головой.

— Нет, мой господин, я не понимаю... Она — зло, огромное и могучее зло, но вредить тебе почему-то не собирается. Совсем напротив...

— Это как? — спросил я.

Она сказала растерянно:

— Не знаю... Это сложно. Она словно бы должна ударить тебя... и защитить от этого удара!.. Не понимаю я людей.

— А кто их понимает? — изумился я. — Это такие двуногие птицы без перьев... Я вот не понимаю, как Господь творил человека по своему образу и подобию! Сколько ломал голову, но не понимаю.

Она пискнула:

— Спроси у отца Дитриха.

— Чтоб он меня на костер?.. Нет уж, надо самому думать. Особенно хорошо о таком абстрактном думается, когда нужно делать что-то важное, срочное и конкретное. Вот тогда мы все философы заоблачные...

Глава 11

За окном звон мечей, два громадных рыцаря с ревом рубят один другого тяжелыми мечами, от щитов обоих уже отрублены края, на шлемах срублены перья, но одни дерутся отчаянно, что и понятно: один в цветах моей армии, другой ламбертинец.

Подобные поединки вспыхивают на каждом шагу, все они называются дружественными, якобы просто интересуются боевыми приемами друг друга, но обычно заканчиваются весьма ожесточенно.

Я сжал челюсти, но смолчал. Нет смысла издавать запреты, скоро уйдем отсюда... если, конечно, не найду повод зацепиться и оставить эти земли под своей властью в той или иной мере.

В дверь заглянул Динальд, телохранитель, красивый и рослый, он из знатнейшего рода Сен-Мари, едва ли не самого древнего в королевстве, но считает честью охранять мои покой и мою шкуру.

— Ваше высочество, — сказал он почтительно, — в Истанвил только что в большой спешке прибыли послы из королевства Вендовер.

— Ого, — сказал я, — быстро они. Где сейчас?

— Ждут аудиенции, — сообщил он.

— Пусть им отведут хорошие комнаты, — распорядился я. — Не лучшие, а так... средние.

Он покачал головой.

— Говорят, будут ждать, когда вы сумеете их принять.

Я подумал, поколебался, есть соблазн подержать их подольше, а то и назначить прием на завтра или послезавтра, однако это мало что мне даст, потому сказал после минутного раздумья:

— Через час в малом тронном зале.

— Сообщить, что примете?

— Да, — сказал я нетерпеливо. — Сообщи!

Он скрылся, эльфийка вздрогнула и отшатнулась, когда я повернулся к ней и посмотрел взглядом собственника.

— Ты чего? — пропищала она в ужасе. — Ты чего такой? Я с тобой не пойду!

— Вообще-то, ты должна сидеть рядом, — сказал я. — Народ должен привыкать видеть тебя возле олицетворения власти.

Она пискнула:

— Это ты так о себе?

— Да.

— Ничего себе олицетворение...

— Однако, — сказал я после паузы, — на этот раз освобождаю от этой приятной, я же вижу, и ах какой почетной повинности. Но потом заставлю отработать вдвоем.

— Хорошо-хорошо, — согласилась она, — лучше потом. Когда привыкну. Если привыкну.

— Куда денешься, — сказал я.

Через час я неспешно отправился в указанный зал, за мной сразу же пошли двое из телохранителей и один монах, хотя другие монахи и так распределены по всем коридорам и залам, где я должен или могу проходить.

Лалаэль оставил в личных покоях герцога вовсе не потому, что пожалел, я уже начинаю гордиться безжалостностью, но речь может зайти о пленнице, а это будет перебор, когда и эльфийка, и Бабетта, а потом еще и Ротильда...

По дороге присоединились некоторые лорды, все стараются быть рядом с государем, когда тот принимает иностранных послов или вообще ведет приемы. Таким образом их запоминают, запоминают, что эти люди близки к тому, от кого зависит их судьба, а репутация в этом мире значит очень много.

У самых дверей зала увидел Ханкбека, беседующего

с гигантом, похожим на огра в одежде человека: голова сидит прямо на плечах, шеи не видно, а шляпа совсем чудовищная...

Ханкбек умолк и поклонился, огра обернулся, я чуть не плюнул, узнав Шварцкопфа.

— Дорогой Армин, — сказал я в сердцах, — кто вас так обрядил?.. Местные модницы? Никого не слушайте, одевайтесь по своему выбору. А сейчас оба будьте при мне.

Шварцкопф виновато развел огромными и толстыми, как стволы деревьев, руками.

— Ваше высочество...

— Думаете, — сказал я едко, — все закончилось?

Шварцкопф ответил с тяжелым юмором:

— Ваше высочество, мы же видим, с кем пошли!

Перед нами поспешило распахивать двери и кланяются, кланяются, это уже местные, ламбертинцы постепенно возвращаются к своим обязанностям.

Я прошел к трону, уселся в царственной позе и напомнил себе, что отныне я уже принц, и вообще — победитель, потому я диктую, и какие бы важные и внушительные с виду люди ни появились, это они должны слушать меня, внимать мне и кланяться мне.

Хруйт и Динальд за моей спиной застыли, словно выкованные из металла фигуры, в руках церемониальные копья, но оба прекрасно владеют ими не хуже, чем боевыми, а Шварцкопф, Ханкбек и другие лорды гордо встали по обе стороны трона, выпрямились и смотрят с гордым достоинством на всех, кто в буквальном смысле ниже на ступеньку в зале.

Дверь отворилась, Альбрехт вошел царственным шагом и поклонился с великим чувством достоинства, одновременно окинув меня цепким взглядом, дескать, не расстегнута ли ширинка, вытер ли слюни...

— Ваше высочество, послы из королевства Вендорвер.

Я произнес царственно-небрежно:

— Пригласите.

Он вышел, я слышал его приглушенный голос, затем дверь распахнулась снова, в зал вступили двое в темной одежде и темных шляпах, что так непривычно в ярко праздничном рыцарском мире.

Оба сразу же преклонили колени и почтительно склонили головы. Я произнес властно:

— Лорды...

Они чуть-чуть поклонились, я сказал все тем же царственно-властным голосом:

— Что бы ни привело вас в мой лагерь, пусть это будет нужным и полезным делом. Вы можете полностью довериться герцогу Шварцкопфу, он пользуется моим полнейшим доверием.

Оба, не поднимаясь, смотрят мне в лицо с тем вниманием, когда слова почти не слушают, стараясь прощать недосказанное, что должно пропустить в выражении лица, но я держусь как фараон на троне, и после короткой паузы сделал движение пальцами, что все всегда понимают правильно.

Послы поднялись, поклонились еще и, прижав шляпы к груди, одновременно отступили, не поворачиваясь. По церемониалу нужно сделать два шага, потом повернуться и выйти, что они и проделали, это в тесном шатре не получалось, и там подобные им выходят, пятясь, словно мелкие просители из чертогов восточного сатрапа.

Шварцкопф пробормотал так тихонько, что кроме как в этом зале и двух соседних его могли и не услышать:

— Я польщен, но... почему вы не возжелали...

— А догадайтесь, дорогой друг.

Он пошевелил могучими плечами.

— Ну... полагаю, раз в вашей руке меч длиннее, то вам не изволится вести переговоры с мелкими лордами.

— Верно...

— Вы хотите, — проговорил он с сомнением, — чтобы прибыл сам король Буркхарт Третий?

— Точно!

— Это еще не все?

— Не все, — согласился я. — Постарайтесь догадаться о главной причине!

Он покачал головой.

— Теряюсь в догадках.

Я поднялся с трона, хлопнул его по плечу.

— Не пора ли вам самому упражняться принимать послов?..

Он неуверенно заулыбался, еще не понимая, зачем ему это здесь, но чувствуя, как далеко впереди восходит солнце Скарляндии.

Во дворце оживление, прибыли фрейлины, разбежавшиеся после сдачи города нашим войскам, хотя надо привыкать говорить «моим войскам».

По одной не решались, но после слухов о короновании завоевателя принцем и о том, что никого не грабят и не насилуют, откликнулись на призыв графа Дэниэла Чарльза вернуться и составить свиту принцессы, что прибыла вместе с тем самым ужасным Ричардом.

Оживились не только мои орлы, истосковавшиеся по молодым женщинам своего круга, но и ламбертинцы, привыкшие видеть во дворце самых красивых и знатных леди герцогства.

Из прибывающих почти половина новеньких, все чистенькие, благовоспитанные, платья густо осыпаны бисером и прошиты золотыми нитями.

Народ сразу ломанулся навстречу, а там выстроились в две шеренги, пропуская их посредине, смотрят влюбленно-почтительно, даже вроде бы не раздевают взглядами. Девушки в самом деле выглядят крайне добродорядочными и скромными, даже вырезы у платьев почти ничего не открывают, опускаясь всего на два пальца ниже горла.

Некоторые из самых храбрых орлов пытались заговорить с ними, другие просто восклицали:

- Смотри, как идет!
- А у этой, как у лебедя...
- Ха, смотри, как вон у той оттопыривается...

Когда они собрались в большой комнате отдыха для фрейлин, я вывел к ним эльфийку. Все юные леди тут же присели в почтительнейшем поклоне. Я некоторое время озирал их свирепым взглядом — так надо, это все для новоявленной принцессы: пусть видит, как меня боятся, а это значит, что будут подчиняться и ей, а вовсе не будут бить и пинать.

— Встаньте, леди, — распорядился я. — Вот ваша госпожа, зовут ее Лалаэль. Она принцесса эльфов, так что ничего не потеряла и не приобрела, переменив... место жительства. Вы должны беспрекословно выполнять все ее пожелания... К сожалению, характер у нее слишком мягкий, но не советую этим пользоваться! За ее спиной стою я, даже если в этот момент нахожусь в другом королевстве, но по возвращении взыщу по всей строгости...

Они поглядывали пугливо, иные уже и не рады, что решились явиться во дворец, но я улыбнулся и продолжал уже другим тоном:

— Надеюсь, вы объясните ей все обычай нашего двора. В ее королевстве... порядки несколько иные. Теперь покидаю вас... э-э... прелестницы.

Когда закрывал за собой дверь, мне почудился одновременный вздох великого облегчения.

Глава 12

Ненавижу моменты, когда приходится просто ждать, а когда это растягивается на дни, вообще готов выть и заниматься любой хренью, только бы не сидеть как дурак и не ждать.

Хотя для государственника порой терпение намного важнее любых суетливых телодвижений, но я пока еще тот государственник, которого лучше не скрести.

Эльфийка, забравшись с ногами в кресло, скрючилась и наблюдает за мной огромными пугливыми глазами, а я сосредоточился и уставился на середину стола бараньим взглядом настоящего мужчины, который знает, что он хочет.

— Ты чего? — донесся устрашенный писк из глубин кресла. — Ты чего там, а?

— Все норм, — пробормотал я, — а ты чего не с фрейлинами?

— С ними не так интересно, — заявила она.

— Почему?

— Не знаю. Просто неинтересно. А что ты делаешь?

— Ставлю опыт, — ответил я важно. — Как-то слышал, что Господь сделал нас, даже создал, по своему образу и подобию... Вот пробую это доказать или опровергнуть экспериментальным путем...

Над столом сгустился воздух, а когда рассеялся, на столе ярко блеснул гранями настоящий бриллиант... ну, почти бриллиант, хоть и больше похожий на криевой стеклянный булыжник...

Когда-то и простая глиняная чашка, грубая и со следами пальцев, казалась чудом, но постепенно сумел дисциплинировать дурацкое воображение, что скакет, как безмозглый козел, создавал настоящие фарфоровые, даже с изящным рисунком, а сейчас вот, пользуясь вынужденным ожиданием, сумел, сумел...

Я постарался отстранить все, что лезет в уши и в го-

лову, представил ярко и образно настоящий бриллиант, «Граф Орлов» или «Махараджа», чистейшей воды, какие только приходилось видеть в жизни...

Донесся восторженный писк, я открыл глаза и вздохнул с великим облегчением: на столе почти такой же, что я представил, только с одной стороны грани чуть кривоваты, но зато какая чистота и прозрачность!

Пока идет, я снова собрался, настроился, и второй камешек получился еще эффектнее: прозрачный, как вода из горного родника, чуть голубоватого оттенка, рассыпающий крохотные разноцветные искорки, настоящее произведение искусства. Если не признаваться, что это всего лишь подсмотрено, то можно объявить себя дизайнером.

— Теперь верю, — сказал я с облегчением и добавил торопливо: — Нет-нет, и раньше верил, что Господь создал нас по своему образу и подобию, но как же приятно получить подтверждение!

Она пропищала:

— Как красиво...

Я сказал гордо:

— Это еще что!.. Всего лишь бриллиант. А Господь создал нас, вот это искусство!

С грохотом распахнулась дверь, Шварцкопф застыл на пороге, лицо виноватое.

— Ваше высочество, — сказал он торопливо, — прощите, я не думал, что она открывается так легко. Вам бы потяжелее и потолще створки...

Я спросил недовольно:

— Дорогой Армин, что-то случилось?

Он развел руками.

— Посланцы короля Вендовера, с которыми я вел по вашему указанию переговоры, уезжают. Мы ни до чего не договорились, увы.

— Понятно, — сказал я, — и просят перед отбытием на родину заключительной аудиенции?

Он посмотрел на меня чуточку удивленно.

— Да-а... Откуда вы знаете?

— Вы уже не племенной вождь, — напомнил я. — Вы скарляндский герцог, который должен спешно постигать дипломатические правила игры, чтобы не оставаться в дураках. Все верно, они уезжают, но хотят этим самым слегка надавить на нас.

Он побагровел, стал еще огромнее, раздулся в гневе.

— Надавить? На нас?

— Обычная практика, — заверил я. — Ничего личного. Пригласите их... в малый зал, я приму их. Пусть убедятся, что я не скажу ничего другого, чего не сказали им вы.

Он поклонился, на огромном суровом лице простило выражение благодарности.

— Ваше высочество...

— Герцог, — ответил я.

Он отступил в коридор, нежно-нежно прикрыв за собой дверь, эльфийка зашевелилась и, выбравшись из уютного гнездышка, подошла к столу и уставилась на сверкающий камень огромными глазищами, на которые не устаю любоваться.

— Это тебе, — сказал я небрежно. — Играй, только не поранься.

Она кивнула, даже не обратила внимания, что я быстро опоясался мечом и вышел.

Малый зал прямо под покоями герцога, стоит только сбежать по лестнице и пройти крохотным узким коридором, где стражники и монахи просматривают каждого, а когда никого нет, так же внимательно просматривают пустое пространство.

Я, конечно, не сбежал — правитель такого ранга должен вести себя под множеством взглядов не так,

как ему хочется, а как принято, как ждут, и я прошествовал медленно и важно, задирая голову и выпячивая нижнюю челюсть.

Шварцкопф встал рядом с троном, Чарльз, Альбрехт, Будакер и Палант подошли с другой стороны, я сел и, опустив руки на подлокотники... нет, возложив их, выпрямился в подчеркнутой надменности.

— Введите!

Двери тут же распахнули, по красной ковровой дорожке быстро прошли два посланца, им как раз нельзя идти медленно, это было бы оскорблением моего достоинства, медленность и величавость — прерогатива людей высшего ранга.

За несколько шагов оба преклонили колени и склонили головы. Выждав минуту, я сказал равнодушно:

— Лорды...

Они подняли головы, Альбрехт сказал торопливо и подчеркнуто почтительно:

— Ваше высочество.

— Лорды, — сказал я медленно, — я весьма недоволен. Вы прибыли с какими-то предложениями от Его Величества короля Буркхарта Третьего, но так ни о чем и не договорились?

Посол бросил короткий и достаточно раздраженный взгляд в сторону Шварцкопфа, но ответил предельно вежливо:

— Ваше высочество, у нас имеются серьезные разногласия по ряду вопросов.

Я вскинул брови и повернул голову в сторону Шварцкопфа.

— Что?.. Герцог, что вы себе позволяете? Почему вы преступно затягиваете плодотворный переговорный процесс, вместо того чтобы решить все вопросы быстро и четко?

Шварцкопф вздрогнул, глаза стали непонимающи-

ми, но все смотрят на него с осуждением, он ответил густым голосом, но весьма растерянно:

— Ваше высочество... Его Величество король Буркхарт Третий категорически отказывается выдать герцога Блекмора! Это его родня, а сам герцог отказывается освободить Ее Величество Ротильду...

Я сказал подчеркнуто лято (все должны видеть мой гнев):

— Что? Да как он смеет!

Посол не смел поднять глаз, я раздуваюсь от гнева, как большая страшная жаба, а дыхание мое напоминает рев дракона в пещере.

Шварцкопф, начиная догадываться, что у меня за игра, сказал совсем смиренно:

— Ваше высочество...

Я рыкнул:

— Ну? Что он хочет?

Шварцкопф проговорил тихим-тихим голосом:

— Как я понял, Его Величество король Буркхарт желает получить какие-то гарантии.

Я прокричал гневно:

— Он преступно укрывает преступника... преступившего... да как он смеет еще на что-то... надеяться?

Шварцкопф смолчал, только развел руками и поклонился, показывая, как он трепещет перед моим небузданным гневом.

Оба посланца короля, похоже, тоже ощутили такой трепет. У старшего даже голос дрогнул, когда он спросил робко:

— Ваше высочество, нам надеяться на какой-то ответ?

Я с огромным усилием — пусть все видят, как мне тяжело дается такое не свойственное гордому рыцарю смирение, — проговорил сквозь зубы:

— Душа моя кричит и требует, чтобы я... немедлен-

но... понимаете, немедленно!.. Однако я гуманист и миротворец, я стерплю это ужасающее оскорбление и отвечу, когда гнев мой сожжет мои внутренности и угаснет в пепле...

Шварцкопф хмурился и страшно вращал глазами, показывая, что я слишком добр, Чарльз, Альбрехт и Будакер то и дело шлепают ладонями по рукоятям мечей, ах как возмущены, и посол почти прошептал с великой благодарностью:

— Да, ваше высочество... мы будем ждать, ваше высочество...

Когда они оба, пятясь, вышли, я кивком велел наклониться Шварцкопфу, сказал шепотом:

— Прекрасно сыграно, герцог!.. Теперь они увидят, что вы просто ангел в переговорах. Продолжайте в том же духе.

Он улыбнулся, довольный, ответил так же негромко:

— Но они уезжают...

— Да, — ответил я. — Но перед самым отъездом обязательно захотят переговорить с вами. И предложат какие-то уступки.

Он спросил деловито:

— И на какие соглашаться?

— Ни на какие, — ответил я. — Мы будем продолжать наступление. Даже ночью!..

— Ваше высочество?

— Чем дальше продвинемся, — сказал я, — тем сгворчивее будет король Буркхарт.

Он поклонился.

— Да, ваше высочество. Все будет сделано, ваше высочество!

Он вышел грузно, но быстро, как взыгравший боевой брабант, а я повернулся к своим полководцам. Ничего нового придумывать не нужно, у меня достаточно

военного опыта, я же старые книги в самом деле читал и помню все, что нужно делать в подобных случаях и чего нельзя ни в коем случае.

Рядом стоит граф Дэниэл Чарльз, смотрит настороженно, но, мне кажется, он уже понял, что я игру начал разыгрывать.

— Дорогой Дэниэл, — сказал я резко, — помогите завтра герцогу Шварцкопфу своим авторитетом ламбертинца. Я имею в виду продолжить торг!.. Долгий!.. Скажете, что я устраниюсь от всех переговоров, пока они не подойдут к заключительному этапу, когда нужно будет что-то подписать или утвердить.

Граф Чарльз просиял.

— Я все понял, ваше высочество! Приложу все силы.

Я повернулся к Будакеру.

— А вы, барон, берите свою армию и тоже, как и Меганвэйл, начинайте широкомасштабное вторжение. Принцип тот же — старайтесь захватить как можно больше территории. Замки и крепости не трогайте, гарнизоны там крохотные и в спину не ударят.

Будакер выслушал, поклонился.

— Тогда выступаю немедля.

— Хорошо сказано, барон, — ответил я. — Именно.

Альбрехт проводил взглядом его прямую спину с развернутыми плечами, брови озабоченно сдвинулись над переносицей.

Я поднялся, сказал бодро и властно:

— Прием окончен, всем заниматься своими делами. А вы, граф, останьтесь.

Альбрехт поклонился и замер, но я прошел мимо и только кивком пригласил его следовать за собой. Он пошел рядом, на меня поглядывает пытливо, со странным выражением в глазах.

— Ну? — спросил я на ходу.

Он вздохнул, покачал головой. Мы прошли через

коридор, уже на лестнице он проговорил с предостережением в голосе:

— На этот раз зарыгаешься, ваше высочайшее величество.

Я буркнул:

— Это что еще за титул?

— Высочайшее? — переспросил он. — Да вот не знаю, как обращаться к принцу, что сгоняет с престола королей...

— Я еще никого не согнал, — огрызнулся я. — Подбираю разве что, если само со стола рухнет.

— А Кейдан? — сказал он напоминающее.

— Его отстраняет с высокого поста демократическая общественность местных лордов, — напомнил я сварливо. — Как утратившего доверие народа, о чем громко говорят представляющие его интересы герцоги, графы и бароны, а также скромная и тихая, как мышь, оккупационная армия, что принесла мир, демократию и всенародные выборы.

Мы подошли к дверям моих покоеv, слуги распахнули обе створки и застыли. Я кивком велел ему следовать за мной, и он проговорил в спину:

— А Гиллеберд?

— Его свергла коалиция! — напомнил я снова. — Сообщество свободных демократических государств с либеральным устройством, тем самым доказав преимущество и жизненность базовых ценностей над тоталитаризмом, автократией и зарегулированностью отношений с привязкой к вертикали власти!

Эльфийка пугливо вскочила при нашем появлении, снова села, вспомнив, что она теперь важная и толстая принцесса. Альбрехт галантно раскланялся, но просить ручку для поцелуя не решился, вдруг это ушастое решит, что собирается укусить.

Я кивнул ему на кресло, он сел, не сводя с меня взгляда серьезных глаз.

— Убедительно, — согласился он с непонятной интонацией. — В Варт Генце тоже не вы вроде бы местного короля удавили... или все-таки вы, не помню, а уж народ вообще все перевернет, у него память странная...

— Типун вам на язык, граф, — сказал я. — Я короля Фальстронга чтил и уважал!

— Короля Гиллеберда вы вообще обожали, — напомнил он. — По крайней мере, так местный народ понимает ваши звучные похвалы в его адрес. Если бы какая-то сволочь его не убила, наверняка предательски, вы были бы его верным учеником и последователем, это все говорят в Турнедо.

Я сотворил перед ним большую чашку с крепким и горячим кофе, наполнил вазочку сдобным печеньем, которое здесь появится через несколько сот лет, себе взял точно такую же чашку, отхлебнул и только тогда сказал недовольно:

— Умеете язвить, даже кофе кажется горьким... А где и в чем я зарываюсь?

— Пока только здесь и в этом, — сказал он. — Когда вторглись в герцогство, государи соседних королевств поморщились, но промолчали, так как у вас есть серьезный повод: герцог похитил вашу жену и бросил в темницу. Другой вопрос, чего это ваша жена там у него оказалась... но это все деликатно опускают. Герцог допустил по отношению к вашей жене противоправные действия, потому ваш гнев и ваши действия в некоторой мере оправданы.

— А сейчас?

Он развел руками.

— Король Буркхарт вправе дать убежище своему родственнику. И остальные короли на его стороне. Ка-

ждый из них горой стоит за родню, ради этого и совершаются династические браки! Ваше высочество, вы рискуете оказаться против общественного мнения королей.

Я буркнул:

— Хорошо сказано — общественное мнение королей! Нет-нет, я не посмею против общественного гласа. Но как насчет того, что моя жена по-прежнему в пленау?

— Вот здесь у них слабое место, — согласился он. — Король Буркхарт должен поскорее избавиться от этого опасного груза.

— Герцог упрется, — предположил я.

— Еще бы!

— Тогда король должен действовать сам?

— Ваша армия, ваше высочество, — сказал он, — весомый аргумент. А это что за чудо?

— Это огромный алмаз, — сказал я с удовольствием. — Все для вас, граф!.. Берите, любуйтесь, только не кусайте. И не смейте говорить, что меня несет не туда.

Он хмыкнул.

— Только сейчас заметили?

— А что, — спросил я сердито, — надо было раньше? Нет, раньше было правильно... ну, в общем. А сейчас как посыпалось: Варт Генц, Скарляндия, Ламбертиния...

— А теперь еще и королевство Мезина, — добавил он в тон.

Я замотал головой.

— Это ни в коем случае! Я знаю, как легко рассыпается то, что нахапано впопыхах и без плана, а лишь потому, что подвернулся случай... Нет, у нас другие приоритеты.

Он горько усмехнулся:

— Как будто не знаете еще, что жизнь нас часто поворачивает не туда, куда намеревались идти или плыть.

— А мы должны поворачивать ее туда, — возразил я, — куда надо нам! Брать за рога и повертывать. Хочет она это или не хочет. Мы христиане, а не язычники, покорные судьбе!

— И... куда? — осведомился он.

— Взад, — заверил я твердо. — В Сен-Мари!.. Там решается судьба мира.

— Но, — уточнил он, — сперва разберемся здесь?

— Разумеется, — ответил я, — но только быстро.

— Можно наспех?

— Можно, — согласился я. — Но чтоб комар носа не подточил!

Глава 13

Гонцы прибывали один за другим, сперва только от Меганвэйла, потом уже и от Будакера. Я начинал с неохотой чувствовать, что Альбрехт прав. Король Буркхарт, как оказалось, сам давно рвался в бой, грезил военными подвигами и готовился напасть на кого-то из соседей. И когда подвернулся я, он принял это как небесный глас: можно не просто начать войну с соседом, а выступить на защиту гонимого родственника!

Меганвэйл столкнулся с серьезным сопротивлением, однако с ходу разбил крупное войско, но к тем пошло большое подкрепление, и он перешел к вынужденной обороне, оказавшись против противника, превосходящего его по численности в восемь раз.

Барон Будакер тоже завяз в изматывающих боях. Я слушал донесения с тревогой, наконец, спеша покончить с пожаром, пока тот не охватил весь регион, послал на помощь всю огромную армию Шварцкопфа. Тот вскрыл кольцо вокруг группировки Будакера и с

тяжелыми боями начал продвигаться в сторону столицы Вендовера.

Меганвэйл, получив от меня небольшое, но очень боеспособное пополнение, проломил слабую оборону на своем участке и пошел, как весеннее половодье, по незащищенной территории, отрезая ее от столицы, куда отсюда раньше непрерывным потоком шло продовольствие.

Я получил сообщение, что Будакер проломил оборону на своем участке и повел рыцарское войско прямо к столице. На острие удара двигается несокрушимый сэр Растер с троллями, от одного вида которых противник бросает оружие и в панике разбегается.

Я находился в малом зале, где распределял, кому чем заняться в первую очередь, пока буду отсутствовать, там же выслушал последние донесения.

Лорды смотрели с ожиданием, я изрек глубокомысленно:

— Как бы весьма... прекрасно, прекрасно... Интернациональные бригады давно и весьма неоднозначно зарекомендовали себя в ряде... гм... королевств. Так что пусть продолжают развивать успех и в королевстве Вендовер. Я, пожалуй, наведаюсь с визитом на линию фронта... Ну, это так, линии еще нет, это для красоты словца.

Граф Чарльз охнул:

— Ваше высочество! Вам ехать туда, где сражаются? Это немыслимо!

— Почему? — спросил я с интересом.

— На вас в день три-пять покушений даже в хорошо защищенном дворце!

Я кивнул.

— Вот-вот. Здесь знают, где меня найти. А там пусть поймают!..

Он покачал головой, вид оставался крайне озабоченный.

— Ваше высочество, это слишком рискованно.

— Вся жизнь риск, — ответил я гордо. — Если ничего нет срочного, я отбуду через час. Вся гражданская власть в ваших руках, граф. Пользуйтесь ею мудро.

Он моментально умолк, польщенный и взволнованный. Во времена правления герцога Блекмора он был один из лордов, пусть даже весьма значительных, но сейчас стоит у моего трона, слушает все мои приказы и распоряжения, дает советы и в глазах своих соратников уже стал первым после Ричарда.

А теперь вот и вообще первый на время моего отсутствия.

— Ваше высочество, — проговорил он сдержанно, — я не подведу.

— Рассчитываю на вас, граф, — сказал я тепло и крикнул телохранителям: — Передайте там, что если у кого что-то срочное, ко мне немедля!.. Иначе придется иметь дело с графом Чарльзом, а это просто зверь...

Бобик впереди, птицы в небе и грохочущая земля под крепкими копытами арбогастра — что еще надо для счастья? Ветер упругой волной старается если не остановить, то хотя бы задержать, но не зло, это игра у него такая, как у Бобика, который требует, чтобы ему бросали палку, а лучше бревно...

Внезапный холод осыпал с головы до ног, мир вокруг исчез, а вокруг сверкающие звезды, бешено раскручивающиеся, как штуиха, спиральные галактики, а я стою у горящего мертвым огнем стола, если это стол...

И все странно и чудовищно, такого не может быть, я словно во сне, но это не сон...

Я вздрогнул, лютый холод пронзает тело и заставля-

ет колотиться в страхе сердце, но я уже здесь, ветер свистит в ушах, слышен частый топот копыт, навстречу мчится мир, разделенный на две половины: сверху синий, снизу зеленый, где бескрайнее поле сменяется пологими, а где и крутыми холмами, вырастают дикие и страшные скалы, подточенные снизу, а наверху сохранившие громады камня.

И тревожно-щемящее ощущение, что меня пытается нащупать нечто, немыслимо огромное и враждебно-сильное.

Бобик впереди замедлил бег и повернул голову, всматриваясь в меня серьезными коричневыми глазами.

— Все в порядке, — заверил я дрожащим голосом и облизнул пересохшие на ветру губы. — Все пока в порядке...

Следы огромного войска, что прошло недавно, заметил не скоро, а затем и большой походный лагерь. Шатер только один, зато множество костров, что значит — дров в изобилии, остановились только что, а еще ненадолго, иначе поставили бы еще хотя бы палатки.

Бобик остановился, нагоняя ужас, первым ворвался в расположение лагеря, пугая людей и коней. Я сбавил Зайчику скорость до шага, у костров вскакивают солдаты, морды радостные, глаза блестят, отовсюду послышались крики:

- Ричарду слава!
- Ричард — принц!
- Ура принцу!

Из шатра торопливо вышел Меганвэйл, преклонил колено, мы же на виду, я так же церемонно, одним движением пальцев, велел подняться, сказал громко:

— Благодарю за службу, герцог!.. Вы сумели продержинуться далеко, едва-едва дрогнул вас.

Он ответил польщенно:

— Спасибо, ваше высочество.

Я кивком пригласил его со мной в его же шатер, там все по-солдатски просто, сел за стол и сказал милостиво:

— Можете сесть, герцог. Рассказывайте, как тут у вас идут дела нашего ограниченного контингента ми-ротворческих сил?

Он осторожно опустился за стол напротив — смотрит на меня, субординацию, но по глазам вижу, что счастлив, доволен, радостен, его талантам снова есть применение, его душа не лишняя на свете.

— Ваше высочество, Будакер со своей армией продвинулся дальше, чем этот лагерь. Там сейчас Палант и Растер, у них наиболее обученный отряд, а еще целое войско троллей...

— Войско? — переспросил я. — Мне казалось, их было около двухсот человек... гм... ладно, пусть голов.

— Мне тоже так казалось, — ответил он со странно веселым блеском глаз. — Потом вижу, что хоть в боях должно стать меньше, но их, напротив, все больше!

— И что выяснилось?

Он довольно заулыбался:

— Оказывается, к ним присоединились удальцы из местных троллей. Так что это наиболее ударная наша сила. Драться они обожают, а во всем остальном не-прихотливы. Из добычи им хватает того, что подберут на поле брани да сдерут с убитых. Домой вернутся богачами!

— Прекрасно, — сказал я. — Вы проводите мудрую политику, герцог!.. Королевства есть наши и не наши, а вот тролли пусть будут все нашими. Это даст нам громадные преимущества. Все-таки тролли обитают почти во всех крупных и дремучих лесах.

— Ваше высочество?

Я объяснил терпеливо:

— Если их объявить гражданами нашего гуманного и демократичного... гм... это идея, кстати!

Он почтительно ждал и даже не двигался; по-моему, и дышать перестал, чтобы не спугнуть мои всеобъемлющие государственные мысли Ричарда Строителя, который идет следом за Ричардом Завоевателем.

— Да, — сказал я наконец, — это открывает просто ошеломляющие перспективы. Даже мне в них заглядывать страшноватенько. Но вернемся к нашим барам...

— Это к вендоверцам? — уточнил Меганвэйл. — Да уж, бараны так бараны!.. Уже четвертый раз вступают со мной в переговоры...

— И всякий раз уступчивее?

Он кивнул.

— И на тон ниже. Сперва требовали, потом просто возмущались, теперь, когда их оборона, достаточно мощная кстати, прорвана, просят остановиться. Но все равно мы, к сожалению, не продвинулись дальше взаимных уверений в уважении и почтительном отношении к обычаям и рыцарским установкам.

Докладывал он очень серьезно и обстоятельно, как всякий, кто погружается в незнакомую для него область. Великолепный военачальник, умеющий правильно и молниеносно принимать верные стратегические и тактические решения, он впервые столкнулся с дипломатией, но повеление или поручение сюзерена хоть не приказ, однако Меганвэйл все привык выполнять очень тщательно, так приучил всех король Фальстронг, а во мне он чувствовал нечто фальстронжье, не зря же король так жалел, что я не его сын.

— Вы сделали все верно, — заверил я с удовлетворением. — Переговоры на первых этапах именно так и

проходят. Быстрых решений добиваются только мальчишки, а мы же умудренные чем-то люди? Ну вот...

— Ваше высочество?

Я изрек великодушно:

— Можете передать, что я, в своей неизъяснимой милости, отыскал для них щель в моем плотном графике... и готов их принять. Завтра, скажем... в девять вечера.

Вендоверцы, все в высоких меховых шапках и меховых шубах, хотя не холодно, но это знак престижа и высокого достоинства, слезли с коней и, передав слугам, отряхиваются и приводят одежду в порядок.

Меганвэйл шепнул:

— В прошлые разы прибывали на повозках.

— Прекрасно, — ответил я. — Заторопились...

Он сказал с недоброй улыбкой:

— Страшатся, что вы прибыли на час-другой и вскоре покинете войско...

Он умолк, вендоверцы направились к нам, на ходу выравниваясь, кому идти впереди, кому по бокам, насколько приотстать, чтобы главная фигура была видна сразу.

Меганвэйл спросил тихонько:

— Примете в моем шатре?

Я покачал головой:

— Пусть видят, что вы ангел рядом со мной.

Переговорщики приблизились, но колени не преклонили: мы не во дворце, и я не на троне, ограничились поклонами и помахиванием шляп.

— Лорды, — произнес я вопросительно.

— Ваше высочество...

— Чем обязан такой честью? — спросил я.

Один, который постарше и у которого золотая цепь на груди потолще, произнес вежливо:

— Я граф Лиутерд Колридж, а это граф Энтони Спенсер. Мы приближенные короля Буркхарта Третьего. Посланы Его Величеством для переговоров.

Я кивнул:

— Переговоры — это прекрасно. Будучи человеком насквозь мирным, как какой-то премудрый пескарь, я всегда сторонился любых конфликтов. Потому я рад слышать, что вы предпочитаете переговоры.

Колридж зыркнул в сторону шатра Меганвэйла, но я и бровью не повел, рассматриваю их в упор холодно и достаточно равнодушно, как человек, давно принявший решение, на которое не повлияют никакие переговоры. Ну, если не предложат что-то совсем уж особенное.

— Ваше высочество, — произнес граф Спенсер, — мы бы хотели уладить недоразумение, из-за которого вы и оказались здесь с таким огромным войском.

— Это еще не огромное, — ответил я небрежно.

— Ваше высочество?

— Я мобилизовал силы четырех королевств, — сообщил я. — Сейчас в Вендовер вошли Первая Турнедская армия и Первая Вартгенская, обе победоносные и познавшие, а вот армии Сен-Мари и скарляндлов на подходе... У вас кто-то всерьез верит, что выстоит против такой мощи?

Они не переглянулись, но одновременно поджали губы, во взглядах одинаково метнулось беспокойство.

— Его Величество дал нам большие полномочия, — произнес граф упавшим голосом.

— Насколько большие?

Он сказал совсем мертвым голосом:

— Мы не хотим войны. Мы готовы согласиться на ваши требования.

— Наконец-то, — сказал я. — Но тут одна проблема...

— Ваше высочество?

— Я тот, — пояснил я, — кто принимает решения. И отвечает за них. Вы же только исполнители. Ваши войска так долго и упорно, отдаю им должное, оказывали ожесточенное сопротивление, что я начинаю сомневаться, что ваш король не передумает в последний момент.

— Ваше высочество!

— Сделаем так, — сказал я резко, — это будет только справедливо: вы возвращаетесь в столицу и докладываете королю Буркхарту, что я готов встретиться с ним и подписать договор о прекращении войны. Вы же видите, что сейчас, если я подпишу какие-то договоры с вами, это будет умаление моего достоинства. Ваш король будет доволен, но мои лорды обидятся.

Они переглянулись, посмотрели на грозные лица моих лордов, наконец граф Колридж произнес с неохотой:

— Да, это логично... Просто нам хотелось бы поскорее прекратить эту войну.

— Знали бы вы, — воскликнул я, — как этого хочу я! Мудрость политика в том, чтобы достигать цели без войны! Это дураки воюют, они другого не понимают... Потому, если хотите, чтобы это прекратилось, поспешите к Его Величеству и расскажите обо всем, что здесь видели и слышали.

Они одновременно повернулись и удалились так слаженно, словно близнецы, что чувствуют друг друга. Я выждал, когда сядут на коней и умчатся, повернулся к Меганвэйлу.

— А где Палант?

— Он чуть левее, — сказал Меганвэйл. — Сэр Растер и его тролли, скажу вам, просто звери, а не люди!.. Они проламывают любую оборону. Я запретил им про-

двигаться дальше, а то вдруг их окружат, а мы не сумеем к ним пробиться.

— Прекрасно, — сказал я, — нужно будет навестить. Отряд Растира там?

Он кивнул.

— Хотите спросить, там ли тролли? Да, они хоть и держатся отдельно, но когда выпьют, я уже и не различаю, кто там тролль, а кто простолюдин из моего Варт Генца с боевым топором.

— Передам от вас, — пообещал я, — что вы о них высокого мнения.

— Самого высокого, — сказал он. — Самого!

Глава 14

И снова Бобик привычно несетя впереди, с разбега перепрыгивает небольшие овраги. То же самое делает и арбогастр, из-за чего я задерживаю дыхание и сжимаюсь в комок, потому что удар о конскую спину всякий раз со свинячьим хрипом освобождает дыхание, а задница немеет от удара.

Мимо с ревом проносятся скалы, скорость создает причудливые эффекты, затем внезапный пугающий простор и снова бешеный грохот копыт, а за спиной остаются неширокие реки и непроходимые глубокие овраги.

Потом показались обозы, я сбавил скорость, но пронесся в сторонке, чтобы не ввязываться в разговоры, чуть позже увидел длинную металлическую змею, ползущую по дороге, повторяя все ее движения, это пехота Будакера, конница идет впереди с небольшим отрывом.

Я сблизился, мне сообщили, что Палант с большим отрядом движется впереди, и еще через четверть часа я увидел его конницу, а впереди, чего никак не ожидал,

два отряда зеленокожих гигантов с топорами и дубинами в руках.

Они угрюмо и грозно ревели в лад, я не сразу понял, что это их военно-походная песня:

- За зе-е-емлю, за во-о-олю...
- За лу-у-учшую долю,
- Вперед-вперед, троллий наро-о-од!..

Во главе едут двое рыцарей, я пустил Зайчика к ним, но раньше всех там оказался Бобик, напрыгнул на бронированного коня Растира, тот лишь чуть повел ухом на собачонку, такой же огромный, массивный и невозмутимый, как и его хозяин.

Растер сперва погладил Адского Пса по огромной башке закованной в стальную рукавицу лапищей, для этого не пришлось наклоняться, потом обернулся, массивное суровое лицо чуть искривилось в улыбке.

— А, сэр Ричард...

Забрало поднято, лицо сдержанно-спокойное, словно и не держит на плечах доспех, равный по весу снаряжению трех-четырех рыцарей, ни капельки пота на лбу, в то время как у развернувшегося в нашу сторону Паланта лицо красное от усилий и усталости.

Доспехи Растира, как я сразу отметил, с множеством небольших вмятин, это значит, что били по ним крепко, такую толстую сталь трудно даже поцарапать.

— Поздравляю, — сказал я приподнято.

Растер кивнул довольно, а Палант спросил вежливо:

— С чем?

— Не прикидывайтесь, дорогой друг, — сказал я строго. — Все войско знает, об этом и мне сказали, что вы проломили оборону на самом трудном участке и двигаетесь в сторону столицы, догоняя и весьма избивая бегущих.

Он заулыбался, как цветок под солнцем.

— Но приятно, ваше высочество, услышать!

— Наглец, — сказал я авторитетно. — Как я понял, и тролли в бой идут с песней?

— Песня всем помогает, — пояснил Растер. — Хорошо поют? Мне тоже нравится. Главное, громко. И без всяких там фриволетиков! Просто и без. Помужски.

Я покосился на мощные раскорячистые тела, что идут и идут тяжелой поступью, но вид у всех таков, что сметут все, посмевшее оказаться на пути.

— В отряде одни мужчины?

Он ответил со вздохом сожаления:

— Увы, да. Хотя у них часто и женщины идут в бой. Но на этот раз пришлось только мужчин для начала. Все-таки у нас совместное с людьми войско, а те могут не утерпеть... Все видят, что у троллей настоящие женщины. После них все наши кажутся худыми, больными и костлявыми.

— Гм, — сказал я.

Он вздохнул.

— Понимаю, сэр Ричард. Ни одна королевская красавица с Фэллой и рядом не стояла!.. У той есть за что подержаться. А наши, тыфу!.. Мельчает народ, как грустно. Правда, женщины не народ, но все равно жалко.

— Да, — согласился я, — троллям жить веселее. Правда, Палант?

Палант вздрогнул, жалко улыбнулся:

— Да-да, конечно, ваше высочество... Но я, увы, еще не такой герой, чтобы как бы вот так же отважно...

— Ничего, — сказал Растер благожелательно, — постепенно дозреешь. Ты уже выказываешь некоторые признаки...

— Правда? — спросил Палант испуганно и посмотрел на меня с надеждой: — Ваше высочество, он шутит?

— Война меняет всех, — ответил я уклончиво. — Знаешь, каким я был белым и пушистым?

Растер гулко загрохотал, Палант посмотрел на него с жалкой улыбкой, потом на меня.

— Меганвэйл уверен, — сказал я, — что ваше войско на отдыхе.

— А мы во-о-он туда дойдем, — сказал Палант и указал на густую роскошную рощу, — и сделаем привал.

— Хороший выбор, — одобрил я.

Растер с оруженосцами поднялись в седла и отправились вперед. Их сопровождающими оказались двое священников. Я видел, как впереди слезли на землю и что-то рассматривают под ногами.

Тролли обедают основательно, но управились быстрее людей, потому что доставленное на телегах мясо пожирают сырьим, а вот убитых по дороге оленей и кабанов жарят долго и любовно, это уже не еда, а ритуал, искусство, вполне доступное простому народу, что обожает шашлыки и щеголяет таким умным словом, как «барбекю».

Рыцари, сняв тяжелые доспехи, отдохдают в тени крайних деревьев, что далеко раскинутыми в сторону ветками могут дать защиту от солнца и дождя целой армии.

Я поинтересовался у Паланта:

— Что они там делают? Никогда не думал, что сэра Растера что-то заинтересует помимо воинских схваток... и тонкостей рыцарского устава.

— И гарпий, — подсказал он.

— Ах да, — спохватился я, — ну, насчет гарпий сэр Растер вообще недосягаем, как образец для молодого поколения. Нет, не утерплю, пойдемте взглянем...

Зайчик подставил бок, чтобы я даже такую малость

не протопывал, как простолюдин или тролль, а Бобик тут же перестал весело бороться с троллями и ринулся впереди меня показывать дорогу. Палант поспешил за ним

Когда я неспешно подъехал, Раster и Палант под руководством алхимика Треллярда и с помощью священников вытащили из земли массивную каменную плиту, до середины обросшую мхом, и, пыхтя и напрягая мышцы, с трудом несли ее боком, а Треллярд забегал перед ними и убирал с дороги щепочки.

Наконец с грохотом опустили на квадратный камень, Палант хрюпал и вытирая пот со лба тыльной стороной ладони, а Раster сказал сипло:

— Ну, все?

Треллярд подбежал, всплеснул руками.

— Нет, конечно!..

Палант молчал, не в силах шевельнуть даже губами, грудь ходит ходуном, а Раster спросил с недоверием:

— Что не так?

— Не той стороной, — сказал Треллярд с великим огорчением. — Переверните... И вообще это не тот камень!..

Палант без сил опустился на землю, а Раster проревел с угрозой:

— Как... не... тот?.. Ты же сам указал...

— Ну, указал, — ответил Треллярд, — что ж, и пошутить нельзя?.. Принесете еще раз, другую. Правда, та плита побольше...

Раster выругался сквозь зубы, Палант сказал зло:

— Переведу дух и убью за такие шуточки.

Священник, что наблюдал за ними исподлобья и помалкивал, вдруг вытянул руку.

— Смотрите, смотрите!

Земля словно забурлила, из-под комочеков высекают жуки, мокрицы, сороконожки, выползают черви,

но тут же набежали муравьи, хватают привычно и торопливо утаскивают по едва заметным тропкам, пробитым их когтистыми лапами.

— Это что?

— Муравьи, — пояснил священник и перекрестился. — Божьи существа. Господь их любит, как я слышал, больше, чем людей...

Палант посмотрел на него зло, поиграл желваками, но промолчал, только убрал ногу с дороги муравьев, волокущих отчаянно брыкающегося жука.

Я кивком подозвал алхимика.

— Что за ритуал?

Он оглянулся:

— Вон та плита?.. Это открываем границу с графством Нанторсакс. Никто не пройдет с оружием на его земли, если эта плита будет лежать поперек дороги.

— А обойти? Она ж не больше ярда в длину.

— Дорога будет закрыта на десяток миль, — объяснил он. — Справа высокогорье, там одни камни, а слева в лесу сам черт ногу сломит, не только наша конница. Но мы все учли, ваше высочество! И сюда сразу прибыли три священника, что и сняли заклятие.

Я кивнул, принимая объявление. В христианском мире никто не гордится... и даже не признается, что пользуется нечестивой магией, но все-таки у многих есть амулеты и даже талисманы, а короли, как я давно убедился, не гнушаются использовать даже оборотней, если это служит целям укрепления их власти и устрашения противника.

— А что там за граф?

Он пожал плечами:

— Да ничего особенного. Просто то ли его предку повезло амулет нужный использовать, то ли кто-то из магов помог с заклятием. Это неважно, наши священ-

ники магию рассеяли, а плиту на всякий случай мы как бы...

Я смолчал, принимая данность. В самом деле, ничего особенного. Простое заклятие или простой амулет, что перекрывает дорогу на десяток миль в стороны. В другое время я бы рот раскрыл или начал допытываться, а теперь вот лишь буркнул:

— Почему сам? Да еще с сэром Раsterом?.. Тролли бы сделали еще быстрее.

Алхимик оглянулся на Паланта, что дышал все еще с хрипами.

— Увы, известно только, что плиту могут сдвинуть только люди высокого звания. Потому молитву читал отец Домингий, он из старинного дворянского рода, а сэр Палант и сэр Раster ташили...

— Понятно, — ответил я. — Вообще-то я сперва проверил бы на троллях. Бывает, что мощь заклятий... преувеличивают.

— Я знаю, — ответил он серьезно, — но так хотелось заставить таскать камни лордов!

Я развернул Зайчика и послал его обратно в лагерь.

Глава 15

Мы неспешно обедали и прикидывали, что теперь будут делать вендоверы, у всех настроение приподнятое, когда за плотной тканью шатра простучали конские копыта, звонкий срывающийся голос прокричал:

— К его высочеству!

Кто-то из стражей сказал быстро:

— Оно вон там...

Полог отлетел в сторону, вбежал молодой парень с блестящими глазами и румянцем на всю щеку, запыхавшийся и возбужденный, на ходу с такой скоро-

стью припал на колено, что едва не кувыркнулся через голову.

Я спросил благосклонно:

— Что случилось?

Он вскинул голову и, глядя на меня влюбленными глазами, выпалил:

— Ваше высочество, король Буркхарт Третий!

Я поинтересовался так же неспешно:

— Кто с ним?

— Едет лично! — крикнул он счастливо и возбужденно. — С ним свита всего в дюжину человек! Все — высшие лорды королевства!

Я помолчал. Король Буркхарт несколько спутал мои планы, хотя я и требовал как раз прямых и прозрачных тайных переговоров. Оставалась надежда, что он заупрямится, все-таки я всячески выказывал свою нерешительность и некоторую трусивость; мог бы и посопротивляться дольше, в надежде что я ужаснусь и выведу войска из пределов его королевства.

— Хорошо, — сказал я, — как едет?

— Очень медленно, — доложил парень. — Даже очень.

— Гм, — сказал я глубокомысленно, — будучи демократом и гуманистом, я всегда за как бы переговоры.

— Подготовить шатер?

Я подумал, покачал головой.

— Не так скоро.

— Ваше высочество?

— Полагаю, — сказал я, — сие действие зело поспешно, а в государственных делах приличествуют степенность и поступательная осторожность.

— Тогда как?

— Увидите, — пообещал я.

Мои лорды покрикивали на оруженосцев, те тороп-

ливо седлали коней. Бобик испрыгался, спрашивая, куда помчимся, я строго велел ждать здесь, никуда далеко не едем, здесь вообще край мира.

Зайчика подвели уже оседланного, я поднялся в седло, Растер и Палант подъехали вздернутые, на лицах готовность идти за своим лордом хоть в ад.

— Сколько взять человек сопровождения? — спросил Палант.

Растер презрительно фыркнул, я сказал извиняющимся тоном за Паланта:

— Это он для важности...

— А мы?

— Мы не важничаем, — ответил я сердито. — Подумай, почему!

— Ваше высочество?

Я отмахнулся.

— Палант, мы покажем вендоверцам, что мы прежде всего воины, а всякие там принцы потом... Поехали!

От лагеря мы отъехали не больше чем на четверть мили, когда увидели, как из-за дальнего пологого холма выдвинулись кончики знамен, а за ними неспешно поднялись, будто выросли, люди в доспехах, а потом и сами кони, в роскошных попонах, со стальными налобниками.

Отряд всадников приближался к нам медленно и осторожно, кони такие же рослые, как и у нас, даже попоны иногда совпадают по расцветке...

На некоторое время остановились, затем растянулись в широкую цепь.

— Это, — объяснил Растер авторитетно, — чтобы мы увидели, дескать, идут к нам без оружия.

— Кинжалы при них, — пробормотал Палант. — Так что, ваше высочество, будьте очень осторожны. Так, на всякий случай.

— Вы оба тоже, — буркнул я.

Оба как бы невзначай тронули амулеты, лицо настороженное даже у неустрешимого Растира, никто из противников его не испугает, но магию очень даже недолюбливает, а о землях королевства Вендовер вообще-то слава идет жутковатая.

Я сказал властно:

— Останьтесь здесь!.. Я выеду вперед и поговорю с королем Буркхартом. Уверен, он сделает то же самое.

Растер прогудел мощно:

— Далеко не отъезжайте, а то нам будет не слышно.

— Обойдется, — сказал я.

Зайчик понес вперед бодро, Бобику я велел остаться с его другом Растиром.

От цепи вендоверцев вперед выдвинулся и пошел сперва рысью, а потом шагом рослый мужчина в горностаевой накидке и с золотой короной на иссиня-черных волосах.

Когда он приблизился, я рассмотрел и массивную цепь на груди, и ширину плеч, и суровое злое лицо сильного и уверенного в себе человека.

Очень красивый, на мой придирчивый взгляд даже чересчур, высокий, прямой, с широкими плечами и выпуклой грудью, черные густые волосы и очень правильное лицо со сдвигом в сторону мужественности: тяжелая нижняя челюсть, запавшие глаза, высокие скулы, взгляд гордый, но лицо обычно приветливое, в то время как граф Энтони Спенсер, постоянный спутник главных переговорщиков, держится надменно и высокомерно со всеми, кто не только ниже по титулу или положению, но и с равными.

Я ехал, держа в одной руке повод, другую красивым жестом упер в бедро. Это и эффектно, и рукоять меча рядом, но главное — в изящности посадки, когда вот так...

Оба мы съехались, рослые и напряженные, сцепив-

шись взглядами. Я с непокрытой головой, он с короной, из-под которой торчат черные волосы, отливающие синевой стали, как крыло ворона.

Некоторое время мы всматривались друг в друга, стараясь в считаные мгновения составить себе представление о противнике и пытаясь успеть понять, на чём можно выиграть.

— Мой брат, — произнес я ровно и без интонаций.

— Мой брат, — ответил он без паузы.

Стандартное приветствие между королями и вообще правителями, умело введенное церковью для смягчения антагонизма между высшими ветвями власти.

— Вы на земле моего королевства, — произнес он ровным и подчеркнуто нейтральным голосом. — Я вообще-то рад гостям, но что заставило вас прибыть без... предупреждения?

Он не сказал «без разрешения», но это чувствуется в оттенках. Я ответил так же вежливо:

— Просто не успел. Слишком торопился настичь похитителя моей жены, который к тому же очень дурно обращался с нею.

Он слегка поклонился, но лишь чуть-чуть.

— Слышал об этом прискорбном инциденте. Но нет ли здесь простого недоразумения?

— Мой брат? — спросил я.

Он пояснил:

— Насколько я слышал... поправьте, если ошибаюсь, она обещала выйти замуж за герцога Блекмора.

— Все может быть, — ответил я. — Но вышла за меня. И потому только я имею право бросить ее в темницу за неповиновение... мне. Действия герцога не просто предосудительны, они незаконны и оскорбительны для меня. Мои лорды требуют крови герцога!.. И будут рады слушаю сровнять с землей все, что встанет на пути.

Он слегка потемнел лицом, ноздри хищно раздулись, но сдержал гнев и ответил все так же сдержанно:

— Не буду говорить, что сровнять с землей наши крепости не так просто. Предлагаю собрать суд лордов, как с вашей стороны, так и с моей, чтобы вынести верное и устраивающее всех решение...

— Полагаете, — спросил я, — это возможно?

Он покачал головой.

— Вряд ли. Слишком это... Однако можно отыскать то, что обяжет обе стороны!

Я подумал, пожал плечами.

— В принципе, я всегда за мирные договоренности. Хотя и не понимаю, что здесь решать. Ротильда — моя жена!

— Временный брак, — напомнил он, — не столь обязывающ, как постоянный, засвидетельствованный церковью. Временные браки не могут быть основой серьезных отношений, договоренностей, союзов и обязательств.

Я кивнул.

— Совершенно с вами согласен, брат мой. Вы указали на самое главное отличие временного брака от постоянного, что говорит о вашей мудрости. Будь этот брак постоянным, я вынужден был бы пойти войной на герцога, а потом преследовать его всюду, пока не освобожу Ротильду. Зато временный дает мне свободу, могу поступить так и эдак. Именно временный и проверяет человека на его прочность, порядочность и верность рыцарским идеалам!.. Да, я мог отмахнуться и не сдвинуться с места. Но я потерял бы лицо в глазах рыцарей. Потому да, будучи человеком мирным и даже миролюбивым, я сердечно принимаю ваше предложение собрать суд из наиболее достойных и незапятнанных лордов моей армии и вашего королевства, чтобы они сказали свое слово.

Он чуть-чуть усмехнулся одной половиной рта, что больше походило на гримасу.

— Вы не договорили, брат мой, — произнес он с некоторой издевкой, — что примете решение суда лишь в том случае, если оно будет на вашей стороне. Так прозвучали ваши последние слова.

— На нашей, — не согласился я, — на нашей с вами, брат мой. Мы еще не ощутили, что мы на одной стороне. Разве вы не за справедливость?

У него дернулась щека — явно не привык слушать возражения, — поклонился и сказал холодно:

— Мой секретарь договорится с вашим о количестве лордов с обеих сторон и месте проведения суда. Мой брат...

— Мой брат, — ответил я.

Наблюдая друг за другом, мы синхронно повернули коней, это важно в этикете, и неторопливо двинулись каждый к своему отряду.

Палант и Растер не сдвинулись с мест, только Бобик бегал вокруг, но, послушный приказу, оставался с ними. У всех троих на лицах одинаковое выражение страстного ожидания.

— Ваше высочество, — простонал Палант, — не томите... До чего договорились? Отдают леди Ротильду?

— Королеву Ротильду, — поправил я. — Нет. Не отдают.

Растер прорычал довольно:

— Как хорошо!.. А то мои тролли только начали разогреваться. Они какие-то хладнокровные больно. Но зато какие бойцы!

— Мы порешили созвать совет лордов, — сообщил я. — С обеих сторон.

— Совет лордов? А-а... зачем?

— Должны подумать и вынести свое мудрое решение.

Растер нахмурился, а Палант спросил живо:

— Кого назначите в этот суд лордов? С нашей стороны?

Я отмахнулся.

— Займитесь этим делом, мой верный друг. А я пока посмотрю, что у нас там впереди.

Палант охнулся:

— Я?

— Ну тогда сэр Растер, — предложил я. — Нет в мире человека, который лучше знает рыцарские правила. А если и не знаком с юриспруденцией, то ей же хуже. Все в мире держится на здравом смысле, а все законы — лишь его применения и толкования.

Палант сказал торопливо:

— Да-да, пусть этим займется доблестный сэр Растер. А вы... что именно хотите посмотреть впереди? Ваше высочество, вы не должны рисковать! Неужели пойдете вперед в одиночку?

— Не обязательно, — ответил я, — информацию можно собирать разными путями.

— Ну-ну, — сказал он с прежним недоверием, — пора бы уже, мой лорд, оставить простую работу... простым людям.

— Ха, — сказал я, — но если они слишком простые?

— Ну, — пробормотал он, — все-таки лорд — это лорд. Вы должны быть примером.

— Палант, — сказал я проникновенно, — мы издавна договорились с графом Альбрехтом, когда он еще не был графом, что если я исчезаю, то он распускает слух, что мое высочество изволило тайком пойти по непотребным бабам! Вы понимаете?

Он пролепетал потерянно:

— Н-нет... Не совсем...

— Это всем понятно, — объяснил я, — такое все одобряют... хоть и не вслух.

Он сказал несчастным голосом:

— Ваше высочество, но... как можно?

— А вы где живете, — поинтересовался я, — уже в Царстве Небесном? Не-е-ет, а это значит, что если попали в стаю уток, то надо хотя бы изредка покрякивать.

— Но...

— Все поймете, — сказал я безжалостно. — Объяснение должно быть уважительным. А такое у нас уважают, мир людей сумасшедший, даже тролли смеются. Потому, если я исчезну, вы что-нибудь придумывайте такое, чему люди поверят с удовольствием. И охотой.

Часть вторая

Глава 1

Совет лордов собрали из двадцати человек, хотя вендоверцы сперва предлагали пятьдесят, но Растер сразу заподозрил хитрость и обвинил в этом наших противников. Дескать, нашу сторону ослабят на двадцать пять — тридцать могучих и знатных рыцарей, в то время как сами в совет пришлют такое же количество дряхлых стариков, которых водят под руки.

Я их заседаниями не интересовался: Меганвэйл поспешно двинул по моему приказу все боеспособные части, как и Палант, и за два дня наши войска с ожесточенными боями захватили почти треть королевства Вендовер. На переговорах тут же наметился не просто прогресс, а прямой прорыв: граф Колридж вдруг заявил, что после долгого размышления они пришли к выводу, что герцог не имеет права удерживать Ротильду в своей власти, раз уж она является женой, пусть и во временном браке, принца Ричарда Завоевателя.

Я помалкивал, что и сама Ротильда не хочет оставаться у герцога, это не довод, кто же спрашивает женщин, лишь обронил, что мудрое решение Совета по этике стоит весьма и должным образом как бы приветствовать.

Граф Энтони Спенсер заявил, что решение наконец-то принято, оно в мою пользу и потому

военные действия нужно тут же прекратить, однако сэр Раster, которому не терпелось воевать дальше, возразил, что пока леди Ротильда не окажется в нашем лагере, ни о каком прекращении карательной операции не может быть и речи.

Он вообще, как я заметил, часто и с удовольствием повторял этот новый термин — «карательная операция», что поднимает нас на недосягаемую высоту, дескать, можем карать, как детей, целые королевства!

Сэр Колридж заверил:

— Можете не сомневаться, если мы приняли такое судьбоносное решение, то леди Ротильда будет доставлена в кратчайшее время!

— Тогда войска и остановим, — прорычал Раster с угрозой.

Вдали показалась четверка коней, мужик на облучке настегивает их яростно, повозку нещадно подбрасывает на всех кочках. Я с сочувствием подумал, как же приходится тем, кто внутри: здесь все повозки и кареты рассчитаны на то, что их волокут шагом, быстрая езда возможна только при наличии рессор...

Как только коней начали притормаживать, к ним выбежали навстречу и ухватили за уздцы, повозка остановилась.

Меганвэйл быстро взглянул на меня.

— Прибыла Ротильда?

— Наверное, — буркнул я.

Он спросил нерешительно:

— Вы... не намерены помочь ей выйти?

— Пока нет, — ответил я. — Весьма зол на эту дурацкую войну, что отвлекает меня от великих планов.

А Ротильда — виновница.

— Ну, — пробормотал он, — разве что косвенная...

Обязанностями пренебрегать не дано даже императорам...

Из повозки вылез, хромая и держась за поясницу, слуга в богато расшитом кружевами камзоле, придержал дверцу, а оттуда выбрался человек в настолько роскошном костюме и с двумя золотыми цепями на груди, что да, ближе к королеве и нет человека.

Когда он разогнулся, я, к великому облегчению, узнал графа Меркеля, в самом деле самого верного Ротильде человека. Тогда он, подлечившись у нас, заявил, что возвращается к королеве, чтобы служить ей верно и преданно, после чего исчез.

Он, тоже хромая и морщась, поспешил ко мне, преклонил колено и поцеловал руку.

— Ваше высочество, — сказал он, не поднимаясь, — я ваш вечный и преданный слуга за все те усилия, что вы предприняли по спасению моей несравненной и драгоценнейшей госпожи и повелительницы Ротильды Дрогонской, королевы Мезины!

На этот раз я не стал поправлять, что она не королева, сам уже начинаю с неким дальним прицелом время от времени называть ее так.

— Ладно-ладно, граф... — сказал я с неловкостью, все не могу привыкнуть, что мне частенько целуют руки, особенно не по себе, когда это делают почтенные люди постарше меня. — Я весьма как бы... даже зело! И не просто так, должен был!.. Общественное мнение обязывало, так сказать и даже эдак. Да встаньте же!

Он поднялся, сказал с укором, весь сияющий и счастливый:

— Ваше высочество, что вы на себя наговариваете?.. Долг, общественное мнение... Как будто бы вы и без этого не ринулись бы спасать Ее Величество!

Из его памяти как будто стерли мой отказ ее спа-

сать, весь лучится счастьем и смотрит на меня с любовью. Я подумал, что, может быть, в том и счастье, чтобы время от времени стирать все тяжелое, что омрачает нам жизнь?

— А сама Ротильда? — спросил я.

— Ее Величество скоро прибудет, — сообщил он. — Мы выехали в одной повозке, но я попросил позволения поспешить вперед, чтобы предупредить вас.

— Разумно, — согласился я. — А то я бываю...

— Ваше высочество?

— Быстрым, — пояснил я. — В смысле, что меня рогатые ангелы могут унести на другой конец королевства.

Он сдержанно улыбнулся, понимая, но не одобряя вольнодумную шутку.

— Ваше высочество, я, с вашего позволения, пойду начну приготовления? Со мной еще трое, но их так растряслось, что не решатся выйти.

— Пусть выпадывают, — посоветовал Меганвэйл. — Или выпадают.

Я кивнул Меркелю.

— С Богом, дорогой граф.

Когда он удалился, Меганвэйл поинтересовался:

— А какие приготовления?

Я пожал плечами:

— А я знаю? Наверное, бросится искать трубачей для фанфар.

— Могу дать барабанщиков, — предложил Меганвэйл.

— Барабанным боем, — пояснил я, — сопровождают королев обычно на эшафот. Или на расстрел.

— Расстрел?

— Ну да, — пояснил я. — Привязывают человека к

столбу или к дереву и стреляют в него. Заодно и потренируются.

— Интересный способ, — сказал Меганвэйл задумчиво. — И очень практичный.

— Пойдемте пообедаем, герцог, — сказал я. — Думаю, королева не мчится так же, как этот сумасшедший. Даже помощников чуть не загубил!

— Преданный, — заметил Меганвэйл.

В шатре Меганвэйла уютно, даже суровые воины обустраиваются, если остаются на одном месте больше чем на сутки, а Меганвэйл давно не мальчик, умеет и воевать, и отдыхать в свое удовольствие.

Я велел позвать Паланта, он явился моментально, бодрый и свежий, весь блестящий с головы до ног, словно оруженосцы начищают ему доспехи, не снимая с господина.

— Палант, — сказал я.

— Выше высочество...

— Дружище, — сказал я тепло и строго, — раз уж Ротильду Дрогонаскую возвращают, то моя миссия здесь закончена.

— Ваше высочество?

— Срочно возвращаюсь в Истанвил, — пояснил я, — где гора незавершенных дел, а положение так вообще не весьма устойчивое. Герцогу Меганвэйлу тоже будет задание, но тебе достанется самое важное и трудное...

— Ваше высочество! Я р-рад...

— Ты принимаешь командование, — сказал я, — ограниченным контингентом миротворческих сил, в составе которого остается также интернациональная бригада под командованием доблестнейшего сэра Растера.

Он в растерянности взглянул на Меганвэйла.

— Но ведь...

— За герцога не волнуйся, — успокоил я. — Ему я подготовил в Истанвиле такое, что вообще взвоет!.. Запомни, войска пусть остаются в полной боевой готовности, что им, без сомнения, понравится.

Он сказал почтительно и даже без тени сомнения в голосе:

— Да, ваше высочество. Разумеется, ваше высочество.

— Не исключено, — продолжил я многозначитель но, — что король Буркхарт Третий попытается как-то изменить положение... да и герцог будет подзуживать, жизнь есть жизнь. Потому будьте готовы дать сокрушительный отпор. При необходимости вы должны гнать противника и устилать его трупами путь бегства.

Он сказал добро:

— Мы используем любое преимущество! Пусть только дадут повод.

— Прекрасно все понимаете, — сказал я. — К сожалению, иные правители быстро теряют чувство реальности. Но теперь мы можем бывать иногда великими отрезвителями. Отрезвлятелями... Есть хочешь?

— Или выпить? — предложил Меганвэйл.

Мы успели втроем и пообедать, и неспешно выпить вина, прежде чем откинулся полог и вошел Меркель, разодетый еще ярче, весь сияющий, как надраенный золотой.

— Ваше высочество, — сказал он торжественно, — кортеж королевы Мезины Ее Величества Ротильды Дрогонаской уже на горизонте!.. Позвольте встретить ее... соответственно ее статусу?

Он держался приподнято-празднично, как церемониймейстер на инаугурации, но я как раз неспешно

обсуждал с Меганвэйлом тактику отражения конной атаки смешанным составом ратников и пикейщиков, потому просто отмахнулся.

— Да-да, конечно, вам виднее.

Он поклонился церемонно, но вышел весьма торопливо, на лице ликование, щасте-то какое, его светлейшая королева, ах-ах, как же, вот прям как солнышко щас покажется из-за горизонта, и все воссияет и в孜радуется, аллилуйя...

Несколько минут мы еще смаковали результаты наших умелых построений войск, вон так конница пехоту, а мы ее в пики, а ратники с фланга; наконец Меганвэйл кашлянул и сказал смущенно:

— Надо бы выйти навстречу...

— Наверное, — ответил я рассеянно.

Но и выходя из шатра, мы продолжали разбирать отдельные моменты, варьируя численность конницы и пехоты, вооружение, степень усталости, и тем временем откуда-то набежали прибывшие с Меркелем, мне они показались похожими на младших церемониймейстеров.

Я не успел опомниться, как на моей груди оказалась массивная золотая цепь с множеством крупных самоцветов, на плечи мне почтительно набросили плащ со знаками, как понимаю, высокого достоинства, а заботливые руки опустили мне на голову корону.

Далеко впереди протрубыли фанфары. Мои лорды и простые воины смотрели с великим интересом и вниманием, раздались крики:

— Едут, едут!

— Вижу, едут!

— А какие кони!

Наконец показались роскошные кони с пышными султанами, закрепленными между ушей. За ними бод-

ро катит, резко подпрыгивая на кочках, покрытая светлым лаком повозка. Настолько изящная, что уже можно бы называть каретой, если бы что-то придумали для подпрессоривания.

Кони красиво сделали полукруг, повозка замерла. Выскочил пышно одетый слуга, изящно распахнул дверцы и замер с почтительно склоненной головой.

Я ждал, что появится Ротильда, однако важно выбрался гигантского роста церемониймейстер или главный герольдмейстер, все еще не отличаю их друг от друга, сделал два шага вперед и, с хрустом вонзив острый конец длинного жезла в землю, провозгласил так мощно, словно объявлял о конце света:

— Ее Величество королева Мезины Ротильда Дрогонская, урожденная...

Он начал перечислять всех великих предков, потом сообщил, что Ее Величество, оказывается, владеет еще какими-то землями и замками, долго и нудно перечислял, Меганвэйл сказал рядом тихонько:

— Чего это они так?

Я смолчал, но ответил Палант тихонько:

— Берут реванш.

— Какой?

— После унизительного плена перегибают в другую сторону.

— Чтобы выровнять?

— Ну да...

— Лишь бы не сломали, а то мы такие...

Из графа Меркеля в самом деле получился бы знатный церемониймейстер: вовремя махнул рукой трубачам, те дружно вскинули к небу раструбы, на миг ослепив меня ярко сверкнувшим солнцем. Под торжественный серебряный рев, хотя трубы вообще-то из меди, из кареты царственно вышла, двигаясь величаво и неспешно, Ротильда — с пышно взбитыми огненны-

ми волосами цвета заката, зеленоглазая и прекрасная, в длинном голубом платье с длинным шлейфом.

Я никогда не видел ее в таком роскошном платье. Золотого шитья столько, что почти не угадать цвет самой ткани, на груди изящная цепь из золота, но бриллиантов там столько, что можно купить на них небольшое королевство.

Она пошла ко мне медленно, я не понял выражение ее взгляда, пока за спиной церемониймейстер не шепнул:

— Ваше высочество... это же королева!

Меганвэйл тихонько не то фыркнул, не то хрюкнул, а я молча сделал два шага навстречу и преклонил колено.

Она остановилась в шаге, я услышал над собой довольный голос:

— Принц...

— Ваше Величество, — произнес я.

Она сказала милостиво:

— Можете встать, сэр Ричард. Я одобряю ваши усилия и весьма ими довольна.

Ее герольдмейстер по мановению дланi хозяйки поклонился и, подойдя к сопровождающим повозку рыцарям, что-то сказал им строго и повелительно. Те моментально развернули коней и поскакали обратно.

Я поднялся, взглянул в ее дивные зеленые глаза, надеясь увидеть в них смешинку или хотя бы намек на иронию, однако она смотрит совершенно серьезно, строго и величаво, она ж королева, а я всего-навсего какой-то там принц, почти приблудный, можно сказать. Во всяком случае, беспородный.

— Благодарю, Ваше Величество, — ответил я вежливо. — Весьма как бы да, зело даже. Рад вашему царино-триумфальному возвращению.

Граф Меркель зыркнул на застывших поблизости

вендоверских лордов, что торчат здесь в нетерпеливом ожидании с утра, лицо его омрачилось.

— Ваше Величество, — сказал он громко, — здесь дурно пахнет. Позвольте проводить вас в шатер принца Ричарда... Увы, здесь не королевский дворец, однако здесь верные вам и преданные люди...

Она медленно и величаво наклонила голову.

— Да, граф. Позволяю.

Меркель подставил локоть под ее пальчики, и они медленно удалились, длинный шлейф ее платья сиротливо тащился по истоптанной земле, загребая пыль.

К нам быстро приблизились графы Колридж и Спенсер, а также другие вендоверские лорды из Совета по перемирию.

Колридж выступил вперед и застыл в поклоне.

— Сэр Колридж, — произнес я.

— Ваше высочество, — сказал он и, разогнувшись, посмотрел мне в глаза.

— Вас что-то волнует, сэр Колридж? — спросил я со всей сердечностью.

Он ответил с легким поклоном:

— Да, ваше высочество. Не забыли, ваше высочество, послать войскам сообщение, что перемирие завершилось миром, потому военные действия нужно прекратить?..

Я повернулся к Меганвэйлу.

— Вы слышали?

Он широко улыбнулся.

— Ваше высочество, уже все сделано. Как только кортеж с леди Ротильдой подъехал к лагерю и она вышла из повозки, я тут же послал гонцов во все наши войска.

Я обернулся к Колриджу.

— Видите?

Он вздохнул с явным облегчением.

— Прекрасно. Я очень рад, что наши скромные усилия привели к окончанию этой бессмысленной войны. Мы сейчас же отбываем, чтобы сообщить Его Величеству королю Буркхарту Третьему о благополучном завершении...

— Я рад, — сказал я. — Именно бессмысленной войны. Но отъезжать к королю вряд ли стоит спешить. Просите послать гонца.

Он взглянул с недоумением:

— Ваше высочество?

— Леди Ротильда возвращена, — пояснил я, — и военные действия с нашей стороны прекращены. Надеюсь, они будут прекращены и с вашей.

Он воскликнул торопливо:

— Разумеется! Как только вы покинете пределы нашего королевства...

Я прервал очень мягко и предельно вежливо:

— Сэр Колридж, это должно стать предметом отдельных переговоров. Или продолжением, как хотите. Потому я и уверен, что вам не стоит уезжать только для того, чтобы тут же вернуться. Я забочусь о людях, такая у меня тоталитарная натура. Положение наших королевств весьма щекотливое. Король Буркхарт сумел добиться от герцога выдачи нам королевы Ротильды, но не выдает важного военного преступника, я говорю о самом герцоге Блекморе, все-таки родня, и, как я понимаю, не выдаст. Так что отношения у нас остаются совсем не дружеские и даже не дружественные.

Он спросил настороженно:

— Ваше высочество...

— Вы все правильно поняли, — сказал я ласково, — чувствуется ваша высокая мудрость и прозорливость, сэр Колридж!.. Моментально ухватили суть происходящего. Да, мы не покинем захваченные земли, пока не будет подписан некий договор, гарантирующий, что на

земли Ламбертинии не будет вторгаться не только король Буркхарт, но и герцог, у которого своих войск практически нет, потому он вынужден будет пользоваться отрядами Его Величества... Может быть, даже знамена сменят, чтобы Его Величество Буркхарт Третий был как бы в стороне.

Он отшатнулся в ужасе:

— Как? Это невозможно!

— Что? — спросил я. — Вторжение со стороны герцога?

— Со стороны Его Величества, — сказал он твердо. — С какой стати ему вторгаться?

— Чтобы поддержать своего родственника герцога Блекмора, — пояснил я.

Он смотрел с подчеркнутым непониманием, хотя все видят и уже просчитал, но все равно сказал крайне недоумевающее:

— Герцог? Но разве это не его Ламбертиния?

— Я не посягаю на Ламбертинию, — заверил я. — Но герцог повел себя по отношению ко мне сами знаете как. Потому лорды, собравшись на совет, отрешили его от власти как человека, ввергнувшего страну в такие... неоправданные испытания. Потому герцог уже не имеет права занимать там трон.

Он заявил твердо:

— Решение собрания лордов нелегитимно!.. Герцог помазан на власть в стране!

— Правитель, — возразил я, — приведший из-за личных прихотей страну к вторжению огромной иностранной армии, лишается легитимности. Но... не будем спорить о юридических тонкостях. Факт в том, что мы не вернем власть в Ламбертинии герцогу. Он обязательно постарается расправиться с лордами, что от-

решили его от власти, а я, как справедливый и заботливый правитель, обязан их защитить.

Он не сводил с меня взгляда, вид потрясенный, даже больше, чем на самом деле, хотя, думаю, это сообщение все же тряхнуло.

— Значит... оккупация?

— Временная, — заверил я. — Пока все не наладится, не вернется в свои берега, а я не получу твердые гарантии, что с этой стороны моим землям не будет грозить опасность.

Он некоторое время смотрел изучающе, наконец медленно наклонил голову.

— Я понял, ваше высочество. Я все передам Его Величеству.

— Надеюсь на вас, — сказал я. — Мы все заинтересованы в мире и стабильности. Еще раз пламенно уверяю вас, упали Господи таким пламенным миротворцам и демократам быть агрессорами!.. Мы не претендуем ни на власть короля Буркхарта, ни на земли королевства Вендовер. Лишь трусливая предосторожность либеральных ценностей заставляет нас на некоторое время оставить крайне ограниченный контингент там, где он находится.

Он произнес с тоской:

— Ограниченный...

— Очень ограниченный, — заверил я. — Военные и тролли, разве они, по-вашему, интеллектуалы? Очень ограниченные и как раз на месте для успешного выполнения прямо перед ними поставленных задач. Тоже, кстати, ограниченных, без всяких интегралов и фриволетов. Они контролируют всего лишь треть королевства Вендовер. Его Величество почти не заметит такой мелочи! И как только мы с ним подпишем мирный договор, то немедленно отдадим все острова... тыфу, покинем эти земли!

Глава 2

Я посмотрел в сторону шатра, куда проводили недавнюю пленницу, и уже сделал шаг в ту сторону, как вдруг Палант сказал тревожно:

— Что-то сгущается... Мне это совсем как-то...

На землю пала темная тень, хотя небо чистое, воздух очень быстро теряет тепло. Меганвэйл шлепал ладонью по рукояти меча, но всякий раз отдергивал, не видя противника.

К нам подошел священник, пальцы одной руки судорожно сжаты на крестике на груди, второй прижимает к груди Библию. Бледное, изможденное бдениями лицо стало совсем тревожным и сосредоточенным.

— Надвигается, — произнес он тихо. — Да не убомимся Зла...

Я тревожно осматривался по сторонам, гадкое чувство, когда другие тебя превосходят в чувствительности, пусть и по-разному: Палант с помощью амулета, священник — серебряного креста, Меганвэйлу подсказывает житейское чутье.

— Откуда? — спросил я. — С неба прыгнет?.. Изпод земли?

— Неизвестно, — ответил священник не своим голосом, словно пребывая в трансе. — Но нечто очень злое и могучее... И древнее... очень древнее...

Холод прокатился по всему телу, опустился в ноги, но не захотел уходить через подошвы в землю. Вместо этого ступни налились свинцовой тяжестью, что начала подниматься по голеним вверх.

— Это за мной, — проговорил я глухо.

Меганвэйл вздрогнул, снова схватился за рукоять меча, а Палант вообще выдернулся из ножен и огляделся, пригибаясь, как для немедленной схватки.

— Почему за вами? — крикнул Меганвэйл.

— Я нарушил древнее заклятие Ламбертинии, — ответил я тяжелым голосом. — Не называть ее королевством, не становиться выше герцога... Меня предупреждали.

Меганвэйл прокричал зло:

— Ваше высочество! Мы будем драться! Если мы христиане, нас не могут остановить никакие сатанинские силы!

— Сатанинские нет, — согласился я мрачно, — но кроме Сатаны в этом мире есть и третья сила.

Он охнулся, даже отшатнулся.

— Ваше высочество?

Палант кивнул в мою сторону и брякнул на всю степь:

— Это его высочество о себе.

Меганвэйл испуганно перекрестился, глядя на меня. Тень на земле становилась все гуще, а на небе наконец возникла и начала разрастаться угольно-черная туча с горящими нещадным блеском краями.

Подул холодный резкий ветер, я с дрожью увидел, как с неба посыпались мелкие снежинки.

— Зайчик! — крикнул я. — Бобик!.. Ко мне!

Меганвэйл вскрикнул:

— Ваше высочество!

— Увидимся в Истанвиле, — прокричал я навстречу нарастающему ветру. — Отправляйте туда Ротильду и... сами тоже!.. Эта буря пришла за мной, так что я уведу ее отсюда!

Из начинающейся пурги выметнулся с тяжелым грохотом копыт огромный черный конь с развевающейся роскошной гривой. Я вздрогнул, глаза арбогастра горят жутким багровым пламенем.

С другой стороны набежал черный пес размером с молодого носорога, я зябко повел плечами, глаза Бо-

бика тоже полыхают пурпуром, так бывает только в минуты смертельной опасности.

Я вспрыгнул в седло, Бобик вскинул голову, но не гавкнул, а пугливо взмыл, чего с ним никогда не случалось.

— В Истанвил! — крикнул я.

Зайчик почти сразу рванулся в дикий карьер, Бобик на этот раз вперед не вырвался, мчится рядом так близко, что вот-вот попадет под копыта.

До того как тугой ветер раздерет мне рот, я прокричал:

— Нет-нет, это им в Истанвил, а нам... сюда!

Сперва неслись по залитой ярким солнцем зеленой траве, затем под копытами резко почернело, некоторое время тень накрывала нас краем: круп Зайчика уже в тени, а голова и грива сверкают в солнечном огне, затем чернота пошла вперед.

Я оглянулся в страхе, солнце уже над горизонтом, лучи бьют в спину косо. Тень намного опережает тучу, та еще далеко, но за это время стала еще страшнее, уже не угольно-черная, а намного чернее, хотя это и кажется невозможным, но чернота космоса намного ужаснее, а этот страшный блеск, что окружает ее со всех сторон, заставляет в испуге сжиматься сердце.

Бобик мчится рядом непривычно тихий, уши прижал, от Зайчика не отдаляется. Копыта резко застучали по мертвый каменной плите, что тянется во все стороны на мили, сплошной гранит, ни трещины, ни былинки, ни пыли и песка, что наносит ветер и где потом прорастают заброшенные им же семена.

За спиной загрохотало. Туча разрастается и набирает скорость, в черных недрах полыхнул багровый огонь, заклубился, пошел медленно заворачиваться в пурпурную спираль.

Я пригнулся голову к конской гриве, а сзади сухо и страшно треснуло, словно раскололось небо. Исполинская молния, толщиной со ствол Мирового Дерева, протянулась от небес до земли, упервшись в твердь в сотне ярдов позади нас. Ноздри уловили запах гари, а когда я устрашенно оглянулся еще раз, из земли уже фонтаном выплескивалась кипящая магма и выстреливался черными струями дым.

В десятке ярдов справа полыхнула стена плазменного огня. Я запоздало зажмурился, с сухим треском раскололась земля, и хотя молния блистала всего мгновение, перед моими ослепшими глазами застыла та жуткая картинка катаклизма.

Зайчик испуганно ржанул, сделал прыжок в сторону, я с трудом удержался в седле. Бобик скульнул и посмотрел растерянно вверх на врага, которого не достать.

— Вперед, — велел я Зайчику, — не стоять!.. Только не останавливаться!

Впереди появилась зеленая долина, кустарник и даже роща вдали, я поспешно повернул Зайчика обратно и погнал быстро, но не слишком, чтобы успевать делать зигзаги.

Глаза заболели от страшного блеска непрерывных молний, уши болят от страшного грохота, череп раскалывается почти так же, как лопается под ногами земля, что не земля, а исполинская каменная плита.

— Хреновые стрелки! — заорал я люто. — Спускайтесь и сразитесь, трусы!..

Рядом в землю вонзилось плазменное копье толщиной со столетний дуб, Зайчик закричал от боли, а меня тугой волной жара выбросило из седла с такой легкостью, словно сдуло пушинку.

Я грохнулся, перевернулся трижды и, с трудом поднявшись на колени, прохрипел:

— Сразись со мной, трус!

Туча висит прямо над каменным плато, почти вся, за исключением сверкающих белым краев, превратилась в багровый ад, где бушуют чудовищные вихри.

Я не успел докричаться, как там страшно полыхнуло, я успел понять, что разряд молнии направлен на этот раз точно и мне уже не уйти, не увернуться...

Молния ударила, ослепила, залив весь мир трепещущим огнем и насытив его озоном, я поднялся на ноги, ослепший и одуревший, в непонимании поднял голову...

Рядом стоит огромный рыцарь, вдвое выше меня, исполинский щит в его руке размером с крепостные ворота закрывает нас сверху, а по нему стекают светящиеся струи плазменного огня.

Справа и слева поднялись еще гиганты, я почти не видел эти фигуры в призрачном огне молний, но успел заметить, как они вскинули луки, каждый со стволом молодого дерева.

Мой спаситель все еще держит над моей головой щит, а из ада, что вокруг нас, бьют снизу вверх почти такие же яркие вспышки, только тоньше и злее.

Ломающий череп грохот стал глушше, а слепящий блеск непрерывных молний очень быстро терял режущую глаза яркость. Четче проступили фигуры гигантских стрелков, в самом деле натягивают луки и выпускают стрелы размером с рыцарские копья, только те горят голубым огнем и почти сразу исчезают с тетивы, но я вижу, как в багровых недрах моментально вспыхивают голубые искры, а затем сразу же темнеет.

Молнии ударяют в землю все слабее, грохот тише, багровость в туче погасла, а сверкающий блеск исчез. Она превратилась в обычную лохматую, каких сотни, сдвинулась в сторону, а там неожиданно растаяла, как облачко сырого тумана.

Мой спаситель опустил щит и сказал могучим голосом, от которого дрогнула земля:

— Думаю, убит...

Один из стрелков проговорил мрачно:

— Жаль, упал не здесь...

Третий, не сдвигаясь с места, убрал лук и произнес густым голосом:

— Уходим. Здесь тяжко.

Тот, кто держал надо мной щит, сказал мне грохочуще:

— Слава тебе, великий воин, сражавшийся с бозарами в одиночку. К счастью, ты попал в такое место, где мы почуяли твоего противника.

Я вскрикнул:

— Погодите! Не уходите... Это кто был?

Он удивился, посмотрел на меня с сомнением.

— Ты не знаешь?.. Тогда из-за чего?

— Да он просто на меня напал, — сказал я с сердцем. — Говорят, он охраняет герцогство Ламбертиния, а я его взял под свою защиту.

Он прорычал с неудовольствием:

— Мы не знаем никакой Ламбертинии. Но если бозард решил напасть на тебя, ты — великий воин! И ты с нами. А сейчас уходим, нам тяжко на этой земле...

Я ждал, что будут погружаться в землю медленно и торжественно, все-таки гранит, однако все ушли в него быстрее, чем я ныряю в водную гладь пруда.

Бобик ожил, снова прыгал, отбегает в сторону, хоть и недалеко, глаза, как и у аргогастра, снова коричневые, без зловещей багровости.

Солнце опустилось за край земли давно, небо фиолетовое, простили первые звезды, но луна еще не взошла.

Зайчик приглашающе подставил мне бок, я вставил

ступню в стремя, но подниматься в седло не торопился, нахлынула странная тоска. В этой толще гранита погребены тайны... даже не погребены, а я вот снова ухожу...

Я не поднялся в седло, а вспрыгнул, чтобы отрезать все колебания, разобрал повод и сказал тем твердым голосом, которым должны разговаривать мужчины:

— Вперед! Можно без песни.

Зайчик не успел разогнаться, как гранитная плита резко оборвалась, дальше простая земля с простой травой, в сумерках уже медленно теряющей насыщенный зеленый цвет.

Сухой стук копыт сменился получавканьем, я перевел Зайчика на шаг, приподнимался, всматриваясь в траву и мелкие кустарники, все так резко контрастирует с серой поверхностью гранита. Если верить тому великану стрелку, бозард, каким-то образом оседлавший тучу, если то туча, сбит их смертоносными стрелами и упал где-то за пределами этого странного плато.

Похоже, сами не могут выходить за его пределы, иначе задержались бы, чтобы посмотреть на труп самого лютого врага.

Бобик резко ускорил бег, я не успел крикнуть, как он остановился далеко впереди на краю широкой воронки с обугленными краями.

Снизу поднимается дымок, трава вокруг черная, сгоревшая, а дальше коричневая от страшного жара.

Зайчик все замедлял бег, наконец по моей команде остановился. Я соскочил, под ногами захрустела корочка сгоревшего слоя земли.

Сильно и жутко пахнет горелым мясом, я заглянул в воронку и вздрогнул. Там, в самом центре, обугленный труп человека, хотя мне трудно представить себе чело-

века в три ярда ростом и с грудной клеткой побольше, чем сорокаведерная бочка.

Что на нем раньше было, одежда или некие доспехи, теперь не узнать, тело покрыто толстым слоем жирного пепла, а металлические пластины искорежены и наполовину погрузились в тело.

Я покинул седло и, стоя на краю, рассматривал его с удивлением и ужасом, но когда грудь дрогнула и приподнялась, я охнул и отступил. Огромное лицо, на котором все сожжено, конвульсивно дернулось, медленно приподнялись толстые черные веки.

На меня в упор взглянули страшные багровые глаза, и тут же веки опустились.

— Ты... смел... — донесся шепот. — И... сметлив... Ты не случайно?..

— Я слышал легенду о керуби и бозардах, — проговорил я, стараясь не вздрагивать в страхе. — И помчался на то Лысое Плато.

— Ты... сообразил... такую уловку?..

— Показалось лучшим вариантом, — ответил я. — А ты... преследовал меня из-за Ламбертинии?

— Что такое... Ламбер... Ладно, это неважно... Я умираю... Мне было велено не позволять... в королевство...

— Почему?

Голос упал до тихого шепота:

— Не знаю... Это те, кто выше... Я умираю... все пропадет... подойди ближе и возьми ключ...

Я сказал нервно:

— Что за ключ?

— От моей башни здесь, на земле... Только она... наизнанку... на холме с черной вершиной...

— А что там?

— Не пожалеешь... — шепнул он. — Там много сокровищ...

— Не интересуюсь!

— ...также... амулетов... талисманов... и Книга Превращений...

— А что, — спросил я, — за превращения?

Судорога прошла по его лицу, он уже не прошептал, а простонал:

— Все... больше нет сил... вот ключ...

Одна рука шевельнулась, огромный кулак медленно разжался. На широкой, как совковая лопата, ладони некоторое время был только пепел от сожженной кожи, затем появился ярко блестящий в полутьме ключик, слишком мелкий и несерьезный для такого гиганта.

— Ага, — сказал я нервно, — я протяну руку, а ты меня схватишь!.. Ты такой здоровый...

Мне показалось, огромное лицо дернулось в кривой усмешке.

— Ты прав... я бы это обязательно... молодец... жаль, что не встретил тебя раньше...

Шепот затих, тело дрогнуло и вытянулось, а левая нога дернулась дважды и застыла.

Глава 3

Я долго сидел над трупом, несколько раз смотрел в тепловом зрении, я ж осторожный, остывает почему-то медленно, наконец решился протянуть руку, но в последний момент передумал и, отыскав длинную палку толщиной с оглоблю, подцепил ключик.

Рука взметнулась моментально, ухватила древко и дернула на себя с такой силой, что там треснуло, обломок вонзился в обугленную грудь и погрузился почти весь.

Я охнул и отпрянул, оставшаяся часть древка упала на землю и вспыхнула жарким огнем. Я не успел моргнуть, как уже рассыпалась багряными угольками, тут же погасла, а пепел подхватило ветерком и рассеяло.

Снова я сидел там долго, небо из фиолетового стало совсем черным, выступили слабые звезды, наконец отыскал еще прутик, подгреб ближе, а затем подцепил блестящий на земле ключик ножнами меча, он послушно скользнул в щелочку и пропал там.

Я сунул меч обратно, как будто в ножнах и нет ничего лишнего, поднялся и вернулся к тревожно наблюдающим за мной Зайчику и Бобику.

— В Истанвил, — сказал я твердо. — Я правитель, а не этот... над которым хихикаете, морды нахальные.

Звезды, и без того слабые, совсем исчезли, небо за это время не просто потемнело, холодный северный ветер нагнал плотные низкие тучи, и нас охватила полная тьма, когда под копытами так же темно и мрачно, как и на небе.

Можно, конечно, мчаться через этот мрак, для меня он не мрак, а только бесцветный мир, но нас никто не торопит, а самое главное, в ночи все холмы черные, где уж отыскивать среди них один с черной вершиной...

Может, не стоит, мелькнула мысль, но все-таки не думаю, что тот гад соврал. Чувство такое, что холм с черной вершиной существует, как и «высокая башня навыворот», это должно бы означать глубокий колодец...

Скорее всего, там тоже ловушки и подвохи, без этого никак, но так же вероятно, что в самом деле в сундуках сокровища, амулеты, талисманы и та заветная Книга Превращений, о которой он говорил с таким почтением.

Если пройду, то этим как бы выкажу свой высокий статус то ли мага, то ли героя, в общем, бозард не хотел, чтобы его богатства пропали, но и не желал, чтобы достались простым гробокопателям и расхитителям сокровищ.

Зайчик то и дело поворачивал голову и смотрел на меня с недоумением, наконец я сказал с досадой:

— Ну что?.. По ночам только ворье всякое ездит. Ищи ночлег, а путь продолжим рано утром.

Бобик весело гавкнул, сообщая, что это копытное и своего хвоста не отыщет, а вот он, умный и быстрый, сейчас же мигом и немедленно...

Мимо промелькнул пугающие черный пруд, не люблю такие, деревья стоят реже, но такие громадные, словно я превратился в муравья, в небе слабо поблескивают звезды, потом исчезли они тоже...

Ночь для меня не совсем ночь, однако нечто нереальное, абсолютно бесцветный мир, ни одно дерево не отбрасывает тень, хотя, уверен, и для Зайчика с Бобиком здесь не темно, однако и они предпочитают ясный день...

Луна иногда просвечивает слабым пятном сквозь тучи, но я и без нее рассмотрел слабую тропку между вековыми деревьями, пустил по ней Зайчика и вскоре увидел добротный дом под соломенной крышей.

Бобик сразу же понесся осматривать, что там за домом за сараи, а я постучал в закрытые ставни.

— Эй, хозяева!.. Принимайте гостей!

Долго никто не отвечал, затем донесся испуганный женский голосок:

— Кто там? Езжайте дальше!..

— Как негостеприимно, — сказал я с огорчением. — Господь печалится, когда в созданном им прекрасном мире люди поступают так невежливо...

Зайчик шагнул было дальше, но голосок сказал расстерянно:

— Хорошо, сейчас открою...

Через минуту звякнули запоры, дверь чуть приотворилась, я рассмотрел в щель невысокую девичью фи-гурку. Волосы уже распущены, явно хозяйка собралась ложиться спать, а то и вовсе легла, в салах спят от зари до зари.

Я соскочил с седла, Бобик сразу же ринулся на крыльце. Там послышался испуганный вскрик, фигура в ночной рубашке исчезла.

Я заторопился следом, в сенях пусто и чисто, приятно пахнет лесными травами, а когда вбежал в комна-ту, Бобик кружит там, все деловито обнюхивая, а де-вушка прижалась спиной к стене и следит за ним расширенными глазами.

— Не обращай на него внимания, — сказал я с не-ловкостью. — Щенок еще... Дурной и любопытный. А где остальные?

Она проговорила слабым мелодичным голоском:

— Отец с мамой уехали с утра на ярмарку. И полу-вина соседей...

— А-а, — сказал я, — тогда ты очень смелая, что от-крыла незнакомому мужчине.

Она подняла на меня взгляд чистых и светлых, поч-ти прозрачных глаз.

— Мне показалось, — проговорила она тихонько, — вы меня не обидите. У меня, как говорят, чутье...

— На этот раз чутье не подвело, — пробормотал я, — но вообще не слишком ему доверяй, лучше не от-пирай двери незнакомым. Пусть это делает отец, у не-го опыта больше.

Она несмело улыбнулась.

— Вы говорите, как мой отец...

— Еще и ремень отыщу, — пообещал я. — Тебя как зовут?

— Алиния...

— Хорошее имя, — сказал я. — А меня — Ричард.

— Тоже хорошее, — сказала она мягким голоском. — Рыцарское, мужественное. И красивое.

Бобик подошел к ней и требовательно подставил под ее руку голову. Она несмело поскребла пальчиками, он начал слегка двигать башкой, подставляя под сладостный чёс разные места.

— Я сейчас соберу на стол, — сказала она торопливо.

Отказываться я не стал, в самом деле так устал, что ничего не сотворю, кроме чашки кофе, и наблюдал, как она разогревает суп, а потом наливает из горшка в миску с высокими краями.

За это время я узнал, что ей уже восемнадцать, что значит, замуж пора давно, однако деревня у них крохотная, парней свободных нет, только старый Герберт из неженатых, да еще Клюни, но тот совсем подросток.

Я тихо любовался ею, когда она ходила по комнате, босая, в простом платьице, подавала на стол сперва суп, потом мясо и сыр. Бобика на ходу поглаживала, сообщила, что в крайнем доме живет ручной медведь, спит в одной комнате с хозяевами, а у Джонсонов живет волк, играет с детьми.

Я поел быстро, оставил на столе серебряную монету, потом заменил ее на золотую, лег на широкую лавку, где она постелила медвежью шкуру, и почти сразу провалился в глубокий сон.

Солнечный зайчик пощекотал в носу, я коротко чихнул и, еще не раскрывая глаз, уже вспомнил, где я, что со мной и что надо срочно сделать.

Бобика нет, я поднялся и, сидя на лавке, сладко потянулся так, что смачно захрустели суставы. Тело за ночь набралось бодрости и силы, что нагло требует выхода в чем-нить простом: сломать или разрушить, к примеру, самое приятное деяние для мужчин.

Я не встал, а вскочил, быстрыми шагами пересек комнату, миновал сени и вышел на крыльцо.

Алиния развешивает на протянутой через двор веревке выстиранное белье, под ногами у нее шелестит разбросанная сухая солома, весь мир залит чистым солнечным светом, весело чирикают мелкие птички, торопливо клюют что-то посреди двора.

Она обернулась на стук моих сапог, милое лицо осветилось улыбкой и стало прекрасным.

— Вы уже встали? Как рано!

— А ты? — спросил я весело.

— Мы всегда встаем с солнышком, — сообщила она. — Смотрите, что ваша собачка натворила...

Я спросил в испуге:

— Что?

Она указала в сторону сарая. Там под стеной аккуратно сложены три оленя, два огромных даже не кабана, а настоящих вепря, а еще — с десяток толстых и упитанных гусей.

— А-а-а, — сказал я с облегчением, — это он тебе в уплату, что чесала. Он такой, любит отдаривать. Скажи спасибо, что рыбы не принес!

Она охнула:

— Он может и рыбу?.. Как он столько гусей сумел, и то не понимаю... Пока к одному подкрадешься, остальные улетят же...

— Надо шевелиться, — сказал я бодро, — пока счастье не улетело. Ладно, милая, мне надо ехать. Скажи родителям от меня, что у них просто прекрасная дочь, но ты сама будь поосторожнее...

Она вскрикнула испуганно:

— Как уедете? А позавтракать?.. Я уже наготовила...

Я покачал головой.

— Прости, надо спешить.

— Ну хотя бы суп, — сказала она умоляюще, — я так старалась!.. Говорят; ни у кого не получается такой вкусный.

— Это я еще вчера понял, — заверил я. — Бобик, на выход!.. Зови Зайчика.

Бобик метнулся в лес, вскоре из-за деревьев показались они оба, огромные и черные, способные перепутать кого угодно, но сейчас оба с довольными мордами помахивают хвостами.

Она сказала отчаянным голосом:

— Ну хотя бы... давайте я вам налью вина!

Я покачал головой.

— Нет, спасибо.

— А что, — спросила она тихо и посмотрела мне прямо в глаза, — что вы хотите?

Я с неловкостью отвел взгляд, чувствуя себя каким-то обманщиком.

— Ох, у меня столько дел, и все надо делать срочно.

Она сказала жалобно:

— Но мне так хочется угостить вас!

— В другой раз, — ответил я.

Она ответила печально:

— Другого не будет.

Лицо не было грустным, в глазах безнадежность. Я ощущал, что если уйду, то она останется несчастной на всю жизнь. Мне нужно остаться и помочь ей, однако помочь я могу только в ее понимании, а это значит делать несчастным себя.

Я сказал:

— Жаль.

Зайчик повернулся боком, я прыгнул в седло, он сразу пошел вскачь. Бобик ринулся вперед, я закрывал глаза и злобно мычал на всеобщую несправедливость в мире и свое бессилие все резко изменить и всех сделать счастливыми.

Промчавшись где-то с милю и свернув дважды за холмы и рощи, я заприметил большой пологий овраг, пустил туда Зайчика, а на самом дне покинул седло.

Бобик в недоумении прыгал вокруг, дважды принес неподъемное для меня бревно и уговаривал побросать ему. Он будет приносить, а я буду бросать снова и снова, как здорово, какая прекрасная игра!

— Ждите здесь, — велел я.

Далеко отходить я не стал, не в дракона же превращаюсь. Главное — чтобы Бобик не задавил, когда стану птеродактилем, присел, сознание помутилось всего на миг, еще зрение с полминуты оставалось несфокусированным, все-таки у человека глаза особенные, затем я отпихнулся от земли посильнее и взлетел, шумно хлопая крыльями и поднимая пыль.

С большой высоты лес выглядит бесконечным болотом, поросшим зеленым мхом, а холмы смотрятся как обычные кочки, по которым прыгаешь, когда пытаешься перебраться с одного берега на другой, не замочив ноги.

С востока надвигается массив туч, я торопливо работал крыльями и всматривался в проплывающую внизу землю. Герцогство не казалось огромным, но когда торопишься, оно просто необъятно, как бы высоко ни забрался.

Тучи наконец закрыли половину обозреваемой земли, это как бесконечное заснеженное поле с такой высоты.

Я рассерженно пошел вниз, пробил толстый слой этого отвратительного сырого тумана, внизу мохнатая

зелень на выглаженной зелени, это лес на равнинах, зеленые холмы, всюду зеленые...

Сердце дрогнуло, а потом застучало часто-часто. Один из холмов отчетливо выделяется черной вершиной, но увидеть это можно, только когда пролетаешь строго над ним, потому что со всех сторон высокие деревья с раскидистыми кронами, что почти закрывают черную лысину холма. Во всяком случае, если смотреть хоть чуть сбоку, то ничего не увидеть...

Вот сволочь, мелькнула мысль. Как я увидел бы, если не смог бы взлететь? До конца жизни мог бы искасть...

Постепенно снижаясь, я сделал большой круг, осматривая места вокруг, затем приблизился к холму со стороны хорошо пробитой дороги. Деревья, как будто их здесь посадили нарочно такие, на редкость могучие, кряжистые и даже высокие, хотя дальше в лесу, где теснота, куда мельче.

Одна из веток даже чиркнула по пузу и поджатым лапам. Я маневрировал, прячась от дороги на случай, если кто увидит, как большая птица нырнула в лес, видать, зайца усмотрела, но чтоб не заметил, как эта птаха превращается в человека.

На землю почти упал, под лапами сухо хрустнуло, а когда я перекатился на бок, превращаясь в человека, захрустело часто и раздраженно, словно давлю десятки, если не сотни куриных яиц.

Земля выжжена до черноты, сухая, будто здесь только что отполыхали страшные пожары, что прожгли землю на ярд, если не больше, ничто и нигде не сохранилось живого...

Я осматривался, топал время от времени, проверяя землю, однако нигде и ничего, а дальше чернота заканчивается, поднимаются могучие деревья, там сырь и много прошлогодней листвы.

Тепловое зрение ничего не дало, как и запаховое.

В исступлении, когда разогрелся от злости так, что череп начал потрескивать, как глиняные черепки в огне, перед глазами поплыло, на черную землю под ногами наложилось видение каменных стен в глубине, ступеней, что ведут вниз огромной мрачной шахты...

Я помотал головой, всмотрелся, пытаясь сфокусироваться, но все качается так, что подкатила тошнота. Я с трудом слегкнул слону, всмотрелся снова, стараясь контролировать то, что вижу.

Сволочи!

Нашупав, не глядя, кольцо Хиксаны, я повернул его камешком вниз. Под подошвами вместо надежной тверди образовалось отвратительное болото, я с участвовавшимся биением сердца ощутил, как медленно погружаюсь в плотную прокаленную землю. Тело даже ощущало накопившийся в ней жар, что не опаляет, но терпеливо ждет своего часа.

Когда погрузился до бедер, я поспешил сделать несколько частых сильных вдохов-выдохов, гипервентилируя легкие и запасая там кислорода, через пять секунд сдавило живот, а через десять грудь, я запер дыхание и закрыл глаза, с отвращением чувствуя, как лицо вошло в липкую, как мокрая глина, субстанцию.

Погружался долго, так показалось, хотя дыхание могу задержать только на три минуты, да и то лежа в покое, а вот так начинаю задыхаться уже через пару минут...

Глаза не открывал, старался запаховым и тепловым чутьем прощупывать все вокруг, и когда уже грудь ходила ходуном, нечто подсказало, что терпи еще чуть, пустота совсем близко.

Подошвы уперлись в твердое, но я оставался в спекшейся до крепости камня земле, легкие кричат, в голове уже мутится...

Ничего не происходило, я упал, задыхаясь, и в бессильной злости на себя выругался громко и не весьма. Конечно, с моим ростом голова и плечи продолжали оставаться в камне, а все остальное уже оказалось на площадке, где впереди пустота, а стена только через три ярда. Нужно было всего лишь пригнуться...

Отдышавшись, я поднялся на ноги и начал медленный спуск. Ступеньки широкие, но истертые посредине, словно один и тот же человек ходил по ним сотни лет.

Глава 4

Все-таки я за это время продолжаю развиваться сам, в то же время развиваются и мои чувства. Иногда я стараюсь так, что чуть жилы не лопаются, вон как с телепортацией моих вещей. Но чаще нечто происходит как бы само, хотя и не само. Но я не контролирую, это как взросление или появление каких-то новых гормонов...

Мимо уходила вверх стена, обычная каменная, ничего особенного, так довольно долго я все поднимался в обратную сторону по этой высокой башне, что повернута вниз, или же, говоря нормальным языком, спускался и спускался, а потом вдруг всего осыпало морозом, хотя опасности не ощущил, здесь просто нечто иное...

Стена уже другая, это не камень, не металл, не пластик, не что-то переплавленное и переделанное, ничто из такого не вызовет у меня... благоговения, что ли, но и это слабая тень того, что ощащаю, это сверхпочтение, всеми фибрами чувствую, что это нечто особое, то ли доматерия, из которой состоял Праатом, что биг-бангнул и образовал Вселенную, то ли спрессованное до некой поры время...

Внизу проступила призрачная дверь, но когда спустился к ней, она стала твердой и солидной.

— А это вы здесь видели, — пробормотал я и, повернув кольцо камешком вниз, двинулся вперед. — Мы кое-что умеем...

От неожиданности стукнулся лбом, потом еще попытался несколько раз, но не сумел всадить в неведомый материал даже палец.

— ...но не все, — буркнул я, — да и то, что знаем, не весьма...

Все попытки проникнуть взглядом, нюхом или слабо прорезающимися новыми чувствами сквозь дверь ни к чему не привели, только разболелась голова, будто я какая-то чувствующая натура или вообще либерал какой.

Затем я долго и тоже тщетно ощупывал дверь на предмет опознавательного устройства — пусть считает мою сетчатку глаза... да что угодно, разрешаю, и убедится, что я не из тех, что бегают с мечами по поверхности и рубят друг друга на куски, хотя меч и у меня, да, но это атрибут, как гитара у панка или кортик у адмирала, хотя ни тот, ни другой пользоваться ими не умеют.

За спиной нечто сухо и пугающе треснуло, словно еще одна дверь захлопнулась с такой легкостью, словно форточка, отрезая мне дорогу обратно. Я замер, напряженно прислушиваясь и всматриваясь через прозрачную дверь. Отчетливо вижу длинный зал, сильно вытянутый. Вдоль стен через равные промежутки горят напольные светильники, между ними поясные портреты в темных массивных рамках. Там, как и здесь, свод тонет во мраке, но я ощутил движение воздуха от взмахов невидимых крыльев.

Дрожь пронеслась по телу: черные тени, что лежали на полу и не двигались, сдвинулись с мест и медленно

поползли в мою сторону, расширяя языки и сливаюсь друг с другом, чтобы не дать мне проскочить мимо.

Я в ужасе опустился на пол, потом в большой голове, где мысли совсем уж дикие, всплыло имя скайбагера.

— Эркхарта, — сказал я с дрожью в голосе, — ты меня слышишь?

Ответ в моей голове прозвучал почти сразу:

— Даже удивительно как хорошо. Никаких помех. Сигнал чистый и сильный. Где это ты, любопытно.

— А как любопытно мне, — сказал я торопливо. — Послушай, здесь что-то ужасающее древнее. Возможно, из твоей эпохи.

— И что?

— Дорогу перегородила дверь, — сказал я, поглядывая в страхе на темные подползающие тени. — А я не знаю, как пройти. Мне один... друг дал ключ от этих мест, но здесь ничего похожего на дырочку...

— Что за дырочка?.. Ах да, отверстие... Все-таки ты дикарь, хотя иногда кажешься... Ключ нужно взять в правую руку и смотреть на дверь.

— В какую точку? Она громадная.

— Неважно, — ответил равнодушный голос. — Если это правильный ключ, тебя впустят. Этот же ключ годится и дальше...

— А-а-а, — прервал я, надо же успеть показать себя умным и вообще успеть, — так бы и сказала! У нас его просто вешают слева на груди, бэйджик называется. Там все о пользователе!.. И не надо в руке! Дикари какие-то!..

Голос ответил сухо:

— Были времена, когда на людей с бэйджиками, как ты их называешь, охотились и убивали. Приходилось прятать.

— Какие вы дикари, — сказал я с чувством. — Тогда мне все эти глупости понятнее.

Проговаривая все это, я вытащил меч и положил рядом на пол, потряс ножны. Крохотный ключик выпал и запрыгал, звякая, по полу.

В двери что-то неуловимо изменилось, однако она оставалась все такой же монолитной и солидной.

Я взял ключик в руку, плотно зажал в кулаке: пусть лучше прочувствует меня как хозяина, выпрямился и посмотрел державным взглядом на дверь.

Ничего не происходило — то ли не признает, то ли пересчитывает атомы в моем теле и сличает с образцовым сапиенсом, затем... резко и быстро распахнулся длинный зал, ярко освещенный, но там, дальше, уходящий во тьму.

Двери как и не было, словно это силовое поле, оформленное под нее. Я торопливо подобрал меч, к нему уже подобрались черные густые тени, сунул в ножны и пошел осторожно, я по возможности не рисковый, а ключик продолжал сжимать в руке, и только когда уже оказался на середине зала, что и не зал, а уходящий в стену тоннель, рискнул опустить его в карман.

Ничего не случилось, я перевел дыхание, у мужчины в руке все-таки должен быть меч, даже если он демократ или, тыфу-тыфу, либерал.

Дверь исчезла, пахнуло свежим воздухом с запахами цветов, приглушенный свет, мебель только под стенами, а в центре три длинных стола со средневековой аппаратурой в виде десятка тиглей, колб, воронок, жаровен и прочего, что так не вяжется с залом.

За одним из столов возится человек, низкорослый, согбенный. В страхе оглянулся, заслышав мои шаги, на меня взглянули выпущенные глаза, почти совсем бе-

лые, только зрачки неприятно крохотные, весь сморщенный, рот в жемок, кожа желтая, словно у больного желтухой.

Я сказал громко:

— Стоять!.. Власть переменилась!.. Теперь я здесь изволю, понял?

Он пригнулся, будто собирается броситься, пальцы быстро двигаются, рисуя сложные узоры заклятий.

Я презрительно сощурился.

— Мальчик, не смеши этим детским лепетом! Иначе сам на тебе испробую нечто из своего арсенала.

Он вздрогнул, пальцы его бессильно обвисли, уже перепробовал, убедился, что магия для меня что о стенку горохом.

— Что... вы хотите?

— Будешь служить мне, — сказал я милостиво, — оставлю в живых. И даже разрешу заниматься этой ерундой, чем ты и занимался. Попробуешь навредить, я тебя тут же... понял?

Он торопливо кивнул.

— Да, господин. Понял, господин.

— Господин Ричард, — сказал я. — А у тебя, существо, есть имя?

— Релк, господин. Просто Релк.

— Ну, — сказал я, — ты понял, Релк, что если я здесь, то сила моя велика и обильна, только порядка в ней нету, но мы над этим работаем.

Он проговорил дрожащим голосом:

— А прежний господин?..

Я отмахнулся:

— Он что-то вякнул поперек, ну я его и того... укон-трапутил. Нечая моему нздраву перечить! Если я изволю, то это все, баста!.. Понял?

Он торопливо кивнул.

— Да, господин.

— То-то, — сказал я милостиво. — Позволяю показать мне здесь все... и остальное тоже. Я бываю любознательным, но бываю еще и любопытным! Не знаю, что хуже.

Он ответил с поклоном:

— Да-да, что изволите осмотреть?

Я сказал важно:

— Да в первую очередь сундуки с амулетами, талисманами и эту, как ее, ага, Книгу Превращений.

Он вздрогнул, лицо дернулось и застыло, а когда заговорил, голос звучал настолько принужденно, что даже не знаю, что тут такого особенного:

— Мой господин, нужно пройти в ту часть Храма...

— Пойдем, — прервал я. — Иди впереди! Ну?

Он торопливо пошел, сгорбленный настолько, словно не человек, а двуногий ящер. Я смотрел по сторонам, но присматривался и к нему, больно уж угодлив, такие всегда держат нож наготове.

Иногда мне казалось, что идем по больнице, настолько все стерильно чисто, вычищено.

В какой-то момент он изогнулся в мою сторону, словно у него хребет резиновый, сказал просительно:

— Господин, не все мне здесь подчинено. Я лишь слуга, дальше вообще запрещено входить!

Я сказал милостиво:

— Ввиду великого праздника, разрешаю.

— Какого праздника, мой господин?

Я удивился:

— Как это какого? Я пришел!

Он опешил, затем угодливо поклонился.

— Спасибо, спасибо, господин!

Но лицо оставалось настолько почтительно-сладким, что второе под ним, мерзкое и злое, но настоящее, начало проступать все отчетливее.

Подвалы этого удивительного замка, почти как и везде в строениях, что поставлены на месте более древних, показались длиннее и просторнее коридоров там, наверху. Я шел за Релком, и чем мы опускались глубже, тем неувереннее я себя чувствовал, потому что тут все должно быть более грубое и неотесанное, однако все наоборот, даже камень словно покрыт некой пленкой, что не позволяет ему крошиться или пойти неизбежными трещинами.

На четвертом этаже, считая снизу, который уже как будто покрыт глазурью, непонятно откуда идущий свет стал чистым и радостным.

На этот раз двери по обе стороны попадаются редко, Релк касался некоторых ладонью, у одной остановился, подумал, сказал медленно:

— Вроде бы здесь...

— Рискнем, — предложил я бодро.

Дверь под его ладонью вздрогнула и моментально прыгнула вверх с такой скоростью, что почти исчезла.

Он поклонился.

— Прошу вас, мой господин.

Опасаясь показать страх, — этого мы боимся больше самой гибели, — я шагнул к порогу, однако прежде чем переступить, постарался быстро просмотреть... нет, ощутить, есть ли там опасность, однако если она и была, то не наготове, мои чувства смолчали, и я шагнул в помещение...

...Зажегся яркий оранжевый свет, такой яркий и теплый, что я ощутил себя на поверхности под жарким солнцем в разгар лета. Помещение просторное, хотя слишком вытянутое, а с одной стороны сильно вогнутое вовнутрь, будто стена, как парусина под напором ветра, подалась да так и застыла.

Он проследил за моим взглядом.

— Это?.. Древние демоны пытались прорваться, но

защитная магия поглотила их. Они так и остались в стене.

Я поежился.

— Давно это было?

— Всего семьсот лет назад, — ответил он безмятежно.

— Почти вчера, — согласился я. — Не вырвутся?

Он шутки не понял, ответил серьезно:

— Сами? Нет. Если никто не поможет.

Я вздрогнул.

— Что... они еще живы?

Он посмотрел с удивлением:

— Естественно. Это же демоны. Господин Ричард, не отвлекайтесь, вам нужно вот сюда... Идите за мной.

Проходя мимо выпуклой стены, я машинально прошел по ней кончиками пальцев и, лишь когда уже удалился на пару шагов, сообразил, что уловил изнутри некий зов. По коже пробежала дрожь, я не видел своих рук под одеждой, но чувствовал, как покрываются пузырьками.

Релк, строгий и застывший, ждет с непроницаемым лицом и опущенными набрякшими веками. За его спиной массивная глыба камня, даже на расстоянии я чувствую ее чудовищную тяжесть, словно это не камень, а вещество нейтронной звезды, вокруг которого изгибается пространство.

— Здесь? — спросил я.

Он кивнул, отступил в сторону. Над камнем стутился воздух, я попытался рассмотреть, что в нем мелькнуло, однако из крохотного смерча выпала тяжелая книга в переплете из красной меди с бронзовыми застежками, пожелтевшими от времени.

Он отступил, жестом и наклоном головы приглашая меня дальше самому, если рискну. Я засопел, отступать стыдно, хотя чувствую угрозу, словно эта книга

может взорваться, как газовый баллон, при первом же прикосновении.

Переплет закрыт на простые защелки, а замочка, которыми запирают особо ценные книги, нет. Это значит, что либо не настолько ценная, либо... запоры на ней куда мощнее тех, что в виде простого висящего замка.

Я осторожно коснулся переплета. Ничего, обычный металл. Попробовал отстегнуть одну скобу, затем вторую, обе поднялись, и обложка освобожденно приподнялась чуть-чуть.

Релк посмотрел, как мне показалось, с удивлением на мои руки.

Я поднял тяжелую, как могильная плита, странно холодную обложку, пальцы ожгло холодом.

Страница затрепетала и перевернулась, я даже не успел рассмотреть цветной форзац, там вроде бы живая карта, где реки текут, по лесам пробегают зеленые волны, как по траве под ветром, а над вулканами сверкают багровые пятнышки.

Глава 5

Страницы зашелестели, переворачиваясь сами по себе, от них пошел золотой свет и поднялась некая золотистая пыль, закружила легонько вокруг меня.

Я с дрожью видел, как входит в одежду и, боюсь, пронизывает ее насквозь. По коже щекотнуло, а потом я ощутил, что эта золотая пыль со страниц книг проникает в меня, в мое тело, там пошло странное тепло, словно нечто разогревает изнутри... а потом тепло перешло в неистовый, обжигающий внутренности жар.

Релк отступил, когда меня перекосило внезапным спазмом. Лицо его, как мне показалось, осветилось на-

стоящей человеческой радостью, ведь мы нередко больше всего радуемся чужой беде.

В живот мне словно плеснули раскаленным оловом, я скрипел зубами, боролся, где же моя чертова регенерация, давай, торопись, пока все не сожжено...

Боль ушла, я прислушивался к себе и не чувствовал, чтобы что-то изменилось, но понимание осталось: да, что-то произошло.

Я сказал хриплым голосом:

— Ну... и что?

На его лице промелькнула тень сильнейшего разочарования. На миг мне показалось, что прыгнет на меня и ударит по голове, пока я не пришел в себя полностью, однако он тяжело вздохнул, выпрямился и ответил погасшим голосом:

— Вы... сумели.

— Что?

— Все, — ответил он тускло, — что было в книге.

— Я ничего не чувствую, — буркнул я.

— Еще рано, — ответил он.

— А когда?

Его лицо омрачилось.

— Не знаю. Да это и неважно. Вряд ли это теперь спасет... Мне, конечно, очень жаль, что книга Великой Магии вот так... канула. Однако я отношусь к этому, как ни странно для вас, хоть и с печалью, но...

— Что случилось? — спросил я в лоб. — Ты же показал эту книгу не случайно? Мог бы утаить...

Он кивнул.

— Да.

— Так почему?

— Просто всему миру скоро конец, — сказал он невесело. — Потому я и вышел из... своего уютного мира. Мне восхотелось перед кончиной заглянуть в эту книгу... не потому, что надеялся там найти способ, как из-

бежать звезды Маркус... такого способа там нет, просто захотелось успеть узнать больше... Но скоро-скоро всему конец...

— Чему? — переспросил я.

— Нашему миру, — ответил он. — Багровая Звезда Маркус все ближе. Астрологи пророчат на этот раз вообще гибель всему живому. Ну, разве что снова выживут те, кто спрячется в пещерах.

Я все еще прислушивался, что же во мне теперь не так, как было, потому ответил почти равнодушно:

— Если при Войнах Магов, что всыхивали внезапно, и то спасались, то от Маркуса легче!.. Можно заранее уйти в глубокие пещеры, забрать зерно, еду, даже загнать туда скот...

Он пробормотал:

— Да, но... когда горы проваливаются, моря выкипают, а земная твердь волнуется, как морская гладь, то большинство пещер будут либо разрушены, либо все выходы завалены...

Я предположил все так же рассеянно:

— Не так ли образовались кобольды и все народы, что живут где-то в самых низких пещерах? И вообще... я слышал, что эта Багровая Звезда только забирает пленных, а затем улетает.

Он сказал с настоящей человеческой горечью, так не идущей его отвратительной морде, на которой крупными буквами написано, что ему плевать на все человечество, было бы ему хорошо:

— Багровая Звезда по имени Маркус страшна не тем, что забирает массу людей... Набив трюмы живым товаром, они затем взлетают и проходят над странами и королевствами, уничтожая не только города и села, а все, что внизу!.. Земля горит, реки и озера вскипают, горы плавятся и растекаются по земле кипящей лавой...

— Прямо вот так? — спросил я скептически.

— Вы это увидите, — ответил он тускло. — Это уже скоро. Да что там лава! Когда начинается страшная дрожь земли, ни одно здание не остается целым. Земля трескается, из недр выплескивается тайный огонь и сжигает все вокруг... Погибающие в огне люди завидуют тем, кого забрали чужаки!

— И никто не может спасти? — спросил я. — Вон то же может? Присмотрись...

Он оглянулся, а я торопливо повернул браслет Иедумэля. Мелькнули туманные картины Эльфийского Леса, затем лес попроще, тут же простили чертоги моего дворца в Истанвиле, я прижал пальцем кольцо браслета и сказал мысленно: «Пуск».

В подошвы легонько стукнуло, я уставился в каменную стену, волна дикого ликования охватила с такой силой, что я едва не завизжал от радости и безумного счастья.

Получилось! Даже из-под земли, даже из такого защищенного места сделал та-а-а-акой прыжок, что в голове не укладывается, придется расположить вдоль спинного хребта, я им тоже умный, иногда даже умнее, чем головным.

Представляю, как Релк с глупо распахнутым ртом озирается по сторонам, не понимая, куда я исчез.

Послышились приближающиеся женские голоса, веселые и щебечущие, я поспешно влез в личину исчезника и прижался к стене.

Две молодые женщины, я не рассмотрел их в по-
лучьме, шли, хихикая, мимо, я услышал:

— Какое красивое колечко! Кто подарил?

Вторая спросила быстро:

— А никому не скажешь?

— Клянусь!

— Мне подарили... Ох, ты проговоришься!

— Да никому, я же поклялась!

— Знаю твои клятвы.

— Ну и ладно... Я и так знаю. Это виконт Ярмакс.

— Ой... Почему ты так решила?

— Дурацкое какое-то колечко... Тот, кто подарил, не отличается чувством вкуса. А самый тупой во дворце это виконт Ярмакс.

Второй голосок ответил обиженно:

— Ну... волшебные кольца служат не для красоты.

— Все служит красоте, — возразила подружка.

Голоса отдалились, я выждал еще чуть и начал пробираться к лестнице, чтобы по ней до самого верха. Там можно либо в окно, там шире и решеток нет, либо проскочить на башню.

На третьем этаже встретил еще двух фрейлин, одна очень деловито втолковывала другой:

— У тебя любовник такой красавчик, что не оставляй его с другими женщинами надолго!

— Но я ему верю...

— Напрасно! Или он не мужчина?

Я застыпал у стен, прятался в нишах, чуть дальше мои покой, а там у стражей амулеты, любого исчезника сразу увидят, лучше ту сторону вообще избегать, а если пробраться вот туда...

Я вывалился из окна, обдирая бока, сосредоточился, и падение сразу замедлилось. Воздух стал тугим, я ощущал, как меня подхватило нечто, но когда в испуге повертел головой, увидел знакомо растопыренные крылья, хотя и не птеродактильи, а какие-то больше похожие на исполинские рыбы плавники...

Земля приблизилась, но я сделал усилие и пронесся над нею, больно оцарапав пузо о хорошо утоптанную землю. Крылья-плавники почти не машут, даже не понимаю, каким образом держусь в воздухе.

Что за хрень, я не должен... или это сбой из-за прочитанной Книги Мудрости, что начинает проявляться так странно...

Я уносился как можно дальше, одновременно стараясь набрать высоту. Внизу дети подняли головы и показывают пальцами. Взрослые, к счастью, смотрят в землю и перед собой, а то бы кто-то сдуру пальнул из лука, а у меня сейчас увертываемость где-то близко к нулю...

Нет, все-таки хорошо, что вверх не смотрят. Я все набирал и набирал скорость, крылья служат больше стабилизаторами, земля внизу не просто пылает, а мелькает, хотя я не так уж и поднялся, это тоже верно...

В теле этого странного птеродактиля, если не назвать иначе, я так старательно прислушивался к себе, вдруг да какие-то новые способности пробуждаются, что пролетел мимо нужного оврага, спохватился, пошел обратно, быстро-быстро хлопая крыльями.

Зайчика я увидел на самом дне, он отыскал родник и осторожно пьет, брезгливо оттопыривая губу. Мне всегда нравилось смотреть, как пьют кони, они такие эстеты, никогда не сунутся мордой, а чуть ли не лакают, а если попадется соринка, то сдуют ее в сторону и лишь потом цедят воду сквозь зубы, словно делают ей одолжение.

Бобик примчался на свист, облизывается, в глазах радостное удивление: что, уже? Еще и суток не прошло...

— В Истанвил, — сказал я. — И никаких прыжков в стороны, морды!.. Хотя я тоже морда, признаю, я же справедливый государь, всегда признаю свои достоинства...

По обе стороны стремительно скользит с тихим топотом ровная степь с жухлой травой, иногда быстро

промелькивает нечто вроде дороги, пару раз даже пересекали их, я успевал увидеть в стороне телеги, запряженные волами, и снова дикий простор степи, вольной и бескрайней, где можно селиться в любом месте и жить поколениями, не выплачивая никому налоги...

Истанвил — оккупированный город, это я увидел издали. Слишком много людей с оружием в руках еще у ворот, а когда мы проехали под аркой, то на каждом перекрестке наши воины в полном вооружении, злые и надменные, и хотя мечи в ножнах, но поглядывают строго, ибо я, уезжая, велел почаще давать понять местным, что не потерпим ни малейшего сопротивления.

На главной площади толпа, на помосте человек с бляхой, бейлиф, по-видимому. В обеих руках длинный свиток указа, читает громким и внушительным голосом, вокруг него такая плотная толпа, словно собрались смотреть на казнь, только это праздничное зрелище собирает столько народу.

Я придержал Зайчика, Бобику велел держаться тише мыши и напряг слух.

До меня донеслись слова:

— Никакой шериф или бейлиф наш или кто-либо другой не должен брать лошадей или повозки у какого-либо свободного человека для перевозки иначе, как с согласия этого свободного человека.

Одна мера вина пусть будет по всему нашему королевству, и одна мера пива, и одна мера хлеба, именно истанвилская четверть, и одна ширина крашеных сукон и некрашеных и сукон для панцирей, именно два локтя между краями; то же, что о мерах, пусть относится и к весам.

Неподалеку от меня один мужик ткнул в бок другого и сказал возбужденным шепотом:

— Слушай, сейчас будет самое важное. Я уже третий раз слушаю!.. Красотища...

Бейлиф читал так же громко и важно:

— Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны.

Мужик ощутил за спиной что-то огромное и грозное, оглянулся, вздрогнул, тут же сорвал шапку и низко поклонился.

— Простите, ваше высочество, мы вас не видели...

Я отмахнулся.

— Пустое. Как вам мой указ?

Он посмотрел на соседа, что стоит рядом с открытым ртом и выпученными глазами, спросил с сомнением в голосе:

— Под свободными имеются в виду благородные люди... или... все?

— Благородные люди нередко оказываются неблагородными, — напомнил я, — а вот люди неблагородного сословия иной раз совершают благороднейшие поступки, на которые далеко на все рыцари способны.

Он тоже вытаращил глаза и проговорил потрясенным шепотом:

— Ох... что же теперь будет?.. Это же такая каша заварится...

Я посмотрел на него строго.

— Оккупационная армия, дорогой друг, самая надежная мера от беспорядков. Особенно если превосходит все войска местных лордов в восемнадцать раз!.. Никто и не пикнет.

Он посмотрел еще раз на соседа, что так и не может прийти в себя от того, что грозный лорд разговаривает с ними, простолюдинами, вот так просто, и сказал, гордясь своей смелостью:

— Потому что, если кто пикнет, его удавят прямо в родовом гнезде?

Я кивнул.

— Совершенно точно. Даже не дадут выехать за ворота замка. А ты учитывай и другим всем скажи, что я лорд не только для знатных, но и всех-всех! И что перед законом все равны... в самом деле. Скоро в этом убедятся.

Бейлиф продолжал читать громко, выкрикивая отдельные слова для важности и усиления значимости:

— Все купцы должны иметь право свободно и безопасно выезжать из Ламбертинии и въезжать в Ламбертинию, и пребывать, и ездить по Ламбертинии, как на суше, так и по воде, для того чтобы покупать и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь старинные и справедливые, обычаем установленные пошлины, за исключением военного времени, и если они будут из земли, воюющей против нас...

Я пустил Зайчика мимо, дальше пронеслись галопом вдоль забора до ворот сада, окружающего комплекс зданий дворца.

В саду пусто, никто не прогуливается по аллеям, чувствуется, что город оккупирован вражеской армией, которой на глаза лучше не попадаться.

Едва мы приблизились к главному зданию дворца, Бобик ринулся в открытые ворота и пропал. Стражи только проводили его обеспокоенными взглядами, но их начальник довольно оскалил зубы.

— А мне нравится, — сказал он откровенно, — когда он пугает ламбертинцев... Ваше высочество, прикажите хоть что-нибудь!

Я соскочил с Зайчика, никто не успел подбежать и ухватить повод, слишком я появился неожиданно, но арбогастр остался на месте и только рассматривал

стражей пугающе внимательно, словно выбирал, кого-рого начнет жрать первым.

— А вот не стану, — ответил я злорадно. — Ладноладно, сэр Коллинз, не надо хмуриться. Скоро все изменится.

— Еще бы, — ответил он с надеждой, — вы же теперь здесь!

Один страж сказал с некоторым испугом:

— Да, теперь начнется...

Второй добавил:

— Может, бросим все и убежим?

Я хотел нахмуриться, но они посмотрели друг на друга и заржали, как молодые боевые кони.

Когда я миновал холл и вошел в первый зал, наверху с лестницы донесся слабый вскрик, словно среди ночи проснулась в гнезде мелкая птичка, и по ступенькам стремительно сбежала Лалаэль, а рядом с нею прыгал Бобик.

Она с разбегу напрыгнула мне на грудь, вцепилась вся, прижимаясь и вздрогивая всем телом.

— Где ты был, — проговорила она с трудом, — так... долго...

Я охнул:

— Ты что... ревешь?

— Реву, — сообщила она.

— Зачем?

— Мне страшно, — ответила она сквозь слезы, — мне одиноко. Мне грустно и печально.

— Ладно, — ответил я, — пойдем наверх. Устроим пир, ты сразу оживешь.

— Пойдем, — согласилась она.

Пошли мы несколько странно, если так уж смотреть формально: она висела на мне, забравшись чуть ли не на голову, словно кот, которого стараются достать беснующиеся внизу злые и опасные собаки, а я

быстро поднимался по ступенькам, одной рукой придерживая ее за ноги, а другой отпихивая Бобика.

В той части, где мои покой, стражи больше, у самых дверей увидел Переальда, старшего над отрядом телохранителей, рядом с ним гигант Хрурт, оба счастливо заулыбались, завидев нас, выпрямились гордо и стукнули в пол древками копий.

— С возвращением, ваше высочество!

— Ричард, — напомнил я, — для старых друзей... без титулов. А то поубиваю всех!

Глава 6

Переальду велел пока никого не пускать, я устал и хочу есть, а потом да, конечно, буду доступен и для народа, но только не ниже баронов, а вот завтра да, совсем подемократичною, самому стыдно, буду принимать и виконтов...

Лалаэль ест вместе со мной быстро и настолько жадно, что я заподозрил это существо вообще в нелопанье, как щенка, переживающего, что хозяин так давно куда-то ушел...

— И эти пирожные, — приговаривал я, — ты таких еще не пробовала...

Она ахала, в самом деле не пробовала и даже не видела, откуда у меня такое разнообразие, это же невероятно, невозможно, немыслимо!

— Мы рождены, — изрек я, — чтоб сказку сделать былью. А вы, эльфы, чтобы эту быль снова превратить в сказку!..

— Ты чего?.. Ой, сделай вот еще такое же с коричневыми крошками...

— С шоколадом, — подсказал я. — Учи новые слова. А не лопнешь? Вон у тебя пузико вздулось, как у

сытого муравья. Или ты скоро яйца откладывать будешь? Яйцеклад не чешется?

Она взвизгнула:

- Убери руки!
- Убираю, убираю...

Посреди комнаты возник светло-серый комок тумана, быстро принял форму слабо светящегося призрака, даже в этом обличье чисто выбритого, с четко прорисованной тяжелой нижней челюстью и несколько лошадиным лицом, крупнолицый и строгий. Лалаэль испуганно подобрала ноги и сжалась в комочек.

— Я примчался сказать, что в этом замке, ваше высочество, вам грозит опасность. Предупредить даже, если это вам как-то интересно.

Эльфийка охнула и, перебравшись в мое кресло, постаралась заползти между мной и спинкой, прижалась, как мягкий и горячий пластирь.

Я выгнул руку и попытался почесать ее за ушами, но не получилось — не осьминог и даже не кальмар.

Логирд наблюдал за нами с холодным интересом исследователя, что посадил двух белых мышек в клетку для опытов.

Я надменно оттопырил нижнюю губу, так выгляжу солиднее.

— Как-то интересно, — ответил я запоздало, — ты угадал, что само по себе странно. Однако, если посмотреть философски, где этой самой опасности нет?

Он посмотрел на нее, перевел взгляд, как мне всегда кажется, незрячих глаз на меня.

— Здесь больше, — сказал он серьезно.

— Вообще, — спросил я, — или на кого-то указываешь?

— И вообще, — ответил он, — и могу указать пальцем, как вы хотели сказать, но сделикатничали.

— Сделикатничал? — изумился я. — Чего вдруг?

— Подумали, что у меня нет пальцев, — сказал он с сарказмом. — Вообще-то в самом деле нет, но могу, так что есть, однако за деликатность признателен. К сожалению, есть незримые стены, за которые проникнуть не могу...

— Юг?

Он кивнул.

— Да, Юг, отгорожен весь, но и здесь, как я уже говорил, есть барьеры...

— А за теми, которые удается пройти, — спросил я жадно, — что там?

Он посмотрел на меня с грустной иронией.

— Ничего.

— Ничего?

— Да. Людей давно нет, сокровищ нет, однако незримые стены защищают, все еще защищают... увы, теперь уже пустые места.

— Может быть, — предположил я, — за непроходимыми что-то есть?

— Маловероятно, — ответил он. — В общем, нового пока ничего предложить не могу. Пока развивайте свои способности по перемещению предметов. Это пригодится больше, чем думаете.

Я буркнул:

— Какое это перемещение, если не могу сдвинуть даже перышко? Проще слугу послать.

— Зато можете двигать вещи древних, — утешил он. — А их достаточно много.

— Даже их не все, — возразил я. — А только свои!

Он покачал призрачной головой.

— У вас их полно в ящике стола, на стенах, а есть еще и зашитые в седло, что на Зайчике. Словом, ваше высочество, я предупредил... К сожалению, ничего пока большего сделать не могу!.. Прощайте... Будьте бдительны!

Эльфийка вздрогнула, когда он исчез, зябко повела плечами и прижалась ко мне снова.

— Страшный какой...

— Почему?

— У него недобрые глаза, — прошептала она, — он занимался злыми делами, да?.. Сам понимал это, но занимался... Ему что-то было очень нужно, если переступал через себя?

— Гм, — сказал я, — но сейчас он просто призрак.

Она наморщила носик.

— А что призрак, это ничего, что призрак... Может, даже хорошо, что призрак, меньше вреда... Но я его почему-то боюсь...

— А чего ты не боишься? — спросил я и поцеловал в макушку. — Ладно, оставайся здесь, а я пойду поработаю.

Она вскрикнула:

— Можно я с тобой?

Я подумал, покачал головой.

— Нет, будешь отвлекать моих гостей. Они придут не чирикать, а получать инструкции. Но мой кабинет рядом, так что не трусь и не скучай.

Лорд Джонатан Гилфорд вошел степенно, суровый, узколицый, прямой, словно вместо позвоночника у него рыцарское копье, сдержанно поклонился.

— Сэр Гилфорд, — сказал я.

— Ваше высочество...

— Сэр Гилфорд, — сказал я бодро, — я пригласил вас по весьма важному делу. Вы истинный патриот Ламбертинии и всячески заботитесь о ее благе, величии и возвышении...

Он произнес сухо:

— Ваше высочество, ваши лестные слова не могут

поколебать того, что я считаю вас узурпатором, а герцога Блекмора — истинным хозяином герцогства.

Я отмахнулся.

— Сэр Гилфорд, я вовсе не посягаю на ваши убеждения!.. Что вы, совсем напротив, я всячески приветствую демократическую оппозицию, что соревнуется со мной в том, как сделать родимое Отечество — как нибудь расскажу, что это такое, обхохотесь! — богатым, счастливым и уважаемым. Именно потому и пригласил вас, ибо, несмотря на некоторые мелкие разногласия, мы хотим одного и того же...

Он произнес настороженно:

— Я хочу возвращения герцога Блекмора на трон Ламбертинии.

— Это пожалуйста! — воскликнул я. — Наши демократические принципы базовых либеральных ценностей позволяют хотеть чего угодно!.. Даже крайне неприличного, что со временем мы объявили сперва нейтральным, потом модным, а затем даже обязательным!.. У нас же свобода, это же так замечательно!.. А теперь о деле. Я намереваюсь официально объявить Ламбертинию королевством.

Он дернулся, глаза полезли на лоб, но сдержался и сказал ровным протокольным голосом:

— Но это невозможно, ваше высочество.

— Уже возможно, — сообщил я. — Между делом я встретился с тем магом, что наложил заклятие, и немножко его убил.

Он снова дернулся, на этот раз долго всматривался в меня, даже почудилось, что умеет определять, когда человек врет, наконец проговорил, запинаясь:

— Но... как... это возможно?

Я вздохнул.

— Да я и не хотел, правда, но как-то нечаянно получилось. Махнул рукой, хотел прибить муху, а попал...

гм... в общем, теперь там мокрое пятно, даже хоронить нечего. Но это пустяки, давайте о деле. Для превращения герцогства в королевство недостаточно выйти на площадь и прокричать как можно горластее. Придется весьма проработать многие статьи, а также... возможно, я не обещаю, — только говорю о возможности, — раздачи новых титулов. В герцогстве никто не мог быть выше или наравне с герцогом, а теперь никто не будет выше принца. Однако герцогом может стать! К примеру, лорд Джонатан Гилфорд...

Он дернулся самую малость, но на скулах пропали розовые пятна, а глаза лихорадочно заблестели.

— Ваше высочество...

Я сказал предупредительно:

— Дорогой сэр Гилфорд, я сейчас занимаюсь только интересами Ламбертии и не касаюсь личностей. Мне почему-то кажется, что это будет в интересах Ламбертии, если древний род Гилфордов наконец-то получит своего первого герцога! Это повысит престиж и значимость всех дел, за которые вы беретесь, а также заставит с большим уважением относиться к самой Ламбертии. Все-таки королевство...

Он долго смотрел на меня, затем коротко поклонился.

— Ваше высочество... ваши идеи весьма неожиданны. Мне нужно подумать. И посоветоваться.

— Разумеется! — воскликнул я. — Только безусые юнцы берутся решать сразу, а мы, люди бывалые, все тщательно обдумываем. У вас, герцог, времени столько, сколько вам понадобится!

Он еще раз поклонился.

— Ваше высочество...

— Сэр Гилфорд, — ответил я.

Он вышел, но в дверях чуточку задел плечом за косяк, а это уже высшая степень потрясения.

Я выглянул в коридор, телохранители сразу изъявили всем своим видом готовность следовать за мной хоть в ад.

Я покачал головой.

— Нет-нет, буду просиживать задницу в кабинете. Пошлите слуг за лордом Унгвудом Маутбеттеном.

— Сделаем, сэр Ричард!

Сэр Маутбеттен явился чуточку запыхавшийся, глаза блестят, словно уже услышал от графа Гилфорда сногсшибательные новости, хотя вряд ли граф проговорится, просто сэр Маутбеттен явно себе на уме и свое не упустит.

Он стоял в ожидании, а я поглядывал неспешно, давая ему понять, что я сижу весьма высоко и держу нити их жизней в своих железных и когтистых крепко, заодно и сам старался оценить этого заведующего канцелярией герцога Блекмора.

— Сэр Маутбеттен, — проговорил я наконец.

— Ваше высочество...

Судя по тону, положению головы и рук, а также наклону плеч, он изнывает от безделья, есть порода людей, что не может сидеть и ни хрена не делать, и если ему не предложить вовремя хорошей работы на себя, такой орел найдет работу против тебя.

— Сэр Маутбеттен, — сказал я неспешно, — во времена герцога Блекмора вы заведовали его канцелярией...

Он ответил почтительно, однако достаточно твердо:

— Я и сейчас ею заведую, ваше высочество.

Ого, мелькнуло у меня, молодец, держится за свои принципы. Не пытается лизнуть и урвать, человек достойный, с такими труднее, зато надежнее.

— Да-да, — сказал я, — знаю, оговорился. Предлагаю вам заведовать канцелярией Ламбертинии. Тем са-

мым вы не предадите герцога, но принесете пользу королевству.

Он переспросил:

— Королевству? Какому? Турнедо или Шателлену?

— Ах, — сказал я, — вы еще не слышали... В общем, герцогство давно выросло из коротких штанишек, ему пора стать королевством. Лорд Гилфорд над этим уже работает. У вас тоже прибавится работы, увы...

Он ответил вежливо:

— Объем работы меня не пугает. Но... насчет королевства...

— Все учтено, — прервал я. — И некое древнее заклятие, я его порвал, как дряхлую паутину, что высокла и давно никого не ловит, и будущее величие этого региона, когда он станет королевством и займет достойное место среди других великих держав и скажет свое веское слово, которое будет услышано при дележе мировых ресурсов.

Он слушал и смотрел очень внимательно, взгляд цепкий, такие люди издавна обучены разбираться, с кем разговаривают и чего ждать от собеседника, и я старался говорить особенно искренне, благожелательно и твердо.

— Ваше высочество, — проговорил он, — я в некотором замешательстве, так как не готов был выслушать такое. И лишний раз убедился в справедливости служков...

— Каких?

— Что вы умеете ошаращивать, — пояснил он, — преподносить сюрпризы... Хотя неожиданные для других поступки часто ведут к победе, согласен.

Я ответил кротко:

— Они выглядят неожиданными только для тех, кто не сумел просчитать шаги достаточно далеко.

— Ваше высочество, — сказал он, — позвольте сперва поговорить с лордом Гилфордом?

Я кивнул с самым благожелательным видом.

— Разумеется. Заодно подумайте о расширении канцелярии. Для королевской у нее должен быть больше штат и больше полномочий.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

— Сэр Маутбеттен, — ответил я.

Едва он вышел и только спускался по лестнице, я высыпал голову в коридор и спросил стражей:

— Лорд Камберлендский уже прибыл?

— Да, сэр Ричард!

— Ведите!

Глава 7

Лорд Камберлендский вошел свободно, как входил, думаю, к герцогу Блекмору. Старшими конюшими всегда назначают самых близких людей. Он остановился в двух шагах от порога и, не кланяясь, посмотрел на меня с явным вызовом.

— Ваше высочество, — произнес он с явно прозвучавшим вопросом.

— Лорд, — ответил я, — простите, все еще не знаю вашего имени...

— Граф Антуан Стоункрос, ваше высочество.

Я кивнул.

— Прекрасное имя, граф. Вы заведовали всеми конными заводами, табунами и производством сбруи для коней, но я хотел бы, чтобы вы расширили свою деятельность.

— Ваше высочество?

— В Ламбертинии, — сказал я, — как нигде, развито производство повозок. Если в других королевствах это

лишь телеги, то у вас, как заметил, наблюдается производство бричек, колясок, кибиток, даже тарантасов...

Он спросил ошеломленно:

— Простите, но это же...

— Просто разные виды телег? — спросил я с интересом. — Вы правы, но все равно это великое открытие! Имя изобретателя должно быть высечено в мраморе, ибо это резко ускорит цивилизацию, культуру и проникновение христианских ценностей в самые отдаленные уголки дальних королевств!.. Подумать только, рессорная подвеска на ремнях!..

Он пробормотал:

— Ваше высочество...

— Это эпохально, — воскликнул я. — Полагаю, в Ламбертинии до этого додумались совсем недавно, раз такое открытие еще не вышло за ее пределы.

Он краснел, мялся, почему-то вдруг вспотел, затем промямлил так жалко, что совсем перестал быть похожим на того надменного и холодного лорда, что вошел таким твердым шагом в мой кабинет:

— Вы чересчур... высоко... мои попытки улучшить повозки...

Я охнул:

— Так это вы додумались?

Он ответил с прежней неловкостью:

— Я всегда думал, как сделать поездки в повозках такими же удобными, как и верхом... И даже удобнее...

— Вы сделали! — воскликнул я. — Просмотрев пару таких повозок, где кузов подвешен на ремни, я убедился, что пассажир там избавлен от жестокой тряски на выбоянах и дорожных камнях. Это революция, это переворот!

— Гм, — сказал он, — я вообще-то больше занимался грузовыми... Очень важно повысить грузоподъемность, чтобы тяжелые телеги могли таскать и лошади,

а не только упряжки волов. Особенно повозки военные, ибо нужно успевать везти за армией походные кузницы, вооружение, припасы, фураж, казну, больных и раненых...

Он начал оживляться, на щеках проступил живой румянец. Я жестом пригласил его за стол, он машинально сел и продолжал рассказывать о том, как старается повысить грузоподъемность и в то же время сохранить ходовые качества.

Я в грузовых не особенно силен, потому умело свернул на то, что из-за изобретения рессор, пусть пока подвесных на ремнях, развитие повозок рванется, как норовистый конь, которого незаслуженно огрели кнутом. Появятся кабриолеты, кареты, дрожки, брички, пролетки, омнибусы, шарабаны, фургоны и даже ландо и дормезы, а в корнях этого ветвистого дерева стоит он, граф Антуан Стоункрос, великий... нет, величайший изобретатель!

Он смущался неимоверно, вряд ли даже сам думал, что открыл нечто эпохальное, подумаешь — рессоры, но ведь только они позволили повозкам мчаться со скоростью большей, чем идущий неспешно человек!

— Сделаем так, — сказал я деловито, — вы разворачиваете производство рессорных повозок в королевстве Ламбертиния... я еще не сказал, что герцогство повышается в ранге?.. А затем экспортируете во все сопредельные королевства, но в первую очередь — Шателлен, Турнедо, Армландию и Фоссано. Сперва друзьям, потом... городу и миру. Но это первый шаг, герцог... Что, вы еще не герцог? Да за такое изобретение вас надо императором объявить, но, увы, я не вправе. Второй шаг состоит в том, что производство нужно наладить в королевствах, что под нашим протекторатом, используя свои навыки.

Он слушал внимательно, на лице понимание того,

что покупать в Ламбертинии будут недолго, стоит только понять принцип ременной подвески, как начнут делать на месте.

— Если местные власти не будут чинить препятствий, — проговорил он медленно, но я видел по его лицу, что уже загорелся, — то это да, расширение нашей деятельности...

Я ухмыльнулся.

— Дорогой герцог, я — та местная власть в тех королевствах! И я везде поддерживаю прогресс. Но это только начало, благородный сэр Стоункрос.

Он охнул:

— Боже правый... А что еще?

Я сказал таинственно:

— Я назначаю вас, хоть вы пока и отказываетесь, уполномоченным с чрезвычайной властью выстроить и отладить систему почтовой службы и почтовых передвижений всем, кто сумеет заплатить за них. Для этого нужно выстроить вдоль дорог почтовые станции с запасными лошадьми и запасными повозками, а также кузницами для мелкого ремонта.

Он спросил осторожно:

— Вы хотите сделать почту... для всех?

— Не только почту, — уточнил я. — Да и саму почту, как чувствуете, вы же творческий человек, надо реорганизовать. Ну что это за прогресс, если раньше почту доставляли гонцы пешие, а теперь конные?.. Даже тех же конных можно организовать по принципу эстафеты... Эх, и это надо объяснять... Даже сейчас почту посылают только короли и крупные лорды или очень богатые купцы, что могут послать письмо с гонцом и охраной, а нужно, чтобы ее могли передавать все! За плату, конечно.

Он молчал, обдумывая, я сам лихорадочно вспоминал те находки, давно забытые, что можно применить

уже сейчас. Если Цезарь благодаря прекрасным дорогам и переменным лошадям делал сто миль в день, то Тиберий, пользуясь почтовыми повозками, проезжал двести миль и больше. При нем на каждой станции содержалось по двадцать — сорок коней, однако с падением империи и это все было забыто, и по средневековой Европе снова начали бегать скороходы, как в пещерное время... Правда, Хлодвиг пытался восстановить остатки римской почты, но не сумел, затем пробовал Карл Великий, но не получилось... и только через несколько столетий возникла так называемая монастырская почта, но опять-таки только для монастырей и монахов...

— Это будет невероятно трудно, — проговорил он наконец, — просто невероятно трудно даже в границах Ламбертинии... а вы мечтаете, чтобы она охватывала ряд королевств?

— Мы рождены, — сказал я напыщенно, — чтоб сказку сделать былью, как завещал нам Господь!.. И вы сумеете сделать эту почту, герцог!

Он сказал с неудовольствием:

— Перестаньте называть меня герцогом. Я граф.

— Таким колossalным объемом работ, — сказал я веско, — лучше руководить герцогу. Это для дела, не для важности. Народ падок на титулы, вам будет легче отдавать приказы, требовать и настаивать.

Он покачал головой.

— Я не сказал, что возьмусь за это... за эту работу.

Я ответил со вздохом:

— Как вы понимаете, я все равно буду строить сеть станций на дорогах. Только другой человек, которому поручу, может не справиться и все загубить. И ваше великое изобретение не получит такого быстрого развития, как того заслуживает.

Он сжал челюсти, взглянул на меня с негодованием.

— Вы мне выкручиваете руки!

— А как, — ответил я, — мне самому пришлось стать герцогом, а потом принцем?

Солнце опускается, а на сердце легла и нарастает некая тяжесть. Даже труднее дышать, и хотя понимаю, что это лишь тревога выдает себя спазмами или как это называется, но все равно ощущение препакостное.

Вызвал Альбрехта, он явился бодрый, ироничный, но посмотрел с беспокойством — сразу замечает, когда со мной что-то не весьма зело.

— Альбрехт, — сказал я с усилием, — не забудьте передать королю Буркхарту наше настоятельное предупреждение... Хотя я уже и сказал его лордам, но такое не мешает и повторить, а то сделают вид, что ничего не слышали, так бывает, когда ставки очень высоки. Наши войска остаются на прежних позициях лишь в случае, если в их королевстве не будет никаких новых перегруппировок войск, сбора ополчения, попыток перевооружить армию, чтобы взять реванш...

Он слушал внимательно, не отрывая от меня пронизывающего взгляда.

— Ваше высочество... но это предполагает... наличие в их королевстве каких-то наших наблюдателей?

Я отмахнулся.

— Достаточно и нашего постоянного посольства при их дворе. Оно есть? Если нет, заведите. И расширьте его состав. Кроме посла и его помощников нужно учредить должности военного атташе. Потом объясню, что это такое. А он, пользуясь дипломатическим прикрытием, должен вербовать осведомителей.

Он сказал с ироническим восторгом:

— Как все изящно!

— Ага, — мрачно согласился я, — такой вот я весь

из себя. Вы, дорогой друг, внимательно изучите все в Ламбертинии, чем можем воспользоваться... помимо взимания налогов, разумеется. Нам нужно привязать это королевство не только хорошими дорогами, но и... не знаю, сами посмотрите, потом доложите. А еще всем говорите, что герцогство Ламбертиния отныне становится королевством. Нам по фигу, но местные лорды из чувства патриотизма и гордости за Ламбертинию нас будут в жопы целовать и все как один принесут присягу верности за такое великое и эпохальное деяние.

Он пробормотал, не сводя с меня взгляда:

— Очень... значимый жест. Не опасаетесь древнего проклятия?

— Оно было наложено на род герцогов Блекмиров, — напомнил я.

— Гм, — сказал он озабоченно, — все-таки вам стоит поосторожнее с такими вещами.

— Ладно-ладно, — сказал я в нетерпении, — идите, алармист!

Он поклонился.

— Ваше высочество...

Темный край земли вспыхнул и некоторое время искрился после захода солнца, однако небо еще страшно и дико полыхает, покрываясь багровым шлаком, что медленно остывает, превращаясь в неопрятно-фиолетовый.

Я тоскливо подумал, что хорошо бы вообще teleportнуться куда-нибудь, однако перемещаться в любую точку планеты, да еще без особых усилий, надолго останется мечтой, понимаю. Но в погоне за реализацией этой мечты открываем другие способы, пусть и более затратные, но все-таки не на своих двоих, и то хлеб.

Хотя вот насчет телекинеза что-то сдвинулось, хотя

все и не так просто, как мечтается. Хотелось бы только сказать короткое заклинание — и все, на тебе прямо в руки, однако в реальности приходится попотеть, концентрируя все силы и внимание на самом процессе от его начала и до конца.

Сидеть и ждать, когда же придет то, что предсказал Логирд, тошно, я снова начал тужиться до головной боли, перетаскивать, что дается все легче. Мелочь вся-кую выдергиваю к себе даже из других комнат, а вот от себя не могу отпихнуть даже легчайшее перышко. После многочасовых упражнений, после которых чувствовал себя не выжатым лимоном даже, а мокрой тряпкой, обычно сдавался, но сейчас, чтобы чем-то занять себя, взялся перемещать меч, топор и лук.

Получалось достаточно точно, это значит, что хоть в руки и не попадают, приходится хватать в момент появления, но все-таки успеваю цапнуть до того, как упадет на пол. Один раз вот так упал топор. К счастью, обухом.

Когда на небе выступили яркие звезды, я вернулся в покой. Лалаэль все так же сидит с ногами в кресле, похожая на перепуганного ребенка. Я подумал с жалостью и легким стыдом, что вообще-то я свинья, что использую этого ребенка, пусть даже ей тысяча лет, в своих интересах...

Она ринулась навстречу, еще более бледная, чем обычно, прекрасная бледность, что от тоски и разлуки, когда вдали от любимого, прыгнула мне на грудь, и то, как обняла и прижалась, пронзило мое сердце острой жалостью, восторгом и нежностью.

— Ну ты что? — сказал я с ласковым укором. — Я же был в соседней комнате!

— Между нами была стена, — возразила она жалобно и добавила обвиняюще: — Каменная!

Хотя, конечно, продолжала виться мысль государ-

ственного деятеля, мы ими останемся даже с женщинами наедине, это не мои интересы, а интересы, можно сказать громко, образования, которое я строю из ряда королевств. Да и в интересах самих эльфов это шанс спасти их от полного истребления.

Так что можно говорить не просто громко, а очень громко и пафосно о толчке в зад всей земной цивилизации, что хоть на дюйм в год, но ускорит скорость.

— Есть хочешь? — спросил я.

Она возмущенно вскинула:

— Это у тебя такое извинение?

— Извинение? — переспросил я в удивлении. — За что?

— Ты меня бросил на целый день, — заявила она. — Ну пусть на полдня!.. Вот уже три часа тебя не было!.. Мне же страшно и печально, ты же единственный эльф в этом жутком каменном склепендрии!

— Склепе, — поправил я, — только это не склеп, а такое жилище, что не совсем жилище, а еще и всякое разное... Вот, держи!

Она приняла вафельный стаканчик с пломбиром и орешками с подчеркнутым равнодушием, но вскоре забыла, что нужно задирать нос и фыркать, с азартом принялась сперва лизать, а потом вонзила острые, как у молодого зверька, зубки и начала облизываться длинным острым язычком.

Я сидел в кресле напротив и с наслаждением отхлебывал горячий кофе из большой фарфоровой чашки.

Из коридора доносятся негромкие разговоры и сдержанное звяканье металла, идет смена личной стражи и телохранителей. Насторожив слух, я уловил, что сегодня старшим Айсватер, умелый боец, но больше известен тем, что в полных рыцарских доспехах, с опущенным забралом, двуручным мечом в одной руке и квадратным тяжелым щитом, закрывающим и ноги,

легко перепрыгивает любого рослого рыцарского коня, не задев седла, а с ним два виконта: сэр Переальд и сэр Динальд, знатный рыцарь из Сен-Мари, гордость древнейшего рода и последний отпрыск...

С ними, как догадываюсь по говору, Йомильд, а вот Хрурт и Ульман, самые первые из моих соратников, увели отдежурившую смену на отдых.

Поколебавшись, я открыл дверь, парни все вытянулись, я кивком подозвал Айсватера.

— Сегодня не расслабляйтесь, — сказал я негромко.

— Ваше высочество, — запротестовал он, — мы никогда...

— Сегодня особенно опасный день, — прервал я. — Просто прислушивайтесь. По непроверенным, но заслуживающим доверия агентурным данным, некие силы подбираются сюда, чтобы совершить... что-то совершил.

Его лицо напряглось, он сказал четко:

— И муха не пролетит!

— С Богом, — сказал я и, отступив, закрыл дверь.

Лалаэль смотрела почти так же напряженно, как и Айсватер, наконец прошептала:

— Ты так веришь этому призраку?

— Он стал им, — напомнил я, — потому что отдал жизнь за меня.

— Да, я слышала...

— Держись ближе к Бобику, — велел я.

Она тут же села к нему на пол и прижалась, как котенок. Бобик лениво лизнул ее и снова вытянулся на боку во весь рост.

Я не мог потом вспомнить, прошли минуты или часы, но в какой-то момент Бобик резко вскочил, словно подпрыгнул на всех четырех, уши поднялись и застыли, а потом начали чуточку сдвигаться, словно отслеживая нечто незримое.

Я взглянул на эльфийку и приложил палец к губам. Она испуганно кивнула несколько раз. Я отворил дверь в коридор и кивком велел Айсватеру приблизиться.

Чувствуя себя, понятно, гадко, потому что если тревога ложная, а так скорее всего и есть, то у меня будет репутация труса, что тени своей страшится. Мужчина не должен бояться умереть в бою, это же красиво и почетно.

Айсватер в свою очередь кивнул своим, в коридоре послышалось шевеление, я не оглядывался, осматриваясь в комнате, все чувства обострены, просто знаю, удар нанесут здесь. Нечто громадное и ужасное приближается, холодит внутренности...

Глава 8

Бобик зарычал, шерсть поднялась дыбом. Я покосился в его сторону и обомлел: обшивка из дорогих пород дерева, закрывающая грубый камень стены, исчезла, а по массивным глыбам побежали странные канавки, углубления, что, как побеги от основного стебля, дают отводки, и вот уже вся стена в извилистых канавках, что начали сплетаться и образовывать странные узоры.

— Логирд! — крикнул я. — Как остановить...

Я чувствовал во внезапном озарении, что если прервать этот процесс, то ничего у вторгающихся не получится, они должны вот так сперва долго готовить плацдарм, а затем, когда здесь прорастет некая приемная площадка, сюда можно будет перекинуть нечто...

Призрак некроманта не откликнулся, а узоры бегут по камням все быстрее, лихорадочнее, словно некто услышал мой крик и понял, что я уже знаю, как прервать атаку и сделать ее бесполезной.

В иных узорах угадываются линии цветов, в других... на другие вообще не хотел смотреть, что-то в них зловещее настолько, что по жилам течет крошево льда, хотя вроде бы просто углубления, будто огненные черви проползли, даже поползали в некотором странном, но каком-то упорядоченном беспорядке.

Комната резко и страшно озарилась мертвенно-зеленым светом. Я выдернул наконец меч из ножен и встал в боевую стойку, оставив за спиной Бобика.

На стене в углублении появилась струйка зелено-гого огня и быстро помчалась, растекаясь, по всем кавкам.

Стена, страшно и дико разрисованная нечеловеческим узором, полыхала ярче и ярче, наконец вспыхнула ядовито-зеленым. В тот же миг со страшным гарчанием мимо меня пронеслось черное тело и ударило, как мне показалось, в стену, но там покатились двое: Бобик свирепо рвет кому-то горло.

Я заорал тоже и ударил крест-накрест по болезненно светящимся фигурам, похожим на мумии, запеленатые в широкие бинты. От них идет режущий глаза свет, в горле сразу стало сухо настолько, что распухший язык царапает нёбо.

Из коридора ворвались телохранители, свет раздробился на лезвиях мечей, казалось, что вертят лопастиями сотни солнечных мельниц.

Слышались тяжелые рубящие удары. Меня сразу загородили со всех сторон, а Йомильд закрыл собой еще и эльфийку, что процарапывалась ко мне поближе, как бы готовая умереть в моих объятиях.

В дверях словно ниоткуда возник священник с вздетыми над головой большим серебряным крестом и Библией, крикнул страшно:

— Да воскреснет Бог, да исчезнут враги Его...

Белые фигуры, защищаясь, вскидывали руки, и мо-

их закованных в стальные доспехи рыцарей отшвыривало, как тряпичные куклы, только я рубил быстро и страшно, зверея от смертельной опасности, Бобик вырвал горло одному, свалил второго и убил быстро и молниеносно, перекусив шею у самого черепа, Переальд ухитрился срубить двоих, а оставшиеся трое в белых тряпках переглянулись и молча начали отступать.

Я прыгнул вперед и со страшной силой обрушил лезвие меча на голову ближайшего. Послышался хруст, словно проломил лед, фигура без звука осела на пол, но крови нет, лезвие лишь слегка углубилось в череп.

Айсватер поднырнул под одного и рубанул по ноге. Острое лезвие тяжелого меча ударило в колено, звучно хрустнуло, ногу вывернуло в другую сторону. Незнакомец упал, и тут же сверху с диким гарчанием наехал Бобик.

Третий начал было погружаться в стену, но мы с Переальдом, Динальдом и Йомильдом догнали и одновременно нанесли удары, Динальд и Йомильд рубящие, как топором, мы с Переальдом всадили острия мечей, как копья.

Фигура рухнула на пол, я ухватил Бобика за шею и с трудомдерживал, он рычит и скалит зубы, шерсть дыбом, глаза горят адским огнем.

— Священников немедленно! — распорядился я. — И поставить стражу у стены...

Йомильд, тяжело дыша, прохрипел:

— Похоже... это было... только для этих...

На полу распростерлось семь тел, только трое залиты кровью, лишь зубы Бобика прорвали эту удивительную ткань, остальные четверо убиты тяжелыми ударами, что ломали кости и разбивали черепа.

Неистовый блеск стены медленно гаснет, наконец остались ярко горящие канавки узора, заполненные

светящимся расплавленным серебром, так показалось, однако постепенно и там угасло.

Переальд подошел, хромая, в руке амулет в виде светящегося камешка, поводил им у стены.

— Ушло, — сказал он с мрачным удовлетворением, — не сумели...

— Это все собачка учゅяла, — сказал Йомильд.

Айсватер сказал с чувством:

— Бобик, только скажи!.. И я для тебя целого коня зажарю.

Медленно подошел Динальд, бледный, губы синие, проговорил, мелко вздрагивая:

— Один что-то в меня всадил... Кинжал... длинный такой...

Переальд быстро оглядел его, хлопнул по плечу.

— На тебе ни царапины!

— Был кинжал, — возразил Динальд слабо. — Он весь вошел в меня... прямо через панцирь...

Я сорвал с него шлем и приложил ладонь ко лбу. Динальд слабо и благодарно улыбался, но тело его продолжало вздрагивать, а лицо оставалось бледным и несчастным.

Лалаэль вошла из коридора, куда успела удрать, глаза вытаращенные от ужаса.

— Ты ему не поможешь, — сказала она, — это Копье Ледяного Тролля.

Я спросил с нехорошим предчувствием:

— И чем оно знаменито?

— Он умрет, — проговорила она и печально посмотрела на Динальда, такого молодого и красивого, — и ничем не остановить... Ему будет становиться все хуже... потом умрет.

Я сказал зло:

— Ага, так щас и дадим!.. Айсватер, пошли слуг за

лекарями и священниками. Мы будем бороться!.. Главное, чтобы не повторили атаку.

Переальд сказал хмуро:

— Насколько я знаю, для этого потребовалось очень много магии. Ее копят долго, чтобы потом вот так сразу.

Он посмотрел на эльфийку, та сказала быстро:

— Да, Копье Ледяного Тролля — это могучее заклятие. Его мог создать только очень сильный маг. И если он убит...

— А он убит, — сказал Переальд и добавил: — Благодаря вашей верной собаке, ваше высочество.

— Тогда вторая попытка будет не скоро, — сказала эльфийка

— Второй не будет, — возразил я. — Будет что-то другое. Я бы не стал повторять то, что в первый раз дало сбой.

Йомильд наклонился над убитыми, трогал их, но переворачивал с трудом, словно они из камня или металла, а не плоти, хмыкал, пытался содрать бинты хотя бы с лица, но те держались настолько плотно, словно составляли с телом единое целое.

Я услышал странный запах, который вообще-то мне знаком, но никак не ожидал его услышать здесь. Ноздри мои подергиваются сами по себе, озон в какой-то мере бодрит, но сейчас просто пугает, как все, что возникает не там, где ждешь. Аромат озона здесь ассоциируется с разрядами молнии, а молния... это всегда плохо.

Переальд тоже дернулся, посмотрел с непониманием по сторонам, охнул.

Я проследил за его взглядом, кулаки сжались сами по себе. Лицо Динальда неестественно огрубело, наметились странные линии, словно кожа начинает трескаться.

— Разденьте его, — велел лекарь, — надо осмотреть...

Динальд слабо сопротивлялся, видя, с каким вниманием на него смотрит прекрасная эльфийка, но с него сняли панцирь, наплечники, налокотники, все металлические щитки, а затем стащили и кольчугу.

Лекарь остался неумолимым, и несмотря на протесты Динальда, его раздели донаага. Кожа не просто огрубела, но даже начала покрываться некой рыбьей чешуей, сперва серой, невыразительной, затем приобрела некий слабый блеск.

Священник закончил читать молитву, перекрестил Динальда.

— Он не умрет, — сказал он хмуро, — это... остановлено. Демон из его тела изгнан! Но дальше... не знаю. Кто знает, как лечить, — действуйте.

Лекарь сказал с наигранным оптимизмом:

— Он молод и силен, а сам по себе здоровый, как дуб. Был бы больной, чешуя бы стала совсем тусклой.

Переальд заметил саркастически:

— Ну да, Динальд должен быть доволен... Динальд, ты доволен?

Динальд сказал со злостью:

— Пошел к черту.

— Хорошо, — сказал Переальд, — не теряй бодрости. Ты у нас орел!.. Хотя тогда должны бы перья... гм... а если чешуя, то ты превращаешься в дракона?

Динальд угрюмо засопел, а лекарь сказал успокаивающе:

— Думаю, внутри у него уцелело. Иначе бы, ну, понимаете... а чешуя... ну, у одних волосы, у других прыщи, а у этого доблестного рыцаря будет чешуя. Да и то, если ничего не сумеем сделать, а мы приложим все усилия, чтобы вылечить.

Я сказал с нахлаждением:

— Делайте все!.. Призовите всех алхимиков, магов... как бы они ни назывались!.. Даже тех, кто от церкви прячется. Пообещайте полное прощение за помощь! Объявляю временное разрешение на черную магию! Рыцарь, закрывший сюзерена грудью, отдал для него все... Сделаем же и мы для него все!

Один из стражей тут же выбежал из комнаты, Переальд сказал коротко:

— Мы знаем, сэр Ричард, что вы делаете все возможное.

Я сказал властно:

— Приготовить для него ложе в комнате рядом с моими покоями. Я буду навещать и следить, чтобы ему было оказано все лечение, что существует...

Лекарь сказал быстро:

— И для меня mestечко, где бросить свои старые кости, когда совсем уж сморит сон.

— Сделаем, — пообещал я. — А для вас, святой отец?

Священник покачал головой:

— Причастие этому молодому герою давать рано. Он выживет, а если умрет, то не этой ночью. Я лучше проведу ее в молитвах, вдруг да Господь даст мне силы...

Через пару часов в комнате вокруг ложа, где распластали, как лягушку для опытов, Динальда, уже толпился самый разный люд, имеющий отношение к лечению или магии.

Я заходил несколько раз, но останавливался на пороге и оглядывал пеструю толпу с отвращением, слишком уж смотрятся... непрофессионально, что ли.

И никто, как я понял, не понимает даже структуру превращения, почему именно Копье Ледяного Троля,

как назвала его эльфийка, убивает человека таким образом, превращая его в чудовище.

А что случилось бы с Динальдом, если бы священник не остановил действие той гадости? Страшно и подумать, как бы пошло дальше...

Голоса жужжат, сливаюсь в некую вязкую массу, я тряхнул головой и вдруг увидел в комнате троих странных людей, очень быстрых, незримых, отражающих даже тепловые лучи, и какое счастье, что вижу... хотя и не понимаю, каким образом, это даже не запаховое, они еще не обронили ни молекулы хоть какого-то аромата...

Рука моя метнулась к рукояти меча, однако они не кажутся опасными, хотя их вижу только я, тоже смотрят на Динальда, иногда притрагиваются к нему, но лишь качают головами.

Все трое по очереди подходят к мрачного вида алхимику, я видел, как шевелятся их губы, но звуков не услышал.

Он внезапно оглянулся, перехватил мой взгляд. Я увидел, как длинное бледное лицо перекосилось в страхе, панически огляделся, ища выхода, однако окно зарешечено, а в дверях стою я.

Поколебавшись, он медленно приблизился ко мне и обреченно склонил голову.

Я сказал резко:

— Что эти трое говорят? Они могут вылечить?

Он поднял голову, в глазах удивление, сказал, запинаясь:

— Пока... нет, ваше высочество...

— Пусть стараются, — распорядился я. — Если им что-то понадобится, только скажи.

Он поклонился, я видел, как великое облегчение просто распирает его аскетичное тело.

— Ваше высочество... Мы будем стараться изо всех

сил... Я счастлив, что... гм... мои слуги... не вызвали у вас... гм...

Я ответил так же зло:

— А должны? У меня в армии эльфы, тролли, будут еще и огры... Мне верно и честно служили демоны, я так же верно и честно дал им свободу. Мне нужен результат, а внешность для меня важна только... если имею дело с женщинами!.. Да и то не всегда.

Он поклонился, даже в глазах появилось нечто понимающее, дескать, все мы, когда выпьем, обращаем внимание больше на... душу, скажем так.

Глава 9

На другое утро, когда я вышел из покоев, увидел, как у двери соседней комнаты Переальд вполголоса, но грозно рычит на лекарей, требуя, чтоб немедленно и враз, Айсватер, напротив, сует им золотые монеты и умоляет вылечить дорогого друга и собутыльника.

Увидели меня, умолкли, смотрят настороженно. Я махнул рукой, буркнул:

— Сдвигов, как я понял, нет?

В комнате, выделенной для Динальда, двое лекарей сразу вскочили и поклонились. Сам Динальд не лежит в постели, как я рассчитывал, а раздраженно расхаживает взад-вперед по комнате. Из одежды на нем только штаны, даже сапоги не дали надеть.

Плечи, грудь и живот за ночь покрылись чешуей, что стала заметно крупнее, толще и поблескивает, как твердый кварц.

Переальд и Айсватер тут же согнали с лиц скорбное выражение, заулыбались, обнялись с потерпевшим.

Айсватер тут же воскликнул жадно:

— А ну покажи!.. Ух, как блестит здорово!

Динальд вытянул руку, серая чешуя от локтя до

кисти мелкая и серого цвета, но дальше все крупнее, а на груди и животе за ночь стала зеленою, как у молодой ящерицы.

Айсватер сказал с некоторым разочарованием:

— А почему и на руках не зеленая?

— А почему, — спросил Динальд зло, — должна быть зеленая?

— Ну... зеленый цвет красивше, — пояснил Айсватер, — к тому же зеленый как-то тебе идет больше. По рангу. И даже титулу. Ты сам еще зеленый, и чешуя была бы в масть... Это если бы барон, тогда да, понимаю...

Переальд спросил с подчеркнутым интересом:

— Красный?

— Нет, — объяснил Айсватер со знанием дела, — на красный с бароном рано. Разве что на желтый?..

— Красно-желтый?

— Нет, — сказал Айсватер терпеливо, — скорее зелено-желтый. Красный — это граф, не меньше.

Переальд оглянулся на меня.

— Ваше высочество, а вы как думаете? Мне кажется, на зеленом это счастье не остановится.

Айсватер сказал солидно:

— Ну конечно, любой зеленый дуб со временем становится коричневым.

Лекари кланялись и разводили руками, в комнате чувствуется сильный запах ладана, хотя священник уже ушел, признавшись, что умеет изгонять дьявола, но не лечить.

Переальд потрогал Динальда за плечо, прищелкнул языком, дескать, завидую, потом поинтересовался у лекарей:

— А борода отрастет?

Лекари не нашлись что ответить, но с видом знатока заговорил Айсватер:

— Мне что-то подсказывает, что борода будет из во-
дорослей. Тоже зеленых.

— А мне больше, — сказал Переальд, — нравится
чешуйчатая.

Динальд простонал злобно:

— Вас бы в чешую, гады полосатые.

Айсватер сказал торопливо:

— Ты не думай, мы тебе просто завидуем!.. Твою че-
шую уже сейчас не проткнешь... пальцем, а через неде-
лю и ножом не сумею, хотя попытаться хочется прям
сейчас... Представляешь, каким будешь через месяц?

— Монстр, — сказал Переальд с удовольствием. —
Звэрь! Представляешь, исполняется мечта детства —
все боятся! Только рыкнешь, народ трясется, зубы по-
кажешь — под каждым лужа. У тебя зубы вырастут с
мой большой палец, голову даю в залад!..

— Ничего подобного, — возразил Айсватер. — Зубы
у него останутся прежними. Клыки — да, эти вырастут,
как ножи.

— И верхние, и нижние?

— Думаю, да. Он же у нас всегда был такой, разве
не так?

Хлопнула дверь, появился Хрурт, с порога заулы-
бался и сказал бодро:

— Ух ты, как здорово!.. Что за шкура, надо же... Ди-
нальд, тебе повезло даже не знаю как! Ты такой даже
красивее!.. И вид у тебя внушающий. Все будет хоро-
шо. Если хочешь, я помогу тебе даже нору рыть!.. Или
ты прилепляешься к стене? Это еще проще... В гости-
ницах не надо платить за две кровати.

Айсватер повернулся ко мне.

— Ваше высочество, а он останется виконтом?

Я промолчал, Переальд посмотрел на него в недо-
умении.

— Виконтом? Ты шутишь?

Айсватер посмотрел на меня умоляюще.

— Ваш высочество!.. Что теперь насчет титулования?.. Он теперь как?

Я отмахнулся.

— А что это меняет?.. Чешуя — это благородно. Не какие-нибудь перья.

Хрут сказал с достоинством:

— Раз он пока еще не бросается на всех нас, то значит, держаться в обществе умеет, а это хороший признак! Значит, манеры вдолбили в него намертво! И если кто-то и сомневался, что сэр Динальд не совсем благородного рода, то теперь будет посрамлен.

Динальд прорычал зло:

— Кто сомневался? Кто сомневался?.. Нет, ты не виляй, кто сомневался?

Хрут спрятался за Переальда, выставив его перед собой, Айсватер сказал с надеждой:

— Вообще-то его можно даже из виконтов в бароны!

— Почему?

— Ну, — проговорил Айсватер в затруднении, — в этой шкуре он выглядит как настоящий родовитый барон. И осанка теперь вон какая.

Они смотрели на меня в ожидании, я покачал головой.

— В бароны только за заслуги перед Отечеством.

А вот если в таком виде совершил подвиг...

Айсватер сказал жарко:

— Да он по любой крепостной стене поднимется моментально и водрузит флаг вашего высочества!

— Пусть лучше ворота откроет изнутри, — буркнул я.

— Откроет, — заверил Айсватер, — у него чешуя просто алмазная. Ничем не просечь. А когда станет бароном, родители леди Нинель не станут упорствовать.

Им важно породниться с бароном, что близок к вашему высочеству.

— А сама леди Нинель?

Айсватер взглянул на меня в недоумении.

— А что она? Женщины — дуры, а Нинель настолько красивая, что вообще не заметит разницы. В этом женщины умнее нас, смотрят на положение и титул мужа, а не как мы: чтобы сиськи побольше да губы потолще.

И все-таки тот гад в бинтах либо не сумел до конца всадить Копье Ледяного Тролля, либо наш скромный священник в самом деле успел остановить болезнь, если это болезнь, на полпути и не дал ей развиться.

Чешуя перестала меняться, друзья с неделяю не выходили из его комнаты, сам Динальд места себе не находил, а зеркало попросил придвинуть к ложу, чтобы видеть себя, засыпая и просыпаясь, но все замерло: остается жив и здоров, сил даже как будто прибавилось, но чешуя не отваливается, как все мы ждали и как обещал лекарь.

Под настойчивым руководством Переальда он пробовал лазить по отвесным стенам. Сперва плохо, потом получалось лучше и лучше, наконец передвигался почти так же ловко, как если бы бегал по горизонтали. Прыгать тоже удавалось намного дальше, а когда, соревнуясь с Айсватером, перескочил через двух коней, не выпуская тяжелого меча и щита, то и сам ощутил, что, кроме неприятностей из-за покрытого ярко-зеленой чешуей тела, есть и некоторые преимущества.

Теперь кроме лекарей в его комнате постоянно толкуются люди из отряда охраны дворца, ощупывают, особенно завидуют Хрут и Ульман, которые в ту ночь отыхали.

— Мы найдем способ, — пообещал я, — все равно вернем тебе людской облик.

Хрурт возразил:

— Ваше высочество, вы же сами говорили, что человека человеком делает вовсе не внешность!.. Иные тролли совсем люди, а есть люди хуже самых распоследних троллей!.. Да пусть он таким и останется!..

А Ульман хлопнул Динальда по плечу и сказал трубным голосом, от которого затрепетало пламя сечей по всей комнате:

— Я бы не знаю что отдал, только бы стать таким же, а этот дурак еще и нос воротит от такого счастья!

Не знаю, всерьез оба или нет, но Динальд в самом деле не просто подбодрился, а начал посматривать по сторонам горделиво и с чувством вновь возродившегося достоинства.

— Перевожу тебя в старшие, — сказал я. — Ты не только двигаться начал быстрее, но ты же чувствуешь и видишь лучше! Твои друзья правы, что завидуют!

А Ульман сказал с чувством:

— Если будет вторая попытка... меня пустите вперед! Я тоже хочу.

Я спустился в нижний зал, где принял несколько делегаций от глав гильдий и цехов. Большинство с просьбами, но некоторые и с любопытными инициативами. Я довольно потирал руки, моя Хартия начинает действовать, мастеровые зашевелились, зачувяв огромные возможности, теперь начинается гонка — кто первым захватит хлебные места.

У входа послышался шум, там появился молодой парень в щеголеватой одежде и с огромной желтой лилией на плече — отличительный знак гонца.

Он прорывался в зал слишком рьяно, его пытались остановить стражи, но он прокричал громко:

— Важное сообщение! Важное сообщение!

Я сказал громко:

— Пропустите.

Гонец протолкался через придворных, преклонил колено и сказал быстро:

— Ваше высочество, к Истанвилу приближается кортеж королевы Мезины Ротильды Дрогонской!

Я буркнул недовольно:

— Так орешь, будто ураган надвигается... Что, в самом деле настоящий кортеж?

Он кивнул.

— Да. Граф Меганвэйл сумел собрать из своего обоза... все необходимое.

— Еще бы, — проворчал я, — попробовал бы не сбратить, когда требует Ротильда... Хорошо, иди на кухню, поешь и отдохни!.. Альбрехт, позаботьтесь приготовить для леди Ротильды покой.

Он помялся, спросил осторожно:

— А она будет... не в ваших?

— Еще чего, — сказал я оскорбленно.

— Тогда... гм... поближе к вашим?

— Да, — сказал я, — можно. Но только в разных корпусах.

Машинально продолжая раздумывать, как встроить Ламбертинию в нашу коалицию королевств, что делает первые шажки к строительству Царства Небесного на земле, я вернулся в кабинет и расстелил тут особенную карту, что отыскал в личных запасах герцога.

Там было много карт, но эта заинтересовала особенно: огромная, где по углам, как и принято, причудливые морды с раздутыми, как у хомяков, щеками, губы в трубочку, оттуда вырывается струями ветер, одного я узнал, хоть и с трудом, по кучерявым бровям и снежным волосам: Борей, так изображают северный

ветер, остальные выглядят поприличнее и потому неинтереснее.

Очертания северного материка и островов весьма примерные, за ними океан и непременная приписка «Терра инкогнита» и «Там живут драконы», однако сам материк расчерчен черными, красными, синими, коричневыми и оранжевыми линиями, я долго ломал голову, но понял назначение только черной: границы королевств, что означают другие — непонятно, хотя чувствую, что нечто важное...

А еще особенность, которую уже встречал на других древних картах: вода в реках и озерах поблескивает и отражает солнечные лучи, ночью все потемнеет, а вода станет серебристой, если, конечно, луну не закроют тучи.

А еще здесь видно, если где вспыхнул лесной пожар, обрушивается дождь с грозой или же река вышла из берегов и затопила близкие села.

Тщательно изучая карту, я распознал обозначение черных, желтых, серебряных и других пятен разной формы: это залежи руды, начиная от железной и заканчивая серебряными жилами.

Сердце мое начало взъерошено колотиться: это же сокровище! Я довольно потер ладони: сейчас разберусь с остальными обозначениями и тогда...

Дверь распахнулась, Альбрехт возник на пороге, очень чопорный и озабоченный, в глазах упрек.

Я обернулся, он поклонился и замер.

— Сэр Гуммельсберг, — сказал я раздраженно, дескать, как ты мне, так и я тебе.

— Ваше высочество, — ответил он так церемонно, что я уставился на него в ожидании некой особенной каверзы.

— Что-то нужно? — спросил я в нетерпении.

Он проговорил с таким недоумением, словно не по-

нимает, как это я могу вот так взять и наплевать на флаг и знамя Ламбертинии:

— Ваше высочество... разве вы не собираетесь встретить королеву Ротильду? Ведь из-за нее только что отгремела такая война...

Я открыл и закрыл рот, чуть не высказал все, что думаю о подобных войнах и роли женщин в таких конфликтах, у меня ж на столе расстелена такая карта, какие тут всякие ротильды, но смирил себя и спросил кротко:

— Где она?

— Уже миновала городские врата, — сообщил он в такой тревоге и посмотрел на меня с упреком, дескать, сейчас рухнет мир, если я немедленно не выскочу на встречу. — Вообще-то нужно было бы встретить ее за пределами города...

— В самом деле?

— Это так символично, — объяснил он пафосно, — но раз уж так... гм... то хотя бы успеете перехватить ее перед дворцом! Это будет малый прием, он не настолько, да, но все же...

Я проглотил ответ типа, что ничего с нею не сделается, если притопает прямо сюда, я ее бить не собираюсь, но посмотрел на его честное лицо блестителя законов, вздохнул.

— Да, дружище, я встречу ее снаружи.

— Тогда поторопитесь, ваше высочество, — сказал он настойчиво и явно не принимая дружеского тона, тогда нельзя будет язвить с таким ехидством. — Ей осталось проехать всего ничего!

— Иду, — сказал я.

— Вам бы не помешало надеть нечто более парадное, — озабоченно заметил он.

— Я весь парадный, — отрезал я.

Глава 10

Я сбежал по лестнице без так необходимой государственному деятелю солидности, прыгая через две ступеньки и хватаясь за перила на крутых поворотах, побежал через холл, а когда выскочил во двор, туда уже въезжала украшенная золотыми львами повозка, запряженная четверкой добротных коней.

Я поспешил с крыльца, а слуга распахнул дверцу кареты и склонил голову, однако первым вышел граф Меркель и преклонил колено.

Ротильда вышла, наступив изящной туфелькой, что на миг показалась из-под вороха юбок, и придерживаясь рукой за голову графа, а когда вторая туфелька коснулась ровно уложенных плит, повернулась в мою сторону с удивленным выражением и вопросом в прекрасных зеленых глазах.

Может быть, это обилие бриллиантов действует на нее так возбуждающее, но нежные щеки горят ярким натуральным румянцем, глаза светятся малахитовым огнем, ярко-зеленые, от них не оторвать взгляд. Красные блестящие волосы падают крупными волнами до талии, но перевиты лентами и жемчужными нитями так тщательно, что никак не упрекнешь в простоволосости.

Лицо в самом деле исполнено королевского величия, она всегда ухитрялась смотреть на меня свысока, хотя я выше на голову. Впрочем, сейчас она не сделала шага навстречу, тогда в самом деле пришлось бы смотреть, как хомяк на человека, королева или не королева.

Я заговорил с ходу весело и церемонно:

— Ваше Величество, позвольте предложить вам это... ну да, мое гостеприимство?.. Тут какое-то бес-

хозное герцогство попалось по дороге, я уже прибрал к рукам, я ж хозяйственный...

Она позволила улыбке чуть-чуть обозначиться на ее красиво очерченных губах.

— Позволяю, сэр Ричард. Я польщена, вы так спешили мне навстречу, что чуть не упали на крыльце.

— Поздно сообщили, — ответил я. — Вот бежал, так сказать, прям летел почти... Руку?

Она легонько коснулась самыми кончиками пальцев моей кисти, не держась за нее, а тоже обозначая жест, символический или еще какой-то, не силен в тонкостях, пошла рядом, но теперь смотрит строго вперед, тоже надменно и свысока, она ж королева, Ее Величество, милостиво удостоившая меня счастья сопровождать ее.

Альбрехт пошел за нами следом, к нему присоединились Антуан Стоунクロс, Дэниэл Чарльз, Джонатан Гилфорд, Унгвуд Маутбеттен и другие, уж и не знаю, хихикают ли втихую или тоже благовеют, все поддаются ритуалам, они для того и придуманы, чтобы дурманить массы, вот мы с Альбрехтом такая масса, нам только и дурманить, ага, щас.

Она шла красиво и величественно, граф Меркель двигается в сторонке, поглядывает зорко, дабы не было никаких ущемлений достоинства его обожаемой королеве.

Так прошли через холл, большой зал и поднялись на второй этаж, где гвардейцы по обе стороны красиво отсалютовали, а дальше уже мои телохранители встретили нас любопытными взглядами, но смолчали, красиво и подчеркнуто церемонно распахнули двери в покой герцога, ныне мои, и так же механически захлопнули за нами следом.

Я думал, здесь-то она расхохочется, повернется ко

мне и бросится на шею, все-таки я же спас, однако она, убрав свою руку, чего я почти не заметил, прошла к самому роскошному креслу, опустилась в него и посмотрела на меня со снисходительным любопытством.

— Разрешаю сесть, сэр Ричард.

Я поклонился, придвигнул ногой кресло чуть ближе, она наблюдает за мной все с той же снисходительностью благожелательной королевы, что оказывает милость своему придворному, даже одному из ее многочисленных придворных.

Я сел и посмотрел на нее в упор.

— Ротильда... выглядите вы просто бесподобно.

Она улыбнулась шире.

— Сэр Ричард, вы не уверены, была ли я в темнице? Уверяю вас, была. Но потом, когда вы пришли на помощь своей жене, герцог впал в панику и не знал, что предпринять. Я с того дня была под усиленной стражей во дворце. И каждый день, когда ему докладывали, что ваши войска захватывают герцогство, я... можете поверить, выглядела все лучше!

— Гм, — сказал я. — Вам преданный граф Меркель сейчас отбирает коней среди тех, которых я позволил взять.... из конюшни герцога, разумеется. Можете и тех взять, которые привезли вас сюда, когда отдохнут.

Она красиво вскинула брови.

— Сэр Ричард?

— Ротильда? — спросил я, намеренно опуская ее титул.

Она поморщилась.

— Вы что же, не собираетесь вести армию на Мезину?

— Абсолютно, — заверил я.

— Почему? — спросил она с неподдельным удивлением королевы, которой перечит ее ничтожный вассал. — Разве теперь это не естественный жест?

Я покачал головой, внутри нарастает смех, но я постарался держать лицо серьезным.

— Ротильда, — сказал я благожелательно, — я пришел в это герцогство по трем причинам, из которых твое освобождение было самой крохотной.

Она нахмурилась, зеленые глаза потемнели и метнули восхитительно злую молнию.

— Можно поинтересоваться?

— Можно, — ответил я любезно.

— По каким? — спросила она раздраженно.

— Первая, — сказал я, — это герцогство всегда было занозой, вклинившись между королевствами моего друга Барбароссы и Джона Большие Сапоги, его тестя. Я даже подумываю, не передать ли его теперь под управление Барбароссе...

Она подпрыгнула.

— Как можно?

— Запросто, — ответил я. — Новые земли — новые хлопоты. Пусть он с ними мучается.

Она спросила быстро:

— Что во-вторых?

— У меня наконец-то своя армия, — объяснил я. — На этот раз не созывал вассалов, как всегда и везде делается, а... ну неважно, это не женской интуиции дело. В общем, проверил в деле. А заодно, пользуясь военным временем, сделал кое-какие важные кадровые перемещения.

Она не сводила с меня неверящего взгляда.

— И вы полагаете... нет, вы что, просто оставите меня вот так?

— Вы свободны, — объяснил я. — И моя честь удовлетворена... хотя я и так не считал, что ее ущемили, но некоторые мои лорды полагали, что я как бы чуточку должен выразить хотя бы вялый протест... Ну, и я вы-

разил. Как могу. Я же вроде веселого лося в лавке с тонким фарфором!.. Хотите кофе?

Она покачала головой.

— Я просто не могу поверить, что вы можете со мной так поступить...

— Поверите, — сообщил я голосом чуть более строгим и отстраненным. — Дорогая Ротильда, вы бесподобная красавица, но мир не вертится вокруг вас. У меня столько дел... И завтра же я отбываю в Скарлянды и Варт Генц, где остались незавершенные дела. Кофе с сахаром?

Она сказала резко:

— Не хочу я вашего кофе!.. Я хочу вернуть трон в Мезине!

— Я тоже много чего хочу, — сказал я. — Ну, разумеется, вас тоже как бы весьма, но когда Отечество в опасности, как вы понимаете, я должен, а оно всегда в беде, когда я на коне и даже на троне, а штурвал в моих могучих нежных лапах. Так что первым делом ковры-самолеты, ну а девушки, а девушки потом... Вы ничего не поняли? Ну и хорошо, я больше разговаривал сам с собой, люблю пообщаться с умным и обаятельным собеседником.

Она спросила медленно и раздельно, делая нажим на каждом слове:

— Почему... вы... не хотите... вернуть мне... трон?

Я вздохнул.

— А почему я должен хотеть? Мне что, больше делать нечего?

— Но у меня отобрали трон незаконно!

Она вскочила, сверкая глазами, но с трудом взяла себя в руки и села, гордая, надменная и злая.

— Пусть даже незаконно, — согласился я. — Хотя здесь сказать трудно... Все-таки это мужской мир, и

еще не было случая, как мне кажется, чтобы жена унаследовала власть после умершего мужа.

— А королева Венедрия? — спросила она.

— Это кто?

— В королевстве Агант король умер, не оставил сына, — сказала она, — а только дочь. Власть оставили за дочерью на время, пока подыщут ей мужа, что станет королем. Но она умело отвергала женихов под разными предлогами и так правила сорок лет!.. Ее правление названо золотым веком королевства Агант.

Я развел руками.

— Это совсем другое. Простите, леди Ротильда, но королева Венедрия не вдова умершего короля! Ее собирались выдать замуж, а на троне она удержалась благодаря женской хитрости. Если бы она сразу сказала честно, что замуж не пойдет, чтобы самой править, ее бы отстранили от власти в тот же день. Это другое дело. Весьма сожалею, но я больше не собираюсь ввязываться в какие-либо авантюры... Может быть, тогда вина?

Она поднялась, ожгла меня негодящим взглядом.

— Спасибо, нет.

Я поклонился.

— Я хотел вам сделать приятное.

Она фыркнула и направилась к двери, где, обернувшись, спросила ядовито:

— Мне здесь найдется место для ночлега?

Я ответил предельно вежливо:

— Выбирайте по своему усмотрению. Думаю, дворец вам знаком намного лучше, чем мне. Намного.

На пороге она снова оглянулась и сверкнула дикими зелеными глазищами, но ничего не сказала, я уел точно и здорово, даже самому неловко.

Когда дверь захлопнулась, я вернулся и сел за стол, чувствуя себя так, словно только что вышел из продолжительной битвы и еще не снял доспехи.

Альбрехт вошел в приподнятом настроении, довольный и франтоватый, в расшитом и умело приталенном камзоле, на плечах некое шитье с гербом, я сразу же подумал, что в моей армии пора вводить погоны или хотя бы эполеты...

Хотя хрен с ними, не до того, пока и лампасы рано, хотя и штаны у барона, нет, уже графа, украшены серебряными и золотыми нитями. Здесь это основное, чем расписывают одежду и вообще ткани, включая плотные шторы на окнах.

Шпоры на сапогах, естественно, золотые, а сами сапоги в коридоре отзывались звонким пощелкиванием по каменному полу, явно подкованы серебряными пластинками, а здесь на ковре сразу стыдливо притихли.

Он взглянул с порога вопросительно, глаза у него обладают удивительным свойством всегда смотреть строго и пытливо, даже если ехидничает или ржет вместе с другими рыцарями.

— Ваше высочество, — сказал он подчеркнуто церемонно, — позвольте поздравить вас с торжественным возвращением вашей дражайшей супруги!

— Идите в жопу, граф, — ответил я.

Он вскинул брови и картинно раздвинул руки в театральном изумлении и непонимании.

— Ваше высочество!.. Какие простонародные выражения... От самого принца!

— Перестаньте, Альбрехт, — сказал я зло. — Садитесь, вон кубок, вон вино. Сами наливайте.

Он сел, посмотрел на меня с иронией и одновременно сочувствием.

— Что случилось, Ричард?

— Вы знаете, граф, — сказал я раздраженно, — у меня уже свербит разорвать этот брак, пусть он даже временный!.. Все клялись, что получу только выгоду, а я что получил?

Он деловито налил в кубок вина, взглянул на меня.

— А где ваш?

Я отмахнулся.

— Я уже налил по самые... только вином это не назовешь.

Он сделал глоток, одобрительно кивнул.

— Хорошее, устоявшееся. Вы получили, если не ошибаюсь, герцогство Ламбертинию. Не так?

Я сказал зло:

— А зачем оно мне?

Он отпил еще, покрутил головой, посмотрел на меня с неодобрением.

— Вы здесь устроили испытательный полигон, — напомнил он. — Для обкатки навыков армии нового типа и... своей Великой Хартии Вольностей.

Я проворчал:

— Ну да, это вы меня подловили. Если бы не это, то вообще-то мне герцогство ни к чему. Хотя теперь ладно, раз уж само в руки упало. Но больше ни-ни!.. Мы должны сосредоточиться не на экспансии, а на внутренней модернизации общества. Я завтра же отываю в Варт Генц.

— И в Скарлянды?

— Да, — ответил я. — Там тоже можно будет кое-что реформировать, но чуть-чуть и очень осторожно.

— А королева Мезины?

— Ротильда? — переспросил я. — Она не королева,

запомните. Там уже есть король, которого народ и лорды приняли. Для меня это более законно, чем я стал бы помогать жене умершего короля получить для нее трон!..

Он поинтересовался осторожно:

— А что с Ее Величеством... той самой, что и леди Ротильда в одном и весьма недурном лице?

Я пожал плечами.

— Мне по фигу. Пусть, если хочет, здесь заводит себе фрейлин. Или пусть катится ко всем чертям. Я ее называл королевой в переговорах, чтобы повысить ее статус и чтоб не выглядеть таким уж полным идиотом.

Он сказал с осуждением:

— Как можно говорить такое о красивой женщине?

— У некрасивых те же права, — огрызнулся я. — Ну, почти те же. В принципе. Если совсем уж по Библии, разве мы не христиане?.. В общем, это не мое дело. Я государственный деятель, а не всякий там! Вы меня поняли?

— Понял, ваше высочество, понял!

Голос его звучал слишком подобострастно, я взглянул с растущим подозрением.

— Точно поняли?

— Точно, — заверил он, — видите, меня всего трясет!.. Потому что понял. Не все, правда, к счастью. А то бы вовсе брык — и набок.

Я сказал с тоской:

— Граф, не надо меня развлекать, тут, наоборот, надо все ускорить и углубить. Иначе все реформы забуксуют. Какие уж тут бабы и все с ними связанное!

— А с ними связано все, — сказал он со вздохом. — Какую армию берете с собой?

— Будакера.

Он изумился:

— А почему не Меганвэйла или Шварцкопфа?

— Здесь они счастливы, — пояснил я. — Их державы как бы вышли на мировую арену!.. Хотя без всякого «как бы» вышли и уже действуют. Хотя и не совсем так, как оба думают.

— С ограниченными полномочиями, — согласился он. — Вы уже продумали, как будет выглядеть это... образование? Или пока наобум?

— Я никогда не наобумлю, — сказал я твердо, но отвел взгляд в сторону (оба знаем, что сбрехал). — Это не наобум, а глубоко продуманный расчет, сделанный на уровне инстинкта, что пропускает все этапы вычислений и раздумий, а выдает уже готовое решение. Есть у меня такая особенность гения, есть!

— Гм, — произнес он с сомнением, — ну тогда да, конечно, а как же... Какие-либо ограничения?

Я посмотрел строго:

— Выражайтесь яснее, граф.

— По поводу Ее Величества леди Ротильды, — сказал он. — Она особа деятельная. Очень деятельная. Я восторгаюсь ею... издали!

— Издали и я восторгаюсь, — буркнул я.

— Так как?

— Что? — спросил я. — Как с нею? Да никак. К великому счастью, в ее распоряжении только граф Меркель и ее церемониймейстер с парой помощников. Здесь же она только гость, который не может распоряжаться даже слугами!

Он сказал с облегчением:

— Это хорошо. Даже прекрасно!.. А то я уже начал было...

— Не надо, — сказал я твердо. — Хотя да, она уме-

ет себя поставить. Но в этом случае надо ставить ее саму.

— Э-э... ваше высочество?..

— На место ставить! — рыкнул я. — И нечего бровки поднимать!

Глава 11

Ротильде сейчас показывают ее покои, гардероб и все тому подобное, барон Бредли постоянно объезжает самые тревожные участки Ламбертинии, готовый нещадно подавить любое выступление местных феодалов в защиту своих прав самим судить и вешать, потому во дворце его почти не видать, Альбрехту напомнил то, о чем и сам знает: подменять меня в мое отсутствие, а когда я на месте, все равно пахать и пахать, потому что всякий раз вхожу вроде бы в рай, а это оказываются авгиевы конюшни.

Остались нерешенными проблемы разведки и контрразведки, хотя их вообще-то решают в Геннегау и Савуази, непонятности с Бабеттой и много чего лишнего, когда нужно срочно и усиленно продолжать развивать могучий флот и строить хорошие защищенные дороги, на что у меня уже есть тролли...

Во дворе раздались шум, крики. Из окна я увидел, как несколько стражей перехватили всадника, что ворвался галопом во двор, двое сразу цепко ухватили коня под уздцы и повисли, как охотничьи псы, а четверо выставили пики, окружив прибывшего.

Он торопливо соскочил на землю, что-то объяснял, выбежавший начальник охраны тут же разогнал всех, а гонцу, или кто он там, велел кивком следовать за ним.

Они скрылись внизу в дверях, я попытался угадать, от кого вести, ничего не лезет в голову, кроме всякой

гадости типа, что в королевстве Вендовер началось восстание.

В коридоре простучали частые шаги, звякнул металл, дверь распахнулась, вошел Хруерт, волоча за собой прибывшего.

— Что стряслось? — спросил я в тревоге.

Хруерт вскрикнул, тяжело отсапываясь:

— Ваше высочество, гонец от сэра Бредли!

— Что, — сказал я обреченным голосом, — восстание в сопредельной с королевством Вендовер области и моей власти не признают?

Он отшатнулся, словно его стукнули кулаком в лоб.

— А вы откуда...

— Интуиция, — ответил я коротко и кивнул гонцу. — Ну, что там?

Тот преклонил колено и, глядя во все в глаза, выпалил быстро:

— Местные лорды, объединив свои отряды, призывают под свои знамена всех благородных людей Ламбертинии, обещая им честь и славу, а простому люду, что возьмется за оружие, освобождение на пять лет от налогов!

— Круто, — сказал я зло. — Что делает сэр Бредли?..

— Перекрыл к их замкам дороги, — объяснил он, — чтобы не допустить пополнения, и ведет бои на обе стороны. Говорит, ему требуется время, чтобы подтянуть силы из других графств.

— Понятно, — сказал я, — отдохни и возвращайся.

Он помотал головой и сказал твердо:

— Простите, ваше высочество, но, если собираетесь что-то ответить, лучше сделайте это сейчас, и я сразу помчусь обратно.

— Голодным? — спросил я.

— На ходу поем, — ответил он. — У меня хлеб в сумке.

— Я там буду раньше тебя, — сказал я, — так что отдохни. Как твое имя?

— Джон Карпентер.

— Достойное имя, — ответил я. — Увидимся на поле боя!

Возможно, это было лишнее, у нас все равно преимущество в боевой мощи, Бредли с мятежом справится, но так остро восхотелось удрать из дворцовой атмосферы, где уже начались привычные склоки, интриги, подсиживание, а тут еще Ротильда со своими неуместными требованиями...

Кроме того, восстание нужно подавить в кратчайшие сроки. Это как пожар, если не загасить вовремя...

Телохранителям привычно напомнил, что их очень быстрые кони, которых им подбирали по всем королевствам, все равно не угонятся за моим, так что лучше ждать моего возвращения. А если какой убийца погонится за мной, он прибудет туда, когда я уже вернусь обратно.

Лалаэль в моих покоях, что теперь и ее собственные, старательно изучает все, что вводит ее в удивительнейший мир этих странных существ, именуемых человеками. Книги, карты, старинные легенды, предания — во все вникает так, словно от знаний зависит судьба всех эльфов на свете.

Я то и дело слышу ее возмущенное фырканье, это значит, что наткнулась на очередное упоминание на счет царя природы и венца творения, а то и просто на свидетельства нашего богоподобного величия, нашей скромности и благородства.

— Лапушка, — сказал я натужно весело, уже зная, что последует, — спешу тебя обрадовать... нет-нет, не мороженым... нет, и не пирожными... да не шарь по

карманам, что ты за обжора маленькая? Как в тебя столько сладостей влезает?..

Она пропищала счастливо и повисла на мне, как котенок на ветке:

— А вот влезает!.. Так чем ты хотел обрадовать?

Я сказал бодро:

— На пару дней ты останешься королевой в этом дворце!..

Она пискнула тревожно:

— Это... как?

— Я отбуду в дальнее графство, — пояснил я, — нет-нет, не очень дальнее...

Ее руки разжались, она сорвалась с меня, но с эльфячьею ловкостью вывернулась и встала на задние лапки. Огромные глазищи стали еще огромнее от появившегося в них ужаса.

— А я?.. Как останусь без тебя?

— Отдохнешь, — сказал я громко и весело, — от моих нотаций и занудства.

— Не хочу, — заверещала она, — не хочу!.. Я боюсь!

— Выгляни в коридор, — посоветовал я. — Там четверо орлов, они кого угодно ради тебя в клочья порвут!

Она верескнула еще отчаяннее:

— Их тоже боюсь!

— Ну вот, — сказал я с досадой, — как можно бояться тех, кто служит тебе не только верно и преданно, но и с радостью? Мне они не так служат, как тебе, морденок трусливый! Кроме того, ты остаешься здесь не просто так, поняла? Вы же, эльфы, благородный народ и всегда помните о великой цели?.. Ну вот, а твоя главная и даже главнейшая цель в том, чтобы вывести эльфов из гнета самодержавия и ввести в семью народов, где разделяют базовые ценности демократического тоталитаризма!..

Она хлопала длиннющими ресницами, и меня всякий раз обдувал ветер, словно обмахивалась веером.

— Это... что?

— Ты здесь для того, — сказал я строже, — чтобы я мог во имя эльфов и с помощью браслета Гонцаозвращаться к тебе почаще!

Она замотала головой:

— Все равно мне страшно. Ты должен быть все время со мной.

— Ну вот, — сказал я недовольно, — начинается это женское... Ты так ничего и не поняла. Что ж, женщины везде женщины.

Она пропищала:

— Я хотела сказать, что я должна быть всегда с тобой!

— Нет уж, — сказал я решительно. — Ты, лапушка, нагло и самовольно заменила своего брата Махмуда...

— Мухтаэля, — поправила она жалобно.

— Вот-вот, даже Мухтаэля! Добро бы Мухтара или Мордехая, но ты заменила Мухтаэля, а я так надеялся на его мужскую дисциплину, подчиняемость воинским командам и беспрекословность...

Она пикнула:

— Приказывай! Что угодно для тебя сделаю!

— Нет уж, — возразил я, — надо не для меня, а для Отечества, а такое потруднее, верно?

— Ну...

— Потому ты остаешься, — сказал я твердо. — Но останешься не служанкой или робким зайчиком, а королевой!.. Ну, или чем-то вроде. Во всяком случае, будешь царствовать. Не управлять, а царствовать. Все твои капризы будут исполняться. Правда, сперва просеивать, чтобы отделить крупные, их исполнять не будут, а вот мелкие — все до единого!.. Разве это не счастье? Особенно если учесть, что вся наша жизнь из таких мелких мелочей?

— Я боюсь...

— Пока ты здесь, — сказал я, — здесь и я. Ты символизируешь мое присутствие. Я отбуду еще не сегодня, так что поучись пока держаться гордо и повелевающе. Пока я здесь, тебе будет легче ходить, задрав нос. А потом привыкнешь.

— Я никогда не привыкну!

Я смотрел с сочувствием, гладил по голове и чесал за ушами, эльфы это обожают, я уверен, вздыхал с сочувствием. Но что могу сказать, кроме как «надо»!

— Лучше тебе привыкнуть, — сказал я непререкаемо. — Подчини свою жизнь идею спасения эльфов. Я знаю, как это сделать, но ты должна помогать мне, а это значит — подчиняться. С помощью браслета Иедумэля я буду быстро перемещаться к эльфам и обратно, понимаешь?..

Она подумала, вижу, как нечто вспыхнуло в ее глазах, наконец тихонько пискнула:

— А я... смогу?

— Наверное, — ответил я. — Могу хоть сейчас дать его тебе. Но если не вернешься, то, сама понимаешь, я не скоро к вам попаду... если попаду вообще. А эльфы так и останутся в лесу, постепенно и неуклонно вытесняемые с их земель людьми.

Я поцеловал ее крепко и вышел. Телохранители выпрямили спины, а Переальд зыркнул на дверь, за которой эльфийка.

— А как, — проговорил он шепотом, — с принцессой?

— А что с нею?

Он сказал с неловкостью:

— Ей будет страшно.

— Понимаете ли, — сказал я заговорщицки, — у эльфов есть такая особенность... Если с ними находится в тесном контакте, очень тесном, весьма даже,

то вот я, где бы ни находился, буду знать, что здесь и как кто на столе голым пляшет.

У него глаза полезли на лоб.

— Ого... Простите, ваше высочество.

— И если вдруг сочту необходимым вмешаться, — сказал я, — то появлюсь мгновенно. Потому эта эльфийка — мои глаза и уши здесь.

Он шумно выдохнул воздух.

— Вот она, оказывается, зачем... А я думал, для красоты...

— Красота, — заявил я, — в первую очередь! Ибо кто мы без красоты? Но и для пользы, мы же политики?

Он замер, показывая, что не смеет больше тревожить мое высочество глупыми вопросами, а я пошел к выходу, прикидывая, что на эльфийку пока что смотрят с почтительным восторгом, как на нечто диковинно прекрасное, но, думаю, со временем привыкнут и будут гордиться, что у них на королевском троне такое вот чудо.

Пожалуй, в Ламбертинии проявится наиболее четко то, что я тайком вынашиваю в наглых планах. Тот, кто на троне, должен царствовать, но не управлять. Управлять должен парламент, Совет Мудрых или как его ни назови, но именно коллектив, когда дурь одного гасится совместными усилиями коллег, и потому при обсуждении любого вопроса решение получается сбалансированным и наиболее приемлемым.

Глава 12

Бобика оставить не удалось, он как только услышал, что я лишь туда-обратно, потому его оставляю охранять эльфийку, она же чешет и гладит, тут же исчез, явно на кухню, я спокойно поднялся в седло, повернул

Зайчика мордой к выходу из сада и через несколько минут, проскочив по городу, выметнулся из-под арки городских ворот.

Зайчик идет красивым ровным галопом, ему нравится вот так мчаться и чувствовать себя властелином времени и пространства на свой манер, когда никакой зверь не обгонит, даже птица окажется позади, и только ветер мог бы посостязаться, но таких ветров здесь не бывает...

Внезапно рядом появилась густая черная тень, ухваченная краешком глаза. Я повернул голову: рядом мчится Бобик, очень собранный, преданный, послушный, замечательный...

— Морда, — сказал я с чувством, — как ты мог отказаться от кухни и чесания?

Он на ходу вскинул морду и, убедившись, что не сержусь, заулыбался во всю пасть и припустил так, что моментально исчез из виду. Мы с Зайчиком не успели одолеть и полмили, как он снова появился, уже с толстым гусем в зубах, что еще слабо трепыхает крыльями, и начал совать мне в руки.

Затем мы мчались и мчались навстречу ветру, пока Бобик далеко впереди не выскоцил на вершину холма и не замер в непривычной для него позе охотничьего пса: подаввшись вперед и поджав переднюю лапу.

Мы взлетели следом, я охнул, а Зайчик, как мне показалось, тоже подался вперед и приподнял переднее копыто.

Огромное поле покрыто массой сражающихся людей, все смешалось, только с этой стороны еще сохранились отдельные отряды под своими знаменами, что держатся вместе и выполняют команды своих лордов.

Кроме знамен турнедцев, армландцев и шателленцев, как же без них, я различил и пару знамен, которые

меньше всего ожидал увидеть, — на них ламбертинские гербы.

— Вперед, — сказал я Зайчику. — А ты, морда хитрая, драться не смей. Беги сразу в наш лагерь...

Зайчик рванулся, не дав мне дочитать Бобику нотацию, я едва успел выхватить меч, как мы оказались на поле боя.

Многие воины, узнав меня, заорали ликующие:

- Ричард с нами!
- Ура Ричарду!
- Ричард — победа!

Я пустил коня в гущу схватки, там еще отбиваются люди под знаменами восставших лордов, но там везде по полю бои заканчиваются, я попал к шапочному разбору.

— Всем бросить оружие! — прокричал я страшно. — Кто смеет противиться мне?

Я орал настолько уверенно, что даже сам ощущил в себе эту мощь, расту, а все сцепившиеся здесь в бою опустили мечи, после чего одни бросили их на землю, другие убрали в ножны.

— Что за дурь? — крикнул я. — Марш с поля!.. Война окончена!.. Хлеб надо выращивать, коров пасти, державу строить, а не по головам друг друга лупить!..

Не дожидаясь ответа, я повернул Зайчика и послал его в галоп, оба мы уже рассмотрели вдали воинский лагерь с двумя десятками шатров в центре.

Бобик уже там, по нему я и отыскал шатер лорда Бредли. В лагерь уже начали возвращаться легкораненные, я оставил Зайчика и поспешил обратно на поле боя.

Последние, что сражались особенно яростно, наконец тоже бросили оружие, им велели заложить руки за спину и отвели на край поля, где они угрюмо сели на

землю, почти не глядя друг на друга и даже не интересуясь своей участью.

Облака из пурпурных превратились в багровые, а небо из голубого стало фиолетовым, затем на нем зажглись первые звезды.

На краю побоища люди Бредли разожгли костры, лекари перевязывают раненых. Я все еще ходил сперва по полю, разговаривал, подбадривал, похлопывал по плечам, пока самого не стала колотить дрожь, а внутри разрослась большая глыба льда.

У костра, где я присел, мне сунули в руки большую жестянную чашку с травяным настоем, я жадно хлебнул горячее пойло, но зубы продолжали стучать, а плечи подергивались в судорогах.

Один из старых воинов сел рядом и, обняв за плечи, придерживал кружку, пока я пил.

— Не перестарайтесь, ваше высочество, — сказал он с грубой прямотой старшего младшему. — В этом деле можно тоже надорваться.

— Да я и так только самых тяжелых, — пролязгал я зубами. — Ничего... еще кружку... и отйду.

С другой стороны подали куски жареного мяса на прутике, я с жадностью вгрызся, чувствуя, как живительная сила тут же начинает влияться в мое застывшее тело.

Послышался стук копыт, с измученного коня, с удил которого срываются желтые клочья пены, соскочил Бальдфаст Бредли, собранный и угрюмый, я его не видел иным, подошел быстро, но заметно прихрамывая.

Доспехи в свежих насечках, шлем чуть помят, но выглядит он все так же строго и бодро.

— Сэр Бредли, — сказал я.

— Ваше высочество...

— Сэр Бредли, — проговорил я, — вы действовали

очень умело. Только не нужно так уж личным примером! Армия теряет боевой дух, когда погибает командующий.

Он ответил с легким поклоном:

— Да-да, вы правы, ваше высочество, а мне совсем почудилось, что это вы ворвались в самую гущу схватки...

— Гм, — сказал я, — ну... я же тут чужак, моя гибель ничего бы не изменила... Ладно, оставим эту тему, докажите о нынешней ситуации. Кстати, я вижу в рядах ваших войск и ламбертинцев?

— Ваше высочество, — сказал он, — это добровольцы, что выразили желание помочь правому делу. Позвольте представить вам сэра Карла-Антона Боллейна и виконта Константина Хайгелорха...

Он обернулся, сделал рукой приглашающий жест. От группы рыцарей, что беседовали в стороне и поглядывали в нашу сторону, отделились двое в полных доспехах, укрывающих даже фаланги пальцев, и направились к нам.

Я рассматривал обоих внимательно: первый выглядит немолодым, но строен, чувствуется порода, под камзолом явно мышцы, а не жирок придворных, глаза блестят живо, усы подстрижены коротко, на них кое-где иней седины, но брови абсолютно черные.

Второй — крепко сбитый мужик, массивный, но не толстый, очень серьезный, смотрит исподлобья, борода черная, поднимается до самых глаз, делая его лицо недобрый и даже зловещим.

Оба преклонили колени и склонили головы.

Я сказал:

— Лорды...

Они ответили в один голос:

— Ваше высочество...

— Не вставайте, лорды, — велел я.

Все на меня поглядывают с ожиданием, а я вытащил меч из ножен, приблизился к ним и спросил первого:

— Ваше имя?

— Карл-Антон Боллейн, — отрапортовал он, — ваше высочество. Баннерный рыцарь!

Я ударил его мечом плашмя по плечу и сказал торжественно:

— Я, принц Ричард, волею избравших меня и присягнувших мне дарую вам титул виконта, сэр Боллейн!.. Можете встать, виконт.

Он вскочил, ликующий и сияющий, в глазах счастье перемешивается с недоверием, что получил титул, когда совсем не ожидал, а я повернулся ко второму коленопреклоненному.

— А вы, как я понял, виконт Константин Хайгелорх?

— Да, ваше высочество!

Я ударил его мечом по плечу и сказал так же медленно и строго:

— Я, принц Ричард, волею избравших меня и присягнувших мне дарую вам титул барона, сэр Хайгелорх!.. Можете встать, барон.

Он вскочил с легкостью, хотя доспехи на нем посечены, а опускался на колено с некоторым трудом.

— Ваше высочество!

Я вскинул ладонь, прерывая благодарности.

— Вы сделали великое дело. Ощущив, на чьей стороне правда, вы поступили по велению совести и чести, игнорировав мелкие и простенькие призывы встать под знамена мятежников, что принесли бы королевству только горе. Такое свойственно только очень честным и сильным людям, способным поступать как надо, а не как говорит и настаивает большинство!.. Идите оба и отпразднуйте.

Они поклонились и отступили, их сразу же подхватили под руки радостные друзья и уташили, как понимаю, отмечать повышение в титулах.

Я повернулся к Бредли.

— Итак?

Он проводил взглядом счастливцев, лицо оставалось суровым, но взгляд потеплел.

— Они в самом деле сражались лихо. Хотя я не уверен в их так уж кристально чистых мотивах...

— Да это не так важно, — ответил я безмятежно. — Но если подчеркивать, что честность, стойкость и прочие качества вознаграждаются...

Он кивнул.

— Да, конечно. Политически это прекрасный ход. Я надеюсь, поражение мятежников отрезвит. Не говоря о том, что завтра подойдут отряды сэра Генкеля и сэра Дерпта. А от сэра Зункеля пришло сообщение, что им в мое распоряжение откомандировано пять тысяч тяжелой конницы, три тысячи копейщиков и тысяча лучников!

— Когда прибудут?

— Со дня на день. Так что им конец, — заверил Бредли.

Он смотрел в ожидании, я покачал головой.

— Истреблять налогоплательщиков — подрывать экономическую базу либерально ориентированных свобод. Прикажите немедленно потребовать выдать зачинщиков, сейчас они подавлены, воинский дух сокрушен.

— На каких условиях?

— Без условий, — отрезал я.

— А если выдадут?

— Повесить немедленно, — сказал я. — Нам не нужны восстания. Все должны затихнуть... а за это время народ сообразит, что мы им дали намного больше,

чем предлагают их лорды! Ишь, пять лет без налогов!..
А потом снова в рабство?

Бредли нахмурился, вешать благородных людей не принято, но кивнул и сказал ровным голосом:

— Все сделаем. Думаю, мы уже погасили пожар. Это поле... отрезвит любого.

Глава 13

На землю давно пала ночная тень, на небе серебрятся звезды, вдали на стенах мятежной крепости видны оранжевые огоньки факелов, а здесь вдоль поля браны полыхает множество костров, вокруг которых воины разогревают или готовят еду заново.

В поле над телами убитых начал сгущаться туман. Я с трудом поднялся, что-то почудилось там странное. Старый воин, что поил меня горячей похлебкой, поддержал меня, но я покачал головой.

— Отдыхайте...

Они остались у костра, ноги мои подрагивают от усталости, но я заставил их нести меня между трупов к волнам поднимающегося тумана, что медленно накрывает тела павших.

Когда входишь в туман, он уже не кажется таким густым, как издали, однако странное и тревожное чувство, когда оказываешься в этом странном мире, не приспособленном для жизни.

По нему, как по морю, то и дело проходят неспешные волны, он то сгущается, то становится совсем прозрачным, но по мне снова прошла предательская дрожь, а зубы застучали.

Если не обманывают глаза, то в клубах тумана впереди над трупом молодого воина склонился настоящий призрак. При желании его можно принять за сгу-

сток земных испарений, однако очертания фигуры достаточно отчетливые.

Я ухватился за крест на груди, с трудом выговорил дрожащим голосом:

— Отойди, упырь... Не тронь христианскую душу. И тело не тронь!

Призрак поднял голову, лицо полупрозрачное, но заметно, что это немолодой мужчина с суровым лицом и упрямо выдвинутым подбородком.

Я похолодел: в его груди зияет жуткая широкая рана. К счастью, ниже пояса туман истончается, призрак просто висит в воздухе, и не вижу, насколько он изувечен еще.

— Я не упырь, — донесся безжизненный голос. — Я его отец...

— Ох, — сказал я, — прости, я сожалею...

Он ответил бесцветным, как он сам, голосом:

— Это наша судьба... сражаться и умирать в битвах...

— Увы, не повезло, — сказал я с неловкостью, не зная, что сказать. — Я опоздал.

— Да, — ответил призрак. — Если бы он не умер сразу, ты бы его спас, а?.. Я видел, ты отдавал свою жизнь одинаково всем, кто только что сражался друг с другом...

— Ну, — пробормотал я, — после битвы они все только люди. И спасать нужно всех.

Он сказал тем же ровным, безжизненным голосом:

— Спасибо... Но сейчас я хочу забрать его с собой... Давай, сынок, проснись от вечного сна... Поднимайся, поднимайся!

Я спросил достаточно глупо:

— А... куда?..

Он ответил отстраненно, занятый павшим:

— Он может остаться здесь гнить годами... а потом скитаться неприкаянным призраком... может найти убежище в своих костях... и тогда злобные некроманты

получат возможность поднять его и послать творить злые дела...

Я сказал торопливо:

— Да-да, это будет не весьма... Я могу помочь?

— Не держитесь за крест, — попросил призрак.

— Хорошо, хорошо...

Его призрачные руки вошли в мертвое тело по самые локти, лицо стало сосредоточенным, он уже не говорил, а шептал, то повышая голос, то понижая так, что я видел только шевелящиеся губы.

Я стоял, как столб, не зная, уйти ли, чтобы не мешать, или же быть наготове — вдруг чем смогу помочь. Призрак дважды поднимался, вскидывал руки к небу и снова становился на колени.

Наконец, когда я дернулся уже уходить, из тела мертвого воина медленно начала подниматься светлая тень, меньше по размерам, тот же сгусток тумана, только оформленный в человеческую фигуру.

Призрачный отец распахнул объятия. Призрак сына медленно подплыл во воздуху. Отец обнял и, повернув голову ко мне, сказал тем же бесцветным голосом, но я уловил в нем радость:

— Все... я его забираю...

Я пробормотал:

— В добрый... гм... путь...

Они удалились, отец тащил сына с собой, тот явно еще не умеет общаться и даже двигаться, а я смотрел вслед, пока не слились с туманом, затем повернулся и пошел обратно к кострам, их пламя виднеется, как багровые угольки.

Переговоры с мятежниками затянулись. Всех захваченных в бою лордов и простых хозяев земель, знатных или незнатных, я велел повесить вдоль дороги, ведущей к границе с Вендовером, там раскидистые дубы с

крепкими ветвями. Со стен видели эти страшные же-луди, поднялся плач, многие раздирали на себе оде-ды, две или три фигуры, как мне передали, даже бро-сились вниз на камни, не желая пережить повешенных родственников.

Крепости, однако, закрылись намертво, а со стен кричали, что предпочитают погибнуть в бою, чем ук-рашать вот так собой деревья вдоль дорог.

Посредником в переговорах выступила церковь, возглавил группу епископ Конифундий, ученый и све-дущий богослов, но, как мне показалось, не очень раз-бирающийся в политике.

В конце концов я сделал вид, что взбешен и выхожу из себя, закричал озлобленно:

— Тогда вот мое последнее слово: они складывают оружие, зачинщики отправляются в мою тюрьму!.. Да, ваше преосвященство, я обещаю им жизнь.

Он посмотрел на меня очень серьезно и встрево-женно.

— Меня предупреждали, — сказал он осторожно, — что вы всегда умеете повернуть так, что в любом случае получается по-вашему. Да, вы можете оставить им жизнь, ведь с выжженными глазами, вырванным язы-ком и отрубленными руками... тоже жизнь?

Я сказал в сердцах:

— Ваше преосвященство, вы чересчур подозритель-ны. Я обещаю, что в тюрьме с ними будут обращаться достойно...

— Достойно, — спросил он, — это как?

Я сказал сквозь зубы:

— Вы будете иметь возможность посещать их в тюрьме, чтобы посмотреть, в каких условиях их будут содержать. Это во-первых.

— А во вторых?

— Во-вторых, — сказал я надменно, — обещаю им

свободу. Не сразу, и вообще не называю сроки, заметьте! Но как только увижу, что страна успокоилась, для мятежников откроются ворота тюрем.

Он спросил осторожно:

— Могу я поинтересоваться... о каких периодах времени вы говорите?

— Будьте спокойны, — заверил я, — до старости держать не стану. Если вы читали мою Великую Хартию прав...

Он медленно наклонил голову.

— Читал.

— И как?

Он ответил со вздохом:

— Если бы не разговоры, что вас ведет дьявол, то я бы сказал, что ничего более христианского я не читал... после Библии и работ отцов церкви.

— Спасибо, — сказал я. — Так вот, святой отец, вы же умный человек и понимаете, что лет через пять, а то и раньше, люди привыкнут к тому, что они свободные, и чувство достоинства будет не только у рыцаря, но появится и у простого кузнеца, если он, конечно, достойный человек. И тогда все эти мятежники, выпущенные на свободу, уже не смогут поднять мятеж, потому что за ними никто больше не пойдет так слепо и глупо, как пошли крестьяне сейчас.

Он слушал внимательно, еще внимательнее всматривался в меня, стараясь уловить, насколько искренне говорю, однако, как мне кажется, мои доводы крепче каменной стены крепости, возразить нечего, и он сказал с сомнением:

— Я все передам и... даже посоветую принять ваше предложение.

— Это не предложение, — сказал я резко, — это ультиматум!..

— Да-да, ваше высочество, я так и передам.

Через три дня, убедившись, что помохи ждать не откуда, больше никто не откликнулся на призыв вышвырнуть захватчиков из герцогства, из крепости выехал на великолепном белоснежном коне один-единственный человек, но сэр Бредли сказал зло:

— Это и есть их главная сволочь.

За моей спиной на этот раз вместе с моими лордами стоят виконт Карл-Антон Боллейн и барон Константин Хайгелорх, последний пробормотал с сожалением:

— Как жаль, что он с ними...

Всадник некоторое время стоял неподвижно, я ждал, что пустит коня рысью в нашу сторону, однако ворота приоткрылись, выехал еще один, конь почти так же хорош, под пурпурной попоной и со стальным налобником, уздечка украшена серебром, а сам всадник одет подчеркнуто богато, что должно говорить о его высоком статусе.

Мы все затихли и ждали, а они уже в лагере слезли с коней и дальше пошли пешком, а справа и слева двинулись наши настороженные воины, поглядывая, чтобы их ладони не приближались к рукоятям мечей.

Я рассматривал обоих внимательно, стараясь заранее угадать, чего от них ждать, чтобы сразу повернуть переговоры в нужное мне русло.

Тот, что одет богато, это граф Эйттель Гехинген, богатейший землевладелец в этих краях, в столице у него пять домов, настоящие дворцы, а рядом с ним, как подсказали мне тихонько ламбертинцы, барон Фердинанд фон Изенберг, известный турнирный боец, умелый воин, успевший поучаствовать во всех войнах этого региона.

Граф Гехинген идет тяжело, неспешно, тоже присматривается и старается держаться так, словно он здесь полный хозяин, а мы так, заблудились в этих краях.

Смотрит исподлобья, он и сам тяжелый, хотя не приземистый, рост средний, но выглядит слишком грузным, что, однако, придает властности движениям.

Барон Изенберг, что идет рядом, напротив, чуть задирает голову, чтобы смотреть на всех свысока, даже выпячивает нижнюю челюсть, ну это понятно, сам проходил, стройный и подтянутый, чисто выбритый, только небольшие усы задиристо торчат в стороны.

Он красивым движением, словно танцор, уверенно сбросил плащ на руки одному из опешивших воинов, однако я заметил в его лице некоторое смятение, хоть и тщательно скрытое. Все-таки я не только завоеватель, к которому можно относиться с высокомерным презрением родовитого вельможи, но и принц, а это повыше титула герцога, выше которого не было в Ламбертинии даже у самого Блекмора...

Оба остановились на принятом этикетом расстоянии, но кланяться не стали, смотрят прямо и бесстрашно.

Я помедлил точно отмеренное время, произнес ровно и холодно, ни на дюйм не наклонив голову:

— Лорды...

Оба произнесли довольно хмуро:

— Ваше высочество...

— Ваше высочество...

— Лорды, — сказал я, — не могу сказать, что счастлив видеть вас. Разумеется, я весьма вами недоволен.

Граф Гехинген произнес с вопросом в голосе:

— Ваше высочество?

— Сопротивление бесполезно, — отрезал я. — Вы могли убедиться, что помочь вам не будет. Вообще я полностью контролирую королевство... да-да, если вы еще не слышали, это отныне королевство!.. Мои войска перекрыли все дороги, и практически все замки и крепости открыты для моих войск!

Граф Гехинген ответил с достоинством:

— И все же, ваше высочество, мы чтим закон и повинуемся ему. Законный сюзерен герцогства Ламбертина — герцог Блекмор. И мы не признаем другого владельца.

Я произнес с гневом:

— Вы как будто не знаете, собрание лордов Ламбертина лишило герцога трона, как человека, ради личных прихотей ввергнувшего страну в пучину бед и несчастий.

Он ответил так же четко:

— Я не был на том собрании и не признаю его решение легитимным.

Я тяжело вздохнул.

— Хорошо, граф. Это тот случай, когда в какой-то мере оказываются правы обе стороны. Одна больше, другая меньше, но какая из них какая — тоже вопрос дискуссии. Обычно это решается так, как решаем мы. В бою. И кто победил, тот и прав... Вы с этим согласны?

Он пожевал губами, я заметил, что барон Изенберг поглядывает на него с иронией, наконец граф произнес угрюмо:

— Мы вынуждены покориться силе.

— Все ей покоряются, — произнес я назидательно, — именно так устроен мир. Вы готовы сложить оружие?

Граф кивнул.

— Мы прибыли, чтобы обсудить условия сдачи.

— Капитуляция, — отрезал я. — Полная и безоговорочная!.. На милость победителя.

Он охнул.

— Это жестоко!

— Да, — ответил я злобно. — А вы что, поиграть хотели?.. Не нравится — возвращайтесь в крепость. А я

гарантирую, что ни один человек не выйдет оттуда живым. Мне даже не понадобится перебрасывать сюда войско троллей... вы о нем слыхали?

Граф потемнел лицом, барон же, напротив, непонятно чему взвеселился, даже плечи раздвинул горделиво.

— Это жестоко, — сказал граф, — это бесчеловечно...

— Не бесчеловечнее, — отрезал я, — чем поднять мятеж, в котором уже погибли сотни человек, которые могли бы жить и расти детей! И было бы это ради защиты своих земель от армий Тьмы, так нет же — ради собственных амбиций!.. Верность, видите ли, своему сюзерену!.. Так и дрались бы сами, а за что погибли эти сотни человек, что устлали своими телами поле?.. Нет, граф, вот вам мое последнее слово: либо сдаесь без всяких условий на мою милость, либо все подожнете там до единого! Я сейчас же отдаю приказ никого в плен не брать, никого не щадить, даже если там женщины и дети!.. Это вы их убиваете, если даже в этих условиях собираетесь сражаться!.. Я все сказал!

Подтверждая свои слова, я отвернулся и, широко шагая, пошел в другую сторону лагеря.

Глава 14

Барон Хайгелорх догнал меня, запыхавшийся, лицо раскраснелось и сияет, глаза блестят довольствием.

— Сэр Бредли послал, — проговорил он, хватая широко раскрытым ртом воздух. — Ух... все получилось...

Я резко повернулся.

— Что сказали?

— Граф принял ваш ультиматум!.. Нагнали вы страху... Он возвращается в крепость, чтобы организовать сдачу.

Я переспросил:

— Граф? А тот уверенный в себе барон?

— Он уже сложил меч, — ответил он. — Никто не ожидал.

— Вернемся, — велел я.

Барон Изенберг отыскался в кругу моих лордов, среди которых и оба ламбертинца. Его расспрашивают, а он, судя по жестикуляции, отвечает свободно и раскованно.

Завидев меня, все умолкли и склонили головы. Я подошел ближе, требовательно взглянул на Изенберга.

— А теперь, барон, — сказал я, — скажите честно, почему вы приняли участие в мятеже?

Он посмотрел на меня без всякого страха.

— Ну... идеалы, верность сюзерену...

Виконт Боллейн сказал вежливо:

— Простите, барон, но граф Гехинген не ваш сюзерен.

— Тогда герцогу Блекмору, — ответил барон невозмутимо.

— У герцога в вассалах граф Ингерман, — сказал виконт придилично, — которому вы служите, но вассал его вассала не вассал герцога!

Все в ожидании смотрели на барона, тот ощущил, что попал в затруднительное положение, подумал и махнул рукой, улыбнувшись всем, и мне в том числе, простодушно и чисто, как ребенок или идиот.

— Да получилось, что я уже год ни с кем не дрался!.. Ну, турнир не в счет. А тут как раз подвернулось...

Все смотрят снова на меня, я буркнул:

— И если бы сэр Бредли подвернулся раньше, вы бы дрались на его стороне? С вами все ясно, барон. Подберите свой меч, у нас вам придется драться столько, что скоро сами запроситесь к белошвейкам и воз-

желаете лучше вышивать крестиком, чем махать мечом!

Я осматривал лагерь, сзади подошел барон Бредли, собранный и сосредоточенный, произнес негромко:

— Для вас сооружают трон.

— Трон? — удивился я. — Зачем?

Он чуть дернулся щекой.

— Сейчас откроют ворота, защитники крепости выйдут со склоненными знаменами и... пусть увидят вас во всем грозном величии. Это тоже... помогает.

Я буркнул:

— Помогает. Постарайтесь как следует выстругать доски на сиденье.

Через полчаса я уже сидел на этом наскоро сколоченном троне, властный и надменный, олицетворяя силу и жестокость, раз уж эти люди признают только эти прекрасные и такие необходимые для жизни качества человека, смотрел, как выходят из ворот и бросают оружие в кучу справа от дороги.

Простых воинов и крестьян, что явились на призыв своих лордов, я велел отпустить, чему никто из них даже не поверил сразу. Их погнали пинками и толчками тупых концов копий. Некоторые, отойдя на безопасное расстояние, пустились бегом, побаиваясь, что тут передумают и догонят.

Остальных тщательно сортировали: благородных рыцарей, что по вассальной присяге явились на зов своих лордов, я велел тоже отпустить, не взяв с них даже штрафа, а пятерых зачинщиков и руководителей мятежа велел сразу же заковать в цепи, бросить в телегу и отвезти в крепость.

Один из них, кажется, сэр Гардамер, крикнул издевательски:

— Ваше высочество, я читал вашу Хартию! Там сказано, что никого нельзя будет без суда...

Я сказал резко:

— Вы прочли все верно. Но сейчас старые суды я отменил, а новые еще не вступили в силу. Подождите, может быть, не обрадуетесь новым законам!

Он захохотал, но не один я услышал лишь глупую браваду. Мятежники потерпели поражение все-таки потому, что их почти никто не поддержал, и это удручет больше всего.

Мятеж провалился, потому что я успел сделать кое-какие упреждающие шаги: части лордов польстило, что герцогство становится королевством, уже пронеслась весть, что лорд Джонатан Гилфорд будет герцогом, а это значит, что и другие могут вырасти в титулах, вон вроде бы титул герцога обещан еще и графу Дэниэлу Чарльзу, первому предложившему отстранить Блекмора от власти, часть феодалов предпочли сперва присмотреться к новому владельцу, а уже потом сказать свое веское слово и решить насчет возможного мятежа...

Я слез с трона, с сиденьем в порядке, задницу не занозил, хотя все сооружение пошатывается и скрипит.

— Прекрасно, барон, — сказал я, — вы справились блестяще.

— Ваше высочество!

— Без протестов, — перебил я, — мне удалось попасть только на конец представления, вы все сделали сами. Заканчивайте умиротворение, а затем — в Истанвил. Заодно в главном тронном зале удостоим вас титулом графа, а также навалим что-нить потруднее, чтобы спина затрещала...

Он охнул:

— Еще?

— А как же, — ответил я бодро, — думаете, у меня не трещит?.. Все, идите собирайте трофеи. Рыцарям

мечи вернуть, а все остальное рассортировать на предмет готовности к употреблению...

Когда я остался один, весь уже в Истанвиле, пальцы как будто сами по себе коснулись браслета Иедумэля, он же браслет Гонца. Оба кольца настолько тщательно подогнаны друг с другу, что ни за что не догадаешься, что это не одно, а если и одно, то разрезано вдоль на две части, что легко скользят относительно одна другой.

Задержав дыхание, я начал медленно двигать, вроде бы шуршит или даже пощелкивает, но это может быть и в моей дурной голове, у меня всегда так, когда волнуюсь, в ушах вообще кровь шумит, как водопады Ниагары...

Перед глазами помутилось, деревья и листва потеряли четкость, я попробовал мотнуть головой, но теперь появилось еще изображение, такой же лес, только деревья повыше, здоровее и какие-то радостные, что ли, хотя деревья и не могут быть радостными, но все-таки там светлый мир...

Я всматривался жадно, наконец узнал, это же главная поляна Эльфийского Леса, вот там дальше начинаются домики, где Гелионтэль и ее сестры...

Мои пальцы поспешили сдвинули кольцо, изображение задрожало и пропало, снова вижу все резко и четко, но только на пару секунд, и снова все померкло, я смутно увидел каменную стену, что-то вроде гобелена, горящий светильник, все мутно и не в фокусе, но это и неважно, главное, что узнал покой герцога Блекмора, которые я занял по праву победителя.

— Вот сюда-то мне и надо...

Я снова набрал в грудь воздуха: кто знает, как меня пронесет через пространство, в это время сквозь призрачную каменную стену просунулась громадная чер-

ная голова с торчащими ушами и посмотрела на меня с недоумением в больших коричневых глазах.

Воздух вырвался из моей груди с шумом.

— Ты прав, — сказал я виновато, — я свинья... Как мог вообще о таком даже помыслить?

Он подошел и лизнул меня в руку, дескать, прощает мою человеческую рассеянность и забывчивость, хотя вообще-то как мог забыть о них с тем копытным, не-понятно!

— Пойдем к Зайчику, — сказал я. — Если он нас не побьет, то сейчас помчимся в Истанвил. Ты уже провел тут все кухни? Ну и как там?

Он завилял хвостом и оскалил пасть, поясняя, что да, все просто великолепно, вот только я что-то...

— Прости, — сказал я, — что-то заработался. Начинаю забывать простые вещи, я же не государь для вас, морды вы мои!.. Как же могу перенестись в Истанвил, а вас заставить догонять меня одних?

Зайчик радостно заржал и побежал навстречу, с треском опрокинув нечаянно придорожный камень, вкопанный сотни лет назад и простоявший там все это время.

Воины ошалело смотрели на вывернутую гору земли, основание камня уже обросло мхом и пустило корни. Во все стороны разбегаются целыми семействами уховертки, жуки, сороконожки, сколопендры, червяки и толстые белые личинки майских жуков...

Я поднялся в седло, Бобик сразу ринулся в сторону юга, но оглянулся с вопросом в коричневых глазах: я угадал?

— Абсолютно, — подтвердил я. — Все вы понимаете, мои замечательные морды.

Бобик стелется над землей длиннющими прыжками, Зайчик старается догнать, я в азарте решил срезать дорогу, здесь она делает довольно большой зигзаг, обходя гряду небольших, но непроходимых для армии

гор, хотя вполне доступных для охотников, искателей и прочего люда вроде нас.

Воздух сразу стал суще и острее, даже запершило в горле, словно мы поднялись на бог весть какую высоту, везде торчащие из каменистой земли пики цельного гранита, дальше в углублении появились, промелькнули и остались позади сложенные из грубого необтесанного песчаника даже не дома, а хижины. Некоторые вообще просто расщелины в каменных стенах, лишь чуть обрамленные грубыми глыбами.

Мы то и дело пересекали быстрые горные ручьи, что не текут, а прыгают сверху с камня на камень, часто вообще срываются каскадами водопадов, и мир здесь дик, первозданен, нетронут, словно и все войны магов проходили мимо.

Бобик впереди остановился, шерсть на загривке поднялась, а когда мы догнали и поравнялись с ним, впереди на тропу вышел исполинский огр. Звериные шкуры свисают от плеча до колен, в горах холодно, на плече огромная дубина из цельного дуба, только корни обломаны, а сверху покойится еще и туша громадного горного барана.

Он зарычал и начал снимать с плеча свою палицу.

Я крикнул:

— Эй ты, лохматый!.. Эта дорога выводит в долину или лучше ехать вон той, что дальше?

Он продолжал рычать, но все тише, наконец я услышал хриплый рев:

— Ближе... там внизу болото... дальше — ровно и твердо...

— Спасибо! — крикнул я. — Удачной охоты!

Я пустил Зайчика вперед, проходя совсем близко от этого свирепого гиганта, и хотя внутри все сжалось — а вдруг эта живая гора шарахнет со всей дури дубиной, ею можно носорогов бить, как мух, — но старался даже

улыбаться, политика приучила, и так благополучно проехали мимо, а когда уже отдалились на несколько ярдов, в спину донес рев:

— И вам троим тоже...

Даже вежливый, мелькнуло в голове. Хотя это обязательное условие выживания. Невежливые истребляются всегда, и хотя в каждом поколении рождаются новые невежи, но их все меньше и меньше. Генетический отбор идет медленно, Господь не спешит, у него впереди вечность, но все же мир меняется к лучшему.

Глава 15

Истанвил ожила, раньше мои воины были на каждом углу, а теперь как-то исчезли, но не потому, что исчезли в самом деле: местный народ постоянно уже безбоязненно толчится на улицах, обсуждая новости и мою Хартию, и воины просто потерялись в этой массе.

Во дворе конюхи радостно бросились навстречу, Бобик для проформы гавкнул на них и ринулся в распахнутые двери главного здания.

Я отсутствовал всего неделю, а за это время на аллеях появились прогуливающиеся дамы и вельможи, которых я вроде бы не приглашал ко двору, как-то сами пригласились. Или же это работа Альбрехта, он утверждает, что в этом мельтешении придворных имеется некий потаенный и нужный для государства смысл.

Все разворачиваются в мою сторону и почтительно замирают в поклонах. Держатся, однако, с достоинством, все-таки это Альбрехт пригласил, судя по их поведению, а не сами вломились.

У главного входа по обе стороны строго смотрят крепкие парни в настоящих рыцарских доспехах, хотя вряд ли это рыцари, сторожить — работа не для благородного сословия, зато когда я вошел в просторный

холл, сразу заметил отличие: в прошлый раз здесь стражу несли воины из отряда Бальдфаста Бредли, а сейчас их то ли заменили, то ли просто переодели в крикливо-парадную одежду дворцовой гвардии: в красное с черным, множеством золотого шитья и в вычурные шляпы с перьями.

Даже копья, покрашенные в пурпурный цвет, выглядят не столько оружием, как чем-то красочно-церемонным, хотя вижу, что это настоящие, боевые, а острия заточены, как бритвы.

В главном зале и прочих тоже стража словно бы исчезла, хотя на самом деле вместо доспехов теперь у них яркие камзолы, а то и вовсе камзолы поверх кирас.

Все почтительно поворачиваются в мою сторону и застывают в поклонах, мол, признают меня верховным лордом, который держит власть в крепко сжатом кулаке.

Я бодро взбежал на второй этаж, здесь уже стража, отобранная лично мною, ближе всех к лестнице стоит Айсватер, затем Хрут и неразлучный с ним Ульман...

Я спросил тревожно:

— Как с Динальдом?

Айсватер ответил мирно:

— Спасибо, ваше высочество, мы не жалуемся.

Я спросил настороженно:

— А что случилось?

Он чуть пошевелил плечами.

— Да так... Он так маскируется под стену, что идешь мимо и не видишь, а он сзади ка-а-ак гавкнет!.. Ну а мы и так все время настороже...

— Понятно, — сказал я с удовлетворением, — осваивается парень. Хорошо. Где он сейчас?

— Возле ваших дверей, — сообщил Айсватер. — С Переальдом.

Я кивнул, пошел дальше. Переальда увидел издали,

Динальда нет и близко, пока не присмотрелся лучше, уже предупрежденный, заметил, что рисунок кладки каменной стены в одном месте не совпадает, я кивнул Переальду, а в сторону Динальда сказал бодро:

— Прекрасная маскировка, Динальд!

Он медленно стал видимым, но проговорил еще из пустоты:

— Спасибо, ваше высочество. Как вы увидели?

— Государь все должен видеть, — ответил я, — и даже замечать. А ты хороши, хороши...

Сейчас он весь в чешуйчатой броне, даже лицо, хотя оно все-таки не в чешуе, а как бы из одинаковых таких прямоугольных чешуек, что не внахлест, как везде по телу, а плотно встык, а когда он улыбается или гримасничает, кожа или что там вместо нее растягивается, и между чешуйками можно рассмотреть нечто зеленое, в то время как чешуйки практически серые.

Гримасничать ему трудно, можно только на растяжение, но растяжение в одном месте обычно вызывает сжатие в другом, так что обычно его лицо выглядит застывшим, как бронзовая маска.

— Мы сделаем все, — сказал я, — чтобы отыскать, как это сделано и как можно этому дать обратный ход.

Он сказал смущенно:

— Ваше высочество... надо ли вам этим заниматься? Это наша работа и наш долг. Кто-то погибает, кто-то остается увечным, а я вот отдался всего лишь чешуйей. Не стоит вам такой мелочью забивать голову...

Я хлопнул его по плечу.

— А я и не забиваю, ишь, размечтался!.. Но всем алхимикам велел искать способ, чтобы нашли метод обратного хода. Это не только для тебя, не задирай нос, а для нужд народного хозяйства. Вдруг еще применят как оружие массового поражения? И все станут ящерами? Противоядие нужно искать и готовить заранее.

Он вздохнул, но заметно успокоился, что не нарушает работу ни лорду, ни вообще канцелярии.

Я вошел в свои покой, и тут же из кресла выметнулась эльфийка и бросилась на шею.

Я погладил по голове, спине, почесал за ушами.

— Малышка, ты ничего, кроме этого кресла, не освоила? Смотри, их десяток! А какой диван...

Она ухитрилась помотать головой, прижавшись щекой к моей груди.

— Не... хо...чу...

Я огляделся по сторонам.

— А где твои фрейлины?

Она буркнула, надувая губы:

— В моей комнате.

— А ты чего в моей?

— Я от них прячусь, — сообщила она.

— Здорово, — протянул я пораженно, — ну даешь, принцесса... Понимаешь, белочка, быть принцессой — это не только удовольствие, но и работа. Причем работы куда больше, чем удовольствия. Пойдем, я тебя отведу к ним.

К моему удивлению, она сказала без колебаний:

— Пойдем.

В ее комнате, что не комната, а целые апартаменты с отдельно расположенной роскошнейшей спальней, будуаром, только называется как-то иначе, ванной и приемным залом, фрейлины во что-то играют весело и с визгом, но едва открылась дверь, все вскочили и присели в глубоком поклоне.

Платья у всех приличные, в том смысле, что мне смотреть особенно не на что, вырезы начинаются от горла, я могу только фантазировать, глядя на выпуклости, это не роскошное и почти раскрепощенное Сен-Мари, скорее бы туда...

— Леди, — сказал я благожелательно, а как еще раз-

говаривать с женщинами, — принцесса Лалаэль, насытившись моей учтивой беседой, изволила вернуться в свои покои. Обучите ее, во что с таким азартом играете, а я потом подумаю, наградить вас или поотрубывать головы.

Когда я вышел в коридор, со стороны лестницы торопливо поднимался Меганвэйл. Завидев меня, сразу преклонил колено, я сказал коротко:

— Герцог?

— Ваше высочество?

— Пойдемте в кабинет, — сказал я. — У вас какое-то лицо... серьезное.

Он прошел за мной молча, и даже когда я закрыл за нами дверь и указал ему на кресло, поклонился и остался ждать, пока сяду я сам.

— Итак, герцог, — сказал я, — выкладывайте, что успели натворить и что только собирались. Я уже слышал, что в мое отсутствие в Геннегау и Савуази на столе голыми пляшут, но здесь, думаю, ввиду военного времени пока обходитесь без этого необходимого для демократического общества ритуала...

Он даже не улыбнулся, ответил очень серьезно:

— Да, ваше высочество, как-то обходимся. Тем более что сразу после вашего отбытия на подавление мятежников Ее Величество королева Мезины Ротильда Дрогонская...

Я поморщился, прервал:

— Она уже не королева! Давно. Продолжайте, герцог.

Он чуть запнулся, что-то лицо у него в самом деле странное, словно сильнейшее беспокойство борется с затаенной радостью.

— Ваше высочество, — проговорил он наконец, — леди Ротильда изволила отбыть в неизвестном направлении...

Я охнул:

— Что? И от нас сбежала?

Он развел руками.

— Увы. С ней отбыли и граф Меркель, ее слуги...

Я узнал поздно, все было проделано под покровом ночи. Я тут же послал на поиски лучших разведчиков...

— И что?

Он вздохнул.

— Безрезультатно.

— Безрезультатно, — пробормотал я. — Еще бы...

Думаю, она так всех достала непомерными требованиями, что все только обрадовались, когда сбежала.

Думаю, особенно и не искали.

Он вскрикнул обиженно:

— Ваше высочество!

Я отмахнулся.

— Это не про вас, а про тех, кто искал. Могли сделать вид, что не заметили даже отчетливые следы...

Впрочем, особенно ломать голову не придется. Я догадываюсь, куда направилась эта сумасшедшая... Только бы не разыгрывала мою карту!

— Ваше высочество?

Я пояснил со злостью:

— Начнет везде трепать языком, что она — моя супруга, а я за нее кого угодно порву, как Бобик тряпочку!

Найдутся идиоты, что поверят...

Он буркнул обеспокоенно:

— Это точно. Идиотов много.

Я стиснул челюсти, стараясь ухватить какую-то правильную мысль, а то их слишком много и все правильнее правильных, одни скакуны, пристрелить бы половину, чтобы остальные притихли... Инстинкт подсказывает, что нужно махнуть рукой и забыть: баба с воза — кобыле отдых, но человек существование сложное,

руководствуется не умом или инстинктами, а чаще всего глупостью.

— Дорогой герцог, — сказал я, — еще раз пошлите на ее розыски лучших следопытов. Кто отыщет, пусть немедленно призовет конную стражу и вернет ее. Если придется, то связанную и с кляпом во рту.

Он ответил с сочувствием:

— Шансов мало.

— Знаю, — огрызнулся я. — Но если она успеет добраться до Мезины... я даже не знаю, как реагировать!

Он вздохнул и развел руками.

— Ваше высочество, не смотрите на меня так. Я тоже не знаю. Я старше только по возрасту, но не по опыту в... таких делах.

— Ну спасибо, — сказал я едко. — Хорошо, герцог, пока отдохните и наберитесь сил, ибо скоро они вам все понадобятся... Да, и по дороге там пошлите ко мне Бальдфаста Бредли. Если, конечно, он уже прибыл.

— А он мог успеть?

Я потер ладонью лоб.

— Нет, я же гнал сюда на полной скорости. Но иногда мне кажется, что ему удается передвигаться даже быстрее меня.

Он восхитился шокированно:

— Ваше высочество!

— А если он прибыл, — закончил я, — то, будучи человеком исполнительным, не пойдет развлекаться, а станет терпеливо ждать вызова в приемном зале.

— Хорошо, — сказал он с сомнением, — поишу.

Часть третья

Глава 1

Альбрехт вошел с достоинством человека, умудренного опытом и знающего себе цену, вежливо поклонился мне и чуть глубже и с явным удовольствием — прекрасной эльфийке, а она, к моему удивлению, улыбнулась ему и подала руку для поцелуя, к которой он и припал, как мотылек к наполненному нектаром цветку.

— Граф, — сказал я сварливо, — не увлекайтесь. Я знаю, что у бабочек так бывает, но принцесса этого может не знать.

— Как поэтично, — воскликнул он, — и у бабочек такое бывает... Это нужно увековечить!

— Уже увековечено, — буркнул я. — Признайтесь, граф, как положение дел в нашем королевстве? В общих чертах?

Он коротко усмехнулся.

— Ваша показная жестокость, ваше блестящее высочество, и готовность казнить по любому поводу припугнули все живое в герцогстве. Думаю, даже и неживое.

— Прекрасно, прекрасно...

— Выжидают, — сообщил он. — Выжидают и усиленно советуются, как поступить и в каких ситуациях...

— ...давая нам необходимое время для реформ, — закончил я. — Прекрасно, на это я и рассчитывал. А когда придумают, как действо-

вать, будет уже поздно. Да, эту операцию можно считать удачной. Даже очень удачной. Лишь бы... тьфу-тьфу, ничего не случилось неожиданного.

Он сказал вежливо:

— Не поверю, что ваше высочество не держит на этот случай в рукаве запасной план. Говорят, вы туда умеете спрятать даже лошадь, чтобы выигрывать на скачках.

— Всего не предусмотришь, — сказал я. — Потому может случиться всякое. И вам надо быть настороже, чтобы заранее, по малейшим признакам...

Он уловил горечь в моих словах и переспросил вежливо:

— Ваше высочество?

— Как вы уже знаете, — пояснил я со сдержанной злостью, — Ротильда Дрогонская с группой своих сторонников выехала в сторону Мезины!.. Конечно, доберется она туда не сразу, надо пересечь два королевства...

Он понял недосказанное, договорил:

— Однако и Шателлен, и Турнедо в том месте лежат узкими полосками. Она достигнет Мезины, если ее не остановят местные лорды, довольно скоро.

Я кивнул.

— Не остановят. Если не сумели задержать, когда она мчалась сюда из Мезины...

— Прибудет туда где-то через неделю?

— Даже чуть раньше, — сказал мрачно. — У них хорошие кони, а когда те устанут, она не поскучится купить новых.

— Ваше высочество?

Я сказал с горечью и растущей злостью:

— Это значит, что мне придется мчаться следом, чтобы остановить ее! Но когда остановлю, что делать с нею? Держать под замком? Бросить в темницу, как по-

ступил герцог? Кажется, я начинаю понимать, зачем он это сделал...

— Ваше высочество?

— Это была его самозащита, — пояснил я с иронией. — Боюсь, если Ротильда попытается поднять какую-то смуту в Мезине, ее либо убьют... что для меня хоть и весьма оскорбительно, зато гора с плеч, либо бросят в тюрьму, а это дежавю... не хотелось бы повторяться с освобождением, ах-ах, жены!

Он поклонился, а когда поднял голову, взгляд был прям и тверд, а веселость словно сдуло с лица.

— Ричард, — сказал он просто, — боюсь, придется взять с собой и армию.

— С какой стати?

— Ротильда Дрогонская, — проговорил он, тщательно выговаривая ее прозвище, — позвольте напомнить, выехала сразу же, как только вы отправились усмирять мятежников.

Я переспросил:

— Неделю тому?

— Да, ваше высочество, как я уже сказал.

Я стиснул челюсти.

— Эта самоуверенная дура в самом деле уже могла пересечь границу Мезины! Гнаться за нею бесполезно. Но... что тогда?

Он дипломатично промолчал. Мало ли как муж может назвать жену в порыве гнева, но поддакнуть ему в этот момент весьма чревато даже для близких друзей.

Я походил взад-вперед по комнате — ничего не лезет в голову, напротив, полная сумятица. Говорят, это от великого ума, когда слишком большие возможности и ресурсы памяти, гений никак не может сосредоточиться, в то время как человек простой и ограниченный сразу соображает, что надо делать.

А так как я, разумеется, гений, то мысли мои расте-

каются по всей вселенной и никак не отыщут нужную щелочку.

— Ладно, — решил я наконец, — я попробую ее догнать...

Он тяжело вздохнул:

— Я пойду отдавать распоряжения, ваше высочество. Вы должны выступить во главе большой армии.

— Еще чего недоставало! — воскликнул я зло.

Он сказал настойчиво:

— Подумайте, ваше высочество.

Поклонившись, вышел, даже не дожидаясь моего ответа.

Я стиснул челюсти. Он прав, это свойство его возраста — оценивать все более трезво и менее радужно. То, что я чаще всего понимаю лучше других, как надо и что делать, заслуга обычно не моя, а, дескать, «старые книги читал», а когда вот такие ситуации, то да, даже Растер может оказаться умнее.

В кабинете появлялись то один из военачальников, то другой, все уже знают о проблеме, наперебой предлагают броситься вслед за Ротильдой и «восстановить справедливость», что означает, по их мнению, непременное свержение с трона лорда Голдвина. Насчет возвращения его Ротильде никто даже не заикается, тут смущенное молчание, не отдавать же в самом деле трон женщине?

Правильное решение для большинства в том, чтобы выдать Ротильду замуж. Таким образом она останется королевой при живом и правящем короле. И пусть тот будет тоже гулякой и заядлым охотником, а править королевством будет она, это уже неважно, если на троне мужчина.

Я вызвал наконец Меганвэйла. Он явился немедленно, я спросил с порога:

— Ну как, наотдыхались?.. У нас всегда так, герцог. Не успеешь «мама» сказать, как снова запрягут.

Он скромно улыбнулся.

— Ваше высочество, так это же прекрасно! Вы не представляете, как это отвратительно, когда заканчиваются боевые действия и ты гниешь потихоньку в своем поместье, никому не нужный...

— Здесь будете нужны всегда, — сказал я с угрозой. — Особенно в мирное время. Наплачетесь.

— Да никогда в жизни! Мужчины созданы для работы.

Я посмотрел на него с интересом.

— Послушали бы вас те, кто уверен, что мужчины существуют совсем для иного. Словом, герцог, вы знаете лучше меня, что война начинается вовсе не тогда, когда сходятся в бою армии. Война начинается... ну, скажем, с модернизации обоза. Мало кто знает его великое значение, будто войско вообще в состоянии просуществовать без него хотя бы неделю.

Он слушал очень внимательно, как всегда делает, а я растолковывал прописные истины человеку, который знает лучше меня великое значение обоза для армии. Мир хоть и медленно, но совершенствуется, а начинается прогресс обычно с реформ в армии.

— Граф Антуан Стоункрос, — сказал я после этого необходимого предисловия, — лорд Камберлендский. Запомните. Он является создателем весьма совершенных повозок на ременных рессорах. Больше всего, конечно, оценят дамы и вельможи, что лишены счастья ездить верхом, но и для обоза в его изобретениях много ценного. Посмотрите хорошенько и разместите у него оборонный заказ, чтобы покрыл нужды нашей растущей армии.

Меганвэйл пробормотал:

— Он ламбертинец... Это ничего?

— Для изобретателей границы королевств слишком тесные, — заметил я. — Он работает на прогресс. А когда появится возможность снабжать своими разнообразными повозками нашу огромную армию...

— Будет наш с потрохами?

— Точно, — сказал я.

— Хорошо, ваше высочество, — сказал он. — Все сделаю. Вы совершенно правы, обозы в любой армии — самое слабое место... Ваше высочество?

— Герцог, — ответил я.

Он вышел, я прислушивался к его уверенному шагу, а мысли сами по себе вернулись к Ротильде. Хрень какая, угораздило же, ну почему мы такие умные при заключении сложнейших международных договоров и такие идиоты, когда дело касается женщин?

Мелькнула запоздалая идея попытаться догнать ее в облике птеродактиля. А там уже видно будет, как поступить. Главное, не дать войти в Мезину и быть обнаженной местными... Наверное, многие захотят заработать награду, повязав ее и выдав лорду Голдину.

Нет, поздновато гнаться даже на крыльях...

Я приоткрыл дверь, Переальд сразу шагнул ближе, я сказал неохотно:

— От меня только что вышел Меганвэйл... Верни его.

Он сказал быстро:

— Под конвоем?

— Без шуток, — сказал я и закрыл дверь.

Меганвэйл почти вбежал, лицо встревоженное, быстро склонил голову.

— Герцог, — сказал я.

— Ваше высочество?

— Герцог, — сказал я, пряча улыбку, — как я понял, вы не только успели наотдыхаться после возвращения с театра военных действий, но и переговорили с гра-

фом Антуаном Стоункросом и утрясли все вопросы по переходу нашего обоза на телеги нового образца?

Он пробормотал в недоумении:

— Ваше высочество... нет...

— Какой же вы медлительный, герцог, — сказал я с укором. — Ну да ладно, я хотел сообщить новость, вдруг не знаете, что положение наших войск весьма неоднозначное. Ламбертиния захвачена полностью, а королевству Вендовер нанесен сильнейший удар...

Он ответил с поклоном:

— Совершенно верно, ваше высочество! И как только вы узнали? Удар просто сотрясающий.

— Однако, — продолжил я, — правитель Ламбертинии сейчас скрывается у короля Вендовера. Он не подписал с нами мира.

— Но вынужден был отдать леди Ротильду, — сообщил он гордо. — Его, можно сказать, тряхнуло.

— Это не он, — возразил я. — Это король Буркхарт, спасая свою страну от военного поражения, выдал Ротильду. Однако, главное, герцога он не выдал, а тот будет сколачивать союзы против нас.

Он смотрел на меня очень внимательно.

— Значит...

— Вы правы, — сказал я, — значит, здесь останется наше войско, чтобы не дать ему вернуться и собрать большую армию для войны с нами.

— Ваше высочество...

— И снова вы все поняли, — сказал я пораженно. — Вы очень проницательный человек, герцог! Не случайно вас так ценил покойный король Фальстронг!

Он польщенно улыбнулся.

— Спасибо, ваше высочество...

— Как вы уже поняли, — продолжил я, — никому я не могу поручить эту важнейшую и ответственную задачу, как вам, дорогой друг!.. Вы возглавите ограни-

ченный контингент войск, который останется в Ламбертинии для помощи братскому ламбертинскому народу в его строительстве светлого будущего в отдельно взятой стране, но для всего человечества. И если герцог попытается вернуться, то, сколько бы с ним ни было сил, у вас в любом случае преимущество в коннице и пехоте, так что наш мирный ламбертинский пахарь сумеет дать сокрушительный отпор.

Он растерянно хлопал глазами, в самом деле проницательный, да, сразу все понял, а как же, наконец промямлил:

— Но как же...

— Возвращение в Варт Генц? — договорил я. — Считайте, что это Варт Генц в вашем мужественном облике дотянулся сюда. Варт Генц обрастает мускулами, его слава и величие будет выше, чем при Фальстронге! Разве не при моем, скажем прямо, подстрекательстве войска Варт Генца впервые после трехсотлетнего затворничества вторглись в Турнедо?.. И благодаря этому отхватили немалый кусок чужих земель?.. А теперь, дорогой друг, над здешними крепостями будет разеваться гордое знамя непобедимого и познавшего Варт Генца!

Голос мой гремел, Меганвэйл выпрямился, глаза засияли божественным огнем.

— Ваше высочество!

Голос его прозвучал, как боевая труба, зовущая на штурм крепости.

— Вы все поняли верно, — сказал я тепло. — Горжусь вами, герцог! Вы настоящий сын Варт Генца.

— Спасибо, ваше высочество!

— Идите, — сказал я в напутствие, — и дайте волю своему стратегическому таланту организатора по укреплению Ламбертинии и возвышению ее мирной оборонной мощи и наращиванию ударных группировок!..

В Мезине я должен твердо знать, что здесь все спокойно. Используйте на полную энергию Ханкбека и прочих племенных вождей... Разумеется, снабжение армейского обоза усовершенствованными телегами тоже с вас никто не снимает. Поздравляю, герцог!

Глава 2

Вообще-то мое присутствие в Истанвиле в любом случае остается заметным, здесь я во плоти или нет. Во-первых, громадный дворец герцога теперь считается моим, на всех башнях мои флаги, даже слишком. Хрутт перестарался, чуть ли не на курятниках поднимает, но с другой стороны — здесь все так делают.

Кроме того, я всякий раз буду оставлять на правах хозяйки Лалаэль, сообщив всем таинственно, что это принцесса из дальнего и могущественного племени эльфов, с которыми у меня союз. Сейчас они готовят эльфийскую армию, что вскоре вольется в наши ряды, как вон в отряде сэра Растера отважно сражаются тролли.

Эльфийка снова, покинув фрейлин, самозабвенно роется в книгах. На меня вскинула сияющие счастьем глаза, ну да, у нас столько книг, сколько память ни у одного эльфа не вместит.

— Ага, — сказал я злорадно, — наконец-то оценила?

— Да ерунда всякая непонятная, — сообщила она, — но все равно интересно. Какие же вы все-таки дикие!

— Кто бы говорил, — пробормотал я.

— Мы не дикие!

Я взял ее за уши, притянул к себе и отечески чмокнул в лобик. Она удивленно захлопала глазами.

— Ты чего?

— Снова приходится отлучиться, — сказал виновато. — На этот раз в эту чертову Мезину! Раз уж сдуру допустил, чтобы заварили кашу, то мне ее и расхлебывать.

Она в ужасе уцепилась в меня, повисла, как обезьяна на пальме.

— Не бросай меня!

— С ума сошла? — спросил я. — На свете не найти такого идиота, который бы бросил тебя. А ты здесь остаешься... можно сказать, полновесной королевой! Нежужели тебе не понравилось?

Она завизжала:

— Я не королева!.. Я не хочу быть королевой! Да еще полновесной!

Я напомнил строго:

— Ты — дочь Верховной Жрицы. Так что веди себя соответственно. Задирай нос повыше и учись смотреть на всех свысока. Хотя при твоем росте это трудно, но... надо. Закажи себе каблуки повыше. Котурны, а то и ходульки.

Она спрятала мордочку на моей груди, зажмурилась и визжала, не слушая меня:

— Не хочу, не буду, не стану!

Я вздохнул.

— Ну ладно, что делать... Придется тебя отправить назад и взять Махмуда.

— Мухтаэля!

— Ах да, верно. И хотя твой брат Мухтар еще трусивее, но как мужчине ему придется...

Она перестала причитать, подняла мордочку и посмотрела на меня прекрасными зареванными глазами.

— Его это вообще убьет!..

— Что делать, — сказал я, — это наша мужская доля. Убивать и быть убитыми. Больше нам заняться, как

уверен в меру просвещенный мир, больше и нечем. Да и незачем.

Она вскрикнула, глаза стали дикими.

— Нет!.. Ни за что!.. Лучше я останусь мучиться.

— Вот и прекрасно, — сказал я и, отодрав ее от себя, как прекрасный, но прилипчивый репей, поставил на задние лапки и добавил строго: — Будешь мучиться, как все мы мучимся, едва появляемся на свет Божий. К тому же... так мучиться, как предстоит тебе, восхотели бы все женщины мира! Думаю, и большинство эльфиков не отказались бы, если бы поняли...

Она вспыхнула:

— Что... поняли бы?

— Что ты здесь самое нежное, оберегаемое и поклоняемое существо, — рыкнул я, показывая, что я вот гневаюсь просто ужасно. — Поклоняемое, это тебе поклоняются, ушастенькая!.. Многие ли могут похвастаться, что у них во главе королевства — эльфийка?.. Да-да, мне плевать на предсказания, я это герцогство объявила королевством, не слышала?

Она вытаращила и без того огромнейшие глазищи.

— А разве такое возможно?

— А почему нет?

— Ну... традиции... законы... обычаи... установления...

— А-а-а, — сказал я понимающе, — вот в чем ваш секрет!.. В незыбломости. Что ж, у нас все как раз зыблально. Весьма. Зыбломость — залог прогресса, гуманизма и либеральных базовых ценностей. Потому я и обещаю тебе, что скоро вернусь!.. Как обычно, скромно и с победой... Погоди, надо отдать кое-какие распоряжения.

Я выглянул в коридор, прямо перед дверью Айсвартер застыл, глядя невидящим взглядом вдаль. Йомильд

поводил перед его лицом ладонью, но Асиватер даже не моргнул, а лицо его оставалось застывшим.

Ульман сказал мне шепотом:

— Он сейчас смотрит через чьи-то глаза.

— А-а, — сказал Йомильд и показал Айсватеру фигу, но тот все так же смотрел в пространство застывшим взором.

Удовлетворенный Йомильд показал ему две фиги, но больше ничего придумать не сумел, кроме как показать те же фиги еще и через локти.

Я спросил так же тихонько:

— Через глаза людей?

Он покачал головой.

— Нет, можно только через глаза животных. Они не понимают и... не могут противиться. Он уже вчера смотрел через глаза ворон, что над дворцом летали. Говорит, сверху виднее, где напасть удобнее...

Команда у меня на редкость: Хрурт умеет внушать спящему человеку нужные желания и мысли, Йомильд чувствует, когда кто-то готов совершить любого рода нападение, у сэра Герцлера дивный меч, что днем простой клинок, а ночью дает света больше, чем костер, у Паланта сапоги, в которых по любому болоту, аки по суху, теперь вот еще Динальд прибавился с его возможностью абсолютной мимикрии, да и сам я обвешан кольцами и амулетами, но беда в том, что никто из них не в состоянии передвигаться с моей скоростью, а ждать их... не всегда позволяет ситуация.

— Позовите Альбрехта, — сказал я, — и... ну, кто из наших лордов поблизости. Ничего особенного...

Переальд сразу же мотнул головой слугам, что стоят под стеной и внимательно слушают, вообще-то мне можно бы напрямую им, уже не в военном лагере...

Слуги тотчас же ринулись к лестнице, я вернулся в покой, там из кресла, от постели, книг и карт, даже от

медной чаши, которой давно не касались руки, поднимаются цветные струи. Это значит расслабился, а зрительный спектр чуть сдвинулся в сторону запахового, но только чуть, когда смотрю глазами, но и запахи перекодируются в такое вот сказочное зрелище, когда вижу несколько размытых образов Лалаэль: в кресле, у стола с книгами, особенно явственный у окна...

Донесся ее тихий голосок:

— Ты чего?

Я обернулся, подгреб ее, прижав так, что вспикнула.

— Скучаешь?.. Только твое племя на севере, а это окно смотрит на юг. Ничего, скоро все наладим!

— Что наладишь? Повернешь юг?

— Все повернем, — ответил я. — Ну, до чего дотянемся, а руки у нас длинные. Сможешь скакать в свое племя и обратно. Только нужно сюда доставить еще одного эльфа. Любые проблемы решаются, ушастик!

Лорды сошлись в кабинет, я велел всем сесть, мы же не на виду, где надо на публику, здесь свои, все члены одного рыцарского братства, в общем, садитесь и вспоминайте, где у нас остались дыры, откуда могут напасть, где укусить и что нужно, чтобы мы все были толстыми и богатыми.

К моему удовольствию, помимо моих военачальников явились граф Антуан Стоункрос, лорд Камберлендский, лорд Джонатан Гилфорд, Хранитель Большой Печати, я не стал ее отбирать, пусть шлепает ее на мои указы, ну а граф Дэниэл Чарльз, лорд Кандорска и Святой Пустоши, прибыл первым, что естественно, он всегда при дворе и рьяно восстанавливает жизнедеятельность Ламбертинии, что должна отныне соответствовать высокому статусу королевства.

Граф Меганвэйл первым сообщил с огромным удовольствием, что сегодня, буквально только что, подпи-

сали договор с лордом Камберлендским. Его мастерские поставят в течение месяца двести специально оборудованных телег для армии, грузоподъемность которых будет почти вдвое больше старых, что сейчас на вооружении.

Дверь приоткрылась, заглянул Переальд.

— Сэр Ричард, — сказал он торопливо (я заметил, как ревниво поморщились некоторые лорды, что простому телохранителю позволено обращаться ко мне по имени), — там внизу гонец... но в таком виде, что мне показалось это важным...

— И? — сказал я нетерпеливо.

— Я велел, — закончил он, — доставить его прямо сюда...

Я поморщился, но кивнул.

— Ладно, тебе виднее. Давай!

Через пару минут дверь распахнулась, в кабинет шагнул юноша в изодранной и покрытой засохшей кровью одежде, на голове грязная тряпка с пятнами засохшей крови, но сейчас рана открылась и снова пропступает кровь, алая и свежая.

Я спросил строго:

— Что?.. Где и что стряслось?

Он попытался опуститься на колено, но смертельно побледнел и упал на бок. Переальд и Хруерт вбежали, подхватили, помогая подняться, однако он заваливался то вправо, то влево и так, поддерживаемый с обеих сторон.

— Ваше высочество...

— Ну-ну, — сказал я, — слушаю.

Он сказал хриплым измученным голосом:

— Ее Величество королева Ротильда...

— Что? — спросил я раздраженно. — Это я уже догадался: где Ротильда, там и неприятности.

— Она... она...

— Что? — сказал я настойчиво. — Она послала?

Он ответил слабо:

— Нет, запретила... Но граф Меркель велел мне выбраться из крепости и помчаться к вам. Мы разбиты и окружены.

Я буркнул:

— А что, собственно, случилось? Где-то война? Боевые действия?.. Я, к примеру, нигде ни с кем не воюю.

Военачальники поглядывали на меня, на гонца, никто не проронил ни слова, а тот сказал еще слабее:

— Ее Величество с группой ее сторонников изволили прибыть в Мезину, где на границе мощная крепость сэра Генса Лаутгарда, ее верного подданного и дальнего родственника. Тот сразу же принял ее и разослал другим верным лордам пламенный призыв выступить против узурпатора Годвина...

Все затаили дыхание, гонец сделал паузу, хрипло и часто дыша; я буркнул:

— О результате призыва догадываюсь.

Гонец возразил с достоинством:

— Ваше высочество, на призыв откликнулось довольно много знатных людей и даже простого люда! Они начали стягиваться в крепость сэра Лаутгарда. Собралась значительная армия, однако узурпатор сумел собрать армию впятеро больше и обрушился внезапно...

— И разбил? — спросил я.

Он ответил упрямо:

— Нет. Было всего три незначительных поражения, после чего оставшиеся отступили к крепости Лаутгарда, где заперлись и объявили, что будут сражаться до последнего.

Я буркнул:

— Да ты патриот... Иди, пусть твою голову посмотрят лекари.

Он спросил быстро:

— Ваше высочество, какой будет ответ?

Я отрезал:

— У меня голова в порядке, потому ответа не будет!

Ему помогли выйти, он старался держаться с достоинством, задирал голову, но его раскачивало так, что если бы не Переальд и Хрут, свалился бы по дороге.

Когда закрылась дверь, я вернулся к столу, военачальники и лорды Ламбертинии молчат и не двигаются, ситуация меняется слишком стремительно, а они не отроки, что все готовы решать быстро и без раздумий.

Я зло ударил кулаком по столу, кубки подпрыгнули. Один скатился с края, но я поймал на лету и вернул на место.

Альбрехт спросил негромко:

— Что будем делать?

Я сказал зло:

— Как что? Наша задача помочь Ламбертинии встать на ноги как королевству, вернуться в Сен-Мари, где спустить оставшиеся корабли на воду и заложить новые!.. Закончить разработку парового двигателя!.. Если не получается у цистерцианцев, пусть обращаются за помощью к гномам. Еще нужно строить типографии во всех городах...

— В монастырях? — уточнил он.

Поколебавшись, я кивнул нехотя.

— Да, пока в монастырях. Но потом и в городах. Реформы в управлении, судебной системе, образовании... в той мере, в какой возможны...

Он покосился на застывшие лица, прервал с учтивым поклоном:

— Ваше высочество, вообще-то я не о том спрашивал.

— А что, еще есть важнее? — спросил я резко. — Назовите, радетели вы мои государственные!

Он вздохнул и развел руками:

— Ваше высочество, вы же знаете, как в наши важные и великие дела влезает всякая нахальная мелочь, от которой не отмахнуться!.. Что делать с мятежниками в Мезине?

Я рыкнул сквозь зубы:

— Что делать? А почему надо что-то делать? Это их проблемы. А у нас своих выше крыши.

— Ваше высочество, — произнес он негромко, но с твердостью в голосе, — мы живем в мире, с которым приходится считаться. Это для вас там какие-то местные лорды боятся друг с другом, но для Сен-Мари, Турнедо, Армландии, Ламбертинии и вообще всех-всех... там ваша жена!.. Она ведет неравную борьбу с врагами!.. Она может погибнуть!

Я процедил зло:

— Не погибнет. Таких не убивают. Они, как драгоценности, переходят из рук в руки. Такими хващаются. Да и погибнет... что, меня будут винить?

Он кивнул.

— Будут, ваше высочество.

Я покосился на остальных, все как один альбрехты, судя по выражениям лиц, все уверены, что у меня нет другого выхода, как ринуться спасать эту дуру, раз уж подписал брачный договор на полгода, а прошло чуть больше месяца.

— Что за время, — сказал я со злостью, — что за нравы!..

Граф Чарльз взглянул на меня в удивлении.

— Ваше высочество, это мы можем погибать хоть

десять раз в день, но женщины должны спасать. Их даже злодеи спасают. Сами погибают, а их спасают!

Я процедил с тоской:

— Ну где же оно, где равноправие полов? Скорее бы...

— Ваше высочество, — сказал сэр Чарльз, — никто в Ламбертинии не назовет меня предателем, если я подниму всю свою воинскую дружину и отправлю с вами спасать вашу жену!..

Лорд Джонатан Гилфорд произнес с достоинством:

— Я тоже. У меня семьдесят рыцарей в крепости, но за двое суток я соберу рыцарей и тяжелой конницы около пяти тысяч человек. Это не предательство интересов Ламбертинии, если поможем в благородном деле освобождения невинной женщины в дальнем королевстве!

Они поднимались один за другим, выражая готовность сражаться. Я смотрел в их пылающие энтузиазмом лица и понимал, что ими движет еще и желание показать, что они сильны, что Ламбертиния была захвачена не потому, что слабее, просто две трети лордов осудили деяния герцога Блекмора по недостойному обращению с женой Ричарда Завоевателя, что явилось причиной серьезного раскола в обществе.

Мои лорды молчат, но и они, вижу по мордам, целиком и полностью одобряют и пламенный порыв бороться за справедливое дело — ага, справедливое! — и сами только и ждут приказа подняться в седла и взять в руки копья.

— Хорошо, — буркнул я, — вы тут... готовьтесь, а я сперва съезжу к королю Найтингейлу. Вы хоть помните, что нам нужно сперва пересечь два королевства: Шателлен и Турнедо? Не просто нам, а целой армии?

Граф Чарльз поклонился, а когда заговорил, я видел по лицам, что он выражает общее мнение:

— Король Найтингейл не только предоставит нам дорогу и продовольствие, но и свои войска даст! Иначе он падет в глазах христианского рыцарства.

— Его Величество такого не допустит, — поддержал лорд Унгвуд Маутбеттен. — Он точно окажет нам всемерную помощь!

Глава 3

Армин Шварцкопф вошел, чуть наклоняя голову на тот случай, если заденет притолоку, широкий настолько, что еще чуть, и пришлось бы заходить боком.

Уже приученный к общению в настоящих королевствах, склонил голову и ждал, пока закончу чиркать гусиным пером по пергаменту.

Наконец я поднял голову и сказал коротко:

— Герцог...

Он ответил густым басом:

— Ваше высочество.

— Герцог, — сказал я, — вы очень умело провели Первую Победоносную и Познавшую армию через королевство Шателлен и разгромили преграждавшие вам путь войска герцога Блекмора. Я вами весьма доволен.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

— Но сейчас подворачивается случай, — продолжал я с подъемом, — проявить вам свой талант... даже все таланты с особым блеском!..

— Ваше высочество?

— До этого вы были командующим одной из трех армий, — объяснил я. — А сейчас вам предстоит выполнить уникальную операцию, что изменит мир!..

И которая станет поворотным пунктом во всем этом регионе.

— Ваше высочество, я уже трепещу...

Я сказал державно:

— Я поручаю вам вести армию в Мезину!.. Я поспешу вперед, чтобы снова договориться с королем Найтингейлом насчет беспрепятственного прохода через земли его королевства, а вы быстрым маршем двигайтесь уже знакомой дорогой, где на границе с Турнедо вас встретят проводники и покажут кратчайшие пути в Мезину.

Он выпрямился, глаза засверкали звездным блеском.

— Ваше высочество, — проревел он, — я безмерно счастлив... что это деяние по освобождению венценосной королевы Ротильды поручено мне!.. Я был вашим вечным должником, а теперь и останусь вместе со всем своим потомством!

Я продолжал отечески:

— Герцог, ваша задача будет потруднее. Не просто сломить сопротивление мезинцев, но и некоторое время удерживать там власть, пока будем думать, как усадить на престол Ротильду... ибо пока не вижу способа, как от нее избавиться.

— Ваше высочество, — ответил он с подъемом, — разве вам не все удается?

— Увы, — ответил я, — увы... К тому же там придется потрудиться вам, а не мне. В Скарляндии вы вождь крупнейшего племенного объединения, куда входят десятки союзов, а в каждом союзе свои десятки драчливых племен! Вы справлялись, у вас громаднейший опыт улаживания конфликтов, так что справитесь и здесь. Все, идите и срочно готовьте армию к выступлению. Чем скорее это сделаете, тем лучше.

Он кивнул.

— Да, ваше высочество. Неизвестно, сколько времени продержатся защитники осажденной крепости! Мы не должны опоздать на помощь. Ваше высочество...

— Герцог, — ответил я.

Зайчик набирает скорость, я едва успел увидеть, как далеко впереди появился, стремительно приблизился и едва-едва не проскользнул мимо великолепный замок Мидль.

Я старался даже не смотреть в его сторону, но в мозгу вспыхнула ужасная картина, как мимо идет армия Шварцкопфа, никого не трогает, а ее с фланга атакуют как сам Мидль, как и другие лорды с их воинственными дружинами...

— Бобик, — сказал я сквозь зубы, — погоди... Ты счастливый, не знаешь, что это такое, когда очень не хочется, но очень надо...

Он подпрыгнул и всем видом показал мне, что если мне что-то надо, то этого и ему хочется, потому что мы же одна стая, а я в ней вожак и его мама, что наконец нашла его, потерявшегося!

— Как же я тебя люблю, — пробормотал я в неловкости.

Замок Мидль пребывает, я бы сказал, в блаженной лени — ни тебе огораживающего рва с водой и обломками кос на дне, ни перекидного моста. Даже на башне не видать наблюдателей...

Правда, остатки рва видны, но то ли ветры его засыпали песком и пылью, то ли обитатели замка, уставшие ждать, когда же хоть кто-нибудь нападет, но в Шателлене вот уже сотни лет все спокойно, и теперь живут вот так, вооружаясь просто на всякий случай, а воинское умение расходуя в турнирах.

Я прокричал мощно:

— Эй!.. Вы что там, все еще спите?..

Через пару минут из узкого окошка-бойницы выглянуло милое женское лицико, распахнуло бирюзовыеглазки.

— Ой, мужчина!.. — вскрикнула она радостно. — Да еще какой интересный!.. Хорошо день начинается...

Я крикнул нетерпеливо:

— Тебя как зовут?

— Двуцветка, господин! Господин чего-то хочет?

— Да, — крикнул я раздраженно, — скажи всем, что скоро пройдет мимо большое войско из Ламбертии-ни, но они ничего не тронут, так как по договору с королем...

Она прокричала:

— Я ничего не поняла!.. Большое войско? Война?..

Какой ужас! Нам всем бежать и прятаться?

— Нет, — заорал я, — это мирное войско!

Она вскрикнула негодующе:

— Вы меня обманываете! Меня все мужчины обманывают! Как войско может быть мирным? Это как и мужчина, что не сует лапы под платье...

— Двуцветка, — прорычал я, — слушай внимательно. Здесь пройдет громадное войско, но оно пройдет мимо!.. Мимо!

— Как это мимо? — прокричала она оскорблена-но. — Почему мимо?

— Тебя не спросили, — заорал я. — Ты просто запомни и скажи всем!

В окнах начали появляться еще лица, я обратился к ним, начал снова повторять и объяснять, но внизу распахнулись парадные двери, торопливо вышел сэр Мидль, настороженный, поглядывающий с радушной опасливостью.

— Сэр Ричард?

Бобик подбежал к нему, Мидль опасливо вскинул руки.

— Тихо-тихо, собачка...

— Он вас уже знает, — напомнил я, — а еще вы пахнете Франкой, которая его чесала.

Он попробовал осторожно опустить руку и поскреб ногтями его широкий, как каменная плита в пирамиде, лоб. Бобик едва не замурлыкал, гад.

— Что случилось? — спросил Мидль встревоженно. — Я успел услышать что-то про войско...

Я сказал с досадой:

— Эти дуры умеют только чирикать да еще щебетать!.. Войско пройдет, но никаких проблем не доставит. Я как раз спешу к Его Величеству Найтингейлу, буду договариваться насчет свободного прохода моей армии обратно той же дорогой...

Он сказал настороженно:

— Уверен, Его Величество не будет против... особенно.

— Тоже на это надеюсь, — ответил я торопливо, — просто я заскочил к вам, чтобы предупредить, а то армия пойдет завтра, а сообщение от Найтингейла прибудет разве что через неделю, и вы можете принять появление наших войск как вторжение...

Он кивнул.

— Благодарю, ваше высочество. Боюсь, что именно так здесь и подумали бы. Если не мы с Франкой, то мои лорды точно могли бы схватиться за оружие.

— Сообщите им всем, — попросил я, — это важно. Любой кровопролития нужно избегать! Нам нужны здоровые и платежеспособные налогоплательщики. А я поскаку дальше.

Он спросил с заметным облегчением:

— Вы даже не останетесь на ночь?

Я помотал головой.

— Нет, надо спешить.

— Тогда просто отобедайте, — предложил он учтиво, — сейчас как раз время, уже звонили в колокол.

— Надо спешить, — ответил я.

— Обед времени много не займет, — сказал он уже деловым тоном. — Но пресечет некоторые слухи и сплетни, что у нас что-то не так, нарушено, идет к упадку...

Я стиснул челюсти: как часто приходится делать то, что надо, а не то, что хочется.

— С чего пойдут такие слухи?

— Народ всегда находит повод, — сказал он хмуро. — Хотя бы потому, что вы проехали мимо, что-то сказали мне, но не пожелали войти в дом и поприветствовать нашу жену.

Я помотал головой, остро захотелось ругнуться, но заставил себя даже улыбнуться.

— Да, мир не меняется. Но только быстрый обед. Без особых церемоний, фанфар и объявления церемоний мастером порядка подачи и смены блюд.

— Да-да, — подтвердил он, — только в кругу самых близких.

Я покинул седло, наблюдающие за нами настороженные слуги тут же подбежали и увели Зайчика, а Бобик, убедившись, что остаемся погостить, весело взбрекнул, ринулся в открытую дверь и пропал в полутьме холла.

Мидль остановился в открытой двери и вежливо поклонился.

— Сэр Ричард...

— Нет-нет, — сказал я еще вежливее, — только после вас!

Он засмеялся, и прошли вместе, распахнутые парадные двери позволяют даже въехать стремя в стремя.

— Надеюсь, — сказал я, старательно поддерживая светскость беседы, — вы неплохо заработали на поставках в нашу армию?

Он ответил с улыбкой:

— Она прошла слишком быстро. Кроме провизии и пары сот обуви продать почти ничего и не удалось.

— И то неплохо, — возразил я. — Это же добавочный заработка!

По лестнице весело сбежала высокая девушка, золотые волосы собраны в высокую башню, перевитую красными лентами, пурпурное платье неслышно скользит по ступенькам, тонкую талию перехватывает узкий поясок с большой золотой пряжкой, где львы дерутся с драконами.

Я охнул.

— Франка!.. Я вас и не узнал!.. Вы же были в голубом платье!

Она остановилась в неожиданности, по лицу скользнула легкая тень, но тут же покровительственно улыбнулась и произнесла сладким голосом:

— Сэр Ричард, когда же вы начнете различать женщины не только по платью?

Я упер взгляд в ее грудь, она и раньше у нее была весьма, а за время замужества увеличилась вдвое.

— Гм... леди Франка, вы умеете ставить перед мужчинами трудные задачи. Для многих они вообще непосильные, но я справляюсь. Чем у вас сегодня кормят?

Она в удивлении вскинула брови.

— К чему такой вопрос? Что захотите, то и приготовят.

— А готовеньского ничего нет? — спросил я. — Как же вы живете, не понимаю... А вдруг прямо щас чего-нибудь пожевать восхочется?

Она ответила надменно:

— Есть строго узаконенное время завтрака, обеда и ужина. Очень печально, когда некоторые не придерживаются правил. Это либо животные, либо люди, очень к ним близкие.

— Да-да, — сказал я послушно.

Герцог Мидль произнес торжественно:

— Господа, прошу всех к столу. В зале, если не ошибаюсь, уже накрыто.

— И не только, — добавила Франка и ехидно улыбнулась мне.

— А что там еще? — спросил я.

— Увидите, — сообщила она.

Слуги синхронно распахнули перед нами двери в зал, оттуда сразу пахнуло хорошо приготовленным обедом, в нахлынувших ароматах смешались запахи грубо зажаренного мяса, изящно и тонко приготовленной птицы и душистые нотки жареной рыбы. Голоса там умолкли, и все двенадцать человек за длинным столом поднялись разом и склонили головы.

Совсем не родня, как я понял, а те вассалы, поддерживающей верностью которых и держится любой лорд, крепкие и обветренные суповой жизнью мужчины, привыкшие смирять коней ретивых и хвататься за рукояти тяжелых мечей.

Все это время церемониймейстер, призвав на помощь герольдмейстера, долго совещался со знатоками, все-таки в прошлый раз я был каким-то фюрстом, а теперь вот уже принц, это так важно и потому необходимо учесть в посадке или распосадке за столом, чтобы никого не задеть и не ущемить их ранимое достоинство.

Сразу уточнили, нахожусь ли я при исполнении, ибо если на отдыхе, то уступаю в ранге лицам моего круга, если же я и здесь на службе, то мое место самое высокое.

Кроме того, что, оказывается, крайне жизненно важно, если обед официальный, то самое почетное место справа от хозяина, а если неофициальный, то справа от хозяйки, однако наш случай намного интереснее, так как леди Франка является одновременно женой мне и Мидлю, что, с одной стороны, дает ему право сидеть во главе стола, однако же я принц, что перекрывает титул герцога, потому во главе должен сидеть я, Ричард Завоеватель...

У меня в голове начало гудеть от споров и ссылок на параграфы установлений и протоколов из разных эпох, я сказал Мидлю:

— Я не посмею претендовать на ваше законное место главы нашей семьи, так как вы в основном заботитесь о нашей любимой Франке. Садитесь, Франка сядет рядом... вот так, а я с этой стороны.

Герольдмейстер продолжал негромко спорить с церемониймейстером, что я что-то нарушил или же, наоборот, создал удачный прецедент, а мы с Мидлем сели, расположив разрумянившуюся Франку между нами, что сперва не знала куда смотреть, щеки полыхают алым огнем, а потом и вовсе стали багровыми, но наконец устала волноваться и спросила меня уже почти не вздрагивающим голосом:

— Вы переночуете... здесь?

Я видел, как она избегает слов «у нас», в «нашей спальне», что могут вызвать обидное истолкование, что она отделяет меня от них с Мидлем, я ответил быстро, потому что разгорающийся пурпур с ее щек подкрался к корням волос и вот-вот воспламенит:

— Мечтаю о таком счастье, по ночам даже как бы снится... однако долг требует моего немедленного присутствия в другом месте.

— Снова воюете? — поинтересовалась она с облегчением.

— Нет-нет, — заверил я. — Спешу к своему тестю, он же и ваш батюшка, как я слышал где-то.

Она спросила испуганно:

— Зачем?

— Да всякие торговые дела, — ответил я легко, но увидел ее помертвевшее лицо и сказал поспешно: — Франка, уверяю вас, там ваше имя даже не фигурирует! Чисто торговые пустяки. Нужно пересмотреть некие старые соглашения и закрепить новые.

Она строго посмотрела в мои глаза.

— Поклянитесь, что я не являюсь предметом торговли!

Я замялся, ибо подтвердить — это в то же время и обидеть: все женщины уверены, что говорим в их отсутствие только о них, а уж какие планы строим на их счет, так это вообще сказка.

— Франка, — сказал я с укором, — как бы я ни хотел изменить что-то, но я благородный рыцарь! Моя честь и достоинство не позволяют мне как нарушать клятвы, как и стремиться к бесчестным торговым союзам или неправомерным выгодам. Потому в наших отношениях ничто не меняется...

Она с облегчением вздохнула, вытерла губы скатертью и, обняв меня за шею, на правах жены притянула к себе. Я не стал отбиваться, когда крепко поцеловала в губы. Это было сладко, признаю, а еще она вовремя вытерла губы, потому что после индейки, которую лопала с таким удовольствием, на губах наверняка бы остался жирный привкус, а вытираясь после поцелуя на глазах у всех как-то неполиткорректно.

Затем она точно так же обняла другой рукой Мидля и поцеловала его тоже в губы. Гости довольно похрюкивают, их жены бросают в нашу сторону злобные взгляды, растягивая губы в одобрительных улыбках.

Один из вассальных лордов грузно поднялся и гул-

ко провозгласил тост за прекрасную Франку и ее счастливое замужество.

Все встали и выпили стоя, наше счастливое замужество стало притчей во языцах, предметом игривых шуточек для мужчин и черной зависти для многих женщин.

Глава 4

Найтингейл вскинул брови, когда я с широкой улыбкой пошел к нему и в пяти шагах от трона преклонил колено, на что он сказал сердито:

— Шо, опять?

Я ответил со счастливым вдохом:

— Даже не опять, а снова, Ваше Величество!

Он замахал руками:

— Встаньте, сэр Ричард! Вы, тыфу-тыфу, не мой вас-
сал!

— Ваш, — заверил я, — будучи покорен вашей доб-
ротой и мудростью, щедрым сердцем... к тому же вы
мой тесть, что мне так дорого и как бы свято!..

Он покачал головой, вздохнул.

— Все страшнее и страшнее... Что хотите оттяпать?
Руку по самое плечо? Ногу?

— Ваше Величество! — воскликнул я обиженно. — Я больше думаю о том, как бы вам что притяпать. Не хотите землю графа Колдугерда, этот мерзавец убежал вместе с герцогом Блекмором и все еще мутит против меня воду в королевстве Вендовер?

Он замахал руками:

— Нет, конечно же, нет!.. Я что, совсем сумасшед-
ший? Зачем мне чужие земли? От них одни неприятно-
сти.

— Это да, — согласился я.

— Тогда зачем?

— А чтоб не только у меня они были, — ответил я честно. — Поделиться радостью — будут две радости, поделиться неприятностями — уменьшатся наполовину.

— Нет уж, — сказал он твердо, — тащите их сами. Вы моложе, крепче. А я буду получать удовольствие от спокойной жизни.

— От спокойной и я умею, — ответил я со вздохом. — Вы будете смеяться, Ваше Величество, но я пришел просить вашего позволения на проход моего войска через Шателлен. На этот раз всего одной армии.

Он вскрикнул:

— Опять?

— В другую сторону, — пояснил я. — Взад как бы.

Он вскинул кустистые брови так, что они оказались на середине нахмуренного лба.

— Что, уже выполнили свою миротворческую, как вы ее называете, но весьма захватническую миссию?

— Частично, — ответил я. — Беда в том, что королева Ротильда ухитрилась в мое отсутствие тайком сбежать в свою чертову Мезину. Это королевство такое, век о нем не слышал.

Он в изумлении покачал головой.

— Что за женщина...

— Я бы ее тоже удавил сразу, — признался я, — если бы знал, что выкинет. Но теперь надо спешить, она уже начала собирать сторонников, чтобы отвоевать трон, а нынешний король их разбил, как коршун цыплят, и осадил в какой-то крепости...

Найтингейл вздохнул.

— Что с нами творят эти правила чести, обычаи... Даже вам не вырваться, верно? Конечно, я разрешаю проход вашего войска при условии, что никаких бесчинств и мародерства. Что-то еще нужно?

— Не помешало бы торговцам подвезти к дороге продовольствие, — сказал я деловито. — Им лишний заработка, вам налог с продаж в казну...

Он кивнул.

— Прослежу.

Я поднялся, развел руками.

— Мое сердце рвется от тоски, но я вынужден покинуть вас, Ваше Величество, и мчаться как ошалелый заниматься такой хренью, что среди умных даже упомянуть стыдно. Но, к счастью, где теперь умных возьмешь?.. Хотя не знаю, к счастью ли?

Он сказал со вздохом:

— Да, среди дураков жить легче, но как-то невесело.

— Но вы как-то живете?

— Как-то, — ответил он кротко.

Я поклонился.

— Да минет меня чаша сия... Ваше Величество...

— Сэр Ричард.

Я быстро вышел. В одном из залов рядом оказался облизывающийся Бобик, послушно и преданно побежал рядом, здесь уже пообедали, все верно, пойдем дальше, впереди так много интересного и вкусного, и вообще жить весело.

Турнедо в самом деле рядом, я почти не ощутил расстояния, когда пронесся от столицы Шателлена до Савуази, в голове жужжат великолепные мысли, вот только как их осуществить, сразу бы все стали счастливыми и запели хором...

Влетев в Савуази галопом, я пронесся по главной улице к воротам дворцового сада, стражники открыли их заранее, так как там уже в нетерпении скачет Бобик. Мы промчались в грохоте копыт, пугая придворных, у

самого дворца я лихо соскочил и бросил повод подбекавшим стражам.

Ортенберг с той первой встречи посупровел, пребывание в тюрьме и последующие терзания сказалось, но все так же мужественно красив, держится надменно, холодный взгляд и прямая спина.

— Ваше высочество! Что-то случилось?

— Да, — сказал я, — срочно созовите военачальников... которые поближе. Сэр Дерибас здесь?

— Да, — ответил он, — с сэром Вайтхолдом размещают поля для турнира...

Я сказал сердито:

— Ну хоть не пляшут голыми на столе... Хотя вообще-то какая разница? Турнир — те же безобразия. Ничего, я им помогу избавиться от дури...

Он уже быстро, не теряя ни мгновения, посыпал стражей на поиски Норберта, быстро повернулся ко мне:

— Ваше высочество?

— Я прибыл, — сообщил я, — этого мало?

Он ответил твердо:

— Да, ваше высочество, все понятно, ваше высочество.

Я быстрыми шагами пошел в здание, одни торопливо разбегаются, как мыши, другие спешат навстречу и угодливо кланяются, на лицах страстное желание быть полезными.

И здесь, подумал я хмуро, проблема безработицы и незанятости в меру квалифицированного населения. Но, к счастью, меня распирают планы, всем дам работу, а кто взвоет и вспомнит про вольности дворянства, я им покажу, что все вольности только у меня, у всего остального населения всего лишь демократические права и либеральные ценности, да и то базовые.

Да это и не столько население, сколько налогоплательщики, потому я о них буду всячески заботиться, холить и оберегать, повышать им квалификацию и трудовую отдачу.

Быстрыми шагами, придерживая узкий меч слева у бедра, вошел Норберт, высокий, худой, твердый, как потерявший кору ствол старого мореного дуба, чисто выбритый до синевы, кончики усов воинственно приподняты.

Коротко поклонился, я сказал тут же:

— Сэр Дерибас...

— Ваше высочество, — ответил он незамедлительно.

— Сэр Дерибас, — сказал я, — немедленно соберите все воинские части, до которых можно дотянуться в пределах суток.

— Ваше высочество?

— Поспешим к соседям, — сказал я. — Совсем недавно здесь прошмыгнула Ротильда Дрогонская. Я сам дурак, даже идиот, дал уговорить себя на временный брак, который даст мне какие-то огромные преимущества... Хрен он что дал, кроме неприятностей! Сейчас она вернулась в Мезину и попыталась с такими же дураками, как и сама, поднять мятеж...

Он покачал головой, спросил с сочувствием:

— Спасти не удалось?

— Они осаждены, — ответил я, — в какой-то крепости, что близко к нашей границе. Не знаю, как поступит Годвин, будет ли принуждать сдаться осадой либо предпримет штурм... Если осадой, то успеваем, а если штурм... гм...

— Может явиться напрасно, — сказал он. — Вообще-то у вас бойкая жена... Отважно прошла через Шателен и Турнедо и, ступив на землю королевства Мезины, сразу же нашла сторонников?

Я буркнул уязвленно:

— Что значит «отважно»? В Шателлене всегда было тихо и мирно, а в Турнедо я искоренил преступность почти начисто.

Он улыбнулся одними глазами, а продубленное ветрами и морозами лицо оставалось неподвижным.

— Простой народ вас за это боготворит. Говорят, вы пошли еще дальше Гиллеберда, словно его сын!

Я отмахнулся.

— Так что Ротильде никакой отваги не потребовалось. Хотя да, она не робкого десятка, это верно. В общем, действуйте быстро!

Он поклонился.

— Ваше высочество...

— Сэр Дерибас...

Во дворце началась беготня, принц прибыл, как пронесся слух, весьма гневен, в коридоре толпятся придворные, первым примчался, распихивая всех, Бальза, теперь уже сэр Бальзак, вбежал в кабинет, преклонил колено.

— Ваше высочество!

Я поморщился.

— Сэр Бальзак, только не надо этих рыцарских штучек с вашей стороны. И пузо вам мешает, и от работы отвлекает... Давайте-ка быстренько отчитайтесь, что сделано, что не сделано, где какие узкие места?

Он с трудом поднялся, пыхтя, как эзоповская лягушка, что раздулась до размеров быка, морда стала совсем багровой от усилий, заговорил с приподыканием:

— Ваше высочество... все делается даже с опережением сроков... Я принес бумаги, можете все проверить...

Я отмахнулся.

— В другой раз. У меня сейчас другие задачи. А сей-

час... идите и трудитесь на благо Отечества дальше, что есть и высшее благо вашего сюзерена.

Ошеломленный, что аудиенция закончилась так быстро, он собрал бумаги и, пятаясь, вышел, а через минуту вбежал запыхавшийся сэр Вайтхолд, охнул:

— А я и не поверил даже!..

— Размечтались, — сказал я мстительно. — Ну-ка, признавайтесь, дорогой мой канцлер, что натворили, что рухнуло, что идет не так, раз турнирами занимаетесь...

Он воскликнул:

— Уже донесли? Вот негодяи!.. Да потому и занимаемся, что все работы идут хорошо, все выполняется, людям хочется праздника. А есть ли праздник выше и чище, чем турнир, когда от молодецкого удара проигравший вылетает из седла, как сбитое булавой со стола яблоко, когда падает и переворачивается много раз, хватая окровавленный песок горстями?.. А если еще и убьют кого, так это ж вообще какая радость!

— Ну да, — согласился я возвышенно и строго, — но есть радости и повыше. И почище.

— Какие же?

— Возвышающие душу, — сказал я. — И очищающие. Катарсис называется по-умному.

— А-а-а-а, — сказал он понимающее, — это верно, когда на площади жгут колдунов, народ сбегается даже из сел. Это очищение душ всем нравится так, что только и ждут, когда ведьму поймают...

— А если народу нравится, — напомнил я, — когда вешают. Народ всегда требует смертной казни, так что особенно не расслюнявливайте дела, где все и так понятно.

Он сказал осторожно:

— Однако благородным все-таки положено усекать голову топором?

— Усекайте, — разрешил я. — Это тоже благородное и возвышающее души зрелище, очень демократичное и основанное на базовых ценностях и чаяниях простого народа. Только обставляйте красиво, чтоб собравшиеся не знали неудобств и чтоб во время казни всегда продавались по рядам пирожки и прохладительные напитки.

— Учту, — сказал он деловито. — Народ обожает праздники! Да кто их не любит?.. Количество сжигаемых и казненных оставить, в пересчете на неделю?

Я отмахнулся.

— Оставьте. По моей Великой Хартии будут введены суды присяжных, а это значит, присуждаемых к казни будет намного больше, намного. Даже к жестоким казням.

— А-а-а, — сказал он с удовлетворением, — самую грязную работу хотите спихнуть на народ?

— Именно, — ответил я. — И пусть себя винят, а не нас.

Он вздохнул.

— Ну, нас все равно винить будут. Власть всегда во всем виновата.

— Точно, — согласился я. — Хотя если по правде, то она в самом деле виновата. Мы умнее, дальше видим и должны вести эти стада баранов, уверенных в своей исключительности и неповторимости, по хорошим тропам, где много сочной травы, и вовремя защищать их от волков. Ладно, сэр Вайтхолд, на самом деле мне совсем сейчас не до государственных мелочей, а с крупностями у вас в порядке...

Он воскликнул в ужасе:

— Как? Я не похвастаюсь, что в дисциплинирован-

ном Турнедо каждый занят своим делом, и даже лорды забыли, что власть поменялась?..

— Не похвастаетесь, — сказал я твердо. — Хотя я и так вижу. Сэр Вайтхолд, вы женаты?

Он спросил с подозрением:

— Да, но... вам-то какое дело до моей жены?

— Никакого, — успокоил я его торопливо, — просто завидую. А у меня в одном месте положены, в другом вообще что-то временное и непонятное, а визгу столько, будто кошку стригу вместо барана! У вас же вполне реальная жена, а неприятностей из-за нее почему-то нет! Не понимаю... Как вам удается?

Он ответил со значением:

— Считайте, что просто повезло.

— Понятно, — сказал я, — не хотите делиться.

— Женой?

— Секретом!

— Не хочу, — признался он, — а то кто вас знает, ваше высочество. Больно репутация у вас... гм...

Глава 5

Норберт Дерибас, получив краткие, но энергичные указания, показал, на что способен: через два часа к городу на рысях прибыла его легкая кавалерия на быстрых и очень быстрых конях.

— Нигде не задерживайтесь, — повторил я. — Не знаю, что там в Мезине творится, но чутье подсказывает, что если не поторопимся, то вообще прогуляемся туда зря.

— Ваше высочество, — сказал он твердо. — Нам потребуется всего двое суток, чтобы достичь Мезины. А дальше уже смотря по тому, где та крепость...

— Она почти на границе с Турнедо, — заверил я. —

Ротильда не прошла бы дальше. Хорошо, начинайте марш, а я пока ринусь вперед, надо посмотреть...

Он с осуждением покачал головой, но смолчал.

Я свистнул Зайчику, но первым прибежал Бобик и начал прыгать вокруг, в глазах требование: ну прикажи что-нибудь! Ну прикажи!.. Увидишь, как я быстро и точно все выполню! Я такой исполнительный и послушный!

— Да беру я тебя, — заверил я, — беру, можешь не подлизываться, носорог-попрыгунчик.

В нетерпении на последнем отрезке я даже попер напрямик через рощу, что оказалась довольно гнусным лесом, что называется, непроходимым. Для нас проходимо все, но двигались как черепахи, местами протискиваясь между могучими лесными великанами, местами подныривали под зависшими над ветвях громадными стволами, готовыми сорваться от малейшего дуновения и придавить неосторожного дурака, где-то просто проламывались через молодой лесок, но наконец выбрались на опушку, где я придержал Зайчика и даже заставил его попятиться под защиту деревьев.

Широкая и роскошная долина, а за ней на вершине настолько пологой горы, что уже и не гора, массивное и широкое каменное чудовище, безобразно серое, грубо и нерассуждающее массивное, но расцвеченное яркими флагами на башнях.

А вся долина перед крепостью расцвечена, как на ярмарке, красными, желтыми, оранжевыми и голубыми шатрами, почти нет синих, совсем нет коричневых, зеленых или черных, такие цвета игнорируются, выпендренистые дизайнеры еще не появились, все предпочитают цвета чистые и теплые.

Жаль только, что это не ярмарка, а огромное войско с обилием знамен, шатров. Кони укрыты цветными

попонами, у рыцарей на шлемах горделиво покачиваются пучки крашеных перьев, недаром какие-то сволочи назвали предстоящее побоище театром военных действий, а другие сволочи охотно повторяют... Хотя повторяют больше идиоты и просто дураки, их же массы, но мне от этого не легче, с умными строить Царство Небесное было бы куда легче.

Масса войск лишь на первый взгляд выглядит как свежий борщ, что только начинает закипать, и поверхность двигается в разных направлениях, на самом деле все или почти все упорядочено, вон там расположилась кавалерия, вон там прямо сейчас устраивается пехота, различимы вполне правильные пропорции копейщиков, лучников и арбалетчиков. Отдельно отряды с топорами за поясами, никто в сторону крепости даже не смотрит, вдали обоз под хорошей охраной...

Бобик сперва было лег, но теперь поднялся, заворчал и посмотрел сперва в сторону густого кустарника в десятке шагов от нас, затем на меня.

Я сказал тихонько:

— Если там народу мало, то... но не пугай.

Он отступил и пропал из виду, кусты даже не шелохнулись, словно он протек сквозь них, будто туман.

Я ждал, вскоре раздался дикий вскрик, кусты зашевелились, затрещали, что-то несется прямо на меня, ломая ветви. Я поднялся, через пару мгновений из зарослей выметнулся молодой парень в кожаных доспехах, почти налетел на меня, но я отступил и дал подножку.

Он упал лицом вниз, замер, хриплю и часто дыша, а догнавший его Бобик встал над ним и, негромко порыкивая для острактики, злорадно скалил клыки.

— Ладно, — сказал я ему, — не пугай парнишку.

Бобик отступил на шаг, сел и с интересом рассмат-

ривал пленника на предмет того, можно ли его заставить бросать ему бревнышко.

Пленник медленно повернул голову, всмотрелся в меня. Я видел, как ужас на его лице быстро тает, что мне совсем не понравилось.

— Так, — сказал я резко. — Кто, откуда, номер части, звание, пароли, код карточки... Ладно, кто и почему тут прячешься?

Он чуть приподнялся на руках, спросил тихо:

— Сесть можно?

— Можно, — ответил я, — но только сесть.

Он тихонечко сел, с ужасом косясь на чудовищного пса, что посмотрел на него и как-то нехорошо облизнулся.

— Он меня не съест?

— Посмотрим, — ответил я, — смотря как будешь отвечать. Собачке тоже что-то кушать надо, как думаешь?.. Повторяю в последний раз, выкладывай все, или...

Бобик понял, приблизился и зарычал парню прямо в лицо. Тот смертельно побледнел, затрясся, а голос сразу стал колеблющимся, как тонкая ветка на ветру:

— Здесь была битва... наши отступали... я убежал сюда...

— Остальные, — сказал я, — отступили в крепость?

Он торопливо кивнул.

— Да, но там они не отсидятся. Я слышал, у лорда Голдуина есть катапульты, требушеты, осадные башни...

— Ну-ну?

Он продолжил упавшим голосом:

— Если бы крепостей таких было много, а так одна... Он все равно ее захватит.

Я заметил язвительно:

— А ты поступил мудро? Удрал?

Он опустил голову.

— Да, я испугался. Но я все равно отступил бы со всеми в крепость, если бы не...

— Ну-ну?

— Если бы не подумал, — ответил он тоскливо, — что так смогу бороться и дальше, а вот они там нет.

Я спросил с нажимом:

— Так ты собирался бороться?

Он покачал головой.

— Нет. Если бы кто-то собирал отряд, я бы пошел туда... а так нет. Я не гожусь для таких дел.

— Ты очень откровенен, — заметил я. — А если я человек лорда Голдуина?

Он покосился на Бобика.

— Людям Голдуина нет нужды прятаться в кустах. Я видел, как вы прибыли, слезли с коня и начали выискивать расположение их войск.

— Резонно, — ответил я. — Я не человек Голдуина. Но и не подданный Ротильды. Кстати, почему называешь его лордом? Разве он не король?

Он покачал головой.

— Нет. Коронование раз в году, ждать еще три месяца. Да он и не торопит.

— Разумно, — сказал я. — Ну что ж... Ладно, ты свободен. Иди.

— Спасибо, мой лорд, — проговорил он, медленно поднялся, не сводя устрашенного взгляда с Бобика, отполз на заднице, Бобик остался на месте, и тогда он поднялся и начал отступать на полусогнутых, пока не уперся в кусты.

Я уже отвернулся, только Бобик продолжал наблюдать за ним с ленивым интересом, потом зевнул и тоже стал смотреть в ту же сторону, что и я, на далекую крепость и пестрое войско перед ней.

Парень уже скрылся в кусты, потом оттуда донесся его дрожащий голос:

— Господин, а можно я пока побуду с вами?

Я буркнул:

— А зачем ты мне?

— Буду служить вам, — крикнул он умоляюще, — я сам по себе никто, всегда был при старших, они распоряжались мной. Иногда обижали, но всегда заботились... Я жалею, что убежал! Лучше погибнуть вместе со всеми в крепости, чем вот так прятаться по лесам, когда одиноко и страшно...

Я подумал, крикнул:

— Ладно, вылезай.

Он вышел медленно, все еще с опаской, но через плечо перевязь, на которой болтаются широкие ножны, оттуда торчит длинная рукоять меча.

На этот раз не стал спрашивать насчет собачки, по мне видно, что со мной не покажешься, потихоньку выбрался и спросил заискивающе:

— Может быть, костер развести?.. Не здесь, а дальше в лесу, чтоб дым не увидели?

Я подумал, кивнул.

— Давай, делай. У нас времени столько, что девать некуда. Бобик, ты можешь поохотиться.

Бобик радостно взбрькнулся и пропал, только вдали затрещало да вздрогнуло и покачнулось высокое дерево.

Парень принял суетливо собирать хворост, ближе к опушке он суще, я посмотрел вслед Бобику, подумал, что Норберт со своей тысячей прибудет через двое суток, а Шварцкопф так и вовсе через пару недель. Мог бы я передвигаться так, как мечтаю, сейчас бы скакнул в Геннегау, потом в Савуази, проверил бы дела в Истанивиле...

Но передвигаться, как изволится, — пока недостижимая мечта, пока учусь только передвигать вещи. Даже сейчас, пока этот собирает ветви и разжигает костер, натужно упражнялся, стараясь делать это незаметно: оставил меч в двух шагах, усилием воли бросал его себе рукоятью в ладонь. После сотни повторений, когда ладонь вспухла от ударов, получается почти автоматически, зато с кольцами намного проще: сложив их кучкой под сухими листьями, я призывал их и тут же получал хоть по одному, хоть все вместе. Только и того, что на пальцы надевать пригодилось самому, а то было бы вообще эффектно.

Наверное, труднее всего так вот перетаскивать тяжелый щит, но пока на этот подвиг даже не решаюсь. Достаточно и того, что слушаются кольца, браслеты, меч, арбалет и лук Арианта...

Плохо то, что в замке, где пробовал переносить из одного здания в другое, потом приходилось возвращаться с этой грудой в руках и снова развешивать по местам.

Наверное, когда смогу возвращать обратно тем же путем, как и призываю, это и будет настоящее и правильное использование.

Из-за дальних кустов раздался крик:

— Господин!.. Тут ваша собака...

Голос сорвался на дикий визг. Я поспешил на голос, там парень лежит на спине, а Бобик старательно тычет ему то в руки, то опускает на грудь огромного молодого барсука.

— Освежуй, — велел я, — выпотроши и поджарь. И не верещи... Тебя как зовут?

— Джон, ваша милость...

— Джон, вы с собачкой должны сотрудничать. Пока ты не начнешь разделывать барсука...

Он вскрикнул:

— Все-все, уже взялся!

Бобик посмотрел на него критически, вздохнул и снова исчез. Буквально минут через пять он уже совал перепуганному Джону в руки большого жирного гуся.

Джон охнулся:

— Господи милостивый! Как он его?

— Как, — сказал я, — понятно, а вот откуда в лесу гуси?

Он сказал быстро:

— Тут неподалеку озеро. Но как он... даже лапы не замочил!

— Выпотроши и приготовь, — велел я.

— Да-да, господин!

Пока он обдирил, свежевал и готовил, я за его спиной создал сыра и вина, а когда тушка гуся обжаривалась на вертеле над углями и от нее пошел одуряющий аромат, я разложил на попоне сыр и сунул Джону малый бурдюк с вином.

Он в восторге покрутил головой.

— Сыр какой свежайший... А как пахнет... Господи, да за глоток такого вина я умереть готов!.. Ваша милость, а вы?

— Я не готов, — ответил я и, наткнувшись на его непонимающий взгляд, объяснил: — Я вообще пью мало, парень. И только по необходимости.

— По... необходимости?

— По работе, — ответил я.

Он пробормотал:

— Мне бы такую работу, чтоб пить заставляли... За такое вино и король удавится! Надо же, как повезло... Ваша милость, можно я собачке дам лапу барсука?

— Можешь отдать целиком, — ответил я. — Нам и гуся хватит. А надо будет, он еще поймает.

Глава 6

Раздражение нарастало и становилось невыносимым, хотя вроде бы это и есть то состояние счастья, к которому должны стремиться, по глубокому убеждению идиотов, все люди на свете. Лес, птички верещат, это они поют вроде бы, костер, мясо жарится на вертеле, свежий воздух, лежишь себе и ничего не делаешь...

Ну что за идиоты считают, что ничего не делать — это счастье, а не мука, не наказание за то, что не сумел распределить время, и вот такая зияющая дыра в работе, когда вынужденный простой...

Бобик подскочил, словно ему внезапно прижало подушечки лап, весело гавкнул и, я не успел остановить, метнулся в чащу.

Джон спросил тревожно:

— Чего это он?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Обычно так кому-то радуется. Встречать побежал, наверное.

— Кого-то ждете?

— Сегодня никого, — ответил я. — Это кто-то из его личных знакомых.

— У него есть и свои знакомые?

— Ну конечно...

Он спросил робко:

— Здесь, в лесу?

Я пробормотал:

— Да кто знает... Может, оборотней приведет, а то и чудищ каких-нибудь. Я не знаю, с кем он якшается, когда сам по себе бегает... Мало ли каких друзей завел...

Он побледнел и подобрался, но перевязь подвинул так, чтобы рукоять меча была под ладонью. Молодец, трусит отчаянно, но гонор держит: позор для мужчины хуже смерти.

Далекий стук копыт раздался с другой стороны, множество всадников скачут, огибая лес. Затем я услышал всхрапывание измученных коней, даже по поту чувствуется, насколько они устали, затем из-за березняка выметнулся веселый Бобик, а за ним отряд легкой конницы сэра Дерибаса.

Сам он впереди, пригнувшись к конской гриве. Я поднялся и шагнул навстречу. Норберт слабо отсалютовал, лицо бледное.

Я сказал вместо «драсьте»:

— Дальше не выдвигаться, там войска лорда Голдвина! Держитесь за этим мыском леса.

Он сполз по конскому боку, виновато усмехнулся:

— Видать, старею...

— Вы за сутки прошли больше, чем за двое, — упрекнул я. — Что у вас за кони?.. Сколько вас?

— Всего сотня, — ответил он. — Остальные подойдут завтра. У нас отборные кони из самых отборных.

— Значит, — сказал я, — завтра нас будет около тысячи? А еще через неделю-две прибудет армия Шварцкопфа... Хорошо. Только бы подольше Голдуин не начинал штурм. А лучше всего, чтобы вообще не начинал и решился на долгую осаду...

Джон с обнаженным мечом в руке смотрел вытаращенными глазами то на Норберта, что разговаривает со мной крайне почтительно, то на меня.

Я перехватил внимательный взгляд Норберта, он рассматривает парня с профессиональным интересом начальника полевой разведки, который не верит никому и в каждом видит источник ценной информации.

— Все верно, — сказал я, — он оттуда, из крепости. Не стал обратно отступать, сообразил, что назад уже не выпустят.

— Прекрасно, — сказал Норберт и кивком позвал парня ближе, — а сейчас ты расскажешь мне, как

там все устроено, в чем отличие от других, где слабые места...

Измученные дальним переходом всадники расседливали таких же измученных коней, обтирали их потные бока тряпицами и травой, давали остыть, потом у вели к дальнему ручью, бегущему через лес.

Бобик на радостях завалил и приволок огромного кабана, а потом еще и оленя, но на этот раз Джону взялись помогать парни из разведки Норберта. От них он узнал потрясающую новость, что ко мне правильнее обращаться не «ваша милость», а «ваше высочество» и что я и есть тот самый Ричард Завоеватель, о котором теперь начинают поговаривать даже в соседних королевствах.

Один из разведчиков подошел неслышными шагами и остановился. Норберт взглянул на него коротко и продолжал разговаривать, я зыркнул на подошедшего и сказал Норберту:

— У парня важное донесение.

Он поморщился.

— Было бы важное, он бы меня уже за шиворот ухватил... Ну что там нового?

Разведчик ответил мирно:

— Мне показалось, что захотите сами взглянуть.

Заинтригованный, я поднялся, вместе с Норбертом прошли за разведчиком к опушке. Огромное войско, заняв всю долину, неспешно располагается на отдых, только мощные караульные заслоны выставили со стороны крепости, однако вокруг обоза подозрительно много народа.

С повозок снимают длинные обтесанные бревна, мотки толстых бечевок, связки ремней, снова бревна, длинные и короткие, массивные колеса...

Норберт сказал с досадой:

— Осадная техника!.. Вон из тех соберут катапульты, а вон те вроде бы для требушетов... Хорошо, пока осадные башни не строят.

— Колеса, — напомнил я, — такие больше для осадных, чем для катапульт. Рассчитанные на большой вес. Для катапульт годятся и простые тележные. Ну, разве что по две пары...

Утро в лесу не просто чудесное, а сказочное. Особенно когда вокруг отдохнувшие за ночь люди и кони, даже птички чирикают иначе, в самом деле поют, кто бы подумал, по ветвям прыгают рыжие, как факелы лесных пожаров, белки, сердито стрекочут и швыряют в людей скорлупками орехов.

Я лениво отпихивал Бобика, что соскучился за такую бесконечно длинную ночь, лес наполняется сдержаным говором просыпающихся людей, а со стороны опушки примчался молодой парень, сказал торопливо Норберту:

— Сэр, они начали!

Норберт встрепенулся, но взгляд недоверчивый, спросил быстро:

— Неужели приступ?

— Нет, за ночь собрали требушеты! И даже катапульты!

На мой взгляд, катапульты собирать даже проще, но смолчал, поднялся вслед за Норбертом, и вместе пошли к выходу из леса. Там на опушке, прячась за кустами, двое разведчиков внимательно наблюдают за полем недавней битвы.

Крепость возвышается все так же мощно и неодолимо, однако из-за высоких стен в трех местах поднимается черный дым. Десяток катапульт в окружении рыцарей безостановочно швыряют в сторону крепости

камни, бочки с горячей смесью и еще какие-то кожаные мешки, похоже, наполненные нечистотами.

Еще два могучих требушета, расположенных почти в середине лагеря, швыряют огромные камни. На мой подозрительный взгляд, с этими требушетами что-то не то, должна быть скорострельность где-то два-три выстрела в час, после каждого броска такого вот камня приходится менять ремни и заново укреплять расшатывающиеся балки и перекладины, а здесь бросок следует за броском, только успевай подносить камни.

С катапультами другое, издали они могут добросить камни разве что до стены, но так можно долбиться годами, а подойти ближе, чтобы перебрасывать через стену, не дают расположенные на башнях гастрофареты.

Одна метко пущенная стрела из гастрофарета не только насеквоздь пронизывает мастеров у катапульты, но нарушает ее работу, а две-три вообще приводят ее в негодность.

Здесь же на башнях их нет. То ли не считали нужным ставить, то ли уже выведены из строя.

Я сказал раздраженно:

— На что они надеялись, на крепость стен? Дурачье... Ладно, потери в крепости даже при таком обстреле невелики, могут и год продержаться. А через недельку-другую, надеюсь, прибудет и легкая конница Шварцкопфа. Пойдемте, граф, завтракать.

Он взглянул на меня с вопросом в серьезных строгих глазах.

— Граф?

Я кивнул.

— Наша мощь растет, опережая нас. И ваши полномочия будут постоянно расти, дорогой друг. Так что по возвращении в столицу получите бумаги на присвоение титула графа и все, что с этим связано.

Он поклонился.

— Польщен высокой оценкой моей работы.

— Не прибедняйтесь, — сказал я, — вы могли бы стать уже маршалом!.. Ого, целый олень на вертеле?

Глава 7

От завтраков, мы оставили разведчиков отдыхать, а сами снова вернулись на опушку, за это время обстрел только усилился. За нами увязался Джон, он при каждом выстреле сообщал, куда этот камень попадет, и вообще старался быть полезным, чтобы не отогнали.

В одном месте помимо дыма из-за стены поднялись языки огня, с ним боролись долго, наконец загасили, но дым поднимался еще долго.

Джон крикнул яростно:

— Почему не сделают вылазку и не уничтожат эти катапульты? Не сейчас, так хотя бы ночью?

Я напомнил хмуро:

— А у вас там достаточно народу?

Норберт произнес холодно:

— Любую крепость защищают малым числом. Кроме того, вон там в овраге что-то... посверкивает, не так ли?

Нечастный Джон взглянул и умолк, сердито посапывая. Засада ждет терпеливо, пока в крепости не выдержат забрасывания их жилищ нечистотами и не попытаются разделаться с катапультами.

— Быстро среагировал Годвин, — сказал я.

— Или королева слишком затянула время, — предположил Норберт. — Хотя нет, она должна только-только прибыть. Значит, Годвин догадался...

— Или у него есть шпион в наших рядах, — сказал я.

Он быстро взглянул на меня.

— Господи... как можно?

Я жестоко улыбнулся.

— Добро пожаловать в реальный мир, сэр Дерибас. Думаете, разведка существует только в поле?

Он сказал со вздохом:

— Не думаю. Но это не по-рыцарски.

— Воюют не только рыцари, — обронил я. — Если бы только рыцари, все было бы просто здорово, но когда сходятся две массы всякого люда... гм... есть такое подлое-преподное присловье: «победа любой ценой»...

Он воскликнул:

— Я такого не слышал! Это... отвратительно!

— Услышите, — заверил я. — Когда начнут побеждать базовые либеральные ценности... Ого, смотрите, как красиво выдвигается кавалерия!..

— Лихо идут, — согласился он.

Вооружение мезинцев мне понравилось: шлемы коннические с острыми шишаками, нет и намека на сложные и дорогие в производстве забрала, однако кирасы из хорошей стали, наплечники и наручьники из железа, как и поножи, но только их командир в полном рыцарском панцире, что, собственно, скорее признак престижа, чем дает реальные преимущества в бою.

Промчался второй большой отряд всадников, все в доспехах, до нас донесся тяжелый стук копыт, вдали заметны передвижения больших масс пеших войск.

За нашими спинами Джон вскрикнул:

— Смотрите!.. Идут на приступ!

Из леса широкой полосой выбежали десятки человек с огромными вязанками хвороста в руках. Пока они мчались к сторону крепости, из леса высекали еще и еще, уже не десятки, а сотни.

Когда приблизились на расстояние выстрела, со стен полетели стрелы, арбалетные болты, что тут же увязают в хворосте, но когда подступавшие начали

с размаха бросать вязанки в ров, сверху полетели и камни.

На место освободившихся от груза постоянно набегали новые, все действуют достаточно слаженно, словно отрабатывали на учениях, вязанки падают и падают в ров.

Норберт крикнул с невольным восторгом:

— Как притерто все, а?!

— Приступ ведут умело, — согласился я с тревогой. — Но запрудить ров еще не все...

— Смотрите! — крикнул он.

Из леса выбежали воины уже с лестницами в руках. Свежесрубленными, перевязанными лыком и веревками, но длинными. И главное, из леса все выбегают и выбегают новые.

Возле нас уже толпились другие разведчики, один крикнул встревоженно:

— Я поскаку обратно!.. Надо поторопить остальных!.. А то не успеют с таким приступом!

— Должны успеть, — прощедил я сквозь зубы. — Впрочем... поторопись, парень. Ты спасешь многие жизни.

Я не оглядывался, только слышал, как он бросился со всех ног в сторону коней, что отдыхают, расседленные со вчерашнего дня, мирно жуют овес.

На стене крепости поднялись во весь рост лучники, всего несколько с уже натянутыми луками; эти быстро выстрелили в наступающих и тут же пригнулись, а другие картинно натягивали, целились и стреляли.

Наступающие прикрылись щитами, но кое-кто упал, их места тут же заняли задние. На стене снова поднялись, явно по команде, выстрелили, кто был готов, и пригнулись, а другие стреляли достаточно неспешно или, точнее, неумело.

Так повторилось трижды, а на четвертый раз, когда

нападающие подошли ближе, из их рядов с воинами, закрытыми щитами, тоже поднялись лучники, и едва на стене в очередной раз появились защитники, им на встречу взвилась туча стрел.

Те, что натягивали лук заранее, успели выстрелить и пригнуться, а из новичков не все даже успели разжать пальцы на тетиве, одни падали на эту сторону, другие исчезали на той.

— Хорошая тактика, — проворчал я. — Молодец Голдвина... Не знаю, каков из него король, но пока действует безукоризненно.

— Умелый гад, — согласился и Норберт.

Из середины лагеря двинулась и тяжело пошла в сторону крепости чудовищно огромная осадная башня, на два ярда выше крепостной стены, спереди вся утыкана стрелами, особенно та часть, что сейчас служит щитом, а потом верх отцепится от крюков и ляжет, как подъемный мост, на стену.

Норберт вскрикнул:

— Крепость падет!.. Такое защитникам не выдержать!

Я смолчал. Любая крепость защищается прежде всего стенами, ловушками и переходами, а самих защитников всегда мало, иначе не прокормить в мирное время. Здесь же явно не успели собрать из соседних земель побольше сторонников Ротильды... или же их не так уж и много.

В любом случае видно, крепость защищается только своими силами, а люди Голдвина атакуют со всех сторон, где с приставными лестницами, а на безлюдных участках стараются забросить длинные веревки на крюках.

Под стеной все блестит металлом, словно подошла исполинская железная черепаха. Сверху поспешно

стреляют и бросают камни, а нападающие держат над головой щиты, в тесноте смыкая их краями.

Башню отделяло от стены всего два ярда, когда она остановилась, упервшись в покатое основание стены. Наверху отцепился верх перекидного моста, он упал краем на стену, достаточно широкий, чтобы по нему пробежали четверо в ряд, и тут же из открывшегося зева хлынули по мосту на стену люди в доспехах и с оружием в руках.

На них обрушился град стрел, арбалетных болтов и камней, всех смело как метлой, но оттуда высакивают все новые и новые, я видел, как у подножия башни бурлит человеческое море, все спешат вскочить первыми, промчаться по ступенькам вверх и вырваться на верх стены, где кипит яростный бой!

Они уже выбежали на стену и теснили защитников в обе стороны, расширяя плацдарм, однако с каменной башни метнули огромный валун, он ударил в середину мостика и проломил, а под тяжестью вооруженных людей тот треснул и развалился вовсе.

Десятки людей с криками полетели вниз. Воодушевленные защитники собрались с силами и пошли по стене навстречу друг другу, убивая и сбрасывая вниз нападавших, оставшихся в одиночестве и без поддержки.

Из черного зева башни часто и сильно били стрелами. Через некоторое время оттуда перебросили другой мост, поуже, но по нему бросились с такой яростью, кипя жаждой отомстить за павших, что защитники начали отступать.

Норберт сказал с бессильной злостью:

— Эх, а вот там уже открывают ворота!..

Уже сотни людей поднимаются по лестницам, прикрываясь щитами, и там на краю вступают в схватку с защитниками. На стенах везде завязался кровавый

бой, а в это время тяжелые створки ворот дрогнули и раздвинулись. С этой стороны к ним подбежали воины и, ухватившись за края, с силой потянули на себя.

Первым в распахивающиеся ворота ворвался, как вихрь, едва не задев створки ногами в стременах, рослый всадник в блестящем доспехе и с пышным султаном перьев на шлеме.

Он размахивал огромным мечом над головой и что-то орал, за ним поспешно устремились его рыцари.

— Граф Табард Вустерский, — пробормотал я. — Вот уж в самом деле Годдин послал сюда лучших...

За блестящим графом, которого Ротильда называла сильнейшим воином королевства и лучшим полководцем, победно ворвалась тяжелая конница.

— Все, — сказал Норберт обреченно. — Не успели...

— Крепость захвачена, — пробормотал я, лихорадочно перебирая варианты. — Но зачем нам крепость?

— Ваше высочество?

— Не лучше ли взять всю Мезину, — сказал я задумчиво так, словно это только сейчас пришло в голову. — Все, идем!.. Поднимайте людей!

Через несколько минут, когда все торопливо оседлали коней и вскакивали в седла, я пустил Зайчика в галоп. Сзади раздался отчаянный вопль, я с неохотой сбавил скорость.

Меня догнали, насмерть испуганные не схваткой, в которую я лезу, а тем, что буду сражаться один и погибну, а позор падет на них.

— Напавшее войско рассыплется по городу, — крикнул я, — они будут захватывать башни, арсеналы, бараки, поняли?

Норберт крикнул в ответ:

— А мы?

— В донjon, — прокричал я. — Туда, где будет основная схватка!

— Нас хватит?

— Бьют не числом, а умением!

— Ваше высочество, — вскрикнул он, — взять эту крепость и перебить в ней всех — очень важно для Голдвина. И он ни перед чем не остановится!

Я ответил резко:

— Тогда и я ни перед чем.

— Ваше высочество?

— Смелость города берет, — ответил я бодро, хотя сердце бьется, как овечий хвост при виде волка, — а мы возьмем всего лишь крепость... или хотя бы ее сердце!

Он что-то говорил еще, но я уже выдернул меч и прибавил скорости Зайчику.

В распахнутые ворота влетели последние конники, теперь пошла пехота, я успел влететь перед ними и послал Зайчика в центр крепости, где и должен быть донжон.

Везде безобразные и беспорядочные схватки, крики, лязг металла, ржание испуганных коней, в одном месте на меня оглянулись и что-то спросили, я не ответил, в другом месте один выругался и бросился на меня с поднятым мечом, я сшиб его конем и понесся дальше. Вообще-то хорошо, что пока нет погон и прочих опознавательных знаков, из-за чего все отряды, даже крохотные, таскают с собой тяжелые и неудобные знамена...

На улицах пусто, иные всадники, из нерыцарей, скакивают с коней и врываются в дома, но большая часть пронеслась в сторону центра, как и я.

Зайчик сбивал корпусом и даже не останавливался, чтобы растоптать жертву, я старался нигде не задерживаться, пробился в центр, там не донжон, а настоящий дворец, хотя с толстыми стенами и узкими окнами-бойницами.

На моих глазах два арбалетных болта блеснули на солнце оттуда, а здесь двое всадников из числа осаждающих с яростными криками сползли на землю.

В этот же момент дверь рухнула под натиском десятков тяжелых тел в стальных доспехах, и орущая масса ринулась внутрь.

Я не стал покидать седло, направил было Зайчика в пролом, но по ту сторону рухнувших ворот идет ожесточенная схватка. Троє защитников схватились с гигантом в темных доспехах, тот свирепо рубит красным мечом, и за считанные мгновения один упал, рассеченный почти надвое, второй отшатнулся, но кончик багрового меча достал и прочертил глубокую борозду на грудном панцире с такой легкостью, словно тот из бумаги.

Из длинной раны выплеснулась кровь, вторым ударом темный рыцарь срубил руку и тут же развернулся к третьему, что без всякого эффекта нанес два, казалось бы, сокрушающих удара ему в плечо топором.

Я подоспел как раз в момент, когда третий защитник подставил щит под стремительно опускающийся меч, щит разлетелся вдребезги, словно льдинка, а меч глубоко врубился несчастному в грудь.

— Ах ты сволочь! — заорал я. — Колдовство?.. А ну дерись со мной, скотина!

Темный развернулся в мою сторону. Я соскочил на землю, наши мечи сшиблись, высекая искры. Багровое лезвие его меча становилось все ярче, уже полыхающий пурпур, я чувствовал злость и нарастающий страх, колдовство не исчезает, как бы мне ни хотелось, а он рубил быстро и страшно, заставляя меня отступать.

В бешенстве я ускорил движения до предела, но все еще не мог пробить его защиту, но темный вдруг отпрянул, посмотрел на мой меч, — он начинал светиться нежной голубизной.

— Ага! — заорал я. — Ну?

Он спохватился и подставил меч под мой удар, клинки столкнулись с прежним скрежетом, искры полетели злые и острые, затем раздался даже не звон, а звериный крик боли.

Его меч переломился, а мой продолжил опускаться и рассек шлем так, что лезвие остановилось только на уровне челюсти.

Я торопливо выдернул его, за это время опомнился те, что наблюдали за поединком, ринулись на меня, я вертелся во все стороны и рубил, рубил, начиная чувствовать усталость и страх, что вот сейчас все закончится...

Со стороны выбитых ворот крепости нарастает грохот копыт и дикий победный рев:

— Ричард!..

— Ричард Завоеватель!

— Слава Ричарду!

На меня продолжали бросаться со всех сторон, я остервенело рубил, наконец закричал бешено:

— Кто не бросит оружие немедленно, тот будет повешен!

Кто-то растерялся, другие же, напротив, ринулись вообще озверело. Я рубил, крушил, повергал, сбивал с ног, затем сзади послышался храп, это Зайчик идет следом, закрывая мою спину, а иной раз и вырываясь вперед.

Я вскочил в седло, пронесся через зал и, заслышав крики и лязг оружия наверху, направил арбогастра по широкой каменной лестнице.

Он с удовольствием прогрохотал копытами по ступенькам, укрытым красным ковром. На втором этаже идет ожесточенный бой, я надвинулся сзади, как буря.

— Всем, — прокричал так, будто я на горе, а они далеко в долине, — сложить оружие!..

Нападавшие оглянулись, а уцелевшие защитники, тяжело дыша, прислонились к стенам, не выпуская из рук мечи. Глава отряда, высокий ладный рыцарь с жестоким высокомерным лицом, всмотрелся в меня, глаза в изумлении расширились.

— Ричард Завоеватель? — вскрикнул он в замешательстве.

— Он самый, — отрубил я. — Граф Табард, неужели вы думали, что я оставлю свою супругу в одиночестве? И хотя она сделала ошибку, отправившись сюда одна, но сейчас в Мезину вошла моя огромная и могучая армия, что только что с легкостью сокрушила Ламбертинию. Как вы понимаете, только за то, что мою супругу посмел обидеть тамошний герцог!

Он смотрел на меня исподлобья, голос его дрогнул от сдерживаемого гнева:

— Но здесь не Ламбертиния...

— Но я все тот же Ричард, — отрубил я холодно. — Хотите погибнуть? Это легко. Но еще от вас сейчас зависит — погибнет ли Мезина!.. Меня легко разозлить, граф. А я страшен в гневе... Ну скажите, скажите, что Мезина мне не по зубам?

Он всмотрелся в мое лицо, огонь в глазах медленно погас, из груди вырвался отчаянный вздох, а рука со злостью швырнула меч мне под ноги.

— Хорошо, сдаюсь.

Глава 8

Я повел строгим взглядом в сторону его людей, они тоже с великой неохотой начали бросать оружие. Защитники, дышат все еще бурно, смотрят на меня во все глаза, как на появившегося прямо с небес ангела.

— Поднимите меч, граф, — велел я. — Я принимаю

вашу присягу на верность. С моей стороны было бы глупо разбрасываться такими цennыми кадрами.

Я покинул седло и прошел мимо, а за спиной слышал, как он медленно поднял меч и двинулся за мной. Спину немного холодит недобroе предчувствие, но граф должен дорожить репутацией благородного рыцаря, он скорее умрет, чем ударит в спину.

С другой стороны, он просто сдался, а не приносил мне присягу на верность, это я нарочно сделал такой ход, и ему теперь надо либо воспротивиться и громко заявить, что присягу не приносил и не принесет, либо... сделать вид, что да, так уж получилось, теперь он мой вассал, чemu не рад, но честь рыцаря требует служить Ричарду Завоевателю...

Так дошли до комнат, откуда я слышал крики и лязг металла. Я пнул дверь, створки распахнулись и с силой ударились в стены.

В глубине комнаты пятеро дерутся с троими, а во главе тройки великолепная Ротильда с полным яности лицом, развевающимися красными волосами и мечом в руке. Она в полном рыцарском доспехе, только шлем с нее сбили, он откатился на середину комнаты, она дерется люто, а ее стараются прикрыть двое рыцарей, оба уже ранены.

Я прогремел страшным голосом:

— Прекратить!.. Кто не бросит меч — на виселицу!

Все остановились и смотрели на меня, выпучив глаза. Меч никто не бросил, да я на это и не рассчитывал, но граф Табард встал рядом со мной и сказал сломленным голосом:

— Прекратить сопротивление. В Мезину вторглась армия Ричарда Завоевателя. Мы все в его власти.

Пятеро нехотя убрали мечи в ножны, а Ротильда, с клинком в руке, бросилась ко мне. Громадные изумрудные глаза горят дивным огнем, подсвеченные из-

нутри, никогда не была такой прекрасной, неужели и женщин оружие так возбуждает?

— О, Рич...

Я стиснул челюсти, но заставил себя улыбнуться, когда она обняла меня и прижалась всем закованным в стальные пластины телом.

— Теперь видишь, что поторопилась?

Она прошептала мне в ухо:

— Прости...

— Подумаю, — пообещал я и, отстранив её, сказал громко: — Думаю, ты знакома с графом Табардом Вустерским. Он теперь наш подданный, ибо радеет о королевстве и не желает лишнего кровопролития.

Граф смиренно преклонил перед нею колено:

— Ваше Величество...

По ее лицу промелькнула довольная улыбка, но зеленущие глаза потемнели и стали строгими. Выпрямившись, она произнесла с холодным достоинством:

— Вы не были первым, граф, кто перешел на сторону Голдуина, потому я вас прощаю. Соберите всех своих людей, мы скоро двинемся на столицу.

Граф поднялся, поклонился и поспешил к двери. Один из двух оставшихся с Ротильдой рыцарей со скрежетом поднял погнутое забрало.

— Сэр Ричард...

Я всмотрелся, охнул:

— Виконт Мальтергард? Как вы здесь оказались?

— Это крепость Лаутгардов, — напомнил он, — Лорд Гену — отец Аргентьевлы и мой тесть.

— Понятно, — прервал я, — передавайте мое высокое благорасположение отважной Аргентьевле. Сэр Дерибас...

Норберт жестом подозвал двух удальцов из своего отряда, они встали по обе стороны Ротильды, а я сказал ей злым шепотом:

— Что ты творишь? Понятно же, к чему все приведет! Тебя спасло только то, что мой конь успел опередить мою армию на пару недель.

Она охнула, зеленые глаза стали темнее зеленого бархата, что на костюме ее герольдмейстера.

— Так они еще далеко?

— Только не кричи громко, — предупредил я.

— А эти, что с тобой...

— Мои личные телохранители, — объяснил я. — У них кони Роршанга, что могут мчаться сутки быстрее всех коней на свете. Но остальная конница — увы.

— Ой...

— Ладно, — сказал я, — иди займись своими людьми. Я пока установлю контроль над крепостью. Не стоит, чтобы те, кто ворвался сюда, почему-то решили, что они и есть победители.

Мой голос, похоже, прозвучал настолько непререкаемо, что она послушно кивнула и тут же исчезла, или я, возможно, в самом деле сказал что-то немыслимо умное и правильное, хотя вообще-то хотел просто от нее отделаться.

Норберт, убедившись, что лишних нет, прошипел мне на ухо яростно:

— Что вы делаете? Нас здесь горстка!

— Какая горстка, — возразил я, — сотня!

— Всего!

— Зато какая! — сказал я с подъемом. — Всем нужно будет раздать по большому прянику. Эта сотня спасла, можно сказать, Мезину!.. Или погубила, но это неважно.

Он хмыкнул, посмотрел с интересом, но ничего не сказал, ибо помыслы гениев редко понятны простым людям, я всегда был в этом уверен, а теперь все чаще убеждаюсь. Дело за малым — стать гением, а не только казаться.

— Ваше высочество, — сказал он церемонно, — действуйте. Надеюсь, наша сотня выстоит против пятитысячной армии Голдуина, где только конных рыцарей где-то около двухсот и около тысячи тяжелой панцирной конницы.

— Лехко, — ответил я. — Пойдемте...

Боковая дверь в коридоре распахнулась, оттуда вывалился старик в ночной рубашке, забрызганной кровью. Он хрюпал, хватался за стену, но, завидев меня, с трудом поднял на головой меч.

— За честь, — просипел он едва слышно, — Лаутгардов...

Я уклонился от удара, меч просвистел, как весло, звякнул о каменный пол, а старик едва не упал. Я придержал его, в горле у него сипит и клокочет, я чувствовал, как ладони мои чуть похолодели, и в самом деле он открыл налитые кровью глаза с полопавшимися прожилками в набрякших веках.

— Кто ты... вторгнувшийся...

— Я пришел на помошь, — сказал я поспешно. — Аргентьелла — ваша дочь?

Его лицо, и без того страшное и сморщенное, перекосилось, словно надкусил на больной зуб.

— Да... мой позор...

— Почему? — изумился я. — Ее жених виконт Мальтергард, сын Фреалафа и внук самого Торфта, того самого!.. Он не так богат, однако это один из самых древних родов Мезины, об этом знают даже в Сен-Мари, это такое королевство за Большим Хребтом!

Он смотрел на меня с недоверием.

— Что? Этот щенок?

— Сам Ричард Завоеватель, — сказал я, — благословил его на женитьбу с вашей дочерью.

— Ричард Завоеватель? — переспросил он. — Сэр, мне прискорбно такое говорить, но вы нагло врете.

Чтобы этого наглого и недостойного щенка благословил сам доблестнейший Ричард, о котором столько разговоров...

В комнату заскочил один из разведчиков Норберта, крикнул с облегчением:

— Ваше высочество!.. Дворец полностью освобожден, а войска в крепости сдаются.

Старик спросил непонимающие:

— Кому? Кто освободил?

— Сэр Ричард, — ответил разведчик, — вы с ним разговариваете...

Он умчался, я подмигнул старику и сказал благожелательно:

— Ваша крепость свободна, королева Ротильда вам весьма благодарна. Как и я. Чем бы вы ни болели, но... победители выздоравливают быстро!

На другой день прибыли на измученных конях оставшиеся девятьсот конников сэра Норберта. Я опасался, что мезинцы поймут, что их дурачат, снова возьмутся за оружие, отозвал в сторону Ротильду и сказал шепотом, что ей нужно укрыть лицо и, сделав вид, что она служанка, пробраться из крепости в расположение основного отряда сэра Дерибаса.

Она спросила в недоумении:

— Зачем?

— Здесь нас всего сто человек, — пояснил я, не считая нужным говорить ей о прибывшем пополнении. — А у графа Табарда пять тысяч!.. Как только поймет, что его дурачат...

Она вскрикнула тихонько:

— До сих пор не верю, что вы осмелились!

— Успокойтесь, — сказал я быстро. — Во-первых, если сумеете пробраться из крепости в лес, то среди тех конников вы в безопасности. Они не будут ввяз-

зываться в сражение, а просто увезут вас в безопасное место...

— Мое место — Мезина!

— Ну-ну, — сказал я примирительно, — я разве спорю? Скоро и Мезина будет безопасное, но не сегодня. Кроме того, как я уже говорил вам, сюда из Ламбертинии двигается огромная армия. Но сколько ей понадобится на этот марш?.. Неделя, две?.. Все это время будете в огромной опасности. Потому и настаиваю...

Она сказала резко:

— Нет! Это моя Мезина! Я не оставлю ее. Уж если даже граф Табард присягнул...

Я промолчал, что он присягнул мне, а не ей, сказал хмуро:

— Как присягнул, так может и отсягнуть. Моральное право у него на такое деяние есть. Его обманули.

— Он так не сделает! — прошипела она.

— Значит, он благородный рыцарь, — ответил я. — Это хорошо. А то я уже опасался, что он умный. Если не отсягнет, тогда у нас есть шанс дождаться армию герцога Шварцкопфа. Нужно только позатягивать время до подхода...

— Зачем?

Я ответил вопросом на вопрос:

— А что, двинемся прямо на Беллимину? С войском одного-единственного графа и сотней сэра Дерибаса?

Она сказала дерзко:

— А почему и нет? Докажи, что тебе все удается!

— Мне ничего не удается, — возразил я. — Все, что у меня получается, благодаря уму и расчету, а не удаче. И не надо меня на слабо, рыжая!..

После нее явился Норберт и напомнил, что в случае чего его легкая конница даже в полном составе не вы-

держит удара и меньшего по численного отряда тяжеловооруженных рыцарей.

— Сэр Дерибас, — сказал я мрачно, — вы ищете поводы, чтобы нам задержаться в этой крепости. С такими силами наступать бессмысленно.

— Пусть лучше граф Табард считает нас неповоротливыми?

— Пусть, — согласился я. — Это лучше, чем нас разбьют в первых же боях. Наша тысяча и пять тысяч армии Табарда, конечно, сила, но Голдуин может поставить и двадцать тысяч...

Он вздохнул, но ответить не успел, примчался один из его сотников, бравый и подтянутый, поклонился Норберту, но повернулся ко мне.

— Ваше высочество, — воскликнул он с подъемом, — я подниму на главной башне ваше знамя?

— Давай, — разрешил я.

Норберт буркнул:

— Стоит ли их злить? Все-таки это их королевство, а не ваше.

Я отмахнулся.

— Не бери в голову.

— Не нападут?

— Не такие уж и дураки, — сказал я. — Хотя, конечно, дураки, кто из нас не дурак, но ясно же, что я не претендую на Мезину, а просто-напросто беру эту крепость под свою защиту, так как здесь мои дорогие друзья: Аргентьевла Лаутгардская, единственная наследница огромного состояния, а в каком состоянии ее отец, вы видели, ему принадлежат земли в Ротгелье, Фармотье, А达尔енте и даже в Лепьерсе, но я не знаю, что это и где, просто делюсь информацией и заодно скромно бахвалюсь своей памятью. А еще в Беллимине у него несколько домов в самом центре!

— Надеюсь, — проговорил он тихонько, — пустит там погреться.

— И тут же в крепости его зять, виконт Мальтергард, сын Фреалафа и внук Торфта. Его древний род, что имеет корни в Гиксии и даже Горланде, так что мы выбрали для защиты тех, кто может отблагодарить...

Он вздохнул, покрутил головой, во взгляде появилась укоризна.

— Ваше высочество, ну что вы так? Только я начал считать вас благородным рыцарем, вставшим на защиту бедной женщины, хотя и не хотите признавать свой великолужный порыв, как вы сразу про деньги...

— А это я себя одергиваю, — пояснил я. — Благородный человек, да еще рыцарь, разом все разрушит и завалит! А страна сперва утонет в крови, а остатки утопнут в нищете, чего я допустить никак не могу из свойственного мне практического честолюбия: как драть налоги с нищих...

Глава 9

Где-то около сотни легких всадников я предусмотрительно оставил подальше от крепости и войск графа Табарда, строго-настрого запретив позволять окружать себя. В любом случае, какие бы дружеские отношения у нас ни были, втолковывал я, несколько человек всегда должны быть в седлах и в разъездах. Так, во избежание. Мы все-таки во враждебной стране.

Разведчики слушали внимательно, большинство — молодые парни, легкие на подъем, но влияние Норберта чувствуется: все чем-то похожи на него, суровые, немногословные, настороженные, больше слушают, чем говорят.

Норберт был со мной, оставив в крепости двух самых надежных сотников, он и обратил внимание, что

из-за холмов показались блестящие острия копий, а затем красные и оранжевые флаги. Гербов я еще не видел, но когда следом выдвинулись закованные в сверкающую сталь фигуры рыцарей, вздохнул с облегчением, узнавая отряды графа Табарда.

Они остановились на гребне ровной цепью, а к ним помчался галопом, быстро перейдя на рысь, а затем шаг, всадник в белых, как ангельские крылья, доспехах.

— Что бы это значило? — пробормотал Норберт.

— Ротильда, — ответил я со вздохом.

— Что Ротильда? — спросил он, не отрывая от блестящих рыцарей настороженного взгляда.

— Не знаю, — признался я. — Подъедет, увидим...

Он сказал тихо, со странным выражением:

— Повезло же вам, ваше высочество.

— В чем?

— С такой женщиной не заскучаете... Как говорит-ся, жизнь полна!

Я пробормотал:

— Вообще-то я мог бы и сам ее чем-то заполнить.

Всадник, переговорив с рыцарями, пустил коня в нашу сторону. Теперь все видели, как мы с Норбертом, так и застывшие за нашими спинами в немом восторге его разведчики, что к нам едет Ротильда в прекрасных рыцарских доспехах, тщательно выполненных и подогнанных по ее изумительной фигуре.

Шлем она передала рыцарю, что почтительно пристал, а потом и вовсе остановился, и так гордый, что его удостоили чести быть оруженосцем.

Непокрытую голову, впрочем, венчает довольно заметная золотая корона, пурпурные волосы красиво и свободно падают на плечи и спину, а шею и горло укрывает, подпирая подбородок, изящный воротничок из самых лучших кружев.

Когда подъехала ближе, я увидел на панцире вкрапленные в золото голубые камешки, все достаточно сдержанно, чтобы не превращать боевой доспех в костюм, и в то же время свидетельствует о высоком положении того, кто эту кирасу носит.

С плеч ее красиво ниспадает белый плащ с королевским гербом рода великого Дрогона, ноги в стальных сапогах твердо уперты в украшенные золотом стремена, конская упряжь тоже в серебре, золоте и драгоценных камнях, откуда это только все и взялось у нее, не иначе как старый Лаутгард расщедрился.

Норберт шепнул тихонько:

— Ваше высочество...

— Чё?

— Вам нужно встретить ее точно так же. Принято, знаете ли.

— Да ну? — сказал яsarкастически. — Зайчик!

Зайчик подбежал, подставил бок, я вскочил и выехал Ротильде навстречу.

— Ваше Величество, — сказал я со всей почтительностью, все-таки нас слышат все ее люди, но не смог удержать голос от язвительности, — вы так прекрасны... и у вас... гм... такой богатый наряд...

— Граф Генс Лаутгард отдал все свои сокровища, — ответила она гордо. — У меня весьма верные люди, сэр Ричард.

— Рад за вас, Ваше Величество, — сказал я. — Надеюсь, он будет вознагражден за свою верность...

Она увидела по моему лицу, что сейчас скажу нечто не очень приемлемое, и, выпрямившись в седле, повернулась к своим лордам, где вижу серьезное лицо графа Табарда, и помахала рукой.

— Приветствуйте моего супруга, — крикнула она звонким и сильным голосом, — что оставил все свои многотрудные дела, едва услышав о некоторых наших

затруднениях, и тут же прибыл на помощь с огромной армией!

Рыцари ее отряда орали в бешеном восторге, рожи перекошенные, ага, щас, все бросил и даже армию привел, да еще огромную, как же, я же благородный рыцарь...

Вообще-то рыцарь, сказал я себе зло, но не дурак. Насчет благородства еще не уверен, у меня вообще какие-то сомнения, что я многие слова понимаю так, как принято, потому я сдержанно улыбнулся и тоже помахал рукой.

— Благодарю, благодарю!.. А теперь — все свободны.

Ротильда победно улыбнулась своим лордам.

— Мой супруг хочет поговорить со своей королевой!

Рыцари почтительно склонились, а я соскочил на землю и подошел к ее коню, где картинно преклонил колено у стремени. Ротильда царственно сошла на землю, наступив металлической подошвой и чуть коснувшись кончиками пальцев моей склоненной головы.

Все это время она величаво улыбалась, я тоже старался, чтобы моя улыбка не походила на волчий оскал, все смотрят же, так же церемонно провел в шатер, который только сегодня натянули для Норберта его луди.

В тот же момент, как за спиной опустился полог, моя улыбка превратилась в оскал лютого зверя.

— Ну, — прорычал я, — что тытворишь?

Она надменно выпрямилась, а зеленые глаза широко распахнулись в патетическом изумлении.

— Сэр Richard!.. Вы разговариваете с королевой!

— Ты не королева, — сказал я зло. — И то, что я тебя спас...

Она вскинула красивые дуги бровей так высоко, что они оказались на середине лба.

— Вы меня спасли, сэр? Мы и сами бы отбились, а потом гнали бы их до самой Беллимины!

Я стиснул челюсти, пережидая бешенство, наконец проговорил лязгающим голосом:

— Вот что, Ротильда. Я сейчас забираю своих людей и возвращаюсь. Думаю, я сделал гораздо больше для поддержания моего имени, чем требовалось. Прощай.

Я повернулся и шагнул к выходу, Ротильда вскрикнула в великом изумлении:

— Но как ты можешь даже говорить такое?.. Разве ты не супруг мне?

Я обернулся и сказал резко:

— Талак, талак, талак!

Она покачала головой.

— Здесь это не действует. Ты все еще мой супруг, ты обязан меня защищать...

— Правда? — спросил я со злым весельем. — Похоже, ты кое-что забыла из перечня супружеских прав.

Она остановилась, на лице изумление, наконец спросила надменно, но и чуточку испуганно:

— Что ты имеешь в виду?

Я приоткрыл полог и крикнул:

— Эй, Джон!.. Позови стражу!.. И пусть сразу захватят цепи.

Она отшатнулась.

— Ты что? Что ты задумал?

— Ничего особенного, — ответил я со злым удовлетворением. — Твои лорды понимают и не будут возражать, если я, как супруг, воспользуюсь своим правом надеть на тебя кандалы, бросить поперек седла и увезти, куда мне угодно. Например, сдать в монастырь без права с кем-либо общаться. Разве это не записано в супружеском кодексе?

Она побледнела, прижала руки к груди.

— Ты так не сделаешь...

— Да? — спросил я.

Полог отодвинулся, осторожно вошел Норберт, за ним двое дюжих воинов, один держит в руках толстую пеньковую веревку, второй — короткую цепь с массивными кольцами стальных браслетов.

Ротильда вскрикнула, как раненая птица:

— Погоди!.. Ты не должен быть таким жестоким!..

— Почему? — спросил я.

— Я все делаю и для тебя тоже!

— Ого, — спросил я. — Ты имеешь в виду головную боль для меня? И всякие хлопоты?

Она проговорила умоляюще:

— Разве ты не получил Ламбертинию?.. Разве тебе безразлично, как к тебе отнесутся лорды Мезины?

Норберт зыркнул на нее, на меня, поклонился и сказал негромко:

— Ваше высочество, мы лучше подождем снаружи.

— Но далеко не отходите, — предупредил я.

Они вышли, Ротильда, на глазах теряя величавость, сделала шаг ко мне, продолжая прижимать руки к груди и глядя умоляюще.

— Помоги мне войти в Беллимину!.. Помоги!.. Это моя жизнь!.. Как я смогу жить в изгнании? Ты обрекаешь меня на гибель!.. На смерть быструю и страшную...

Я сказал саркастически:

— Ну почему же... Такая красивая женщина всегда найдет...

Она вскрикнула:

— Кого? Хозяина?

— Ну...

Ее прекрасные зеленые глаза заблестели, быстро наполняясь влагой.

— Ричард, — проговорила она с трудом, — умоляю!.. Ты же знаешь, я и при муже была хозяйкой в королевстве! И все это знали. Он только охотился да пирсы задавал!.. И что мне теперь, идти в жены к какому-то надутому дураку?.. Спаси меня! По-настоящему меня спасать нужно именно сейчас!.. Теперь нужно сделать только крохотный шажок!.. Только протянуть руку!

— Чтоб ты укусила? — спросил я сердито.

— Ричард, — проговорила она, — как ты можешь?.. После того как ты меня спас во время моего трусливого бегства, я только о тебе и думала...

Я фыркнул.

— Представляю! Такого лопуха найти!..

— Ричард, — сказала она умоляюще. — Тебе нужно всего лишь проехаться со мной до Беллимины. Твоя грозная слава опередит тебя, и ворота распахнутся без боя. А я останусь вечной твоей должницей!.. Вечной, Ричард!..

— Женщинам не свойственна благодарность, — буркнул я. — Вы все одолжения принимаете как должное.

— Ричард, — проговорила она умоляюще, — я второй раз не буду такой беспечной. И уже не дам себя сбросить с трона!.. Тебе больше не понадобится меня спасать. Зато с моей стороны... Тебе же нужно иметь рядом дружественное королевство?

Она смотрела блестящими от слез умоляющими глазами, но я видел за ними постоянно работающий мозг, что подсказывает правильные слова и доводы. Если, мол, не действуют выставленные напоказ сиськи и слезы беспомощной женщины, то надо попробовать о государственных выгодах и преимуществах, ибо если мужчина — мужчина, а не просто самец, то на сиськи не западет, зато клюнет на державные интересы.

— Удивительная женщина, — буркнул я.

— Ричард!.. Я умоляю тебя! Подумай о своей выгоде!

Я возразил с еще большей неловкостью:

— А о чём я только и думаю?.. Но плюсы от выгоды должны перевешивать минусы.

Она вскрикнула в отчаянии:

— Какие?

— Не знаю, — огрызнулся я. — Просто чую.

— Ты разве женщина?

— Я достаточно о них потерся, — буркнул я, — вот и набрался. А ты от них тоже набралась, как вижу?

Она робко улыбнулась сквозь слезы, видя, что мой гнев, нарочитый или реальный, начинает проходить.

— Ричард, мы же оба политики. И думаем о своих народах. И наши жизни... без их жизней... Ричард!.. До Беллимины всего двое суток!.. У нас не будет впереди боев!

— А Голдуин Адорский? — напомнил я. — Нынешний король?

Она вскрикнула:

— Он не король! Он узурпатор!

— И все-таки народ его признал, — напомнил я.

— Народ у нас привык подчиняться силе, — сказала она с горечью, — и традициям.

Я посмотрел с интересом.

— Ну-ну. Ты против традиций?

— Я против глупых традиций, — уточнила она. — Если они все видели, что управляю королевством я, об этом открыто говорили и лорды, и рядовые рыцари, и сам народ... то почему я не могу управлять, когда мой муж умер?..

— Не положено, — обронил я.

— Не принято, — поправила она. — Да, я согласна, большинство женщин — дуры набитые, сама знаю, на-

смотрелась. Но лорды признавали, что я правлю хорошо!.. Но когда это как бы из-под руки моего мужа, то все хорошо и правильно, а когда все то же самое, но...

Я вздохнул.

— Ротильда, это задевает наше мужское самолюбие. Когда ты правила при живом муже, все равно считалось, что правит он. Ну, в постели тебе отдает указания перед сном...

Она быстро зыркнула на мое лицо и возразила живо:

— Мы не спали вместе последние годы!.. Он только пил... и охотился.

— Неважно, — ответил я, — считалось, что все равно правил он. Пусть и через тебя. Даже не знаю, удержишься ли снова. Мне вовсе не показалось, что тебя поддерживают такие уж мощные силы.

— А лорды Лаутгарды, — возразила она, — в чьей крепости я остановилась?

— Твоя родня, — напомнил я. — Кровные узы оказались чуточку крепче понимания государственных интересов... гм... что надо учитывать и мне в моих землях.

— Ричард, — сказала она снова со слезами и плачущим голосом, — ну пройди со мной до столицы!.. Больше ни о чем не прошу. Если мне окажут сопротивление, клянусь, я сразу же откажусь от права на корону. И вернусь, обещаю.

Я подумал, вздохнул: трудно спорить с голой женщиной, но когда говоришь с красивой, спорить еще труднее — все время чувствуешь себя виноватым и не знаешь почему. Наверное, мы все перед женщинами виноваты, но признаем это только перед красивыми, потому они все так изощряются в косметике.

— Иди к своим, — сказал я. — А то решат, что мы уже в постели, а сейчас не время и не место.

Она вздохнула, торопливо вытерла щеку, где только что пробежала слеза, оставляя блестящий след.

— Да-да, надо идти...

— И глаза, — сказал я. — А то решат, что я тебя все-таки хорошенко отлупил.

Она начала вытираять глаза и остановилась.

— А может... все-таки так и оставить?

— Только попробуй, — сказал я, — ты переоцениваешь лояльность своих рыцарей.

— Да? — спросила она.

Я молча повернул ее к себе спиной и выпихнул из шатра.

Глава 10

Мезинские рыцари наконец раскусили, что со мной всего лишь тысяча легкой конницы, используемая обычно только для конных разъездов и разведки местности, да и то в момент атаки на крепость при мне была только сотня.

Не знаю, много ли было голосов, призывающих напасть, пока я с такой горсткой, но, думаю, голоса более трезвых возобладали: дескать, Ричард такое учитывает и наверняка продумал если не пути победы, что невозможно, то хотя бы пути отступления. И даже если вырвется из сечи в одиночку, то вернется с огромной армией и опустошит Мезину.

Но еще больше было восторгающихся безумной, как они считали, отвагой этого Ричарда, что первым из своих людей ворвался в павшую крепость и постоянно был на острие атаки, а потом сам красиво спас возлюбленную жену, что тоже взяла меч и сражалась впереди своих воинов!

Я морщился, кривился, сопел, вздыхал, но люди любят все красивое и необыкновенное, взрослые мужики ревут и проливают слезы над сопливыми любовными страданиями, которые воспеваёт заезжий бард, а тут на тебе — все вживую! И в голову не приходит, что я мог прикинуть, что вся масса, что ворвалась в крепость, бросится тут же грабить ближайшие дома, а к донжуону устремятся немногие из самых дисциплинированных, ибо там будет самая жаркая схватка, а добычи меньше всего...

Норберт все так же занимается разведкой и обеспечением безопасности и как бы невзначай дал понять и мезинцам, что ничего у них не выйдет с внезапным нападением. Уже потому, что каждое их движение отслеживается, а наши кони намного быстрее, просто уйдем от сражения, а вернемся с армией впятеро большей...

Я чувствовал себя на распутье, сейчас самое правильное бы вернуться в Ламбертинию... нет, там все в порядке, Меганвэйл бдит, а Бредли не позволит бунтовщикам поднять голову, мне же нужно в Варт Генц и Скарлянды, там объяснить ситуацию и успокоить по поводу того, куда делись армии и военачальники, а затем в Сен-Мари, где флот, типографии, ученые-алхимики в монастырях, железная дорога...

Вокруг шатра тишина, мне дают поработать и помыслить, потому, когда вдалеке раздался неспешный конский топот и фырканье большого количества чужих лошадей — они так обмениваются приветствиями с нашими, — я отложил бумаги и вышел наружу, морщась от яркого солнца.

К нашему небольшому лагерю приближаются неспешно несколько мезинских рыцарей. Во главе, естественно, Ротильда, царственно прекрасная и надменная.

Заходящее солнце воспламенило ее багровые воло-

сы, и мне почудилось, что она несет в себе солнце поменьше.

Наши воины, пусть всего лишь конные разведчики, среди которых ни одного рыцаря, с достоинством вышли вперед и загородили дорогу к моему шатру.

Ротильда улыбнулась одними глазами, они у нее сияют, как чистейшие изумруды, которые, как утверждают алхимики, открывают самые глубокие тайны.

— Вы хотите остановить супругу моего жарко любимого мужа? — спросила она.

Я не успел шевельнуться, она сама грациозно скочила на землю, демонстрируя, что иногда может обходиться и без церемониалов.

Мои воины поспешили расступиться, когда она пошла прямо на них. Я смотрел на нее в упор, теряясь в догадках, чего ждать на этот раз, а она почти пропела нежным голосом, но достаточно громко, чтобы услышали даже ее рыцари, остановившиеся на краю лагеря:

— Мой супруг, после долгой разлуки я жажду разделить с тобой ложе... Если ты не желаешь ехать в крепость графа Лautгарда, то я останусь в твоей палатке... С тобой я буду счастлива спать и на голой земле!

Все это проговорила вроде бы неспешно и с чувством, но так, что я не смог вставить слово, а теперь закончила и смотрит с вопросом, а у меня выбор только в том, спать с нею в крепости или в палатке, но спать — это слышали все, как мои, так и ее люди.

Есть, правда, и третий вариант — отказаться, но это будет кровным оскорблением. Даже мои не поймут, на критические дни в моем случае не сошлешься, а голова если и болит, то что ж, заодно и полечитесь, сэр Richard.

Я посмотрел ей в глаза и сказал мстительно:

— Если на этот раз не будешь храпеть и лягаться, то здесь. И чтоб одеяло не стягивала.

Она проговорила нежно:

— Дорогой, если нечаянно и стяну, то я собой тебя закрою...

Даже Норберт, на что уж в отношении женщин тверд, как скала, но и он смотрит на нее с восторгом, что, честно говоря, польстило, все-таки эта красотка подчеркнуто громко заявляет, что не просто идет в мою постель, а даже ломится.

— Что ж, — ответил я, — может быть, и поддамся на твои уговоры. Насчет постели, разумеется. Но поуговаривать придется.

Она улыбнулась широко и счастливо — как же, такого быка завалила, — царственно пошла в шатер.

Я вошел следом и потребовал резко:

— Ну, выкладывай.

Она широко распахнула дивные зеленые глаза, у нее и ресницы то ли темно-зеленые, то ли на них падает этот странный от света.

— Что, мой лорд?

— Зачем тебе понадобилась, — объяснил я терпеливо, — эта вот демонстрация. Ты не из тех, кто станет вообще упоминать постель.

Она нежно улыбнулась.

— Это же так понятно...

— Но все-таки, — сказал я, — учтивай, что я из другого биологического вида. Я мужчина.

— Да, — согласилась она, — мужчинам такое понять трудно. Ну, самое первое и простое... это все мои лорды перестанут лелеять надежды попасть в мою постель. Твое грозное имя отпугнет кого угодно.

— Так, — сказал я, — дальше.

— Этого мало?

— Конечно, — ответил я. — Ради такой малости ты даже не повела бы и бровью.

Она улыбнулась еще нежнее.

— Как приятно с тобой общаться даже в постели.

— Мы еще не в постели, — напомнил я.

— Но ты меня в нее пустишь? — спросила она. —

Или велишь спать на полу вот на той тряпочке?

— А ляжешь?

Она кивнула.

— Лягу. Я очень заинтересована, чтобы ничем тебя не раздражать. Скажешь — лягу. Куда укажешь.

— Не раздражать, — повторил я с сарказмом, — как же! Ты заинтересована, чтобы еще что-то из меня выдавить! Давай говори сразу, что именно?

— Милый, ничего, клянусь...

— Лучше признавайся, — сказал я с угрозой, — а то у меня фантазия знаешь какая? Такого напридумываю, мало не покажется.

Она посмотрела якобы пугливо, но я достаточно битый жук, в большинстве случаев вижу, когда передо мной прикидываются, да еще так нагло, будто бы такая вот хищная и властная красавица может хоть на минуту стать робкой овечкой, ну да, вот так щас и станет!

— Ничего особенного, — ответила она обиженно, — разве я не могу возжелать лечь...

— Возлечь, — уточнил я.

— Возлечь, — согласилась она, — с потрясателем королевств?.. Это так... весьма!..

Я покачал головой.

— Ты и с императором Германом не ляжешь, будь он немыслимым красавцем, если заранее не придумашь, как его обобрать. Я вообще не знаю, тебе хоть немного интересно...

— Что?

— Ну, эти супружеские обязанности!

Она вздохнула.

— Честно?

— Да.

Она прямо посмотрела мне в глаза.

— Если в самом деле честно, то... неинтересно абсолютно. А если совсем-совсем честно, то чаще всего просто противно. Но так же правда то, что с тобой было действительно не противно, а даже...

— Интересно?

— Нет, даже больше. Мне почти понравилось. Я не поняла что, но решила, что лучше от таких забав держаться подальше, а то превращусь в не знаю кого. Мне кажется, ты тоже такой.

Я криво ухмыльнулся, отвел взгляд.

— Любопытно.

— Только тебе труднее, — сказала она неожиданно, — твоя мужская природа требует от тебя грести под себя всех женщин, но если другим мужчинам это не всегда просто, то тебе...

Я поморщился.

— Знаешь, давай лучше о политике.

Следующие сутки были великим днем примирения. Небольшой отряд сэра Астальфа Лаутгарда и совсем крохотного числа рыцарей, поддержавших притязания Ротильды, уселись во время пира за одни столы с воинами графа Табарда.

А еще в этот день престарелый Генс Лаутгард простили свою дочь Аргентельлу и виконта Мальтергарда, что осмелились нарушить его отцовскую волю, когда убежали из дома и обвенчались тайком.

Я похвалил так внезапно выздоровевшего лорда Генса за политическую мудрость и дальновидность, что позволили ему выбрать верную сторону забора, по какую упасть, хотя, конечно, он поступил как дурак,

поддержав Ротильду, вряд ли она сумеет усидеть на троне без иностранных копий.

Виконт Мальтергард и Аргентьелла очутились в осажденной крепости потому, что ее отец, Генс Лautгард, умирал. Ему с каждым днем становилось все хуже, и они поспешили к нему, чтобы постоять на коленях у его ложа и, возможно, вымолить прощение.

Потому, когда началась осада, виконт тут же обнажил меч и бросился в самую гущу схватки, получил три небольшие раны, когда сражался за королеву, как и надлежит верному рыцарю.

Граф Табард в самом деле показывает себя в моих глазах умелым военачальником в том смысле, что для него важнее победы, чем сражения. Сразу, как только я принял решение, что мы проводим леди Ротильду до столицы, а от ее стен вернемся вне зависимости, как ее примут, он послал вперед гонцов с сообщением, что королева Ротильда возвращается в сопровождении могучей армии из Армландии и Турнедо.

Подозреваю, что он велел сказать гонцам еще проще: дескать, королеву Ротильду везет обратно на трон ее разгневанный супруг Ричард Завоеватель, потому всякий, посмевший оказать сопротивление, будет по-просту вбит в землю.

Когда первая же крепость на пути не просто сдалась без боя, а лорд выехал навстречу и смиленно просил принять его отряд в наше войско, осчастливленная Ротильда едва не бросилась мне на шею.

— Триумф, — прошептала она со слезами счастья, — это больше, чем я мечтала!..

— Правда больше? — спросил я с подозрением.

— Правда-правда!

— Гм, а я думал, ты вообще прорва ненасытная...

Она чмокнула меня к щеку.

— Спасибо, Ричард!..

— Да не за что, — пробормотал я с иронией, — такой пустячок...

— Я всегда останусь твоей должницей, — заявила она. — Я всегда-всегда... Будучи весьма довольной вашей помощью, ваше высочество, я изволю высказать вам свою монаршую благодарность и благоволение.

Изумленный переменой тона, я не сразу заметил, как приблизились граф Меркель и пара его помощников, оба крайне почтительные, издали сорвали с голов шляпы и красиво помахали в низком поклоне.

— Ваше Величество, — сказал граф Меркель, — впереди у нас только Бычий Рог и Серые Камни.

— А что за Бычий? — спросил я.

— Не извольте беспокоиться, ваше высочество! Просто крепости. Не самые-самые.

— Чего ждать?

Он сказал быстро:

— Если с ними не будет затруднений, на что очень надеемся, то завтра достигнем столицы!

Его помощники косят на меня чуточку тревожно, но кланяются и обращаются только к Ротильде. То ли так принято, то ли знают ее крутой нрав, а я, значит, либо мягче, либо слишком лев, чтобы давить мышей.

Впрочем, для меня неважно, я посматривал по обе стороны дороги и автоматически оценивал почву, прикидывал, чем лучше засевать, сколько бушелей гречихи можно снять с акра, а сколько пшеницы, хотя вон те земли лучше всего под рожь... Лес и здесь хороший, но везти его в Тараксон далековато, а вот железные руды здесь, как слышал, богатые и лежат практически на поверхности. Еще бы каменный уголь найти и обучить использовать вместо древесного, а то скоро все леса изведут...

Дробно простучали копыта, виконт Мальтергард приблизился, молодой и красивый, глаза горят восторгом, но вскрикнул с искренним сожалением:

— Ваше высочество, как же так?

— Что случилось?

— Они сдаются, — прокричал он с возмущением. — А как же жаркие схватки, воинские подвиги, доблесть и отвага, смертельный бой?

— Вам мало? — спросил я. — Слышал, Ротильда за стойкость и верность произвела вас в бароны?

Он сказал счастливо:

— Да, ваше высочество! После встречи с вами начались и для меня полоса удач!.. И милость королевы, и прощение со стороны сурового лорда Генса Лautтарда...

— Есть упоение в бою, — ответил я, — и бездны мрачной на краю, но, барон, довольствуйтесь и тем, что доблестно сражались и красиво защищали Ротильду Дрогонскую от... от правительственные сил, олицетворяющих закон и порядок.

Он крикнул сокрушенно:

— Мало!..

— Будет, — заверил я. — Но не на этом направлении.

— А где? — спросил он с надеждой.

— Государственная тайна, — сообщил я внушительно. — Все будет, барон. Даже больше, чем вам восхочется.

Он вскричал воспламененно:

— Никогда! Никогда не будет слишком много!

Это было так, как если бы ребенок заверил клятвенном, что никогда не вырастет, хотя... иногда в самом деле бывает так, что вырастает только телом, а умом остается таким же светлым и чистым идеалистом, что да-

ет полное право называть его дураком, а то и вовсе идиотом.

Я не стал даже напоминать, что у него вообще-то есть Аргентьелла, ради которой он рисковал жизнью. Но что значат все женщины мира, когда выпадает счастье ринуться с мечом в руке в жаркую схватку и красиво погибнуть с именем любимой на устах?.. Жить надо красиво!

В Мезине, как и в Ламбертинии, приходилось обходить не только горы или болота, но и так называемые Зачарованные Земли, почти везде называемые так одинаково, хотя в одних местах это безлюдная степь или каменистое плоскогорье, в других — лес, развалины древних строений, от которых остались только наполовину погрузившиеся в землю камни, или целые поля тумана, что стоят днем и ночью, летом и зимой, никакой ветер не в состоянии сдвинуть их или проделать прорехи в этих белесых массивах.

Я держался спокойно, дескать, все привычно, деды-прадеды обходили, вот и мы тоже, но внутри всякий раз закипает злость, а в виски стучит бешенство.

Когда-то доберусь до всех этих мест, все расколдую, везде побываю, все увижу, все раскрою, чем-то воспользуюсь, остальное все уничтожу, человек — тупая и ленивая свинья, скажи одному, что на свете есть кувшин с запихнутым туда джинном, что выполнит любые желания, и целые королевства опустеют, поля зарастут сорняками и кустарником, ибо тупые и ленивые все ринутся искать этот кувшин, а мы все в чем-то тупые, а ленивые так вообще во всем...

Никто не любит работать, я сам ненавижу это занятие, но я понимаю, что без труда не вытащишь, так что работать надо, а не надеяться на джинна, что будет пахать за тебя и выполнять любые желания, только скажи...

Глава 11

Мы двигались медленно, на одном из привалов в арьергарде поднялся крик, там заблистало оружие, потом все затихло. Норберт поспешил туда лично, а вернулся довольный, доложил с великим облегчением, что армия Шварцкопфа идет ускоренным маршем, а сейчас нас догнал один из передовых отрядов легкой конницы, посланной далеко вперед на разведку.

— Теперь все, — сказал он. — Честно говоря, мне все время было не по себе. Мезинцы могли в любой момент смять нас...

— Мезинцы показали себя рассудительным народом, — ответил я. — Покажите графу Табарду разъездной отряд нашей армии... Пусть убедится, что мы не блефовали.

— С удовольствием!

Как и предположил граф Табард, слух о том, что королева Ротильда возвращается с исполнинской армией Ричарда Завоевателя, который собрал войска из Турнедо, Армландии, Варт Генца, Скарляндов и даже Шателена, катился впереди нас со скоростью лесного пожара.

Некоторые крепости еще держались, закрыв ворота, но города сдаются сразу, бургомистры выносят ключи, Ротильда принимает благосклонно и милостиво, обещает благоволение, и мыдвигаемся дальше.

Я в последнее время ехал с нею рядом, еще она просила, чтобы Бобик не убегал далеко, он придает ей добавочную царственность, когда такой страшный и громадный пес послушно идет рядом.

В какой-то момент она красивым жестом вытянула вперед руку.

— Вон там!.. Моя Беллимина!

Я некоторое время всматривался, а когда вдали из-

за пологих холмов начали подниматься вершины высоких башенок, сказал настороженно:

— Что у тебя за зрение? Я только сейчас увидел.

Она довольно рассмеялась.

— Я столько раз здесь бывала! Знаю, когда что увидим.

Навстречу показались трое всадников на бешено скачущих легких тонконогих конях. Все одеты крайне легко, никаких доспехов, на поясах только ножи, а когда промчались мимо, низко склонившись в поклоне и заодно прячась от ветра, я понял по стуку, что даже кони без подков, так выигрывают важные секунды в скачке.

Ротильда кивнула в их сторону.

— Быстрые у тебя гонцы... Что ж, посмотрим, чем ответят в столице. Надеюсь, Голдуин Адорский собирает все мужество и выйдет навстречу со своим войском.

— Ты такая кровожадная? — спросил я.

— Я хочу все решить быстро, — возразила она.

— А он может выйти?

— Он никогда не был трусом, — заметила она, — иначе бы не решился на захват власти.

— Не выйдет, — ответил я.

— Почему?

— Судя по его поведению, — ответил я, — он отважен, но не дурак. А трон захватил тогда, когда тот шатался уже так, что прямо раскачивался. Кто-нибудь другой попытался бы...

Она поджалла губы.

— Пусть бы попробовал!.. Меня поддерживало больше лордов.

— Но Голдуин сумел?

— Я же говорю, он не начинал войну, как сделали

бы другие, а тайком ввел в столицу свои отряды, замаскировал их под торговцев и крестьян, а потом внезапно захватил дворец!..

— А твои лорды?

Она нахмурилась.

— Из-за того, что мне пришлось спешно бежать из дворца, чтобы не попасть в руки Голдуина, верные мне силы остались без командования...

— И без того, — договорил я, — за кого стоило бы драться. Что ж, будем надеяться, что твоя популярность в самом деле... еще не сгинэла.

Она нахмурилась.

— Что ты хочешь сказать?

— Не хотелось бы приносить демократию, — сообщил я, — на остриях копий. Да и тебе сидеть на них не совсем удобно, как почему-то кажется.

Она фыркнула и оскорбленно подобрала губы.

— Будь уверен, второй раз помогать не придется!

— Это точно, — согласился я, — лучше сам удавлю.

— Ты будешь ждать подхода основных сил своей армии?

— Она все равно прибудет, — ответил я, — но пока посмотрим на реакцию Голдуина. Судя по тому, как он захватил дворец, ему, как и мне, совсем не хочется ввязываться в широкомасштабную войну.

Конные отряды разведчиков Норберта промчались к самым воротам. Сверху на площадке уже роились воины в кожаных доспехах, в руках луки и арбалеты, конники развернули коней и с грохотом пронеслись мимо вдоль стены. Оттуда тоже никто не выстрелил, хотя на таком расстоянии можно бы попасть и умело брошенным дротиком.

Граф Табард сказал с удовлетворением:

— Похоже, драться не намерены.

Виконт Мальтергард вздохнул в отчаянии:

— Неужели это все?.. Конец подвигам?

— Потребуйте открыть ворота, — велел я графу. — Они видят наши знамена и хорошо понимают, кто пришел, с чем и почему.

Он коротко поклонился.

— Ваше высочество...

Он отбыл, а Ротильда хищно прошипела:

— Пусть только не откроют по первому требованию... Они уже должны были их распахнуть широко, когда увидели нас!

Я сказал примирительно:

— Не горячись. Если ты в самом деле королева.

Она метнула на меня яростный взгляд. Ноздри красиво вырезанного носа раздуваются, как у зверя, зачуявшего добычу, и тут же опадают так же внезапно и трепетно. На щеках играет, появляясь и тут же исчезая, нежный румянец, а глаза хищно горят, сильная женщина, даже и не знаю, как к такой относиться. Волчица, с овцами как-то проще, хоть и скучновато.

После долгих переговоров, когда наши кричали снизу у стены, а оттуда отвечали тоже такие же умники, ворота наконец распахнулись, выпустив троих всадников, и тут же закрылись.

Всадники, все немолодые, грузные, в богатых одеждах, символизирующих их власть и высокое положение в обществе, медленно пустили коней вперед.

Я рассмотрел спадающие с их плеч массивные золотые цепи, а у того, что едет посередине, даже с массивной бляхой, украшенной множеством мелких рубинов.

Ротильда ахнула:

— Сэр Зондерсхайзен?..

— Родственник? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет, однако он был всегда таким верноподданным... Ах ты ж изменник! Да я немедленно...

Я сказал негромко:

— Тихо!.. Я сказал, тихо.

Она ощутила нечто в моем голосе, закрыла рот, но каждым движением, жестом и мимикой выказывала, насколько возмущена и как кипит таким наглым и неслыханным предательством в отношении своей королевы.

Всадники приблизились, все трое слезли с коней и склонили головы.

Ротильда прошептала:

— Они не встали на колени!.. Это наглость и неповинование!.. За это стоит казнить немедленно!

— Ваше Величество, — сказал я сухо, не поворачивая головы, — прошу вас держаться подобно королеве, а не разгневанной прачке.

Она стиснула зубы, быстро зыркнула на Норберта, графа Табарда, Меркеля и других военачальников, что держатся возле нас плотной группой. Убийственный взгляд, который метнула на меня после этого, не обещает ничего хорошего.

Граф Меркель сказал тихонько:

— Ваше Величество...

— Нет, — прервал я. — Граф, я уважаю вашу преданность, но будьте взрослее.

Граф Табард сказал, морщась и опуская взгляд:

— Да-да, граф, они готовы говорить с тем, у кого... в руках меч. И большая армия.

Меркель отступил, а Ротильда, уже распахнувшая рот для вельможного окрика, со стуком его захлопнула и поморщилась, словно поймала большую жирную муху.

Представители переговорщиков в самом деле даже не смотрят в ее сторону, я чувствовал себя на перекрестье их внимательных взглядом и после рассчитанной паузы произнес холодно и высокомерно:

— Лорды...

Они подняли головы, и тот, что посредине, пожилой и с заметно отвисающими щеками, произнес почтительно:

— Ваше высочество...

— С чем прибыли? — осведомился я.

Передний ответил ровным голосом:

— Граф Зондерсхаузен к вашим услугам, ваше высочество. А это верховные лорды Беллимины...

Я прервал:

— Не трудитесь перечислять, пока что в этом нет надобности. С чем прибыли, лорды?

Он сказал медленно и осторожно:

— Мы здесь по поручению канцлера Фреальда...

Я перебил:

— А почему не Голдуина Адорского? Разве не он на троне?

Граф Зондерсхаузен ответил, не сводя с меня немигающего взгляда:

— Такие важные решения Его Величество Голдин не желает принимать один.

— Разумно, — одобрил я. — И что канцлер поручил вам... с одобрения Голдуина?

Ротильда дергалась, будь она конем — уже грызла бы мундштук, роняя пену. Это отвлекало, постоянно жду дурацкого женского вопля, наконец я сдвинул арбогастра на шаг вперед и повернулся так, чтобы вообще не видеть разъяренную женщину.

Зондерсхаузен произнес, не поведя даже глазом в ее сторону:

— Канцлер поручил мне узнать ваши намерения, чтобы решить, как нам поступить.

За спиной раздался полный ярости вопль:

— Что?.. И вы смеете еще торговаться?

Я чуть повернул голову и взглянул на Норберта. Тот все понял, кивком подозвал двух рослых воинов. Один ухватил повод коня Ротильды и потащил в сторону лагеря, а второй придерживал саму королеву, опасаясь, что спрыгнет или свалится.

Я взглянул на Зондерсхаузена, он все так же смотрит на меня неотрывно, ничего не замечая из того, что не должен замечать.

— Разумно, — повторил я. — Весьма. Решения, принятые на основе договоренностей, гораздо устойчивее тех, что подкреплены только силой. Но я хотел бы подробнее ознакомиться с общим положением, расстановкой сил в королевстве, желаниями лордов и всего благородного сословия... Если ваши полномочия позволяют, я хотел бы переговорить с вами подробнее.

Граф Табард быстро взглянул на Норберта, поклонился и произнес негромко:

— Ваше высочество, мой шатер в вашем распоряжении.

— Благодарю вас, граф, — сказал я с облегчением. Ротильду не хочется выталкивать из шатра, а вести разговоры с ее противниками при ней немыслимо. — Тогда, лорд Зондерсхаузен и ваши коллеги, прошу вас следовать за мной...

Глава 12

Положение, как я подозревал, намного хуже, чем рассказывает Ротильда. Большинство лордов, судя по сухому, но пространному докладу Зондерсхаузена, предпочли бы сохранить существующий веками порядок.

док вещей, когда на троне сильный и мудрый король, а при нем красивая и блестательная королева.

Никого не задевало, что во времена короля Гергента управляла его жена Ротильда, подразумевалось, что ею самой управляет муж, а она доводит его короткие указания до масс, разъясняя и разжевывая очень подробно.

И даже те немногие при дворе, кто понимал, что прозвище Великий король Гергент присвоил себе не по праву, такого прозвища гораздо более достойна его жена, помалкивали, ибо женщина на троне... это слишком грубое нарушение традиций.

Сейчас в королевстве все спокойно, все налажено, все довольны. Ну, за исключением совсем немногих, что чересчур резко выступили против Голдуна и лишились за это...

— Черепов? — спросил я.

Лорд Зондерсхаузен протестующе покачал головой, остальные посмотрели на меня с немым укором.

— Лорд Голдуин никого не казнил, — объяснил он. — Троє лордов погибли с оружием в руках в день переворота, восемь были отлучены от двора, им велено удалиться в свои имения и не показываться в столице под страхом смерти.

— И все? — спросил я.

— Все, — заверил Зондерсхаузен. — В остальном ничего не изменилось. Разве что Его Величество Голдуин Адорский совмещает в себе, так сказать, короля Гергента и его супругу...

— То есть, — сказал я, — руководит мудро, но не забывает про пиры и охоту?

Он ответил с поклоном:

— Вы обрисовали кратко и емко.

Я задумался. Положение непростое, щекотливое, и как поступить, не знаю. Когда мчался сюда во главе

войска, все было понятно, да и то, наверное, потому, что голова гудела от нерешенных проблем флота, железной дороги, сбора налогов и укрепления власти в Варт Генце и Скарляндах...

— Нужно выработать верное решение, — ответил я со вздохом. — Скажу честно, вы поставили меня в тупик.

— Ваше высочество?

Я объяснил:

— Не хочу вам навязывать королеву Ротильду силой... Может быть, есть смысл выдать ее за Голдуина замуж?

Они переглянулись, Зондерсхаузен сказал после паузы:

— Прекрасный вариант, ваше высочество. Если вам, конечно, не жаль расстаться...

Я посмотрел на него волком:

— Шутите?

Он смиренно наклонил голову, скрывая улыбку.

— Простите, ваше высочество. Мне уж подумалось, что вы в самом деле нечто особое и сумеете с Ее Величеством поладить на своих условиях.

— Нет уж, нет уж, — сказал я в сердцах, — сами ладьте. Единственное, что обещаю вам, никаких репрессий со стороны Ротильды не допущу. Мудрая она или нет, но все-таки женщина, а у них эмоции захлестывают и разум.

Один из переговорщиков сказал уныло:

— Жаль только, что вариант замужества абсолютно неприемлем.

— Почему?

— Лорд Голдуин женат, — сообщил вместо него Зондерсхаузен.

— Вторую жену, — предложил я, — в интересах де-

ла... Хотя да, чтоб Ротильда и второй женой?.. Да и вообще, она удавит Голдуна в первую же брачную. Гм...

Зондерсхаузен спросил нерешительно:

— А если все оставить как есть?

Я ответил со вздохом:

— Был нарушен закон. Лорд Голдуин не должен был силой захватывать трон!.. Понимаю, так было проще всего, однако стоило все-таки собрать всемезинское собрание лордов и выбрать наиболее достойного. Глас народа лордов — глас Господа и высший закон.

— Избрали бы лорда Голдуна, — сказал Зондерсхаузен.

— Не сомневаюсь, — согласился я. — Однако он поторопился, нарушил закон.

— Но все мы нарушаем...

— Увы, — сказал я, — мы делаем тайком, а Голдуин сделал слишком заметно. Теперь в глазах всех соседних королей он стал узурпатором.

Зондерсхаузен ответил со вздохом:

— Это так, но...

— Хуже того, — прервал я, — и в глазах всех лордов. Одни скажут, что нет в мире справедливости, а другие увидят возможность для себя собрать сторонников, ворваться во дворец и тоже скинуть короля в своем королевстве.

— Ваше высочество! Такие ужасные вещи говорите...

— Ужасные, — согласился я, — но реальные. — А мы должны избегать даже возможности мыслей о насильственной смене власти. Потому если захват власти Голдуном оставить безнаказанным, то осмелейт очень многие честолюбцы и авантюристы... Нет-нет, мы должны защитить право, хотя я сам авантюрист еще тот... но я хоть понимаю, что это нехорошо.

Зондерсхаузен сказал грустно:

— Значит... посадить на трон Ротильду?

Остальные смотрели на меня с поникшими лицами. В их глазах я видел скорбь и сожаление.

— Да, — ответил я с неохотой. — Ибо это законное!.. Однако утвердить ее на троне с весьма ограниченными полномочиями. У нее характер крутой, сразу же возжелает расправы над противниками, а это недопустимо в правовом государстве, которого еще нет, но которое будет... ну, со временем. Потому нужно учредить парламент. Что это за дичь, поясню позже. А еще стране придется принять Великую Хартию Вольностей, что весьма ограничит права Ротильды. То есть никого нельзя будет даже арестовать и бросить в тюрьму без справедливого суда равных... Это защитит вас лучше любой армии!..

Все трое слушали с напряжением в лицах, стараясь ничего не упустить, только Зондерсхаузен напомнил с неуверенностью в голосе:

— А что с лордом Голдуином?

— Его отстраним от трона, — ответил я, — и сошлем на остров Святой Елены... Ах да, тут везде суши... В общем, сошлем в его родовые земли и запретим появляться при дворе.

Все трое перевели дыхание, Зондерсхаузен произнес с благодарностью:

— Очень великодушное решение.

— Просто правильное, — ответил я. — Мы должны добиваться всеобщего согласия. И конфликты разрешать либо в результате переговоров, либо в суде, но никак не в сражениях. Нам ценен каждый налогоплательщик. Особенно богатый.

Зондерсхаузен проговорил с сомнением:

— Но мне трудно поверить, что королева согласится с таким положением дел...

Я сказал с нахимом:

— При той форме правления, что я введу, править будете вы, а не королева!.. Ее дело — сидеть на троне и улыбаться. Принимать иностранных гостей, заниматься благотворительностью, строить сиротские приюты... ну и тому подобные важные дела. Лорды, вы меня поняли?

Их лица все больше светлели, начинают соображать, что вообще-то им даже повезло с вторжением моих войск. Голдуин и Ротильда будут отодвинуты от реальной власти, а мудро и справедливо править смогут они, которых раньше держали и до сих пор держат в роли советников, к которым иногда прислушиваются, а чаще нет...

Когда все заканчивалось, я хлопнул ладонью по лбу.

— Ах да, в громаде государственных дел мы как бы не должны забывать и о гуманитарных проблемах голодающих регионов... Нужно быть готовым к приходу светлого Царства Небесного, а там почему-то эти вопросы будут актуальны, как будто кого-то в самом деле интересуют эти голодающие... Как там эти двое.. ну, детишки Ротильды?

Зондерсхаузен взглянул с удивлением.

— А что с ними?

— Ну, это... живы?

Он повел плечами.

— У них меньше всего проблем. Играют... В их мире никаких войн еще не существует. Их и раньше родители не сильно баловали вниманием. Так что для них ничего не изменилось. Думаю, мало что изменится, когда лорд Голдуин уйдет.

Второй советник сказал негромко:

— Вы можете быть за них спокойны, ваше высочество.

— Почему? — спросил я.

Он ответил мирно:

— Сейчас фактически правите вы, ваше высочество, а не женщина. Лорд Голдуин удовлетворен полностью. С его стороны неприятностей не будет.

Зондерсхаузен добавил:

— Он восстал против женщины на троне, а не короля.

— Но я скоро уйду, — предупредил я.

Он взглянул на меня с вопросом в глазах.

— Но ограничения...

— Королевской власти? — спросил я. — Да, очень серьезные. Хорошенько, и даже весьма, проработайте мою Хартию прав и свобод. Не исключено, добавите что-то еще мудрое. Я же не бесконечно мудр, а просто зело мудр, но курс королевства не должен зависеть от прихоти одного человека!

Они с облегчением перевели дыхание, а кто-то пробормотал враждебно:

— Да еще женщины...

Армия Шварцкопфа вошла в Мезину полностью, я выехал навстречу, вручил ему карту и подробно проинструктировал, где расположить гарнизоны, какие дороги взять под контроль, какие города пропустить, а в какие ввести свои патрульные отряды.

— Все-то вы успеваете, ваше высочество, — пробормотал он завидующе. — Когда только и составили все это...

— Учитесь, герцог, — сказал я назидательно, — управлять государством. Сперва на чужом, чтоб свое не попортить.

Он ухмыльнулся.

— Спасибо, ваше высочество. Но не хотел бы и чужое портить.

— Тогда будьте особенно осторожны.

— Куда денусь! И так теперь хожу, как на птичьем дворе, где цыплята лезут под ноги.

Я сказал бодро, как принято говорить с кадровыми военными:

— Действуйте, герцог!.. А я отбываю в столицу. Там тоже не умеют ходить строем.

Уже на обратном пути, пустив Зайчика вскачь, подумал запоздало, что строем еще нигде не умеют ходить, Шварцкопф не поймет, но отнесет на счет моей великой мудрости, что выбирает незнакомые слова.

Норберт и его люди, усиленные двумя полками панцирной пехоты и сотней рыцарской конницы, все еще остаются на возвышенности, с которой хорошо видно Беллимину, но войти не решаются.

Я отдал Зайчика в руки конюхов, Бобику указывать не нужно, где что есть интересного, а когда я пошел к шатру Норберта, тот уже выскочил, предупрежденный, навстречу.

— Сэр Дерибас, — поприветствовал его я.

— Ваше высочество...

— Норберт, — сказал я, — какие новости из Беллимины?

— Лорд Голдуин, — доложил он, — только что покинул Беллимину со своими сторонниками. Я дал ему в провожатые десяток своих людей со знаменами, чтобы всем окружающим было видно насчет добровольной передачи власти... или властных полномочий, как вы говорите, хотя никто этого до сих пор не понимает.

— Хорошо, — сказал я, — что с Ротильдой?

— Совещается со своими лордами, — ответил он, понизив голос и с некоторой тревогой. — Похоже, строит какие-то планы...

— Или распределяет эти самые властные полномочия, — сказал я. — Прекрасно. Это хорошо, что занята.

— Но, ваше высочество...

Я взглянул с удивлением:

— А у вас есть идеи, чем ей заняться еще?

Он покачал головой.

— Нет...

— Ну тогда пусть продолжает играть в свои игры.

Лишь бы не лезла в наши.

— Но, ваше высочество...

— Она полезет, — согласился я, — вы правы. Но не влезет.

Он перекрестился, вздохнул, в глазах надежда перемешивается с недоверием, но взглянул на меня и ничего не сказал.

— Кстати, — проговорил я, — немедленно все оставшиеся экземпляры Великой Хартии Вольностей отправьте в Беллимину. Их маловато, так что пусть местные интеллектуалы переписывают и распространяют.

Он чуть поклонился, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Будет сделано, ваше высочество.

— Что-то хотите добавить? — спросил я.

Он покачал головой, но я смотрел требовательно, и он ответил почтительно:

— Мне кажется, в Беллимине эту Хартию примут с наибольшим восторгом.

Я кивнул.

— Верно мыслите. А с наименьшим?

— В Армландии, — ответил он незамедлительно.

Я вздохнул.

— Вы очень рассудительный человек, сэр Норберт. Спасибо!

Он исчез за пологом, я некоторое время тупо смотрел вслед, а на ткани шатра как наяву появляются картины, как Ротильда въезжает в город, народ пугливо опускается на колени, а она зло и надменно велит гра-

фу Табарду схватить вон тех и тех, вздернуть прямо на площади, не так поклонились, сволочи...

— И зачем я это взвалил на свою голову? — спросил я с тоской. — Какой же я дурак... Господи, а ты в самом деле создал человека по своему образу и подобию?

Полог распахнулся, ворвался Джон, глаза горят готовностью броситься хоть в пропасть, только прикажите, ваше высочество!

— Звали, сэр Ричард?

— Ну, — пробормотал я, — не совсем вас, но раз и ты по его образу и подобию... (Господи, неужели мы из одной глины?...) то вот тебе срочное задание: вызвать графа Ханкбека.

— Это такой, — спросил он, — из лохматых полей вождь какого-то дикого племени?

— Он уже не вождь, — сказал я строго, — а граф!.. И учится сморкаться в тряпочку. Учись и ты быть учтивым.

Он исчез, я прикидывал макет воззвания к народу Мезины, потом опомнился, сказал с досадой, что народа еще нет как такового, как нет пока и наций и даже народностей, это меня занесло не туда, мыслю шаблонно и все подгоняю под какие-то стандарты. Видимо, я очень умный, научное мышление, правильный подход, что, увы, не срабатывает в неправильном месте, которое я стараюсь сделать правильным, да еще и церковь помогает...

Ханкбек явился разогретый бурной скачкой, от него пахнуло как своим потом, так и конским, а еще совсем немного вином, что и понятно, впервые оказался за пределами Скарляндии, всему удивляется, все про будет...

— Граф, — сказал я внушительно, и он посеръезнел, подтянулся, — мне приятно видеть, как отважно и решительно вы проводите в жизнь линию наших реше-

ний по употреблению и демократизации базовых ценностей по всей дороге сюда... да-да, мне все доносят, но не красните, вы же теперь граф!.. У меня к вам важнейшее задание.

Он по-военному коротко поклонился.

— Располагайте мной, ваше высочество.

— Нужна, — сказал я доверительно, — особая деликатность, почти нежность, однако и жестокость, если потребуется. Про строгость молчу, сами понимаете, мы в дружественной стране, которую оккупировали, но она, я говорю о стране, не должна об этом догадываться. Вы назначаетесь начальником охраны дворца, здесь восемь зданий, расположенных на территории примерно одного хайда...

Он охнулся:

— Это же несколько сот акров!

— Размах, — согласился я. — Правда, там в основном сады и поля для выгула королевских коней, но все это огорожено достаточно высоким забором. Плохо то, что задним концом это все упирается в городскую стену. Любой, кто перелезет в том месте, сразу попадает в королевский сад...

Он покачал головой, лицо становилось все несчастнее.

— Думаю, именно так заговорщики и пробрались во дворец?

— Деталей не знаю, — ответил я небрежно, — не мой ранг. Но ваша задача будет не столько в том, чтобы уберечь королеву Ротильду от покушений, сколько уберечь народ от самой Ротильды. Да-да, от покушения на его свободы.

Он спросил медленно, словно выдавливал из себя:

— И в каких пределах...

— Определяйте сами, — ответил я быстро. — Поста-

райтесь преподносить так, что это для ее безопасности. Если же начнет артачиться...

— Это наверняка, — обронил он сумрачно. — Я уже успел наслышаться. Всего трясет! А вас еще больше заботил. Вы просто стальной человек, ваше высочество!

— Тогда действуйте моим именем, — сказал я. — Объясните, как я уже говорил ей, но повторяйте чаще, что это в ее интересах. Мы полны решимости утвердить ее королевой и удержать на троне! Да, мы поддержим и обеспечим... ну, в общем, она будет, как и мечтала, королевой Мезины. Первой в истории королевства. Возможно, вообще первой в истории, не знаю.

Я умолк в раздумье, он проговорил с вопросом в голосе:

— Ваше высочество?

— Но полномочия ее будут несколько урезаны, — закончил я. — В ее же интересах. Иначе могу не успеть с другого конца света примчаться на помощь, когда разгневанный народ потащит ее на плаху.

Он подождал, но я молчал, наконец он поклонился.

— Ваше высочество... позвольте выполнить?

— Да, — ответил я. — Позволяю. В полной мере.

После его ухода продолжал думать, что сам пока не знаю, на что такая моя удушающая забота будет походить, когда на троне королева, но управлять она может лишь в той мере, в какой позволяю я, так как пока не вижу другого варианта.

Да, она будет в бешенстве... но что делать?

Глава 13

Она ворвась, как фурия, красивое лицо перекошено яростью, я даже невольно зыркнул ей за спину, почутились огромные черные крылья.

— Что? — вскричала она. — Ты так со мной поступаешь?

Я поморщился.

— Ротильда...

Она взвизгнула:

— Что значит «Ротильда»? Я королева или не королева?

— Королева, — подтвердил я. — Более того, я всего лишь принц, это вижу на мордах всех твоих людей. Чего тебе еще?

Она завизжала:

— Ты не рассказывай о том, чего нет!.. Я как пленница в собственном дворце!.. Почему мне все запрещено?

— Что? — спросил я. — Что тебе запрещено?.. Царствуй, наслаждайся!.. Народ безмолвствует! Чего тебе еще?

— Твой граф Ханкбек... Этот мужик в самом деле граф?.. Заявил, что все мои указы я должна передавать сперва ему!.. На предмет, как он заявил нагло, соответствия... Какого соответствия?

Я сказал успокаивающее:

— Ротильда, слушай сюда. Ты все еще не королева!.. Еще не поняла? Ты все еще вдова короля Гергента Великого. Понятно?.. И сейчас я здесь для того, чтобы тебе помочь обрести статус королевы...

Она закричала:

— Я уже королева!

— Судя по визгу, — ответил я, — ты императрица как минимум. А то и владычица морская, а золотые рыбки на побегульках. У меня в ушах уже прям не знаю что! Точно, императрица. Если не две... Слушай сюда. Мы не станем с этим тянуть, у меня дел много, и надо срочно отбыть весьма далеко и постараться за-

быть Мезину как кошмарный сон. Потому проведем инаугурацию...

— Что-что?

— Помазание, — поправил себя я. — Миропомазание или конфирмация, возложение священного шнура... В общем, проведем церемонию коронации в кратчайшие сроки, чтобы ты стала королевой и официально.

Она замерла с раскрытым для вопля ртом, очень эффектное зрелище, потом захлопнула и сказала с великой неохотой:

— Вообще-то это должно многое решить...

— Да что многое, — заверил я, — все решит!.. Когда сядешь на трон, а епископ от имени всемилостивейшей церкви возложит тебе на твои роскошно-рыжие волосы...

— У меня каштановые, — уточнила она автоматически.

— ...золотую корону, — договорил я, — то станешь настоящей королевой, помазанной на власть, признанной церковью и твоими союзниками, что немаловажно. Только в этом случае все выступления против тебя станут незаконными! А пока что ты не королева, Ротильда. Жена короля — еще не королева.

Она вспыхнула.

— Я — королева!

— Скоро ею станешь, — заверил я снова, — и тогда неподчинение тебе будет наказуемо. А пока... иди поройся в песочке.

Параллельно с подготовкой к помазанию на престол я торопливо вел отбор в Высший Совет, который сам должен вести дела дальше: созвать парламент, создать независимые суды и многое еще чего нужного и в какой-то мере даже полезного.

Абсолютно не зная мезинцев, я попросту велел при-

вести глав всех гильдий и цехов, их собралось в зале больше двухсот человек, — народ солидный, степенный, мудрый, осторожный и предпримчивый.

Я смотрел на них, собравшихся в зале, и видел, что палец им в рот не клади, откусят по локоть. Они тоже смотрят очень внимательно, оценивают и взвешивают, могу даже сказать себе в похвалу, что большинство относятся ко мне с уважением, чувствуя человека, который, как и они, сам «выбился в люди», сам все создал и теперь строит нечто новое, что должно принести ему высокую прибыль.

— Надеюсь, — произнес я, — все вы прочли мою Великую Хартию вольностей, прав и свобод. А кто не прочел, тому наверняка рассказали... Хочу сразу сказать, что все это очень серьезно. В смысле всерьез. Вы догадываетесь, что это снимет с правителя множество забот и переложит на вас... но, с другой стороны, никто вам не помешает работать больше, лучше, получать прибыль намного выше, богатеть и пользоваться тем уважением, которое вам пока не оказывают... несмотря на все ваши заслуги и достоинства.

Они продолжали рассматривать меня серьезно, изучающе, с некоторой настороженностью.

— Я не знаю, — сказал я откровенно, — насколько вы к этому готовы. Потому давайте-ка я послушаю вас. А потом решим, продолжать это рискованное дело... или забыть о нем.

Снова долго молчали, переглядывались, наконец поднялся осанистый мужчина, которого по богатству платья можно было принять за человека благородного сословия, если бы в одежде были красные или оранжевые тона, разрешенные только для людей высшего положения.

— Ваше высочество, — произнес он, — я Карме-

стер — глава гильдии оружейников. Выражу общее мнение, если скажу... что все это очень необычно.

Он умолк и смотрел вопросительно. Я ответил сразу же:

— Мне легче, чем вам. Я родом из очень далекого королевства, где такую реформу провели давно. Потому могу сказать уверенно, что это работает, еще как работает!..

Они снова переглядывались, наконец Кармester проговорил с той же неуверенностью:

— Нам очень важно понять, ваше высочество, зачем вы это делаете...

Кто-то из зала крикнул:

— Зачем копаете яму самому себе!

Я вскинул руку, улыбнулся и сказал громко:

— Уверяю вас, я с властью расставаться не собираюсь. Более того, с вашей помощью я ее укреплю. Местные лорды с вас дерут любые налоги, какие устанавливают сами, что нечестно... и я могу на это махнуть рукой, как вы понимаете, однако они оставляют эти деньги себе, в государственную казну ничего не попадает, а это мне уже прямой ущерб!..

В зале начали сдержанно улыбаться, мой цинизм и мои заботы становятся понятны, как и мое желание опереться на них в борьбе с соперничающими богатыми вельможами.

Кармester покачал головой.

— Лорды, — сказал он, — это лорды. Они не позволяют. У них сила, богатство, воинская выучка, могучие отряды, закаленные в схватках...

Я кивнул.

— Все верно. Вы абсолютно правы. Но есть крохотная деталь, которая меняет все.

В зале затихли, а Кармester спросил осторожно:

— Ваше высочество?

— Я здесь не король, — пояснил я. — Не местный король, которому нужно ладить с поддерживающими его лордами, иначе те могут и скинуть. Я — оккупант, что привел не слишком огромную, но очень боеспособную армию. Она легко подавит любые протесты и недовольства. В Мезине для меня нет своих лордов. Любого могу на плаху только за косой взгляд!.. Надеюсь, лорды здесь не полные дураки и это понимают.

В зале лица светлели, меня опасаются меньше, лев мышь не давит, а еще понятно, что для укрепления своей власти я должен вбивать в землю всякого, кто рискнет поставить себя на один уровень со мной.

Естественно, это не будут люди простого сословия, неважно, насколько они богаты и каким влиянием пользуются среди членов своей гильдии или своего цеха.

Кармester проговорил медленно:

— Ваше высочество... если это всерьез... то это то, о чем мы даже мечтать не решаемся...

— А теперь можете претворять в жизнь, — сказал я. — Но сразу продумайте систему местной власти, которую выберете и которой сами же и будете подчиняться. Самых мудрых среди вас изберете в парламент. Ну, это такое собрание, что будет принимать важные законы...

Он спросил с недоверием:

— И что... эти законы вы будете... уважать?

— Законы король не только должен уважать, — сказал я значительно, — этого мало, но и должен им подчиняться.

Он покачал головой.

— Простите, ваше высочество... но как-то не верится, что вы будете подчиняться тем законам... которые напишем мы!

Я безмерно удивился:

— А я при чем? Я не ваш король!.. Королевой будет Ротильда Дрогонская, уже начата подготовка к церемонии по ее официальному коронованию. Если не хотите принимать закон, что будет ее ограничивать в правах, то... вольному воля.

Я щедро улыбнулся и сел. В зале разом будто прорвало плотину, все вскочили на ноги, поднялся шум, крики, всюду перекошенные лица, в глазах страх.

Кармester, нарушая субординацию, подбежал ко мне и едва не ухватил за руку, но вовремя удержался от такой неслыханной дерзости.

— Ваше высочество!

— Ну? — спросил я с интересом.

— Это невозможно! — вскрикнул он плачущим голосом. — Она же все... уничтожит! Все законы!

— Если успеете их принять, — сообщил я, — то ничего не уничтожит, это обещаю. Я, как гарант конституции и реформ, не изволю позволить. Но если вы не придетете ни к каким решениям, то ей ничего уничтожать не придется, так как нет законов, ограничивающих ее волю! Не так ли?

Он остановился с раскрытым ртом, наконец вымолвил:

— Ваше высочество...

Я поднялся, сказал благожелательно:

— Дел у меня невпроворот, так что покину вас, законодатели вы мои мудрые. А вам советую не откладывать дело в долгий ящик и... начинать прямо сейчас. Сделайте хотя бы вчерне, а наждачком поработаете потом. Я распоряжусь, чтобы вам принесли еды и питья. Еды побольше, питья поменьше. И безалкогольного.

Церемония коронации должна была, по мнению Ротильды, затмить все предыдущие, и потому она сама выбирала костюмы, слушала музыкантов и браковала

одного за другим, пока не отыскала тех, кто достоин играть во время такого великого события.

Немало времени билась над списком гостей, получался слишком куцым, а это умаление ее достоинства, но когда пробовала расширить, в нем обязательно оказывались всякие мерзавцы и негодяи, посмевшие остаться в стороне во время переворота, а некоторые, подумать страшно, даже сотрудничали потом с этим варварам и узурпатором!

Я картинно вздыхал, кривился, дескать, что за дурак, зачем пообещал свое высокое присутствие на церемонии, Ротильда чувствовала вину, подлашивалась, но это получалось настолько неумело, что мне становилось за нее неловко.

Сэр Норберт тоже хмурился, наконец как-то, выбрав момент, когда мы одни, посмотрел по сторонам и проронил:

— Ваше высочество...

— Сэр Норберт?

Он понизил голос и сказал совсем тихо:

— А что держит вас на самом деле?

Я пожал плечами.

— Обещание. Я сдуру брякнул, что буду присутствовать на ее коронации.

— Помню, — сказал он, — это было при мне. И что, только поэтому?

Я спросил сердито:

— Разве я не человек слова?

— Даже хозяин, — ответил он серьезно, и я не сразу понял, на что намекает, — но мне почему-то показалось, будто у вас обязательно отыщется связка серьезных причин, по которым вы должны срочно отбыть по делам.

— Как видите, — сказал я, — не отыскалась.

— Может, просто не хотите ее вытащить из кармана? А то и вовсе из рукава?

Я вздохнул, посмотрел ему в лицо. Он ответил таким же прямым, честным взглядом.

— Знаете, сэр Норберт, — сказал я, — мне как-то казалось, что вы прямой и бесхитростный рубака. А еще вы — прекраснейший стратег, который точно знает, что армии нужно при наступлении и что нужно при отступлении, и вы всегда это делаете сами, не ожидая приказов сверху.

— Спасибо, ваше высочество!

— Не за что, — ответил я, — это же не комплимент. Вы прекрасный руководитель легкой конницы и всегда видите картину в общем. Может быть, вам таким и остаться?

Он поклонился и отступил на шаг.

— Как вам будет угодно, ваше высочество. Я осмелился спросить только потому, что сейчас с вами нет ни графа Альбрехта, ни Вайтхолда, с которыми вы привыкли советоваться по важнейшим делам. Вот мне и показалось...

Он направился к двери, но когда протянул пальцы к дверной ручке, я вздохнул и сказал:

— Ладно, причина есть.

Он повернулся, но всем видом выказывал, что готов уйти, чтобы не вынуждать меня раскрывать то, что я раскрывать не хочу.

— Вы в самом деле, — сказал я, — начали заменять мне Альбрехта, Вайтхолда и других близких друзей и советников. Я даже и не заметил, как это случилось. Сперва только потому, что не с кем словом перемолвиться, а потом увидел, что мозги у вас работают так же хорошо, как и руки.

Он ответил с неловкостью:

— Вы переоцениваете меня, ваше высочество.

— Это вы недооцениваете себя, — возразил я, — потому всегда в тени. И только случайности могут вас из нее вывести. Вот как эта, когда других военачальников возле меня не оказалось. Я о тех, с кем привык обсуждать свои планы.

Он повторил, глядя в пол:

— Вы переоцениваете меня, ваше высочество. Просто, находясь рядом с вами, невольно начинаешь жить этими мыслями и даже стараешься понимать причины и мотивы...

— Тогда постараитесь понять и сейчас, — сказал я.

Он с виноватым видом развел руками, но я смотрел требовательно, и он пробормотал:

— Мне кажется, у вас есть и своя цель помимо того, что пообещали королеве быть на церемонии.

— Ну-ну, — подбодрил я, — это понятно. Но какая цель?

Он сказал, запинаясь и подбирав слова:

— Думаю, это связано с Хартией. Вам нужно, чтобы в королевстве успело ее прочесть как можно больше народу.

— Ну-ну, а дальше?

Он сказал еще медленнее:

— И, наверное, чтобы успели принять... какие-то законы, которые вынуждена будет... выполнять и королева... Не так?

Я широко улыбнулся.

— Норберт, вы прекрасно умеете делать правильные выводы почти при отсутствии следов. Все верно, нам нужно будет принять Хартию в виде основного документа...

— Королева будет присутствовать? — спросил он быстро.

Я отмахнулся.

— Зачем ей забивать голову всякими законами, когда она занята намного более важными делами?

— Выбирает платье, в котором сядет на трон?..

— И серьги, — добавил я.

Он чуть улыбнулся уголками губ, но глаза оставались серьезными.

— А потом?

— После помазания, — ответил я, — ей и преподнесут Хартию.

— Она ее порвет в клочья, — сказал он.

— Пусть рвет, — ответил я равнодушно. — Хартия — закон, что вступит в действие в момент принятия. И всякий, кто осмелится ослушаться, — совершил преступление. А так как местные еще не понимают, что закон выше даже короля...

Он сказал понимающие:

— Оставите здесь армию?

— Половины хватит, — ответил я великодушно. — Думаю, это будет первый в истории случай, когда население будет радоваться присутствию проклятых оккупантов!

— Которые будут защищать их свободы от их же королевы? — спросил он. — Да, уникальный случай.

— Ротильда, — сказал я мягко, — хороший человек и заботится о своем народе. Так, как считает нужным. И ей неважно, хочет тот такую заботу или нет. Потому наша армия и побудет здесь какое-то время...

— Пока народ не научится защищать себя сам?

— Точно, дорогой друг. Точно.

Глава 14

Я вошел в ее покои, громко топая, чтобы фрейлины разбежались, но они за это время то ли как-то учゅяли своей женскойностью, что меня страшиться вообще-то не стоит, то ли поверили, что миром правит их королева

Ротильда Дрогонская, но лишь заулыбались мне на встречу.

Ротильда, видя мое недовольное и озабоченное лицо, сказала торопливо:

— Милый, я знаю-знаю, что задержала тебя!.. Но все уже закончено, коронование назначено на послезавтра в полдень. И ты сможешь наконец-то обнажить меч и устремиться навстречу новым великим подвигам!

Я протянул ей бумаги.

— Тогда, Ваше Величество, подпишите вот это... да-да, привыкайте входить и во все мелочи — такова жизнь коронованных особ.

Она воскликнула:

— Я знаю, но не сейчас же!

— А завтра будете заняты еще больше, — сказал я настойчиво.

Из-за моей спины вышел ее юный паж, на подносе массивная чернильница из серебра, золотой стаканчик для перьев, там их целый пук, а также большая королевская печать.

Ротильда, поморщившись, схватила перо, я услужливо расстелил перед нею лист, придерживая края, чтобы не скрутились обратно в трубочку.

Задержав на мгновение руку, Ротильда быстро пронесла глазами первые строки, там насчет недопущения потравы полей одного лорда другим лордом, хотя вообще нужно бы написать «скотом лорда», хотя кто заметит разницу, вон и Ротильда быстро подмахнула, я тут же подал второй, третий, четвертый...

Следующие уже не читала, ставила росчерк быстро, энергично, даже по этому жесту видно сильную и уверенную женщину, а я прижимал печатью и тут же давал следующий лист, а печать держу наготове, чтобы

шлепнуть сразу, захватывая краем растопленного сургуча хвостик подписи.

Мне кажется, ей все-таки нравится, что я вот так прислуживаю при всех, даже фрейлины начинают поглядывать на меня свысока.

Я дождался последней бумаги, собрал все в кучу, поклонился и отступил.

— Не буду мешать столь увлекательному занятию! Продолжайте с финтифлюшками..

Одна из фрейлин, самая смелая, возразила дерзко, играя глазками и поводя игристо оголенными плечами:

— У нас не финтифлюшки, а настоящие финтифлейки!

— А-а-а, — сказал я, — тогда другое дело.

За дверью ожидал Норберт, сразу шагнул навстречу, стараясь не делать это слишком заметно на глазах придворных, тут же обративших внимание на двух высших армейских лордов у двери королевы.

— Получили?

Голос у него был взволнованный. Я ухмыльнулся, кивнул.

— Да, подписала все. В том числе и Великую Хартию прав и обязанностей жителей Мезины.

Он спросил шепотом:

— Как вам удалось? Может, лекаря вызвать?

— Зачем?

— Ну, она ж там, наверное, на полу до полусмерти избитая, с вывернутыми руками, отбитыми почками...

Я сказал наставительно:

— Ротильду ни под какими пытками нельзя заставить делать то, чего не восхочет сама.

— Но...

— Она не сталкивалась с вашим сюзереном, — заверил я победно. — Это такое чудовище, скажу вам... Вот, возьмите. Передайте главам гильдий в их пере-

движную палату представителей. Пусть убедятся, что королева подписала и обязуется соблюдать закон. А если вдруг почему-то ни с того ни с сего восхочет делать что-то вопреки, то это она преступница, а не они.

Он бережно взял свернутый в трубочку лист.

— Позвольте идти? Надо торопиться.

— Да, — сказал я, — нужно, чтобы успело прочесть как можно больше народу. Главы гильдий могут не читать, им достаточно сказать, что королева поставила подпись. А вот парламентариям нужно не просто прочесть, но и выучить, чтобы в своих медвежьих углах толковать своим избирателям.

Он исчез, а через полчаса Ханкбек передал мне подписанный Ротильдой приказ о немедленном аресте ряда лордов, обвиненных ею в измене.

Пока я бегло просматривал список виновников, он стоял рядом, страдальчески кривился и наблюдал, как я читаю.

— Ну что ж, — сказал я, — почерк красивый.

Он сказал осторожно:

— И как королева, тоже очень и даже крайне красивая женщина.

— Она еще не королева, — напомнил я, — вот пройдет инаугурация, тогда уже пусть подписывает что хочет своим полным и любым пышным титулом.

— Ваше высочество?

Я посмотрел на него с удивлением.

— Ханкбек, что тут непонятного? Все приказы, которые отдает королева, не имеют отныне силы, пока их не утвердит парламент. Кроме того, в Хартии четко записано: никто не смеет арестовывать и судить кого-либо по своей прихоти, а только судом равных!..

Он ушел, вскоре в коридоре раздался приближающийся вопль. В мою комнату Ротильда влетела, как огромная летучая мышь, только что не вцепилась когтями

ми, но глаза полыхают таким восхитительным бешенством, что я сказал почти ласково:

— Знаете, Ваше Величество, я мог бы сказать, что мне наплевать на ваши женские вопли, что ничего не имеют общего с достоинством королевы или рассудительностью политика. Мог бы сказать даже, что мне насрать... да-да, я много провожу времени среди солдат и часто общаюсь на их языке, а они говорят то, что думают. Но я бесконечно добр, чему сам несказанно изумляюсь... и потому отвечу вам с той сдержанностью и вежливостью, которую вы безусловно заслуживаете как исключительно красивая женщина с восхитительно рыжими волосами и бесподобными глазами, о которых мне мои лорды все уши прожужжакали.

Бледная и злая, она даже не среагировала на комплимент, даже не спросила поименно, кто эти лорды, я видел, с каким усилием, с великим трудом взяла себя в руки и замолчала, но в лице оставалась неукротимая ярость, а зеленые глаза полыхают нерассуждающим бешенством.

— Что, — прошипела она, — ты задумал?

— Задумывать я ничего не задумывал, — сказал я холодновато, — кроме как посадить вас на трон и галопом вернуться в другие земли, где мое присутствие необходимо просто не знаю как.

— И что... изменилось?

— Да ничего, — ответил я. — После коронации сразу же и отбуду.

— Тогда... почему...

Я сказал терпеливо:

— Вам навредит это навязчивое желание казнить всех, кто поддержал Годвина. А также отнять земли и титулы у тех, кто не поддержал вас, когда Годвин захватил власть...

— Разве их предательство того не заслуживает?

Я пожал плечами.

— Есть верность человеку, в данном случае — королеве, а есть верность Отчизне. Это я так красиво и не-понятно о королевстве Мезина. На мой взгляд, их верность королевству пересилила.

Она замотала головой так, что зеленые глаза слились в восхитительно прекрасную полосу изумрудного огня, а красные волосы красиво растрепались.

— Нет!.. Они нарушили верность мне!

Я поинтересовался:

— А они приносили клятву верности именно королеве Ротильде? Или Ротильда просто продолжала править, как правила при живом короле Гергенте Великом?

Она запнулась с ответом, наконец почти прорычала в гневе:

— Ну, этот пустяк я упустила. Надо было сразу начать с коронации. Король умер, да здравствует королева!

— Могло и не пройти, — заметил я.

Она возразила дерзко:

— Почему? Я бы всех держала в кулаке! Но сейчас это неважно. Я казню изменников... ладно-ладно, только самых отъявленных, отберу у некоторых земли и крепости, предательство должно быть наказано наглядно для других, а затем буду править мудро и справедливо.

— Гм, — сказал я. — Хорошо, я тоже за то, чтобы все было мудро и справедливо. А пока, прости, мне надо отдать кое-какие распоряжения.

Я вышел из комнаты, там кроме стражи еще и двое гонцов, оба сразу вскочили и вытянулись.

— Вольно, ребята, — сказал я, — я тут как бы сбоку. Мне тут сообщили, что я должен явиться и получить инструкции... Так что пока бдите и еще раз бдите...

Один осмелился спросить в полном недоумении:

— Инструкции?.. Вы?.. Ваше высочество?..

— Точно-точно, — подтвердил я. — Причем, учите, пойду смиренно. Ибо христианин есмь!

Оба испуганно перекрестились, я сделал постное лицо и прошел по коридору до конца, а затем сбежал по лестнице в зал.

Главный церемониймейстер покачал головой и степенно шагнул навстречу.

— Ваше высочество, — пророкотал он генеральским басом, — от этих привычек вам придется отказаться...

— От каких?

— От этих, — ответил он. — И подобных. Ну там сбегать вот так несолидно по лестнице, вертеть головой, да еще по сторонам, улыбаться слишком широко, ибо надлежит всегда сдержанно и с особенным достоинством мужа королевы...

Я сказал весело:

— Дык мы ж давно пожениились, какие проблемы?

— Проблемы есть, — сообщил он. — Вы женились на изгнаннице, и ваш титул был выше, но сейчас она готовится вступить на трон как королева Мезины, законная и помазанная на царствие!.. Это тот высочайший уровень, при котором все ее окружение должно вести себя соответственно достойно, начиная от простых слуг и заканчивая ее мужем.

— Гм...

— Вот-вот, призадумайтесь. Как я и обещал, я согласился преподать вам некоторые особые правила этикета, которые существуют во всех королевских дворах...

Я сказал с интересом:

— Ой, я так люблю учиться!

— Учиться придется многому, — сказал он снисходительно.

дительно. — Законная власть восстановлена, потому все возвращается к порядку. Королевство должно жить в мире и согласии, потому я полагаю...

— Совершенно с вами согласен, — сказал я. — Хотя леди Ротильда еще не коронована...

Он возразил тем же голосом, словно вещал с обла-
ков:

— Это произойдет уже завтра, но вы здесь, понят-
но, человек весьма новый, учиться придется очень
многому, потому давайте начну вам разъяснять и ука-
зывать...

— Чрезвычайно признателен, — сказал я любез-
но. — Обожаю, когда мне разъясняют. Доступно.
А главное, указывают.

— Для начала, — проговорил он величаво, — по-
звольте показать вам вашу комнату. Нет, не ту, кото-
рую вы облюбовали, а традиционную, которую всегда
в Мезине занимали жены королей и которая теперь бу-
дет вашей...

— Не стану брыкаться, — ответил я. — Комнаты я
люблю.

Мы вошли в просторную комнату с изящной мебе-
лью в розовых тонах, с пухлыми ангелочками на стенах
и потолке, кресла тоже обтянуты розовой тканью, даже
светильники заправлены, как понимаю, розовым мас-
лом, ибо свет распространяют тоже розовый, как и
благоухание, что я бы назвал тоже розовым, хотя пока
не прибегаю к запаховому зрению.

— Мило, — сказал я, — весьма мило.

Он даже не осматривался, прямой и величавый,
пророкотал важно и значительно:

— Эту комнату обставила впервые жена короля Ца-
пера, потом кое-что из мебели заменила жена короля
Детерда...

— Тоже блондинка? — спросил я.

Он посмотрел на меня в носорожьем недоумении.

— Простите...

— Неважно, — сказал я, — продолжайте. Я к тому, что все розовое. Но все же лучше, чем голубое.

Он поморщился.

— Почему голубое? При чем тут голубое? Голубой цвет ничего не символизирует... Так вот, две жены короля Лаунда, что был следующим, ничего не успели, жизнь бедняжек была коротка, но вторая жена короля сменила всю обивку, а цвет несколько подправила на более светлый...

— Но все такой же розовый? — спросил я.

Он даже не наклонил голову.

— Разумеется! Женщины...

— А супруга короля Гергента Великого, — поинтересовался я, — что-то меняла?

Он даже не повел бровью.

— Только добавила три кресла, ваше высочество. Вон те, они в общем стиле, отличить их трудно. Думаю, вам будет здесь уютно... В другом крыле предполагали обосноваться только жены королей Гериндера Второго и Унлехта Крупного, но обе закончили на плахе...

— Да, — согласился я, — тогда здесь безопаснее. И ближе к кабинету, как я понимаю, королевы Ротильды?

Он наклонил голову.

— Да, кабинет Ее Величества Ротильды Дрогонской всего через две комнаты направо.

— Понятно, — сказал я. — А налево я сам дорогу найду.

Он чуть нахмурился, поинтересовался чуть более сухим тоном:

— Вам трех слуг будет достаточно? Это не считая

двух посыльных, что будут постоянно дежурить за дверью и личного секретаря?

Я отмахнулся.

— Я не капризный. Вполне достаточно.

— Прекрасно, — сказал он с облегчением. — А то прекрасная Ангелина затребовала себе десять слуг и двадцать фрейлин, но это не спасло ее от плахи...

Я невольно потер шею, огляделся.

— Ну, в общем, я всем доволен.

Он произнес со скрытой гордостью:

— Да, быть женой Ее Величества Ротильды... прощите, мужем королевы — это высокая честь и привилегия. А также большие возможности. Хотя, конечно, слуг вам подберет королева лично.

Я сказал понимающе:

— Исключив всех молоденьких служанок?

Он молча поклонился, не поднимая взгляда, повел дланью, приглашая следовать за ним дальше.

А дальше огромная королевская кухня, целый зал, где вдоль стен на плитах либо котлы, либо чаны, кое-где огромные сковороды, пахнет как жареным мясом, так и рыбой, специями, воздух жаркий, пропитанный самыми разными запахами.

Церемониймейстер рыкнул с порога, все мгновенно обернулись в его сторону, почти все отвесили поклоны разной степени почтительности, только один мужик, огромный и толстый, упер руки в бока и посмотрел на нас обоих недружелюбно, как петух или гусь, что не позволяет чужим заходить в свои владения.

— Это муж Ее Величества, — провозгласил церемониймейстер громогласно. — Думаю, теперь она будет... тьфу, он будет составлять меню, что готовить Ее Величеству на завтрак, на обед и ужин, а также для праздничных случаев.

Повар уставился на меня исподлобья.

— Вы будете составлять меню подробное или в общем?

Я посмотрел на него, на церемониймейстера.

— Вообще-то я жру все...

Повар посмотрел с неприязнью, а церемониймейстер сказал наставительно:

— Простите, ваше высочество, но это входит в обязанность всех жен королей — составлять меню... или хотя бы принимать участие в составлении.

Я развел руками.

— Ну, если все это делали...

Повар буркнулся:

— Только Велесия этим не интересовалась.

— Она закончила свои дни на плахе, — сурово напомнил церемониймейстер. — Так что лучше не надо.

— Не надо, — согласился и я, шея снова зачесалась, ощущив прикосновение холодной, остро заточенной стали. — Я покладистый. Меня как ни положи, вставать спешить не буду...

Из кухни прошли через залы к главному, он же тронный, где на возвышении, укрытом красным бархатом, расположены два трона, один с высокой спинкой, у другого она поменьше. Как понимаю, это для меня.

Церемониймейстер остановился, настолько царственный, что куда там даже императорам.

— На официальных приемах, — сообщил он торжественно, — вы будете сидеть рядом вот на этих одинаковых тронах, только над спинкой Ее Величества, как видите, герб королевства Мезины, а над вашим просто... какое-нибудь украшение. Вам надлежит видеть величавый, но следить за выражением лица Ее Величества...

Я переспросил по-деревенски:

— В смысле?

— Если она к кому-то милостива, — объяснил он важно, — а также благосклонно улыбается, вы тоже должны чуть улыбнуться, но не слишком, понимаете?

— Э-э... усек как бы, да.

Он терпеливо разъяснил:

— Вы должны делать все то же самое, что и Ее Величество, но в меньшей степени... Ну, как луна, что озаряет землю отраженным светом. Если Ее Величество засмеется, вы можете широко улыбнуться, но если Ее Величество всего лишь улыбнется, то вы мимикой можете изобразить подобие улыбки, но не больше.

— Какое же трудное это дело...

— А вы думали!

— Буду стараться, — пообещал я.

— Когда Ее Величество заканчивает прием, — сообщил он, — и собирается уходить, вы должны вскакивать первым... не вставать, а именно вскакивать! Можно не слишком поспешно, это умаление не только вашего достоинства, оно в данном случае неважно, но и Ее Величества, потому вам нужно будет поучиться вставать медленно, однако быстро!..

Я пробормотал:

— Ух ты, кто бы подумал...

— Усвоили? Я объясняю доступно?

— Да, — ответил я, — очень даже. Это я весьма туповатый, запоминаю плохо. Что-то с памятью моей стало, все, что было не со мной, помню...

— Хорошо, — сказал он, — пойдемте дальше. А потом повторим урок. Вы должны усвоить все до тонкостей!

Придворные дамы и фрейлины королевы поглядывают на меня с опасливым любопытством. Раз королева избрала этого красавца в консорты, то, видимо, он очень хорош, неплохо бы закрутить с таким, однако у

Ее Величества крутой нрав, можно поплатиться не только изгнанием со двора, но и головой...

Я прохаживался по дворцу с надменно-глупым видом, это в целом женщины любят умных мужчин, но умные и сильные и в мужчинах видят соперников, а Ротильда уже доказала, что далеко не овечка...

Освоив дворец, я вышел во двор и велел привести Зайчика. Младший церемониймейстер, что по указанию главного сопровождает меня всюду, сказал нравоучительно:

— Вам пока не стоит отлучаться из дворца.

— Почему?

— Рано, — ответил он таинственно.

— Почему рано?

— Вы должны сперва освоиться, — объяснил он. —

И вообще лучше предупреждать Ее Величество...

— Спрашивать разрешения? — уточнил я.

Он ответил с легкой гримасой неудовольствия:

— Если вам угодно употреблять такие слова.

— А если не спрошу? — ответил я, стараясь выглядеть серьезным и чуточку встревоженным.

Он произнес очень значительно, раздуваясь от важности:

— Ее Величество занята делами королевства, вы ей можете понадобиться в любой момент...

Я изумился:

— Зачем? Для интимной близости?

Он сразу посупровел, лицо на миг дернулось судорогой отвращения.

— Вам вообще не следует употреблять эти слова, принц!.. Ее Величество в эти дни будет особенно много принимать иностранных послов и высших лордов, что прибудут засвидетельствовать... одни — дружеские связи, другие — покорность, так что вы должны быть под рукой.

— Ага, — сказал я с удовольствием, — как приятно быть консортом, верно? Как любимая болоночка. Никаких обязанностей...

Он напомнил сурово:

— Обязанности есть, ваше высочество.

— Помимо интимных? — спросил я то, что его злит особенно. — Правда?

— Я же сказал, — произнес он раздраженно. — Присутствовать на приемах — это очень даже серьезная работа. Вы должны соответствовать, быть и выглядеть, ибо! От того, как вы выглядите, а также смотритесь, в некоторой мере это весьма тоже!. Не слишком, а в некоторой, ибо потому что!.. Как гласит древняя мудрость наших предков, а также не совсем наших, но тоже в некоторой мере достойных и приличных даже, в государственных делах королевств нет мелочей, ваше высочество.

— Правда? — спросил я наивно.

— Уверяю вас, — ответил он напыщенно. — Уж я-то знаю!.. У меня пять поколений церемониймейстеров.

— И все такие же знающие? — ахнул я. — Вот мне повезло...

Он сказал довольно, но все так же напыщенно:

— Это да, вам повезло, что с вами делится мудростью придворного этикета сам великий церемониймейстер Ее Величества королевы Мезины Ротильды Дрогонской. Не всем этикетом, конечно, весь никто не удержит в памяти...

— Кроме вас, разумеется?

— Вы угадали, ваше высочество, именно так!.. Поэтому я посвящаю вас лишь в то, как нужно себя вести принцу-консорту, ибо вы с прежнего титула простого принца поднимаетесь до принца-консорта...

Я сказал с чувством:

— Как же мне подвалило счастье! Подумать только, от простого безродного принца и сразу такой гигантский, прямо исполинский, можно сказать без преувеличения, сразу в принцы-консорты!.. Кто бы мог подумать? Прямо дух захватывает!

Глава 15

Я вызвал Армина Шварцкопфа в свои скромные розовые покой мужа великой королевы, он явился и застыл по эту сторону порога, подтянутый и с непроницаемым лицом, хотя и с приподнятыми в изумлении бровями.

— Попрощаемся здесь, — сказал я. — Ротильда на верняка устроит из моих проводов представление для народа, а мои главные наставления не для ушей даже королевы.

Он чуть-чуть поклонился, перестал коситься на розовость обстановки и дальше не сводил с меня сумрачного взгляда.

— Ваше высочество...

— Вы остаетесь здесь, — объяснил я и, видя, как дернулось недовольной гримасой его лицо, уточнил: — Не в этой спальне, я не такой уж изверг. И не навечно, разумеется.

— Ваше высочество?

— Пока не укрепится власть, — пояснил я. — Не королевская, естественно. Ротильда вообще готова править всем миром, сильная женщина!

— Мне предстоит, — спросил он, — конфликтовать?

Я развел руками.

— Сожалею, но трудную задачу взаимодействия во имя мира и прогресса перекладываю на ваши могучие... ого, какие мышцы!.. плечи, дорогой герцог.

Он покачал головой.

— А мне под силу?

— А где вам еще тренироваться? — спросил я. — Не на Скарляндии же, что и так в руинах! Как мы и договорились, сперва на чужом королевстве. Я отдам все необходимые распоряжения. Держитесь, герцог! Ротильда — крепкий орешек. Но не поддавайтесь. У вас на столе экземпляр Хартии, не позволяйте нарушать ни единого пункта. Даже если она сумеет убедить самих парламентариев в чем-то отступить...

Он проговорил медленно:

— Это ниже ее достоинства. Сильная женщина! Обычно идет напролом.

— Да, — согласился я, — но недооценивать противника — опасно. Ротильда предпочитает быть всегда и везде львицей, но при острой необходимости умеет прикрыться и лисьей шкуркой.

Он поклонился.

— Учту.

— Как только все наладится, — заверил я, — тут же заберу вас. А пока главная власть в Мезине — вы с Ханкбеком! Только не показывайте это явно. Такое не понравится даже населению, а Ротильда сумеет подогреть сепаратистские настроения, а потом придушить и самих сепаратистов...

— Ох, ваше высочество...

Я сказал виноватым голосом, но твердо:

— Признаюсь, Армин, у меня не так уж много людей, на которых мог бы опереться. Есть честные и преданные, как Митчелл или Растер, есть хитрые и умные, как Бальзак или Вайтхолл, есть мудрые, как отец Дитрих или граф Альбрехт... Много всяких и разных, но если первым, как вы понимаете, недостает мудрости, то другим — честности, а третьих нельзя снять с тех мест, где они сейчас, иначе там все рухнет! Вообще

мало таких, кто верит мне и понимает то, что я задумал! Потому я и дальше буду нагружать вас, дорогой друг, трудными и неприятными заданиями.

Он вздохнул угрюмо:

— Ох...

— А кого еще? — спросил я. — Только у вас есть опыт управления большим союзом племен!.. В каждом племени свои лидеры, свои криклиевые и заносчивые вожди, но вы как-то управлялись? С кем-то ласковым словом, кому-то давали обнюхать свой кулак, кому-то устраивали удачную женитьбу или давали выход к судоходной реке... Так действуйте и здесь. Все то же самое, только не вожди племен, а могущественные лорды. Но у вас преимущество, дорогой герцог!

Он буркнул:

— Догадываюсь.

— Вот-вот, — подтвердил я. — Когда за спиной огромная армия, то можно и прикрикнуть. Но как только здесь все наладится, а наша власть закрепится, я сразу же заберу вас отсюда, клянусь!.. В оправдание могу сказать только, что самую большую и грязную телегу ташу я!

Его лицо не изменилось, но на губах проступило некое подобие улыбки.

— Ваше высочество...

— Герцог, — ответил я.

Вообще-то я кажусь себе все больше похожим на тех дебилов, что затевают войны из-за женщин. Самая известная история, когда из-за одной такой же все греческие герои десять лет осаждали Трою, перебили всех и сожгли тот богатейший город-государство, но и сами погибли практически все, и на этой глупой войне окончательно закончились эллинские герои, и больше их никогда в Элладе не появлялось, и только Менелай

из развалин пылающей Трои выхватил Елену и увез с собой.

Я вот начал войну из-за Ротильды, а она, если судить по внешности, вряд ли уступит той Елене, но я какой-то странный дурак, нетипичный. Никакую Трою не разрушил и героев не погубил, а в результате войны получил контроль над Ламбертиней и третью Вендовера.

А тут еще и Мезина уже склонила свои гордые знамена к моим задним ногам. Осталось только Мезину и Ламбертинию взять, а эту Елену Прекрасную оставить, вот и будут последние штришки к образу современного героя и отличие от тех, что погубили те древние цивилизации.

В коридоре сразу вскочил Джон, сам себя записавший в мои телохранители.

— Ваше высочество?

— Отыхай, — сказал я. — Мне надо кое-кого навестить.

Он воскликнул:

— Места опасные! Я провожу вас до двери и постою снаружи!

— Хорошо, — буркнул я. — Только будь осторожен.

— Чего-то ждете, ваше высочество?

— Жду, — признался я.

— Нападения?

— Еще не знаю, — ответил я. — Здесь, по словам Ротильды, обитает некий Керенгель, якобы самый могучий маг.

— Во дворце?

— Вряд ли, но в Беллимине — наверняка. Ну, может быть, и за ее пределами. Многие маги не выносят людской гам и мельтешение...

Вскоре, после расспросов во дворце и городе, выехали за его пределы, в полумиле от городской стены

посреди дикой пустоши высится дикая башня из грубо- камня, но высокая и тонкая, как минарет. Пристроенная к городской стене, смотрелась бы терпимо, хоть и непривычно, но служила бы наблюдательным пунктом, а здесь...

Джон сказал пугливо:

— Колдовство сразу видно.

— Чем?

— А что ее еще не развалило, — сообщил он. — Камни хлипкие, это ж песчаник. Под собственным весом уже рассыпался бы, а эта вон сколько стоит, видно, что древняя... Будь потолще, а то как древко копья!

Бобик понесся вперед и дважды обежал башню, пока мы приблизились вплотную.

Джон соскочил первым и придержал Зайчика под уздцы, хотя арбогастр в этом не нуждается, однако знаки вежливости и почтения надо выказывать почаше, так принято.

Я покинул седло, не отрывая взгляда от двери у самого основания, что даже чуточку вросла в землю, там прочерчен широкий полукруг, когда комья отгребались в сторону.

Джон забежал вперед, дернул за ручку.

— Ваше высочество, уж простите за невежливость, но я пойду первым!

Я махнул рукой.

— Иди, добывай славу...

Дверь отворилась хоть и нехотя, зачерпывая нижним краем землю, но открылась, правда, до половины, но Джон проскользнул легко, я тоже протиснулся, а дальше ступеньки привычно повели по спирали на верх.

Джон так торопился, что спотыкался на ступеньках и трижды падал, наконец после множества поворотов,

когда одурел от головокружения и начал натыкаться на стены, я догнал, но выход наверх загородила дверь.

Он ткнулся — заперто, нет ни ручки, ни дырочки для внутреннего замка, что умеют ставить только маги. Я протянул руку и толкнул с силой, дверь послушно и без протестующего скрипа отворилась.

В достаточно просторной комнате, как только и помещается такая на вершине узкой башни, вдоль длинного стола медленно двигается громадный мужик в колдовском халате и в высокой остроконечной шляпе, что едва не задевает потолок, невероятно толстый, красномордый, с воинственно торчащими громадными усами.

В трех шагах за его спиной виден широкий проход в другую комнату, поменьше, но двери нет вовсе.

На скрип двери маг быстро вскинул голову, на нас уставились бешеные глаза, горящие злобой и ненавистью.

— Кто посмел?

Голос его прозвучал слишком тонко для таких габаритов, даже пискляво.

Джон выставил перед собой меч, загораживая меня.

— Его высочество Ричард Завоеватель, — произнес он гордо. — Склонись перед ним и трепещи!

Маг в испуге, как нам показалось, попятился, пока не уперся в стену рядом с дверным проемом. Рука его вслепую пошарила по гладким камням, там что-то скрипнуло, в широком дверном проеме начала опускаться массивная и совершенная гладкая дверь, выкованная из одного листа металла.

— Два дурака! — сказал он с отвращением и, пригнувшись, быстро шагнул на ту сторону.

Джон заорал в полном бессилии, не успеваем догнать, дверь опустится раньше, я быстро зыркнул на

пол, там пролегает ровная узкая канавка, дверь войдет туда точно, и уже никакими силами ее не поднять.

Я выдернул из ножен меч и швырнулся, быстро прокручивая в уме, с какой силой надо бросить и как именно... Сделав полный оборот, меч с глухим стуком вонзился в дверной косяк. Стальная полоса двери опустилась на него, надавила, меч чуть наклонился, но остался на месте, и дверь с недовольным скрежетом замерла.

Джон заорал счастливо, ринулся в ту сторону, упал на живот и проехал под дверью по гладкому полу. Я подошел спокойнее, взялся за край снизу, поднял с усилием, тяжелая, сволочь, шагнул на ту сторону и лишь тогда отпустил.

Дверь всей тяжестью обрушилась на помеху, меч со звоном вылетел и запрыгал по каменным плитам пола.

Я подобрал и, не вкладывая в ножны, подошел к колдуну. Тот замер у стены, Джон держит у его горла острие меча.

Эта комната совсем маленькая, небольшой стол и два стула, на столе стопка древних фолиантов, а на стенах каббалистические знаки. Всего одно окно, но большое и без решеток, потолка нет, вместо него две запыленные балки с нитями старой паутины и конический свод.

— Ну, — спросил я с интересом. — Что-то не выглядишь великим магом...

Джон медленно убрал острие меча от его кадыка, чтобы маг мог заговорить, и тот прохрипел совсем тихо:

— А вы двое...

Он умолк, я сказал с нажимом:

— Ну-ну, продолжай.

Он так неприятно улыбнулся, что мне почудилось в его ухмылке нечто нечеловеческое.

— Дурак вы, сэр Ричард, — произнес он хладнокровно.

Джон шагнул в нему, меч острием смотрел магу в грудь. Он отступил вдоль стены в сторону, я покачал головой.

— Напрасно...

Он отступил еще, затем развернулся и с неожиданной ловкостью прыгнул в окно вниз головой. На пол медленно опустились его плащ и шляпа, неспешно накрыв уродливые башмаки с непомерно высокими каблуками.

Джон бросился к окну, а я молча ругнулся от злости и разочарования.

— Сволочь, — вдруг сказал Джон.

Я подошел, тоже свесился вниз, из-за чего пришлось лечь животом, стены толстые, но внизу на брускатке никакого распластанного тела.

— Раскинул руки и улетел? — спросил я.

Он в испуге и безмерном удивлении обернулся ко мне.

— Вы знали?

— Нет, — признался я, — это я выказываю, насколько у меня мудрый задний ум. Видел же, что здесь единственное окно такое огромное! И не зарешеченное...

Он сказал виновато:

— Я тоже видел. Но подумал, раз на самом верху башни, зачем решетка? Никто не заберется.

— Он и попадает сюда, — сказал я, — когда хочет остаться незамеченным, через это же окно. Ладно, пошли отсюда.

— Но...

Я подошел к двери, с этой стороны к стене прибито большое тележное колесо, покрутил его, и стальная полоса начала подниматься.

Джон проскользнул под нею, едва сумел прописнуться ползком, слышно было, как пробежал через комнату и ринулся, грохоча сапогами, вниз по лестнице.

Я продолжал поднимать стальную завесу, когда ощутил за спиной чье-то присутствие. На одних рефлексах развернувшись и выдернув из ножен меч, я встал в боевую позицию.

Через пару мгновений в окно с шумом влетела огромная птица вроде филина, если того можно вообразить размером с откормленного кабана, я не успел расмотреть. Птица плюхнулась на пол, и сразу же вместо нее поднялся человек.

Высокий, с непривычно коротко обрезанными волосами, чуть рыжеватыми, но уже покрытыми серебром, лицо худое и чисто выбритое, даже выскобленное, глаза мне показались полными сухой грусти, как у человека, повидавшего много, но так и не сумевшего изменить в жизни ничего к лучшему.

Он быстро взглянул на меч в моих руках, лицо напряглось.

— Судя по скрытому свечению по краю лезвия, — произнес он ровным голосом, — это что-то очень... не простое?

— Даже очень, — ответил я. — Укрепленное святой водой и молитвами. Магия... не пройдет.

— Понятно, — сказал он, — но... почему такое недружелюбие? Вы у меня дома. Это я должен был вас встречать... вот так.

— Нас уже встретили, — объяснил я. — Именно так.

Он оглянулся, проследив за моим взглядом, за его спиной под окном горбится сброшенный халат с накладными плечами, роскошная шляпа и выглядывает длинющий каблук одного из башмаков, а рядом лежат те самые огромные и такие воинственные усы.

— Это был Инарп, — произнес он с неприязнью.

— Я его должен знать? — сказал я.

— Однажды, — ответил он с той же неприязнью, — он набился мне в ученики. Но как маг это полное ничтожество, слишком велики амбиции и... желание получить все сразу.

Я опустил меч.

— На него похоже. Значит, вы и есть Керенгель?

Он кивнул.

— Да. А вы, как я понял, Ричард Завоеватель.

— Он самый, — согласился я. — А теперь, будучи ответственным за эти земли, я вникаю в местные дела. В частности, хочу понять, как поступить с вами.

Он с видимым облегчением проводил взглядом острие меча, что смотрит теперь в пол.

— А почему бы не оставить меня в покое?

— Не могу, — признался я. — На престоле будет леди Ротильда, а я сам был свидетелем, как ее настигли Псы Ночи. Посланные вами, если вы не станете отрицать.

— Не стану, — ответил он. — Это было по просьбе лорда Голдуина. Хотя я не его сторонник, вообще предпочитаю держаться в стороне от борьбы за власть, но его воцарение на троне мне казалось... лучшим из того, что было.

— Возможно, — согласился я, — но вы понимаете, что ваши Псы Ночи могли убить Ротильду?

Он кивнул.

— Что делать, если все его отряды, которые он послал на поиски, возвращались ни с чем?.. Пришлось прибегнуть к этой мере, хотя я был не в восторге от такой идеи. Посыпать чудовищ по следу женщины, к тому же красивой...

— И с рыжими волосами, — сказал я.

— А зеленые глаза? — подхватил он. — Сами по себе

рыжие волосы просто красиво, как могут указывать и на присутствие колдовских сил, но вместе с зелеными глазами... это точно ведьма!

— А Ротильда в самом деле...

Он вздохнул, покачал головой.

— Нет. Она спящая. Ей давалось все в жизни легко, потому так и не пришлось пробудиться ее древней магии.

— Слишком глубоко упрятана?

Он взглянул на меня со скрытой насмешкой.

— В каждом из нас столько всего упрятано, но пробудиться обычно не удается. К счастью. Лишь у некоторых получается, да и то при редчайшем стечении обстоятельств или на волоске от гибели. Потому мне особенно трудно было посыпать за Ротильдой Псов Ночи...

— Они растерзали бы ее?

Он заколебался с ответом, но я смотрел в упор, и он нехотя пожал плечами.

— Могли бы. Вообще-то я снабдил погоню талисманом, тот остановил бы Псов... но, если честно, я не очень ему доверял. Сэру Табарду, а не талисману.

Глава 16

Я вспомнил этого сурового военачальника с жестоким лицом и узко посаженными глазами, насторожился.

— Почему?

Он чуть помедлил с ответом.

— Ну-у... он мог остановить Псов, а мог и не остановить.

— Государственный?

Он взглянул исподлобья.

— Вы, ваше высочество... очень точно подбираете

слова. И смотрите сразу в корень. Другой бы предположил что-то личное, вроде отвергнутой любви, обиды за малый титул...

— Значит, — прервал я, — граф Табард полагал, что проще Ротильду убить при попытке к бегству? А еще лучше за сопротивление при аресте?

— В целом... так.

— А вы?

Он криво усмехнулся.

— Если опять же честно, я мыслю тоже так, как и он, разве что не смог бы убить красивую женщину. Да еще с роскошными рыжими волосами. У меня всегда была слабость насчет рыжести... Другое дело, что я мог бы не спасать ее, когда другие... гм...

Я поморщился.

— Намекаете, что я дурак?

Он сказал спешно:

— Нет-нет, ваше высочество, вы же не знали ее!.. Вы просто бросились на помощь красивой женщине, за которой гонятся озверелые мужчины, наверняка распаленные похотью, просто звери... Все в такой ситуации дураки, ибо как не помочь, если вы благородный рыцарь? Я не рыцарь, слава Темным Силам, но и я бы тоже...

Я сказал зло:

— Что-то в этом есть неверное, когда и светлые, и темные, и полиция, и преступники, и колдуны наравне с монахами бросаются помогать женщинам!

— Намекаете, что женщины используют самую совершенную магию?

— Есть такая мысль, — признался я. — Слишком уж мы все уязвимы, и совершенно нет никакой защиты. Ни один амулет не помогает. Это наводит на мысль, да... Значит, сейчас вы начнете против нее вести активную деятельность?

Он изумился.

— С чего бы?

— Идет подготовка к коронации, — напомнил я. — Сейчас на троне пока что леди Ротильда нелегитимно, но после коронации будет объявлена королевой Мезины!

Он сдержанно улыбнулся.

— Я не так уж и много о вас слышал, но достаточно, ваше высочество. Вы позволите ей проявить свой талант в полной мере на поприще разработки рудников в Данеладе, постройки новых плавилен, разведения скота в землях Укотинска и расширения полей в краю Зеленого Ряста, а также торговли зерном с Бурнандами и Трангептом, что издавна закупают нашу пшеницу...

— Можно продавать и в Армландию, — сказал я. — Все-таки она соседствует с Мезиной с востока. В Армландии уйма залежей железа и прочих руд, самая лучшая овечья шерсть, кожи, строевой лес, но все производство по-прежнему в Турнедо. Часть можно перенести в Мезину, это скрепит эти дружественные земли крепче любых династических браков.

Он смотрел на меня с любопытством, слушал внимательно, вдруг спросил:

— Похоже, ваше высочество, вы передумали меня убивать?

Я поморщился.

— Вы прекрасно знали, что я не шел сюда с этой целью. Не всегда даже тот, с кем дерешься не на жизнь, а на смерть, бывает настоящим противником.

Он наклонил голову.

— Мудрая мысль.

— Мне вообще кажется, — сказал я с горечью, — что всю жизнь деремся не с теми, с кем нужно, как и женимся не на своих женщинах.

— Ваше высочество?

— Женимся на предназначенных, — уточнил я, — Господом другим мужчинам. Но мы, ослепленные, берем замуж и даже всю жизнь проводим с ними, не подозревая, а только иногда смутно чувствуя, что это не наши половинки. Так что уж говорить про врагов, которых не можем отличить от союзников?

Он пробормотал смущенно:

— Я никогда так далеко не заглядывал. Наверное, у вас больше времени для... гм... размышлений.

— Понял, — сказал я, — ваш намек. Увы, я не размышлятель. Некогда. Так и сейчас вот, хоть и любопытно с вами общаться, но надо ломать, строить, создавать и бдить. Прощаюсь с вами и... держитесь смиренно, когда сюда придет церковь.

Он взглянул с удивлением.

— Она и не уходила.

— Здесь она обеззубела, — напомнил я. — А в других землях проходит... линьку. И, сбрасывая старую шкурку, выходит молодой и непримиримой. Так что может и на костер особо упорствующих.

— Особо упорствующие, — поинтересовался он, — это кто?

— Все, — ответил я, — кто утверждает, что магия дает больше, чем наука...

Он прервал:

— А разве не дает?

— Одному человеку, — сказал я, — а наука тащит все человечество. Потому магия — вредна. Она уводит в сторону, заставляет искать легкие пути только для себя. И я целиком за то, чтобы всех, кто так делает, сожгли на кострах! Во имя гуманности, прогресса, человечности и базовых либеральных ценностей.

Я повернулся уходить, когда он вдруг сказал:

— Ваше высочество!.. Но вы просто умыли руки. Как Понтий Пилат.

Я обернулся, изумленный и шокированный.

— Вы о чем?

Он медленно покачал головой, глядя мне в лицо.

— Вы оставляете меня... лицом к лицу с Ротильдой.

Она никогда не простит мне, что я посыпал по ее следу Псов Ночи.

Я сказал недовольно:

— Разве вы не слушали, что я сказал? Да вы и сами определили, что у королевы не будет всей полноты власти.

— А полнота и не потребуется, — ответил он, — чтобы убить одного человека.

Я остановился, но он больше ничего не добавил, просто смотрел на меня спокойно и чуточку устало.

— Но что я должен, — спросил я сердито, — сделать, по-вашему?

Он развел руками.

— Ну, к примеру... Меня можно взять на службу.

— В качестве кого? — спросил я. — В моем королевстве магия запрещена.

— Совсем?

— Совсем, — отрезал я. — Ну не сразу, понятно. А постепенно!..

Он ухмыльнулся.

— И как долго продлится эта постепенность?..

— Думаю за пару сот лет управиться, — пообещал я.

Он подумал, кивнул.

— Вообще-то я за пару сот лет либо добьюсь, либо в самом деле откажусь от магии. Так что я все-таки пошел бы к вам на службу. Почему? Да как и все: хочу служить самому сильному и удачливому. У него всегда и добычи больше, и славы, и титулов... Хотя, конечно, ничто из этого меня не интересует. Вы не можете держать при себе мага?

Я пожал плечами.

— Вообще-то у меня десятки магов, если не сотни. Самого разного калибра. Только все они именуются алхимиками, и большинство в самом деле занимаются гораздо более интересным и перспективным делом, чем магия... Интересует?

Он воскликнул:

— Еще бы!

— А меня интересует, — сказал я, — как вы превращаетесь в птицу. Подозреваю, что развиваете большую скорость, чем я, когда в личине птеродактиля...

Он переспросил настороженно:

— Птеродактиля?.. Это что?

— Нечто вроде летучей мыши, — ответил я, — но только эта такая большая ящерица с крыльями. Далекий предок птиц. Я могу только в нее или в дракона...

Он покачал головой.

— Даже не слышал... Видимо, у вас что-то другое. Иной принцип. Все маги, которые могут превращаться, либо в оборотней, либо в птиц. О таких существах, как вы говорите, я даже не слышал.

— Что можете еще? — спросил я требовательно. — Я беру человека на службу только в случае, если он будет полезен. Превращаться в птицу... этого недостаточно.

Он вздохнул, развел руками.

— Ну, помимо Псов Ночи, которых могу вызывать раз в год, могу сколько угодно вызывать демонов. Пусть не самых могучих, но другие и этого не умеют.

Я спросил заинтересованно:

— Как?

— Самым новейшим методом, — сообщил он с некоторой гордостью. — Я сам его открыл! Или создал, неважно. Нужно очень точно нарисовать на полу пятиконечную звезду в идеальном круге, по углам расположить свечи, затем произнести заклинание, я тоже сам

его вычислил... двенадцать лет на это убил!.. И демон появится. Конечно, если соблюдены все пропорции, а звезда нарисована абсолютно правильно, без кривых линий...

— Любопытно, — пробормотал я, — хотя я подобный ритуал уже видел... Правда, там не демона вызывали... гм...

— Правда? — спросил он заинтересованно.

Я сказал медленно:

— Покажите, как вы это делаете. Если демона вызвать сможете, то, пожалуй, вам моя защита обеспечена. И полное покровительство.

Он начал рисовать, по уверенным движениям чувствуется, что проделывал это уже много раз, сперва вткнул в середину пола колышек с суконной нитью примерно в ярд длиной и, придерживая его кончиками пальцев, начал чертить круг, держа в другой руке натянутую нить и кусок мела.

Круг получился в самом деле идеальный, а чтобы начертить саму звезду, он использовал прямые тщательно обструганные палки и треугольники из склеенных дощечек, тоже любовно выструганные, а то и покрытые лаком.

— Как маг, — пробормотал я, — еще не знаю, а вот как инженер... уже хорошо. Знаете геометрию, умеете пользоваться подручными средствами...

Он поднял голову.

— Ваше высочество?

— Как насчет свежей крови? — поинтересовался я. — Убиенных младенцев? Я слышал, нужно ею.

Продолжая ползать по полу, он покачал головой.

— Враки.

— А зачем?

Он провел четкую линию и ответил, с заметным удовольствием от результатов:

— Наверное, чтобы затруднить другим? Чтоб не лезли? И не опередили?.. Не знаю, только предполагаю.

— Осторожный ответ, — сказал я, — думаю, правильный. Конкурентов нужно отпугивать, а то вдруг да перехватят что-то лакомое... А почему мелом, а не чем-то красным?

Он поднял голову, на мгновение задержал руку с белым кусочком в воздухе.

— Ваше высочество, сказать по правде, я до сих пор не знаю... чем лучше. Я малевал красной краской, синей, зеленою — всякий раз появляется один и тот же демон.

— Может, скорость важна?

— С той же скоростью!

— Молодец, — одобрил я, — экспериментируешь. Другой бы остановился на том, на чем получилось в первый раз. Значит, мелом получается тоже?

Он закончил рисовать, поднялся, отряхнул пальцы от белой пыли. Лицо его показалось мне смущенным и несколько пристыженным.

— Все, — сказал он, — можно вызывать, если ваше высочество изволит...

— Изволю, — сказал я твердо. — Но только ты что-то недоговариваешь.

Он посмотрел виновато.

— Вы правы, ваше высочество. Я ни в одном слове не соврал, но именно недоговорил... Демона я вызову, но...

— Ну-ну?

— Только вызову, — сказал он упавшим голосом. — Я еще не нашел способ, как заставлять эту сволочь выполнять мои приказания. А он постоит-постоит, а потом исчезает.

— Гм, — сказал я, — что-то знакомое... Ладно, да-

вай вызывай. Что-то мне стало любопытно посмотреть на твоего демона.

Он взял со стола и раскрыл толстую книгу, прочел сперва дважды про себя, затем начал вслуш, не отводя взгляда от страницы. Я слушал внимательно, с моей памятью книга не понадобится, а этот дважды сбылся даже по книге и оба раза начинал сначала все торопли-
вее и виноватым голосом.

С четвертой попытки звезда резко и зловеще вспых-
нула красным, линии налились багровым. Я задержал дыхание, различив там крохотные каналы, где бегут едва видные реки расплавленной магмы.

Донесся запах горелой земли и серы. Из звезды начал подниматься красный туман, похожий на замед-
ленный дождь из мельчайших капель крови, что идет снизу вверх.

Когда он стал настолько густым, что я не видел про-
тивоположную стену, внутри начало образовываться нечто пугающе огромное и страшноватое.

Меня поежило и передернуло моими плечами, хотя сам я старался держаться, как и надлежит рыцарю и лорду. По коже пробежал мороз, а сердце затрепыха-
лось чаще и тревожнее.

Фигура простила в тумане поплотнее моего крас-
ного демона, но такая же угловато-мышастая, затем туман исчез, демон остался, неподвижный и тупо уста-
вившийся в пол.

— Вот и все, — сказал Керенгель. — Увы..

Я вздохнул.

— Жаль... Эй ты, как твое имя?

Демон шелохнулся, я услышал потрясенный вздох мага, повернулся в нашу сторону и поднял голову. Глазницы узкие, как поперечные бойницы для стрель-
бы из арбалета, в них полыхает адский огонь, замет-
ный даже на жуткой красной морде.

Ноздри дважды расширились и схлопнулись, ловя и распознавая запахи, затем он, к моему изумлению, а про мага и говорить нечего, преклонил колено и проревел густым голосом:

— Слушаю и повинуюсь, господин.

Я собрался с духом, сердце колотится так, что вот-вот выскочит и, прыгая по полу, забьется в страхе в какую-нибудь норку, однако я сжал его в кулаке лорда и повторил вопрос:

— Так как твое имя?

Демон произнес длинную фразу из набора щелкающих и шипящих звуков, которые я все-таки сумел бы воспроизвести, но между ними оставались провалы, как догадываюсь, на частотах за пределами не только человеческого уха, но и моего.

— Верно, — признал я, — это не выговоришь. Можешь встать. Так что ты можешь?

Демон послушно встал, уставился на меня жуткими глазищами и молчал так долго, что я собирался повторить вопрос, как вдруг он ответил ровным голосом:

— Почти ничего из того, что мой господин не может делать и сам. Только почему-то не делает.

Керенгель снова охнул и даже прислонился к стене, чтобы не упасть, а я пробормотал:

— Мало ли что человек умеет... Все мы живем даже не впол силы, а в сотую своих возможностей. А как их раскрыть?

Он снова смотрел на меня долгим взглядом, я чувствовал, что сейчас и я начну переминаться с ноги на ногу, нервничая, наконец он произнес тем же гулким голосом:

— Как мой господин и раскрывает.

— Медленно и постепенно? — спросил я.

— Этого недостаточно, — ответил он. — Вы называете это... рвать жилы. Прыгать выше головы.

— Гм, — сказал я, — король обычно заставляет прыгать других.

Он промолчал, а я понял, что раз вопроса нет, то он не среагирует, не для светских бесед существо, чисто конкретное: вопрос — ответ, а если вопросов нет, то пошел нафиг, а я взад, в свой милый ад...

— Хорошо, — сказал я, — возвращайся пока к себе, нам пока с тобой некогда, а когда моему высочеству вожжа под хвост попадет и соизволится пообщаться, то вызовем и побеседуем конкретнее.

Голос мой звучал категорично, демон поклонился, обхватил себя лапами и сжался в ком. Из звезды пошел красный пар, но демон исчез раньше, чем туман скрыл его полностью.

Керенгель с трудом отклеился от стены, глаза вылезают из орбит, а голос дрожит и раскачивается, как белье на веревке под сильным ветром:

— Ваше высочество... Ваше высочество!

— Что? — спросил я. — Демон как демон. Ничего особенного. Правда, метод более интересен, чем выцарапывать имена на кольцах наугад и призывать.

Он прошептал:

— Есть и такой?

— Конечно, — сообщил я. — Проблему обычно атакуют с разных сторон. И решений бывает несколько. Пользуются всеми, но постепенно все переходят на самую лучшую. Я даже не знаю пока, что лучше. С помощью кольца можно вызывать только одного определенного демона, чье имя удалось узнать, зато легко и сразу. А здесь, как я понял, можешь ловить разных?

— Да, — ответил он поспешно, — просто мне пока попадается один и тот же. Или у него тоже есть некая цель.

Я буркнул:

— Может быть, ему нравится попадаться. Ладно, мне надо идти.

Он сказал умоляюще:

— Господин, я очень хочу служить вам!.. И не потому, что меня страшит гнев Ротильды. Я хочу служить потому, что...

Я прервал:

— Не продолжай. Мне все рыцари потому же служат. Хорошо, ты у меня на службе.

Он поклонился, а я повернулся и заспешил вниз. Возможностей, как сказал демон, во мне о-го-го. Но только, похоже, церкви их лучше не показывать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	58
Глава 7	65
Глава 8	75
Глава 9	81
Глава 10	90
Глава 11	97
Глава 12	103
Глава 13	113
Глава 14	122
Глава 15	128

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	137
Глава 2	150
Глава 3	158
Глава 4	168
Глава 5	176
Глава 6	186
Глава 7	194
Глава 8	204
Глава 9	212
Глава 10	221
Глава 11	231
Глава 12	237

Глава 13	244
Глава 14	252
Глава 15	259

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	266
Глава 2	274
Глава 3	284
Глава 4	294
Глава 5	302
Глава 6	310
Глава 7	315
Глава 8	324
Глава 9	332
Глава 10	341
Глава 11	351
Глава 12	357
Глава 13	368
Глава 14	378
Глава 15	392
Глава 16	402

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

**Гай Юлий Орловский
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ – ПРИНЦ**

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *Д. Горобец*

В оформлении обложки использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Подписано в печать 17.07.2012.

Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 37 000 экз.) Заказ № 9287

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaoompk.ru, www.oaoompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-58088-0

9 785699 580880 >

ISBN 978-5-699-58088-0

9 785699 580880 >

